II-10.
Б-145.

РЕПЕРТУАРЪ
И
ПАНТЕОНЪ.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

В. МЕЖЕВИЧЕМЪ и И. ПЕСОЦКИМЪ.

Х9152. Том 4

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1845.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

ГОСУДАРСТВ... АДЕМ...
Ленинград... Театраль...
БИБЛИОТЕ...
имени А. В. ЛУ...
ТЕАТР... ГРАМЫ

С. ПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи Карла Крайя.
1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 30 Декабря 1844 года.

Цензоръ *Мехелинъ*.

РЕПЕРТУАРЪ и ПАНТЕОНЪ.

1845.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

(16½ листа.)

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стр.
I.	Сенъ-Дени. Стихотвореніе *А. Н. Майкова*	385
II.	Фаустъ Гёте и его русскіе переводчики. *Статья первая.*	387
III.	Разстались мы.... Стихотвореніе *А. А. Григорьева (I. 4.)*	440
IV.	Матеріалы для исторіи русскаго театра. Михайло Матвѣевичъ Херасковъ, какъ драматическій писатель. Статья *М. Н. Макарова*	441
V.	А. И. З — ой. Стихотвореніе *В. И. Золотницкаго*	454
VI.	Философія и исторія музыки. Семейство Баховъ. Статья *С. К.*	455
VII.	6-е декабря. Стихотвореніе *В. Нескромнаго*	478
VIII.	Женихъ, чемоданъ и невѣста. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе *П. И. Григорьева I-го*	479
IX.	Сто-тысячь или бѣда имѣть отъ мужа тайны. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. *П. С. Ѳедорова*	517
X.	Любовь и приличіе. Повѣсть XIX вѣка. Сочиненіе *Виктора Нескромнаго*	551
XI.	Тайны провинціальныхъ театровъ. Статья *П. А. Коровкина.*	607
XII.	Юмористика. Замѣтки петербургскаго зѣваки. § III. О томъ, какъ у насъ слушаютъ итальянскую оперу	619
XIII.	Смѣсь. Камелія. Разсказъ. — Откуда Шекспиръ заимствовалъ сюжетъ Гамлета. — Нѣчто о романсѣ. — Письмо Фетиса старшаго о русскихъ композиторахъ. — Парижскіе театры въ 1844-мъ году. — Берлинскіе театры въ 1844-мъ году. — Анекдоты и мелочи	630

Къ этой книжкѣ «Репертуара и Пантеона» художественнаго приложенія нѣтъ, а при слѣдующей Г-да подписчики получатъ ихъ два.

СЕНЪ-ДЕНИ.

—

О, нѣтъ, мнѣ не забыть готическаго склепа,
Гдѣ вы покоитесь въ порфирѣ и вѣнцѣ,
Съ руками, на груди скрещенными, въ лицѣ
Съ застывшей мыслію, недвижные, нѣмые
Во мракѣ мраморы, вы, лики гробовые
Почившихъ цезарей.... Тамъ набожный тиранъ,
Свирѣпый Людовикъ, тамъ мудрый Карломанъ,
И варваръ царственный, что̀ Богочеловѣка
Постигнулъ въ дикости, и гордый идолъ вѣка,
Версальскій полубогъ.... державная семья,
Соединенная за прагомъ бытія
Тамъ небомъ пламеннымъ, здѣсь сводомъ подземелья....
Вотъ, звуки чудные проникли въ ваши кельи:
Божественный органъ звучитъ, и вторитъ храмъ
Священнымъ трепетомъ безвѣстнымъ голосамъ....
Покойтесь — этотъ звукъ не тру́бы пробужденья,
А человѣческій, безъ дара воскрешенья....

Еще не колебалъ безмолвные гробы
Всеизиждущій глаголъ архангельской трубы,
Но ихъ ужъ расторгалъ глаголъ суда людскаго...
У мертвыхъ требовать отчета роковаго
Народъ, какъ шумный валъ морей, сюда проникъ,

Кто-жъ правъ, кто виноватъ?... Подъ цѣпью угнѣтенья,
Не эти-ли мужи тебя въ поту чела,
Уча, какъ школьника, хранили ото зла,
Искусства развили и сѣяли науки?...
Созрѣло сѣмя. Часъ насталъ. Ты взросъ — и руки
Простеръ къ свободѣ: «Прочь! не насъ уже учить!
Своей указкою довольно насъ водить!
Мы сильны, мы взросли, и нянекъ намъ не надо!»
И кости королей изъяты изъ ограды,
Въ поляхъ разбросаны, при кликахъ торжества,
И съ плахи короля катится голова,
И чернь безумная, кичася наглымъ правомъ,
Свирѣпо пьянствуетъ на помостѣ крованомъ.....

А. МАЙКОВЪ.

ФАУСТЪ ГЁТЕ

И ЕГО РУССКІЕ ПЕРЕВОДЧИКИ.

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.)

Въ словесности, какъ и въ исторіи, есть люди, передъ которыми невольно склоняются самые ожесточенные враги просвѣщенія и величія, есть имена, Пкоторыя роизносятъ съ уваженіемъ лица, ничего неуважающія. Что-же заставляетъ этихъ Геростратовъ мысли и факта сознаваться въ превосходствѣ надъ ними другихъ избранниковъ судьбы и Провидѣнія? Не огромность таланта ихъ, не заслуги, оказанныя ими человѣчеству, не чудная жизнь ихъ, полная трудовъ и горя, славы и гоненія, борьбы и торжества, — но странная, нечеловѣческая сила воли, руководившая всѣми ихъ поступками, создавшая всѣ ихъ произведенія, но рѣзкая печать чего-то фаталистическаго, неизбѣжнаго, лежащая на каждомъ изъ ихъ созданій, отмѣченныхъ чьимъ-то нездѣшнимъ перстомъ. Есть вкусы, которыхъ можно не раз-

дѣлять, есть извѣстности, которыя можно опровергать, но въ то-же время есть славы, непризнаніе которыхъ влечетъ за собою всеобщее осмѣяніе и нареканіе. Даже тѣ, которые знаютъ только одно имя великаго человѣка, не осмѣливаются сомнѣваться въ его геніи. — Роды литературы различны; всякой по своему понимаетъ достоинства и недостатки произведенія, но есть красоты общечеловѣчныя, безусловныя, основанныя на вѣчныхъ, коренныхъ законахъ природы и искусства, которые должны быть равно признаны всѣми вѣками и народами. Это иначе и быть не можетъ. Безъ твердыхъ законовъ прекраснаго не было-бы и критики, не было-бы искусства и поэзіи. Къ числу подобныхъ баловней судьбы и человѣчества принадлежитъ и Гёте, имя котораго еще при жизни его приняло какое-то миѳическое, загадочное значеніе. Слишкомъ полъ-столѣтія занималъ этотъ колоссальный образъ почти всю мыслящую Европу своими идеями и произведеніями, возбуждая всеобщее удивленіе и почтеніе. Каждое слово его раздавалось во всѣхъ концахъ образованнаго міра, каждую строку его читали съ благоговѣніемъ фанатическіе поклонники его генія. Любопытное и до-сихъ-поръ еще не вполнѣ разгаданное явленіе представляетъ этотъ суровый Германецъ съ его строгимъ взглядомъ на жизнь и эксцентрическою дѣятельностью ума. Пройдетъ еще нѣсколько десятилѣтій, и Гёте для многихъ сдѣлается совершеннымъ миѳомъ. И теперь, почти надъ гробомъ его, многіе судятъ ложно о направленіи и сущности его произведеній. Мы не говоримъ о сумасшедшемъ Менцелѣ, который доказывалъ, что Гёте принесъ словесности болѣе вреда, чѣмъ пользы; но многіе-ли и теперь вполнѣ понимаютъ его? Сколько есть людей, которые, кромѣ разногласія въ достоинствѣ его произведеній, обвиняютъ Гёте въ холодномъ скептическомъ эгоизмѣ, нисколько не постигая, что этотъ-то эгоизмъ и былъ главною причиною его высокихъ созданій и универсальности познаній. Обвиненія эти дѣлаютъ бо́льшею частью люди *читавшіе*, но не *изучавшіе* Гёте. Какъ-будто холодность и эгоизмъ могутъ помѣшать созданію чего-нибудь геніальнаго! Скажемъ болѣе — безъ нихъ даже трудно создать его. Для науки, однимъ взглядомъ обнимающей разнообразныя проявленія силъ природы, необходимо безстрастіе. Съ пылкою привязанностью къ одному предмету, мы будемъ по-неволѣ несправедливы къ другимъ, а наука должна быть безпристрастна. Все истинное вѣчно, все вѣчное неподвижно. Квіетизмъ первое условіе божества. Тотъ, кто хочетъ все *понять*, долженъ не увлекаться движеніями

сердца. Чувство плохой руководитель въ изысканіяхъ ума. Намъ кажется чудовищнымъ, невозможнымъ такое отчужденіе отъ человѣческихъ требованій и нуждъ, потому-что мы сами не въ состояніи отъ нихъ отказаться, — но истинное величіе и состоитъ именно въ этомъ отчужденіи. Въ эгоизмѣ Гёте было что-то юпитеровское, грандіозное. Чтобы такимъ-образомъ отказаться отъ всѣхъ впечатлѣній внѣшняго міра, сосредоточить все внутри себя — надо имѣть исполинскую силу характера. Вообще молодые люди, занимающіеся нѣмецкою литературою, предпочитаютъ холодному Гёте — рыцаря XVIII столѣтія, мистика-филантропа-Шиллера, язычника въ отношеніи къ искусству, піэтиста въ отношеніи къ религіознымъ вѣрованіямъ. Это такъ и быть должно. Шиллеръ — поэтъ юности, Гёте — зрѣлыхъ идей. Но чѣмъ болѣе изучаешь этого поэта и натуралиста, придворнаго и ученаго, историка и нувеллиста, министра и директора театра, этого страннаго человѣка, холодно отвергавшаго бѣдную Фредерику, спокойно выслушивавшаго извѣстіе о кончинѣ своего сына, своего друга и благодѣтеля, Принца Карла Августа, и нехотѣвшаго идти за гробомъ Виланда, изъ опасенія простудиться; — чѣмъ болѣе узнаешь его, тѣмъ болѣе ему удивляешься и понимаешь его. Всѣ наши житейскія страсти и обязанности весьма-мелочны и очень-часто мѣшаютъ посвятить цѣлую жизнь высокой цѣли изученія. Тотъ, кто можетъ не обращать на нихъ вниманія, подавить требованія ихъ въ своемъ сердцѣ — будетъ истинно великъ. Конечно, остальные люди, которые роются въ сору ихъ мелкихъ ощущеній и копеечныхъ радостей, называютъ такого человѣка эгоистомъ, безчувственнымъ камнемъ, но на этомъ камнѣ созидается высокій храмъ науки. Можно и изъ этого камня извлечь искру, но для того нуженъ сильный ударъ желѣза. Не пошевельнется онъ, если его будутъ колоть булавками: уничтожитъ его одно всегубящее время, тогда-какъ ихъ паутинное бытіе прорветъ полетъ незримой инфузоріи.

Мы нарочно распространились объ эгоизмѣ генія, потому-что съ перваго взгляда мысль эта, противорѣчащая обыкновеннымъ мнѣніямъ о сочувствіи автора къ его произведенію, покажется парадоксальною. Предметомъ статьи нашей будетъ впрочемъ не разборъ литературнаго и ученаго значенія Гёте, а обзоръ одного изъ главнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ его произведеній — *Фауста*, и критическая оцѣнка вышедшаго въ концѣ прошлаго года русскаго перевода первой части *Фауста*, сдѣланнаго г-мъ Вронченко, въ сравненіи съ бывшими уже переводами, полнымъ

г-на *Губера*, и отрывочными другихъ писателей. Появленіе этой книги было пріятнымъ явленіемъ въ настоящую эпоху застоя русской литературы; но въ какомъ отношеніи и до какой степени замѣчателенъ новый переводъ, — мы постараемся разобрать это со всею подробностью и стараніемъ, необходимыми въ подобномъ дѣлѣ. Фаустъ заслуживаетъ того, чтобы имъ занялись исключительно. — Для этого необходимо разсмотрѣть нѣсколько поподробнѣе содержаніе поэмы, и въ особенности идею, которую Гёте хотѣлъ выразить въ своемъ исполинскомъ созданіи.

Непостоянна природа человѣка. Съ каждымъ годомъ мѣняются наши мысли и чувства. Какъ часто смѣемся мы надъ тѣмъ, чему нѣкогда поклонялись съ благоговѣніемъ! Увѣряетъ въ вѣчныхъ, постоянныхъ чувствахъ и мысляхъ существо, рѣдко переживающее и полъ-столѣтія!... Самое грустное — въ нашихъ убѣжденіяхъ — то, что они распадутся, со-временемъ, на обломки; самое ужасное въ нашихъ земныхъ несчастіяхъ то, что мы непремѣнно въ нихъ утѣшимся. Въ литературѣ еще менѣе, чѣмъ въ жизни, постоянныхъ идей и твердыхъ убѣжденій. Рѣдкій писатель при концѣ своего поприща не сожалѣетъ о произведеніяхъ своей молодости. По этому-то судить о достоинствѣ, мнѣніяхъ и характерѣ писателя по одному какому-нибудь произведенію, такъ-же странно, какъ по одному слову, сказанному человѣкомъ, выводить заключеніе о его характерѣ. Кто въ жизни не противорѣчилъ самому-себѣ, кто не говорилъ когда-нибудь того, чего онъ вовсе не чувствовалъ? О человѣкѣ не судятъ по одной мысли, высказанной имъ въ извѣстное время и при извѣстныхъ условіяхъ: зачѣмъ-же о писателѣ судятъ часто по той-же самой мысли, только увѣковѣченной типеніемъ? Чтобы понять всю жизнь художника, надобно изучить всѣ его произведенія, проникнуть въ тайны души его, скрытыя часто аллегоріями — изъ опасенія или нежеланія высказаться, — вырвать изъ сердца его завѣтныя, недосказанныя тайны. Въ этомъ-то и состоитъ долгъ и обязанность комментаторовъ. Они должны только высказывать и дополнять неясныя мысли писателя, а не объяснять его по своему разумѣнію, мѣрить микроскопическимъ аршиномъ исполинскія созданія генія. Этого-то и не поняла бо́льшая часть комментаторовъ Гёте. Почти всякой смотрѣлъ на него сквозь близорукія очки своихъ собственныхъ понятій. Другіе поступали еще хуже, стараясь въ намекахъ Гёте найдти доказательство ихъ собственныхъ теорій и жалкихъ гипотезъ. Они еще болѣе затмили и безъ того не совсѣмъ ясную поэму Фау-

ста. А между-тѣмъ Фаустъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ произведеній, въ которыхъ лучше всего видна индивидуальная личность писателя, по которой легко можно возсоздать внутреннюю жизнь Гёте, жизнь его духа и творческой идеи. Это происходитъ отъ-того, что Фаустъ былъ не минутнымъ произведеніемъ, созданнымъ подъ вліяніемъ какой-нибудь мимолетной идеи, не плодомъ извѣстной эпохи жизни поэта, отдѣльныхъ годовъ, условленнаго времени, — но постоянною, вѣчною мыслью всей жизни Гёте, любимымъ его созданіемъ, съ которымъ онъ не разставался до самой смерти. Онъ началъ его въ годы своей молодости и кончилъ за годъ передъ смертью. Фаустъ прошелъ тѣ-же самые фазисы жизни, какъ и творецъ его. Фаустъ, какъ самъ Гёте, отъ перваго акта первой части до послѣдняго второй, мѣняетъ мысли, убѣжденія, и умираетъ совсѣмъ не съ тѣми идеями, съ которыми впервые явился намъ, въ своей рабочей комнаткѣ, за чашею яда, въ бесѣдѣ съ безплотными духами бытія. Вотъ почему онъ имѣетъ для насъ такой высокой интересъ, почему изученіе его необходимо для всякаго, кто хочетъ узнать Гёте. Фаустъ — это самъ Гёте, съ его идеями и понятіями, съ его неутомимою жаждою познанія, съ его ѣдкимъ мефистофилевскимъ юморомъ, съ его взглядомъ на жизнь и искусство, съ его измѣнявшимися идеями и чувствами. — Немного такихъ произведеній, которыя такъ вѣрно выражали-бы и жизнь художника, и духъ его времени, представляли-бы такую полную картину идей, потребностей и стремленій человѣческаго духа. Изо всѣхъ, такъ-называемыхъ классическихъ и эпическихъ поэмъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, съ Фаустомъ можетъ быть поставлена въ параллель только одна Божественная Комедія суроваго флорентинскаго мистика — Гибеллина Данте.

Со времени появленія Фауста, поэма эта занимала сильно умы всѣхъ любителей литературы и прекраснаго. На нее написано было множество комментаріевъ и между-тѣмъ полныхъ и вѣрныхъ переводовъ на другихъ языкахъ его очень-мало (1). Всѣ

---

(1) О Гёте вообще и Фаустѣ въ особенности написано множество диссертацій и комментаріевъ. Вотъ замѣчательнѣйшіе, служившіе основаніемъ многихъ мнѣній нашей статьи:

1. Gelehrte Deutschland von Meusel.
2. Charaktere von Kültner.
3. Zur Beurtheilung Göthe's von Schuberth.

знаютъ Фауста, но не всѣ имѣютъ объ немъ полное понятіе. Въ особенности вторая часть какъ-то меньше извѣстна. Многіе даже считаютъ ее ниже первой, хотя она и по мысли, и по отдѣлкѣ, и по богатству фантазіи, несравненно выше ея, и первая безъ нея неясна, неполна, недосказана. Извѣстность первой части происходитъ отъ-того, что она болѣе доступна общимъ идеямъ и понятіямъ, сильнѣе трогаетъ насъ своею живою и роскошною поэзіею, тогда какъ вторую надобно изучать и не разъ перечитывать, чтобы вполнѣ постигнуть всѣ красоты, все значеніе ея. Изъ первой части въ нашей литературѣ было уже съ давнихъ поръ переводимо много отдѣльныхъ отрывковъ, наконецъ, въ 1838-мъ году, вышла вся первая часть въ переводѣ *Г. Губера*. Не-смотря на это, въ журналахъ и періодическихъ изданіяхъ до-сихъ-поръ еще продолжаютъ являться отрывки и сцены изъ первой части. Болѣе всего переводятся сцены Гретхенъ въ темницѣ, въ церкви и за прялкой (am Spinnrade). Г. *Струговщиковъ* отрывками перевелъ больше половины первой части. Кромѣ его г-да *Стромиловъ*, *Степановъ*, *Аксаковъ*, *Бекъ*, *Огаревъ*, *Сушковъ*, *Т. Л.* и еще нѣкоторые, чьихъ имевъ мы не упомнили, испытывали силы свои надъ этимъ произведеніемъ (2). На-

---

4. Beiträge zur Poesie mit besonderer Hinweisung auf Göthe, von Eckermann.
5. Göthe's Leben von Heinr. Döring. —
6 und 7. Vorlesungen über Göthe's Faust von Schubarth und Rauch. —
8. Kritik und Erläuterung des Göthe'schen Faust von G. Weisse — (одинъ изъ лучшихъ комментаторовъ). Подъ названіемъ Göthe's Faust три нѣмецкихъ писателя, *Дюнцеръ*, *Дейксъ* и *Веберъ*, издали замѣчательныя этюды Гёте. По нашему мнѣнію лучшій трудъ, любопытный во всѣхъ отношеніяхъ, принадлежитъ *Лейтбехеру* (Über den Faust von Göthe, 1838.) Характеръ, жизнь и идеи Гёте лучше всего развиты въ книгѣ Фалька: (Göthe aus näherem persönlichen Umgange dargestellt, 1832) и Николовіуса (Über Göthe, litterarische und artistische Nachrichten.) — Разумѣется, что всего лучше можно узнать Гёте изъ его собственныхъ записокъ, замѣтокъ, переписки и дневника. (Dichtung und Wahrheit aus meinem Leben, Briefwechsel, Annalen oder Tag und Jahres Hefte von 1740 bis 1822).

(2) *Жуковскій* перевелъ посвященіе Фауста; *Грибоѣдовъ* прологъ — въ сокращеніи; *Веневитиновъ* — монологъ Фауста въ пещерѣ. *Пушкинъ* — написалъ превосходную сцену изъ Фауста, въ которой заимствовалъ у Гёте одни имена, но которая до того проникнута духомъ этого высокаго произведенія, что кажется переводомъ сцены, по чему-либо не вошедшей въ составъ полнаго произведенія. —

конецъ, въ исходѣ 1844 года, Г. *Вронченко* подарилъ насъ новымъ, полнымъ переводомъ первой части. Разберемъ-же его во всей подробности и потомъ постараемся дать читателямъ полное понятіе о *второй* части Фауста, съ которой еще очень-мало знакома русская публика, потому-что кромѣ разбора г-на Губера, помѣщеннаго въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1840-й годъ, и изложенія второй части, помѣщеннаго въ концѣ перевода г-на Вронченко, сколько мы помнимъ, на русскомъ языкѣ не было больше ничего напечатано объ этомъ высокомъ произведеніи. Такимъ-образомъ трудъ нашъ раздѣлится на двѣ части: въ первой будетъ критическій обзоръ перевода г-на Вронченки, во второй изложеніе и комментаріи на вторую часть поэмы. Содержанія первой мы не будемъ въ подробности объяснять читателямъ, въ полной увѣренности, что они хорошо знакомы съ нимъ, если не по оригиналу, то по переводу г-на Губера или г-на Вронченки, или наконецъ, по французскому (очень-хорошему) переводу Ганри Блаза, замѣчательнаго знатока нѣмецкаго языка и нѣмецкой литературы (3).

II

Въ обзорѣ обѣихъ частей Фауста, помѣщенномъ въ концѣ книги, г-нъ Вронченко говоритъ сначала о преданіи, изъ котораго Гёте взялъ главное лицо своей поэмы; (4) потомъ о време-

---

(3) Le Faust de Goethe, traduction complète par Henri Blaze. Paris 1841. Edition Charpentier, съ превосходнымъ предисловіемъ, гдѣ разобраны нравственныя и религіозныя идеи Гёте, и*вторая* часть Фауста. Кромѣ Блаза, Фауста переводили *Сентъ-Олеръ*, *Штапферъ* и *Жераръ* (послѣдній изложилъ вторую часть въ сокращеніи). Кромѣ того о Фаустѣ много статей разсѣяно во французскихъ журналахъ. Любопытны разборы Фауста Г-жи *Сталь*, *Мармье* и *Аппера*. — *Лерминье*, въ своей книгѣ Au de là du Rhin, представилъ очень-замѣчательный обзоръ второй части Фауста.

(4) Фаустъ существовалъ дѣйствительно и былъ замѣчательнымъ человѣсвоего времени, судя по тому, что народное преданіе сдѣлало его колдуномъ и повелителемъ тайныхъ силъ природы. Очень-любопытныя изысканія о Фаустѣ помѣщены Г-номъ Губеромъ въ предисловіи къ его переводу, гдѣ

ни, въ которое она была написана. (По его догадкамъ Фаустъ былъ начатъ въ 1772 году, а оконченъ въ годъ самой смерти Гёте, 1832; слѣдовательно, идея Фауста занимала автора *шестьдесятъ* лѣтъ.) Далѣе переводчикъ говоритъ о сумазбродныхъ комментаріяхъ на Фауста, отыскивавшихъ въ немъ то, чего Гёте и не думалъ говорить, и затемнившихъ еще болѣе своими объясненіями спорныя мѣста поэмы. Мысль г-на Вронченки, что Гёте самъ «любилъ иногда въ совершенно ясную мысль вставлять словцо, придающее ей мнимую таинственность значенія, и очень забавлялся возбужденными чрезъ то въ ученомъ мірѣ толками,» совершенно справедлива. Великій мыслитель точно любилъ иногда посмѣяться надъ своими друзьями и поклонниками и надъ распространившеюся въ то время въ Германіи страстью къ туманнымъ умозрѣніямъ, порожденнымъ *Критикою чистаго разума* Канта. Но намъ кажется, что г-нъ Вронченко не правъ, когда онъ, сбираясь представить обзоръ Фауста, говоритъ, что не станетъ вовсе совѣтоваться съ комментаріями. Нельзя и не должно вѣрить имъ рѣшительно во всемъ, но безъ комментарій, ни литературная, ни частная жизнь Гёте не будетъ полна и ясна. Писатель не можетъ высказать всего о себѣ самомъ. Мнѣнія объ немъ его современниковъ и лицъ, изучавшихъ его жизнь и произведенія, необходимы для полноты біографическаго очерка писателя, для критической оцѣнки его трудовъ, для показанія вліянія, которое произвелъ авторъ на его вѣкъ и идеи его времени. У самаго вздорнаго комментатора можетъ встрѣтиться черта, которая лучше глубокомысленныхъ разсужденій объяснитъ концепцію и направленіе какого-нибудь литературнаго произведенія. Что дѣлаетъ самъ г-нъ Вронченко, когда *излагаетъ* обзоръ Фауста? Онъ точно также *комментируетъ* его, какъ и другіе. Почему-же онъ не хочетъ признать трудовъ своихъ собратовъ на этомъ-же поприщѣ? Собственный свой взглядъ на предметъ необходимъ при комментаріи, иначе онъ будетъ только повтореніемъ сказаннаго другими, — но зачѣмъ-же отказывать другимъ въ этомъ взглядѣ? Кто хочетъ вполнѣ изучить свой предметъ, тотъ долженъ прочесть все, что объ немъ было писано—дурнаго и хорошаго. Разбирать литературный трудъ и не знать, что объ немъ писали и говорили другіе,—все-равно что писать

онъ приводитъ между прочимъ 39 заглавій литературныхъ произведеній, предметомъ коихъ былъ Фаустъ, взятыхъ имъ изъ Лейтбехера.

исторію по собственному своему воззрѣнію на предметъ, не справляясь съ другими историками и лѣтописцами. — Мы увѣрены, что если-бы г-нъ Вронченко внимательнѣе прочелъ такихъ комментаторовъ, каковы *Фалькъ*, *Лейтбехеръ и Веберъ*, то не высказалъ-бы дикой мысли, что *вторая* часть Фауста *плохая и неудавшаяся вещь, утомительная по своей многословности.* Объ этомъ впрочемъ мы еще будемъ говорить подробно. Посмотримъ теперь, каково́ *собственное* воззрѣніе г-на Вронченко на Фауста.

Что́ такое *Фаустъ?* Почему поэма эта всегда занимала и всегда будетъ занимать весь образованный міръ? Что́ въ ней близкаго, сроднаго всему человѣчеству? Отъ-чего въ ней такъ великъ интересъ? Что́ влечетъ къ ней мыслящія головы всѣхъ націй? — Отвѣтъ на это мы можемъ найти въ насъ самихъ, нашихъ чувствахъ, идеяхъ и стремленіяхъ. Отношенія человѣка къ внѣшнему міру могутъ быть трояки: или онъ остается хладнокровенъ къ окружающимъ его предметамъ и явленіямъ, не ищетъ разгадать ихъ законовъ и причинъ, не хочетъ изслѣдовать ихъ свойства, восходить до ихъ начала, изучать ихъ комбинаціи, и живетъ — не думая ни о прошедшемъ, ни о будущемъ, потому-что живется, потому-что жизнь была дана ему безъ его воли, а смерть придетъ противъ его желанія. Такого рода прозябательнымъ бытіемъ живутъ очень-многіе, живетъ бо́льшая часть людей на свѣтѣ. Встаетъ-ли солнце надъ равнинами моря, блестятъ-ли въ темной синевѣ міріады звѣздъ, льется-ли изъ чорныхъ облаковъ потокъ электричества на испуганную землю, бороздитъ-ли небо стоградуснымъ хвостомъ загадочная гостья планетной системы, туманная комета, — люди эти спокойно смотрятъ на обыкновенныя и необыкновенныя явленія природы, не задавая себѣ головоломныхъ вопросовъ: почему, какимъ-образомъ и для чего все это дѣлается? Имъ нѣтъ дѣла до того, что́ выходитъ изъ круга ихъ ежедневныхъ потребностей, ихъ матеріальныхъ ощущеній. Изобрѣтетъ-ли геніальный умъ какое-нибудь улучшеніе въ области практическихъ знаній, — они тотчасъ присвоиваютъ себѣ это улучшеніе, пользуются имъ, не подумавши даже поблагодарить человѣка, который надъ этимъ изобрѣтеніемъ убилъ, можетъ-быть, и свою молодость, и здоровье, и радости жизни. Сдѣлаетъ-ли другой геній какое-нибудь открытіе въ отвлеченныхъ познаніяхъ, бросившее яркій свѣтъ на темную сторону природы или духа человѣческаго, — они машинально за всѣми повторяютъ имя, сдѣлавшееся достояніемъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, и лукаво улыбаются при

разсказѣ о его открытіи. Никогда не подумаютъ эти люди о важнѣйшихъ вопросахъ въ жизни человѣка и природы. Никогда не придетъ имъ въ голову спросить самихъ себя: зачѣмъ живутъ они на свѣтѣ, по какимъ законамъ совершаются вокругъ нихъ ежедневныя явленія жизни? Почему они сами, въ своихъ мелочныхъ, безсознательныхъ занятіяхъ, поступаютъ такъ, а не иначе? Нѣтъ въ этихъ людяхъ ни проблеска мысли, ни искры стремленія. Не зараждается въ ихъ одеревенѣломъ мозгу жажда самопознанія. «Къ чему, говорятъ они, знать намъ, что, какъ и для чего дѣлается на свѣтѣ? Жили отцы наши безъ науки, проживемъ и мы! Что ломать голову по-напрасну? Къ чему намъ ваши познанія? Что изъ этого выдетъ, если и будешь знать, почему все дѣлается на свѣтѣ?» Оскорбляютъ эти люди имя великаго строителя природы, отвѣчая на всѣ вопросы: *такъ Богу угодно*, и не подозрѣвая, что Богу угодно было дать имъ умъ и душу, для того, чтобы они стремились къ совершенству, а не коснѣли въ грязи своихъ жалкихъ предразсудковъ. — Но изъ пестрой массы этихъ людей выходитъ другой, также многочисленный разрядъ. Не чужды этимъ людямъ ни наука, заставляющая насъ уважать природу, ни искусство, принуждающее насъ любить ее. Они сочувствуютъ живо и пламенно всѣмъ голосамъ мірозданія, они задумываются нерѣдко надъ глубокими и темными вопросами. Но несмѣлый умъ ихъ не стремится за предѣлы недосягаемаго, не ищетъ проникнуть въ тайны неразгаданнаго. Ихъ не томитъ, не мучитъ неутолимая жажда всевѣдѣнія. Смиренно склоняются они передъ недоступными для нихъ явленіями, не стараясь постичь и разгадать ихъ. Вѣра замѣняетъ для нихъ познаніе. Покорные волѣ Промысла, они спокойно идутъ по пути жизни, твердо увѣренные, что онъ заранѣе назначенъ Творцомъ, который ведетъ ихъ къ лучшему концу. Счастливъ, непостижимо счастливъ тотъ, кто вѣритъ буквѣ Откровенія, не объясняя ее своимъ ограниченнымъ умомъ. Жизнь не имѣетъ для него горько-тяжолыхъ минутъ; въ дни радости благословляетъ онъ Пославшаго ему радость, въ дни несчастія благоговѣйно склоняется передъ Непсповѣдимымъ. Свѣтла и спокойна вся жизнь его, и высокъ, завиденъ, поучителенъ часъ его кончины. Благо людямъ, исполняющимъ всѣ законы и заповѣди!

Но между этими высокими существами, живутъ другія, мрачныя и печальныя, суровыя и задумчивыя. Влечетъ ихъ къ себѣ и туманная наука, и свѣтлая поэзія, и упоительная жизнь. Хотѣли-бы они все узнать и испытать, все разгадать и пере-

чувствовать. Мучитъ, невыразимо мучитъ ихъ жажда бытія и познанія. Тѣсно и душно имъ въ этомъ слабомъ тѣлѣ, мало имъ обыкновенныхъ земныхъ радостей, жалки и бѣдны кажутся имъ труды человѣчества, накопившіеся вѣками. Всю жизнь свою стремятся они за границы науки, за предѣлы искусства, за черту бытія: видя несовершенство земнаго, безумные, сомнѣваются въ совершенствѣ небеснаго. Убѣдясь въ пустотѣ гипотезъ и умозрѣній, они вѣрятъ только осязательнымъ фактамъ и хотятъ подчинить духовный міръ математическимъ законамъ матеріи. Не *вѣрить* хотятъ они, а *убѣдиться*, и изученіемъ думаютъ опровергнуть откровеніе. Встрѣчая на каждомъ шагу предѣлы ихъ физическимъ чувствамъ и не зная границъ ихъ мыслямъ, они не могутъ уравновѣсить своего бытія, и страдаютъ вдвойнѣ, отъ избытка идеи и слабости матеріи. Не имѣя вѣры въ сердцѣ, они не могутъ спокойно переносить несчастій и несправедливостей свѣта. Все ихъ томитъ и терзаетъ, все озлобляетъ ихъ противъ человѣчества. Не понимаютъ они людей точно также, какъ и люди не понимаютъ ихъ, и истомленные, обезсиленные своими безплодными стремленіями, они умираютъ, съ горькимъ презрѣніемъ къ прошедшему, съ ѣдкой насмѣшкою надъ настоящимъ, съ холоднымъ равнодушіемъ къ будущему. — Такого-то человѣка вывелъ Гёте въ своемъ *Фаустѣ*.

До заключенія договора съ чортомъ, Фауста мучатъ тѣ-же самыя желанія, которыя мы сей часъ высказали. Онъ изучилъ всѣ тогда существовавшія науки, пріобрѣлъ извѣстность и славу, но ни въ природѣ, ни въ книгахъ, не нашелъ разгадки важнѣйшихъ вопросовъ бытія. Онъ очень хорошо понимаетъ невозможность дойти до этого человѣческими силами и средствами, и потому изучаетъ магію, вызываетъ стихійныхъ духовъ, надѣясь съ помощью ихъ разрѣшить неразгаданное. На его заклинанія является къ нему Духъ Земли, но земля, песчинка въ ряду мірозданія, не даетъ ему отвѣта, и въ то-же время, какъ ни мала она, но однимъ появленіемъ своимъ приводитъ въ ужасъ Фауста, отвѣчая съ гордостью на всѣ его требованія, и исчезаетъ противъ его воли, сказавъ съ насмѣшкою: «Ты подобенъ духу, котораго постигаешь, но не мнѣ!» Слова эти повергаютъ Фауста въ отчаяніе. Онъ — подобіе Божества — малъ и ничтоженъ передъ Духомъ Земли и никогда не будетъ въ состояніи повелѣвать имъ. Къ чему-же повела его магія? Видя свою слабость и ничтожество и въ то-же время пустоту схоластической учености, какъ нарочно являющейся къ нему въ то-же время въ лицѣ глупаго

педанта Вагнера, Фаустъ рѣшается умереть. Онъ подноситъ къ устамъ чашу съ ядомъ, какъ вдругъ раздается звонъ колоколовъ и тихое, церковное пѣніе. Наступила торжественная минута для христіянина — воскресъ Спаситель міра. Звуки эти останавливаютъ Фауста, напоминая ему о тѣхъ дняхъ, въ которые онъ молился и вѣрилъ. Они успокоиваютъ волненіе его больной души, и онъ откладываетъ свое ужасное намѣреніе. Но Лукавый не дремлетъ. Получивъ еще прежде позволеніе отъ Бога искушать Фауста, онъ является къ нему, раздражаетъ еще болѣе его досаду на природу и человѣчество, осмѣиваетъ науку и ученость и предлагаетъ ему обратиться къ другой сторонѣ жизни — чувственнымъ наслажденіямъ. Фаустъ рѣшается пройти путь жизни рука-объ-руку съ чортомъ, который обѣщаетъ ему *здѣсь* служить вѣрно и усердно, съ тѣмъ условіемъ, чтобы *тамъ* онъ отплатилъ ему тѣмъ-же самымъ. Полный презрѣнія къ жизни и ея пустымъ радостямъ, Фаустъ прибавляетъ еще одно условіе къ договору съ чортомъ. «Если онъ хоть разъ скажетъ мгновенію: остановись! ты такъ хорошо!» то пусть въ ту-же минуту онъ умретъ и будетъ принадлежать чорту. Мефистофель соглашается и предлагаетъ ему пуститься въ большой или маленькій свѣтъ. Фаустъ самъ выбираетъ маленькій, и Мефистофель вводитъ его въ разгульныя бесѣды. Прежде всего онъ возвращаетъ ему молодость волшебнымъ напиткомъ, разжигающимъ въ то-же время его чувственность. Фаустъ видитъ Маргариту, простую и скромную дѣвушку, и влюбляется въ нее. Мефистофель препятствіями еще болѣе распаляетъ страсть Фауста. Онъ сходится съ чистой и невинной Маргаритой. Ея простота и довѣрчивость пробуждаютъ въ немъ состраданіе къ ней и чтобы погасить въ сердцѣ своемъ пламя сластолюбія, Фаустъ удаляется въ горы, въ уединеніе, и тамъ, на свободѣ, обращается опять къ поклоненію величественнымъ силамъ природы. Но демонъ извлекаетъ его изъ этого убѣжища, представляя ему грусть бѣдной Маргариты, которая изнываетъ въ одиночествѣ, отъ любви къ Фаусту. Голосъ разсудка побѣжденъ, страсть беретъ верхъ, Фаустъ опять у ногъ Маргариты. Словами, полными страсти и огня, убѣждаетъ онъ бѣдную дѣвушку принять его у себя ночью, въ ея скромной комнаткѣ, и налить нѣсколько капель соннаго элексира въ питье ея матери, чтобы она не помѣшала ихъ восторгамъ. Маргарита увлечена, очарована, побѣждена страстью Фауста, — она предается ему безраздѣльно и безсознательно. Но любовь ея не удовлетворяетъ титанической души Фауста: онъ ищетъ

новыхъ ощущеній и впечатлѣній. Между-тѣмъ сосѣди узнаютъ о паденіи Маргариты. Мать ея умираетъ отъ слишкомъ-сильнаго пріема опіума, поданнаго ей дочерью. Братъ Маргариты, узнавшій изъ насмѣшекъ товарищей о проступкѣ сестры, подстерегаетъ обольстителя у крыльца ея дома и падаетъ подъ мечомъ Фауста, направленнымъ Мефистофелемъ. Злой духъ даже въ церкви не даетъ покоя Маргаритѣ и напоминаетъ ей о преступленіи. Бѣдная убиваетъ плодъ своей позорной любви. Правосудіе людей постигаетъ ее: она приговорена къ казни и заперта въ темницѣ. Что-же въ это время дѣлаетъ Фаустъ? Увлеченный демономъ, онъ предается неистовому разврату на безумной оргіи Вальпургской ночи. Прежнее чувство къ Маргаритѣ еще разъ вспыхиваетъ въ немъ однако, когда онъ узнаетъ о ея несчастіи. Мефистофель даетъ ему средство проникнуть въ темницу. Фаустъ хочетъ спасти Маргариту, но уже поздно: разсудокъ ея помраченъ, тѣло изнурено тяжолыми страданіями, и хотя она узнаетъ своего любовника, но не въ-силахъ уже слѣдовать за нимъ, и умираетъ при появленіи злаго духа съ молитвою на устахъ. «Она осуждена!» говоритъ лукавый. «Она спасена!» гремитъ свыше. Замирающій голосъ зоветъ Фауста. Но демонъ увлекаетъ его со словами: «Ко мнѣ!» — Этимъ оканчивается первая часть поэмы. — Содержаніе ея не многосложно, не запутано, но каждая сцена потрясаетъ душу вѣрною картиною знанія человѣческаго сердца и природы. Безпокойное стремленіе Фауста, жолчный юморъ Мефистофеля, ангельская простота Маргариты оставляютъ на сердцѣ глубокое впечатлѣніе. Такъ велико очарованіе, производимое этою чудною поэмою, что, читая ее, невольно сочувствуешь лицамъ, въ ней дѣйствующимъ, живешь съ ними одною жизнью, сливаешься съ ними мечтами и идеями. И когда громадно-стройная картина эта заключится чудною, глубоковыстраданною сценою въ темницѣ, — странное, тяжолое чувство, противъ воли, поднимется на душѣ, и долго, долго исполинскіе образы этой поэмы будутъ тревожить и ночной покой, и дневныя заботы ежедневной, прозаической жизни.

Посмотримъ теперь, такъ-ли понимаетъ Г. Вронченко Фауста, какъ понимаютъ его всѣ тѣ, которые его изучали.

=

Переводчикъ выводитъ всю идею Фауста изъ пролога въ небѣ. Вотъ что́ говоритъ онъ въ послѣсловіи, подъ названіемъ *Обзоръ обѣихъ частей Фауста*, составляющемъ изложеніе мыслей переводчика, его profession de foi, о безсмертномъ созданіи Гёте: «Фаустъ, влекомый въ-даль внутреннимъ броженіемъ, жаждетъ наслажденій полныхъ; при такомъ стремленіи (или по принятому въ переводѣ выраженію: *мудрствуя)* нельзя не заблуждаться. Мефистофелю позволяется Фауста вести своимъ путемъ, но усилія чорта будутъ напрасны и душу Фауста Богъ одѣнетъ свѣтомъ, когда онъ перестанетъ *мудрствовать*». Положеніе совершенно-справедливое, но собственно для Фауста нельзя выводить подобнаго заключенія. По самому изложенію его характера читатель видитъ, что онъ никогда не перестанетъ *стремиться* (въ переводѣ Г. Вронченки — *мудрствовать).* Духъ нигдѣ не высказываетъ прямо въ прологѣ, что Фаустъ перестанетъ стремиться. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ:

Wenn er mir jetzt auch nur verworren dient,
So werd' ich ihn bald in der Klarheit führen.

т. е. «если онъ теперь и служитъ мнѣ, заблуждаясь, то я скоро приведу его къ свѣту». Въ другомъ:

Ein guter Mensch in seinem dunkeln Drange
Ist sich des rechten Weges wohl bewusst.

т. е. добрый человѣкъ, въ своемъ темномъ стремленіи, очень хорошо чувствуетъ, гдѣ его настоящій путь.» Болѣе во всемъ прологѣ нѣтъ ни слова, которое могло-бы относиться къ перемѣнѣ въ мысляхъ и поступкахъ Фауста. Гдѣ-же г-нъ переводчикъ нашелъ, что Фаустъ *перестанетъ мудрствовать?* Положеніе его опровергается самымъ окончаніемъ піесы; до самой смерти своей Фаустъ не перестаетъ стремиться, но направляетъ только свое стремленіе къ лучшей, истинной цѣли, за что́ и получаетъ прощеніе отъ Бога. Если-бъ Фаустъ пересталъ стремиться, то онъ не былъ-бы Фаустомъ. Духъ потому и позволяетъ Мефистофелю искушать его, что по самому характеру Фауста, недовольному земными идеями и радостями и вѣчно стремящемуся къ чему-то высшему и лучшему, видно, что лукавый не въ состояніи будетъ погубить его. Самое условіе, прибавляемое Фаустомъ къ договору, ясно высказываетъ состояніе души его, и служитъ ручатель-

своимъ за его будущее спасеніе. Намъ кажется, что иначе нельзя понимать поэмы. При другомъ толкованіи потеряется цѣлость ея и конецъ, очевидно, будетъ противорѣчить началу, что́ и вывелъ г-нъ Вронченко изъ своего положенія, обвиняя Гёте въ томъ, что онъ *не умѣлъ кончить Фауста (!!)*. Впрочемъ о заключеніи поэмы мы будемъ еще говорить при обзорѣ второй части. Замѣтимъ здѣсь также, что г-нъ Вронченко напрасно *мудрствуетъ*, переводя слово *streben* — глаголомъ *мудрствовать*. Кромѣ того, что, на-примѣръ, въ стихахъ

O! dass kein Flügel mich vom Boden hebt
Ihr nach und immer nach zu *streben*....

или

Der Kranich nach der Heimat *strebt* и т. п.

переводъ глагола *streben* — *мудрствовать* былъ-бы величайшею нелѣпостью; самое это слово имѣетъ у насъ совершенно-другое значеніе и принимается въ смыслѣ *философствовать* и еще чаще вмѣсто другаго глагола, происходящаго отъ того-же корня: *мудрить*, (klügeln, subtiliser) какъ на-примѣръ въ извѣстныхъ стихахъ Пушкина, въ Борисѣ Годуновѣ:

. . . . . Въ часы,
Свободные отъ помысловъ духовныхъ,
Описывай, не *мудрствуя* лукаво,
Все то́, чему свидѣтель въ жизни будешь:
Войну и миръ, управу государей,
Угодниковъ святыя чудеса, и т. д.

Для перевода слова *streben* (aspirer, to aspirate, bramare, dążyć) у насъ есть глаголъ *стремиться*, принятый и въ логикѣ, гдѣ *стремленіе* составляетъ одну изъ основныхъ частей понятія. Не видимъ причины, почему, вмѣсто простаго и яснаго слова, переводчикъ взялъ другое, болѣе темное.

Далѣе, въ *Обзорѣ*, г-нъ Вронченко излагаетъ содержаніе и сущность поэмы точно также, какъ это сдѣлали и мы, впрочемъ гораздо-пространнѣе. — Въ двухъ только обстоятельствахъ мы не согласны съ переводчикомъ. Онъ говоритъ во-первыхъ, что Фаустъ удаляется въ пустыню, уже погубивъ и соблазнивъ Маргариту, и что Мефистофиль, не довольствуясь ея паденіемъ и желая завлечь его

далѣе, снова разжигаетъ чувственность въ его сердцѣ. Мы рѣшительно не видимъ этого въ поэмѣ. Правда, что Гёте не развиваетъ вполнѣ, не проходитъ всѣ фазисы этой страсти и о многомъ оставляетъ догадываться; но намъ кажется, что скорѣе можно полагать, какъ мы высказали это въ изложеніи поэмы, что Фаустъ, полюбивъ Маргариту чисто чувственною любовью, мало-по-малу, узнавая болѣе чистую душу этого прекраснаго существа, привязывается къ нему искренно, что впрочемъ видно изъ словъ самого Фауста, нѣсколько разъ собирающагося покинуть свою жертву. Въ пустыню-же онъ удаляется для того, чтобы въ созерцаніи картинъ природы позабыть влеченіе къ Маргаритѣ, вдалекѣ отъ нея успокоить свои взволнованныя чувства и своимъ отсутствіемъ спасти Маргариту. Демонъ является въ пещеру, представляетъ Фаусту картину наслажденій, которыя ждутъ его близь Маргариты, и увлекаетъ его къ ней вторично. Если-бы Фаустъ уже обладалъ прежде Маргаритою, то къ чему-бы чорту манить его уже испытаннымъ наслажденіемъ? Вся цѣль его должна состоять въ томъ, чтобы довести Фауста до желанія остановить одну изъ минутъ въ жизни, и въ-слѣдствіе этого желанія, тотчасъ-же овладѣть имъ, по условію. Но если Фаустъ, въ первую минуту обладанія Маргаритою, не пожелалъ остановить сладкое мгновеніе, то при вторичномъ обладаніи чорту еще менѣе остается надежды. Сверхъ-того, ни одно слово, ни въ пещерѣ, ни въ послѣдующемъ свиданіи Фауста съ Маргаритою, не намекаетъ о паденіи бѣдной дѣвушки. Напротивъ, въ пещерѣ Мефистофель говоритъ:

Mich dünkt anstatt in Wäldern zu thronen,
Liess es dem grossen Herren gut,
Das arme affenjunge Blut
Für seine Liebe zu belohnen.

«Мнѣ кажется, что вмѣсто того, чтобы царствовать въ лѣсу, великому человѣку лучше-бы было кровь бѣдной молоденькой мартышечки наградитъ любовью!« А Фаустъ ему отвѣчаетъ:

Bring' die Begier zu ihrem süssen Leib
Nicht wieder vor die halb verrückten Sinnen.

«Не представляй снова полупомѣшанному уму желанія обладать ея роскошнымъ тѣломъ.» Далѣе Фаустъ говоритъ, что у нея

дѣтскія, спящія желанія (kindlich dumpfen Sinnen) и оканчиваетъ монологъ словами:

Was muss geschehn, mag's gleich geschehn!
Mag ihr Geschick auf mich zusammenstürzen
Und sie mit mir zu Grunde gehn.

«Что должно совершиться, пусть скорѣе совершается! Пусть судьба ея падетъ на меня и она погибнетъ вмѣстѣ со мною!» — Все это, кажется, говоритъ скорѣе въ пользу нашего мнѣнія. Пойдемъ далѣе. Въ сценѣ съ Маргаритою, Фаустъ проситъ у нея свиданія, говоря: «Неужели мнѣ *никогда* не удастся отдохнуть часочекъ спокойно на твоей груди?» И бѣдная дѣвушка отвѣчаетъ ему, что она охотно оставитъ дверь въ свою комнату отпертою, но что мать ея спитъ не крѣпко. Тогда Фаустъ даетъ ей стклянку опіума, подробно объясняя, что двѣ капли этого напитка повергнутъ ея мать въ тихій сонъ. Маргарита заботливо спрашиваетъ, не можетъ-ли повредить матери этотъ напитокъ? Если-бы у нихъ и прежде были свиданія, и мать Маргариты умерла, какъ полагаетъ г-нъ Вронченко, отъ *частаго* пріема опіума, то къ чему всѣ эти объясненія и приготовленія? Правда, сцена эта оканчивается двумя стихами Мартариты, которые можно объяснять и въ дурную сторону:

Ich habe schon so viel für dich gethan,
Dass mir zu thun *fast* nichts mehr übrig bleibt.

«Я уже такъ много сдѣлала для тебя, что мнѣ *почти* болѣе ничего не остается сдѣлать». Но если Маргарита невинна, то она въ простотѣ души своей, очень можетъ сказать эту фразу, въ которой кромѣ того находится очень-много значащее слово *почти* (fast); наконецъ, если-бы это было не первое свиданіе, чему-бы такъ радовался Мефистофель, говоря потомъ Фаусту съ торжествомъ:

Nun heute Nacht? (Ну такъ сегодня ночью?)

На что Фаустъ отвѣчаетъ ему:

Was geht dich's an? (Тебѣ что до этого?)

И тотъ продолжаетъ:

Hab' ich doch meine Freude d'ran!

«У меня есть при этомъ своя радость.» Намъ кажется, что всѣ эти доказательства достаточно подтверждаютъ наше мнѣніе, о которомъ мы потому распространились, что оно противорѣчитъ также мнѣнію многихъ комментаторовъ (5). Рѣшить предоставляемъ читателямъ.

Второе мнѣніе г-на Вронченки, съ которымъ мы не согласны, состоитъ въ томъ, что Фаустъ, видя на Броккенѣ, во-время Вальпургской ночи, призракъ Маргариты (6), угадываетъ ея положеніе и спѣшитъ къ ней на помощь. Изъ піесы этого не видать. Мефистофель въ ней разувѣряетъ Фауста, называя призракъ Медузой, и увлекаетъ его смотрѣть піесу, которую играютъ на шабашѣ. Только послѣ интермедіи мы видимъ Фауста на равнинѣ, *въ пасмурный день* (trüber Tag) — а шабашъ былъ ночью, — знающаго о положеніи Маргариты. Слѣдовательно, не призракъ, а вѣроятно, самъ Мефистофель открылъ Фаусту ея положеніе; тѣмъ болѣе, что онъ знаетъ всѣ подробности несчастія Маргариты и заключенія ея въ темницу, а призракъ не говорилъ ни слова.

Разсмотрѣвъ сюжетъ поэмы во всей подробности, г-нъ Вронченко распространяется кромѣ того въ психологическихъ изслѣдованіяхъ о томъ, равна-ли въ Фаустѣ борьба между добромъ и зломъ и по какой причинѣ онъ въ пещерѣ является восторженнымъ поклонникомъ природы? Всѣ эти критическія тонкости не ведутъ однакоже ни къ чему, и, какъ говорятъ Нѣмцы, sind die Rede in's blau. Далѣе, разбирая отдѣльныя сцены въ *кухнѣ вѣдьмъ* и *Вальпургской ночи*, переводчикъ не хочетъ видѣть въ нихъ никакой общей аллегоріи, а только одни частные намѣки и личности, говоря, что еслибы авторъ хотѣлъ разумѣть что-нибудь особенное подъ рѣчами кошекъ, вѣдьмъ, по-

---

(5) Лейтбехеръ держится тогоже мнѣнія, не говоря впрочемъ, на чемъ онъ его основываетъ. Мы не станемъ приводить цитатъ въ подтвержденіе мнѣній германскихъ комментаторовъ, о которыхъ будемъ упоминать, для того, чтобы не увеличить и безъ того длинной статьи. Мы пишемъ не ученую диссертацію, и цитаты часто ничего не доказываютъ. Читатели могутъ видѣть изъ самой статьи, хорошо-ли мы знаемъ Фауста и его комментаторовъ.

(6) Въ *Обзорѣ* Г. Вронченко говоритъ, что «умственнымъ окомъ видитъ Маргариту неподвижную, *мертвоглазую*» (?!). На послѣдній эпитетъ не мѣшало-бы написать комментарій.

лувѣдьмъ и т. п., то накинулъ-бы на свои мысли не *подбитое ватою одьяло*, а прозрачный флёръ (7). Потомъ слѣдуетъ разборъ и критическая оцѣнка второй части Фауста, (о которой мы еще будемъ говорить въ подробности) и отдѣльныхъ характеровъ и лицъ поэмы. О Фаустѣ и Мефистофелѣ мы скажемъ послѣ. Съ мнѣніемъ переводчика о превосходномъ изображеніи характеровъ Маргариты, Мароы и Валентина мы совершенно согласны (8). О Вагнерѣ мнѣніе его ошибочно и ложно, что́ мы постараемся доказать въ-послѣдствіи, потому-что главный упрекъ переводчика относится къ Вагнеру во второй части. Вообще, онъ чрезвычайно-доволенъ первою частью, и только одна сцена — *Интермедія* кажется ему совершенно лишнею, доказывающею то́, «что подъ-старость Гёте сталъ смотрѣть на своего Фауста, какъ на *складочное мѣсто, въ которое можно сваливать все, что̀ ни придетъ въ голову.*» Эта скиоская мысль замѣчательна по своему диктаторскому тону, которымъ вообще отличается слогъ *Обзора*. Конечно «Интермедія» не имѣетъ прямаго отношенія къ поэмѣ, и оставляя въ ней одно *необходимое*, можно смѣло сократить ее на половину; но выходитъ-ли изъ этого, чтобы все остальное было *лишнее*? Требовать отчета у Гёте въ томъ, зачѣмъ онъ помѣстилъ такую-то сцену, также странно, какъ спрашивать: зачѣмъ онъ не помѣстилъ такой-то? Можетъ-ли геній объяснить вамъ механически процессъ созданія идеи и воплощенія ея въ стихахъ? Почему онъ беретъ тѣ, а не другія слова, представляетъ себѣ предметъ въ томъ, а не другомъ видѣ? Намъ всегда казалось, что сцена, проникнутая общею мыслью произведенія, никогда не можетъ быть лишняя, особливо если она такъ богата идеями и образами, какъ интермедія. И что́ значитъ это выраженіе: «*сваливать что̀ придетъ въ голову*»? Развѣ можно создать, не говоримъ Фауста, но что-нибудь имѣющее логическій смыслъ, *сваливая* подобнымъ образомъ? Когда Г. *Вронченко* говоритъ такую мысль о *Гёте*, то мы, удивляясь вмѣстѣ съ цѣлою Европою генію послѣдняго, можемъ по-крайней-мѣрѣ требовать, чтобы пер-

---

(7) Какова метафора! Объ этихъ сценахъ мы еще будемъ говорить въ послѣдствіи, при разборѣ ихъ.

(8) Намъ кажется также, что о Маргаритѣ можно было-бы сказать что нибудь побольше. Вообще переводчикъ какъ-то холодно восхищается даже этимъ превосходнымъ созданіемъ Гёте.

вый, заслуги котораго въ литературномъ мірѣ не весьма-велики, подкрѣпилъ мысль свою какими-нибудь доказательствами. Онъ однакоже этого не дѣлаетъ, и дерзко бросивъ противъ великаго писателя эту дикую мысль, остальную часть своего обзора посвящаетъ на то, чтобы самою жизнію Гёте и выписками изъ его дневника и писемъ доказать, что вторая часть никуда не годится. Въ этомъ обзорѣ мы встрѣчаемъ многія очень-любопытныя мысли, напримѣръ: «Гёте въ молодости *создавалъ*, а въ старости только сочинялъ; то, что неумѣстно во второй части Фауста есть, просто, *слѣдствіе беззаботности объ употребленіи написаннаго;* до единства автору уже вовсе не было дѣла: онъ *громоздилъ въ одну кучу* что и какъ думалъ.» Далѣе переводчикъ сравниваетъ вторую часть съ статуей, слѣпленной изъ разныхъ кусковъ другихъ статуй, и съ Гомункуломъ, произведеннымъ посредствомъ смѣшенія веществъ. Въ концѣ г. Вронченко находитъ особенно-смѣшною мысль, которую, какъ говоритъ онъ, авторъ вложилъ въ уста Герольда: «Да будетъ разсудокъ связанъ волшебнымъ словомъ; то, что вы увидите, *невозможно*, и потому-то *достойно вѣроятія*». — «Теперь, —прибавляетъ переводчикъ,—выходка эта кажется какою-то плохою шуткою.» Во-первыхъ — мы рѣшительно не видимъ тутъ никакой плохой шутки. Мысль эта, (высказанная между прочимъ не Герольдомъ, какъ увѣряетъ авторъ, а Астрологомъ), если мы включимъ въ нее три стиха, непзвѣстно по какой причинѣ выброшенные переводчикомъ, будетъ очень-ясна. Астрологъ говоритъ: «Будь связанъ разсудокъ магическимъ словомъ, а роскошная, дерзкая фантазія дѣйствуй напротивъ гораздо-смѣлѣе. Созерцайте взорами то, что вы такъ сильно желаете. Оно невозможно, и по этому правдоподобно.»

Durch magisch Wort sei die Vernunft gebunden!
Dagegen weit heran bewege frei
Sich herrliche verweg'ne Phantasei.
Mit Augen schaut nun was ihr kühn begehrt, —
Unmöglich ist's, drum eben glaubenswerth.

Что-же страннаго въ этой мысли? Очевидно, что когда въ насъ разсудокъ спитъ, а дѣйствуетъ воображеніе, то все, что невѣроятно, кажется намъ возможнымъ. Люди съ растроенными нервами и сильно-разгоряченнымъ воображеніемъ и въ здравомъ состояніи вѣрятъ тому, что отвергаетъ разсудокъ. Вотъ какими словами оканчивается обзоръ и книга г. Вронченки: «Было вре-

мя, когда Гёте могъ себѣ позволить все. Онъ *на все* сдѣлался авторитетомъ (по русски *во всемъ*), все рѣшалъ однимъ словомъ. Выслушавши приговоръ, ученые шептали: αὐτὸς ἔφα (старшой сказалъ.)» —Замѣтимъ г-ну переводчику, оставивъ безъ вниманія довольно-грубое выраженіе *старшой*, что, даже не зная греческаго языка, можно знать, что αὐτὸς значитъ *самъ* (9)—«Съ годами очарованіе исчезло, разсудокъ освободился изъ постыдныхъ узъ *мудрствующаго* ума. (10) Гомункулъ гоститъ на классическомъ шабашѣ (что хотѣлъ сказать Г. Вронченко этой остротою, не понимаемъ?), а въ *образованномъ* мірѣ подъ названіемъ «Гётева Фауста» разумѣется *только первая часть трагедіи. Какъ знать, найдется-ли когда-нибудь человѣкъ, способный написать подъ пару къ ней вторую, окончить Фауста сообразно съ первоначальной Гётевой мыслью!*»—Какова мысль! Г. Вронченко нашелъ, что Гёте не съумѣлъ окончить Фауста, и изъявляетъ желаніе, чтобъ кто-нибудь взялся за это!! Подобныя мысли не заслуживали-бы даже никакого возраженія, если-бы своею рѣзкостью не дѣйствовали на молодые умы, не хорошо знакомые съ исполинскимъ созданіемъ Гёте, и вотъ почему мы вооружились всѣми силами, чтобы опровергнуть ихъ. Пожалуй найдутся люди, которые повѣрятъ Г. Вронченкѣ на слово. Правда, что прочтя составленное имъ *изложеніе* второй части, написанное, какъ кажется, съ прямымъ намѣреніемъ подкрѣпить примѣромъ слова свои, трудно понять, въ чемъ состоитъ истинное достоинство ея. Мнѣніе Г. Вронченки тѣмъ опаснѣе, что въ наше время, въ русской литературѣ господствуетъ какой-то духъ отрицанія и униженія достоинства многихъ замѣчательныхъ произведеній и писателей. Но есть-же всему на свѣтѣ предѣлы. Пусть какой-нибудь выгнанный студентъ, изъ гегелистовъ, топчетъ въ грязь всю русскую литературу, кромѣ небольшаго числа произведеній; за нее бѣдную нѣкому заступиться, и споръ за нее не будетъ нисколько интересовать остальную Европу; но вооружиться противъ того, что́ признано всѣми на-

---

(9) Извѣстное выраженіе Аристотеля, оканчивавшее, въ среднихъ вѣкахъ, всѣ схоластическія пренія. Оно обыкновенно употреблялось въ переводѣ на латинскій языкъ (ipse dixit).

(10) Здѣсь на-примѣръ Г-нъ Вронченко самъ употребляетъ слово *мудрствовать* въ его настоящемъ значеніи. Если-бы его перевести на нѣмецкій языкъ словомъ streben, то вышла-бы порядочная нелѣпость.

ціями просвѣщеннаго міра, называть только-что не глупымъ произведеніе, которому удивляется вся Европа, — это слишкомъ напоминаетъ басню объ умирающемъ львѣ. Мы болѣе по этому и предприняли нашъ разборъ, чтобы, среди непонятнаго молчанія русскихъ критиковъ, или, что̀ еще хуже, нелѣпыхъ похвалъ новому переводу, поднять хоть одинъ голосъ въ защиту великой тѣни, которую конечно не можетъ оскорбить подобная жалкая попытка. И пусть голосъ нашъ будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, — мы и тогда смѣло и спокойно довершимъ трудъ нашъ, не боясь возгласовъ и антикритикъ, не ждя ни похвалъ, ни одобреній.

—

Обратимся теперь къ самому переводу первой части.

Въ чемъ заключается достоинство новаго перевода? Въ предисловіи Г. Вронченко говоритъ, что прежде всего обращалось вниманіе на вѣрность и ясность въ передачѣ мыслей, а забота о гладкости стиховъ была дѣломъ послѣднимъ. Но если переводить что-нибудь *стихами*, то для этого необходимо, чтобы въ переводѣ былъ стихъ, а не проза, уложенная въ строчки равнаго размѣра. Вообще переводить стихами несравненно труднѣе, чѣмъ писать ими. При хорошихъ стихахъ почти невозможенъ точный переводъ; но что-нибудь изъ двухъ: требуйте или поэтическаго перевода, или переводите прозою. Слухъ нашъ прежде поражается гармоніею стиха, чѣмъ умъ мыслью, въ немъ заключенною; слѣдовательно, если стихи плохи, то и мысль при нихъ теряетъ свою цѣну, и чѣмъ она глубже, тѣмъ досаднѣе, когда она облечена въ грубый стихъ. Переводъ Г. Губера былъ весьма-неточенъ. Переводчикъ часто увлекался своимъ собственнымъ поэтическимъ талантомъ и передавалъ Гёте перешедшаго, такъ сказать, сквозь горнило идей и чувствъ самого переводчика. Но за то своими роскошными картинами, своимъ гибкимъ, звучнымъ стихомъ, онъ заставлялъ полюбить Гёте, если и не вполнѣ объяснялъ его. (11) Что̀-же прибавилъ новый переводъ къ на-

(11) Мы приведемъ далѣе мнѣніе о переводѣ Г. Губера «Библіотеки для чтенія», не совсѣмъ согласное съ нашимъ, но замѣчательное въ другомъ отношеніи.

шей литературѣ? Ровно ничего! — Прекрасный, поэтическій переводъ у насъ уже былъ; Г. Вронченко могъ-бы оказать намъ услугу, давъ вѣрный прозаическій переводъ. Онъ предпочелъ передать Фауста дубоватыми стихами, какими у насъ, слава Богу, уже перестали писать. Если трудъ его и дѣлаетъ ему честь, то намъ не приноситъ никакаго удовольствія. Всѣ говорятъ, что переводъ очень-*вѣренъ*, — но какая польза, если его читать нельзя? Какое дѣло до того, что онъ *вѣренъ*, если онъ въ тоже время рифмуется съ другимъ словомъ, котораго мы не пишемъ изъ учтивости? — Мы постараемся подкрѣпить мнѣніе наше доказательствами, можетъ-быть, даже утомительными для тѣхъ, которыхъ вопросъ о *Фаустѣ* не можетъ интересовать такъ, какъ насъ. Но повторяемъ еще разъ, что мы считаемъ его чрезвычайно-важнымъ въ настоящемъ положеніи нашей литературы.

Начнемъ *ab ovo*, съ посвященія. Оно было уже нѣсколько разъ переводимо на русскій языкъ. Кто не знаетъ прекрасныхъ стиховъ Жуковскаго, скорѣе впрочемъ передѣланныхъ, чѣмъ переведенныхъ? Въ этомъ посвященіи, написанномъ уже по окончаніи всей поэмы, видна глубокая грусть о прошлыхъ, невозвратимыхъ дняхъ юности Гёте. Оно передано не дурно, но гораздо-слабѣе, чѣмъ у Г. Губера. Вотъ какъ Г. Вронченко переводитъ начало «Пролога въ театрѣ»:

Вы оба, *что* не разъ доселѣ
При *нуждѣ* помогали мнѣ,
Скажите: ждать-ли здѣсь, въ нѣмецкой сторонѣ
Хорошихъ выгодъ въ нашемъ дѣлѣ?
Вся сила въ томъ, чтобъ угодить толпѣ —
Она вѣдь нашъ *кормилецъ* главный.

Стихи эти, конечно, никто не назоветъ *легкими*; посмотримъ теперь, вѣрны-ли они. (Мы подчеркнули сверхъ того три слова: *что* вмѣсто *которые*, второе съ неправильнымъ удареніемъ, и третье употребленное вмѣсто женскаго въ мужескомъ родѣ: толпа — не *кормилецъ*, а *кормилица*.) Вотъ начало «Пролога» у Гёте:

Ihr beiden die ihr mir so oft
In Noth und *Trübsal* beigestanden,
Sagt was ihr wohl in deutschen Landen
Von unsrer *Unternehmung* hofft?
Ich wünsche sehr der Menge zu behagen
Besonders weil sie lebt und leben lässt.

Слово *Trübsal* (бѣдствіе) равносильное *Noth* (нуждѣ)не переведено; *Unternehmung* не значитъ выгода (12). Послѣдній превосходный стихъ: «*Толпа живетъ и даетъ жить*», переведенъ какимъ-то неуклюжимъ *кормильцемъ*. О послѣднемъ стихѣ впрочемъ переводчикъ сдѣлалъ въ примѣчаніи оговорку; но если онъ такъ строго придерживался подлинника и *вѣрности*, то почему не сдѣлалъ ея въ вышеприведенныхъ нами мѣстахъ точно также, какъ во множествѣ послѣдующихъ? Такъ, на-примѣръ, два стиха спустя, въ этомъ-же монологѣ, выраженіе:

Sie sitzen schon mit hohen Augenbrauen
Gelassen da und möchten gern erstaunen.

Онъ переводитъ:

Надѣется чудесъ, не пустяковъ,
И удивляться имъ готовъ.

Если это *вѣрный* переводъ, то любопытно, какой-же будетъ *невѣрный*? — Окончаніе этого монолога удивительно наивно:

Кто можетъ натворить съ людьми чудесъ такихъ?
Поэтъ! — о! натвори, мой другъ, и нынче ихъ!

У Гёте это выражено такъ:

Diess Wunder wirkt auf so verschiedne Leute
Der Dichter nur; mein Freund, o! thu' es heute.

Замѣтимъ также, что билеты въ театръ продаетъ *кассиръ*, а не *казначей*, какъ это сказано въ переводѣ. Въ подлинникѣ стоитъ *an die Kasse*. Далѣе, въ монологѣ Поэта, два знаменитые стиха:

Was glänzt ist für den Augenblick geboren,
Das Aechte bleibt der Nachwelt unverloren.

переданы весьма невѣрно и неизящно:

---

(12) Притомъ, что́ значитъ *хорошая выгода?* Развѣ выгоды могутъ еще быть *дурныя?*

Блестящее, блеснувши, исчезаетъ,
Изящное — въ потомствѣ возсіяетъ.

Das Aechte — совсѣмъ не изящное, а скорѣе настоящее, справедливое, истинное, какъ это и перевелъ Г. Губеръ:

Ничтожный блескъ минутная забава,
Но *истинѣ* наступитъ судъ и слава!

Далѣе, *вѣренъ*-ли, напримѣръ, переводъ этихъ стиховъ:

Wird vieles vor die Augen abgesponnen,
So dass die Menge staunend gaffen kann,
Da habt ihr in der Breite gleich gewonnen.

слѣдующими:

Когда *возня* идетъ на сценѣ,
И стало есть на что̀ сидящимъ *поглазѣть*,
То сдѣланъ *главный* шагъ, *начальный!*

превосходное выраженіе:

Die Damen geben sich und ihren Putz zum Besten
Und spielen ohne Gage mit, —

Переведено такъ:

А дамы, думая о *шашняхъ* и нарядѣ,
Актерствуютъ безъ платежа.

Другая прекрасная мысль —

Sucht nur die Menschen zu verwirren,
Sie zu befriedigen ist schwer.

переведена стихомъ:

Хоть всѣмъ имъ угодишь едва-ль? ([13])

([13]) У Г. Губера мысль эта замѣнена также другою, весьма-слабою: «Другихъ безсмысленныхъ затѣй ищи для суетныхъ людей».

Вѣрнѣе этого перевода рѣшительно ничего не можетъ быть. Монологъ поэта, Geh hin und such' dir einen andern Knecht, переведенъ чрезвычайно тяжело.

Ищи себѣ иныхъ рабовъ!
Не жди, чтобъ лучшій изъ природы всѣхъ даровъ,

(Каковъ стихъ)?

Чтобъ человѣчества достоинство преступно
Тебѣ въ угоду прощутилъ поэтъ, и т. д.

все въ такомъ-же родѣ. Въ особенности въ немъ милы два стиха:

Кто въ цѣломъ части ставитъ такъ *прилично*,
Что ни одна съ другою не *розниться*?

Такою галиматьею переведены слѣдующіе звучные стихи:

Wer ruft das Einzelne zur allgemeinen Weihe
Wo es in herrlichen Accorden schlägt?

Предоставляемъ самимъ читателямъ рѣшить, похожъ-ли переводъ на подлинникъ. Хороши тоже эти два стиха, которые говоритъ *Комикъ* (lustige Person), а не Шутъ, какъ перевелъ это Г. Вронченко: должности шута при театрѣ не имѣется:

Слей съ кроткой правды много *враковъ*,
И будетъ драма *навьрнякъ*.

Послѣдній монологъ поэта начинается такъ:

Отдайте мнѣ сперва тѣ времена *златыя*,
Когда я самъ былъ *новичекъ*,
Когда изъ сердца глубины я
Лилъ пѣнія *неслякнущій потокъ*.

У Гёте стихи эти превосходны:

So gieb mir auch die Zeiten wieder,
Da ich noch selbst im Werden war!

Da sich ein Quell gedrängter Lieder
Ununterbrochen neu gebar.

Сравните переводъ этого монолога съ переводомъ Г. Губера, начинающимся такъ:

Такъ возврати мнѣ эту младость,
Отдай мнѣ нѣгу первыхъ слезъ —
Отдай мнѣ первой пѣсни сладость
И обольщенье первыхъ грезъ,—

и вы убѣдитесь, что *вѣрность*, выраженная стихами Г-на Вронченки, можетъ только оттолкнуть отъ себя, тогда какъ стихи Г. Губера, хотя они и не переводъ, а скорѣе подражаніе, привлекаютъ васъ съ первой строки своимъ благозвучіемъ. Не желаніе-ли быть вѣрнымъ заставило переводчика стихи:

Was heute nicht geschieht ist morgen nicht gethan,
Und keinen Tag soll man verpassen.

передать подобнымъ образомъ:

Не трать и дня: *презрѣвъ однимъ*,
Упустишь многіе за нимъ?

Наконецъ — все въ этомъ-же самомъ прологѣ, — Комикъ въ своемъ послѣднемъ монологѣ говоритъ слѣдующіе топорные стихи:

Но *бодро*, опытнымъ перстомъ
Играть на лирѣ иль свирѣли,
Къ самимъ себѣ *созданной* цѣли
Пробраться вѣдомымъ путемъ, —
Не вамъ-ли, старцы, лучше *подобаетъ* (*?!*),
За то и чтимъ мы васъ *вельми* (*!!*)....

Ай да поэзія! — Намъ скажутъ, что мы очень-строго разбираемъ, и критикуемъ почти каждое слово; — но признаемся, что мы иначе и не понимаемъ критики. Въ наше время конечно не такъ пишутся разборы. Одинъ журналъ выставитъ заглавіе книги, поставитъ подлѣ него нѣсколько вопросительныхъ знаковъ, посмѣется надъ фамиліей автора, надъ цвѣтомъ обертки, скажетъ нѣсколько остротъ ни-къ-селу ни-къ-городу, разсып-

лется въ эпитетахъ и восклицаніяхъ — и критика окончена. Читатели смѣются, авторъ говоритъ своимъ друзьямъ, что книга его хороша, потому-что самъ критикъ N. не сказалъ ни слова о ея содержаніи; критикъ еще довольнѣе, чѣмъ читатель и авторъ,— потому-что по остроумію своему считаетъ себя, вѣроятно, русскимъ Жюль-Жаненомъ. Есть впрочемъ и другой способъ разбирать книги въ нашей литературѣ. Журналистъ, послѣ заглавія новаго произведенія, наставитъ подрядъ бездну прилагательныхъ съ восклицательными знаками въ родѣ: «Дурно! пошло! грязно! грубо! скверно! глупая книга! вздорное содержаніе, задній дворъ словесности! нѣтъ ни объективности, ни субъективности! гадко!»— и все тутъ—разбору конецъ! Бѣдный писатель выбирай любое: быть обруганнымъ или осмѣяннымъ — ad libitum.. Если же онъ не хочетъ принадлежать ни къ той, ни къ другой партіи, то будетъ въ одно и то-же время и обруганъ, и осмѣянъ.— Да здравствуетъ критика! — Не такъ понимаемъ мы ее, и винимся въ этомъ. Намъ кажется, что критикъ, разбирая произведеніе подъ вліяніемъ своихъ индивидуальныхъ чувствъ и мыслей, долженъ вмѣстѣ съ тѣмъ соображаться и съ общепринятыми условіями изящнаго; что, высказывая о книгѣ какое-нибудь мнѣніе,— онъ долженъ въ то-же время привести ему доказательства. Критикъ не долженъ быть судьею автора, но поставить публику судьею въ дѣлѣ объ изящномъ между нимъ и авторомъ. — Мало сказать о книгѣ, что она дурна, надобно доказать, *почему* дурна она, и тогда всякій увидитъ, правъ или нѣтъ критикъ. Въ наше время критика сдѣлалась синонимомъ брани, тогда-какъ она должна изъ каждаго произведенія вывести дурное и хорошее и сравнить ихъ итоги. Для самого автора критика, какъ говоритъ Бальзакъ, должна быть не собакой, которая кусаетъ его за пятки, но собакой, которая бѣжитъ передъ своимъ господиномъ и указываетъ ему дорогу. Конечно критикъ не виноватъ, если ему чаще приходится бранить, чѣмъ хвалить; но онъ долженъ дѣлать это безъ всякихъ личныхъ и постороннихъ видовъ, руководимый одною только любовью къ прекрасному и истинному. Главное заблужденіе нашей современной критики состоитъ въ томъ, что она не хочетъ сознаться въ одномъ фактѣ, встрѣчающемся очень-часто въ литературѣ. Фактъ этотъ состоитъ въ томъ, что иногда и великому писателю случается, въ-слѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, написать вздоръ, точно также, какъ плохому — удается иногда произвести хорошую вещь. Критика и знать этого не хочетъ. Если писатель стоитъ на счету ея въ разрядѣ пло-

хихъ, то, — что-бы ни написалъ онъ, — все будетъ втоптано въ грязь, тогда какъ, выкопавши гдѣ-нибудь весьма-слабое, юношеское твореніе знаменитаго писателя, — она падаетъ передъ нимъ на колѣни, и кланяется такому произведенію, отъ котораго, краснѣя, отказался-бы его авторъ. Многіе изъ нашихъ рецензентовъ хвалятъ и порицаютъ съ какимъ-то чудовищнымъ фанатизмомъ, не соблюдая ни въ чемъ умѣренности, и не понимаютъ, что этотъ-то фанатизмъ и роняетъ ихъ въ мнѣніи публики. Можно-ли повѣрить человѣку, который бѣснуется, какъ факиръ, изъ-за каждаго слова? Въ критикѣ увлеченіе допускается только въ крайностяхъ: о прекрасномъ и отвратительномъ нельзя говорить хладнокровно. Но напрасно думаютъ, что истинной критикѣ пріятнѣе охуждать, чѣмъ удивляться. Вотъ что говоритъ объ удивленіи Теофилъ Готье, въ своихъ умныхъ и дѣльныхъ фѣльетонахъ журнала *La Presse*: «Критика не состоитъ въ отысканіи недостатковъ, но въ отысканіи красотъ. Удивляться — такъ пріятно! Послѣ любви — въ жизни нѣтъ ничего пріятнѣе удивленія. — Удивляться не значитъ-ли любить умомъ, точно также, какъ любить, — значитъ удивляться сердцемъ.» — Въ этихъ словахъ, полныхъ чувства и теплоты душевной, видѣнъ весь Готье, старающійся опоэтизировать даже и критику. А право, она не такъ далека отъ поэзіи, какъ это думаютъ многіе...

Мнѣніе наше о критикѣ мы привели для того, чтобы объяснить систему нашего разбора. Приведенныя нами мѣста и выписки заключаются *подрядъ* на первыхъ восьми страницахъ перевода. Стало-быть, мы не выбирали нарочно недостатковъ. Мы не будемъ однакоже продолжать разбора такимъ-образомъ. Этобы рѣшительно ни къ чему не повело. Доказательствъ приведено довольно. Если таково *начало*, то каковъ-же долженъ быть конецъ? Въ послѣдующихъ сценахъ приведемъ только главныя, поразившія насъ невѣрности и ошибки противъ смысла, слога, грамматики и даже ороографіи, хотя послѣднія нынче вовсе не считаются у насъ ошибками. Упомянемъ также и о хорошихъ мѣстахъ, потому-что и они иногда встрѣчаются въ новомъ переводѣ. Такъ, на-примѣръ, въ этомъ прологѣ мы нашли два хорошо-переданные стиха:

У Гёте:

Das Alter macht nicht kindisch wie man spricht,
Es findet uns nur noch als wahre Kinder —

У Г. Вронченки:

Вздоръ, что насъ старость къ дѣтству возвращаетъ:
Она насъ застаетъ дѣтьми!

У Г. Губера стихи эти переданы гораздо хуже:

И пусть ребячится старикъ,
За то и мы какъ ребятишки.

Ссылки на подлинникъ мы должны по-неволѣ дѣлать довольно-часто, чтобы доказать, что переводъ Г-на Вронченки совсѣмъ не такъ вѣренъ, какъ онъ самъ объявилъ объ этомъ. Замѣтимъ между-прочимъ, что изъ 120 примѣчаній къ первой части, 71 содержитъ въ себѣ оговорки въ томъ, что нѣкоторыя мѣста переведены не такъ, какъ слѣдовало. Сверхъ-того, какъ можно было видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ, многія мѣста, неоговоренныя въ примѣчаніи, также невѣрны. Мы увѣрены, что если-бы Г. Губеръ сдѣлалъ подобныя примѣчанія къ своему труду, то точно также могъ-бы назвать *вѣрнымъ* свой переводъ (14).

Перейдемъ теперь ко второму прологу. Переводчикъ говоритъ, что онъ переведенъ съ большими отступленіями, что впрочемъ

---

(14) Чтобы доказать Г-ну Вронченкѣ, что мы не только *читали* переводъ его, но занимались имъ серьёзно и долго, перечитывали, сличали съ подлинникомъ, укажемъ ему на тѣ примѣчанія, въ которыхъ онъ, по собственному сознанію, отступилъ отъ подлинника, съ отмѣткою только тѣхъ, въ которыхъ отступленія эти были сдѣланы по волѣ переводчика — хотя и неизвѣстно по какимъ причинамъ, — а не въ-слѣдствіе *независящихъ отъ него обстоятельствъ*. Странно встрѣчать на каждомъ шагу въ примѣчаніяхъ: *ближе, точнѣе, въ подлинникѣ, слово въ слово, собственно*. Невольно спросишь у самого себя: почему-же невѣрности замѣчены, а не переведены такъ какъ слѣдуетъ? — Вотъ по порядку эти примѣчанія, обозначенныя одними цифрами, потому-что самая выписка ихъ заняла-бы много мѣста: 1-ое, 2, 3, 4, 5, 6, 7. 10, 13, 14, 15, 19, 20, 21, 22, 27, 28, 29, 31, 32, 34, 37, 39, 43, 46, 47, 48, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59,61, 62, 63, 65, 67, 68, 69, 71, 72, 73, 74, 75, 78, 79, 84, 86, 88, 89, 91, 92, 93, 96, 98, 100, 101, 102, 106, 108, 114, 115, 116, 117, 118, и 119-ое. — Если-бы къ этимъ, отмѣченнымъ переводчикомъ невѣрностямъ, прибавить неотмѣченныя, часть которыхъ нами приведена, — то что-бы сдѣлалось тогда съ *вѣрнымъ* переводомъ?

и не могло быть иначе. Слѣдовательно, и тутъ *вѣрности* нѣчего искать. Не думаемъ однако, чтобы *независящія отъ переводчика обстоятельства* заставили его такъ-дурно перевести начало пролога:

Die Sonne tönt nach alter Weise
In Brudersphären Weltgesang,
Und ihre vorgeschriebn'e Reise
Vollendet sie mit Donnergang.
Ihr Anblick giebt den Engeln Stärke,
Wenn keiner sie ergründen mag
Die unbegreiflich hohen Werke
Sind herrlich wie am ersten Tag.

Эти прекрасные стихи переведены такими:

Съ несмѣтныхъ хоромъ сферъ слѣпно
Звуча Всевышнему хвалой,
Въ пространствѣ солнце *непрестанно*
Течетъ завѣтною *стезей.*
И *ходъ* свѣтила *громогласный* (?)
Непостижимъ ни для кого!
Великъ Создатель и прекрасны
Созданья дивныя его!

Не говоря о тяжеловѣсности стиховъ, которые и опытный глазъ не отличитъ отъ Сумароковскихъ, мы спрашиваемъ у всѣхъ, знающихъ нѣмецкій языкъ: передана-ли хоть одна мысль Гёте, не говоримъ *вѣрно*, но приблизительно? Устарѣлыя слова и странные обороты встрѣчаются на каждомъ шагу въ этомъ прологѣ: *непостижный*, *недвижный*, вмѣсто непостижимый, неподвижный; *преходитъ*, вмѣсто переходитъ; *безперерывный*, вмѣсто безпрерывный; *не вравнь*, *дуритъ умомъ*, *свихнулся съ пути*, *вѣдомо*, и т. п. Послѣдніе два стиха —

Es ist gar hübsch von einem grossen Herrn
So menschlich mit dem Teufel selbst zu sprechen —

переведены:

Съ такою льготой но вселенной
Еще и чорту можно жить.

Переводчикъ увѣряетъ, въ примѣчаніи, что *мысль здѣсь сохранена*. Ссылаемся на всѣхъ, похожа-ли она хоть сколько-нибудь на подлинникъ? Вообще у Г. Вронченки переведены рѣшительно всѣ мѣста, выпущенныя въ переводѣ Г. Губера, но переведены такъ неудачно и слабо, что гораздо-бы лучше означить ихъ точками, если нельзя сохранить мысли подлинника. Въ первой сценѣ поэмы Г. Вронченко очень-хорошо сдѣлалъ, что нѣмецкіе стихи старинnаго размѣра (Knittelverse) перевелъ обыкновеннымъ ямбомъ. Вообще размѣръ, употребляемый въ нѣмецкихъ стихахъ, не чисто тоническій; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы, при богатствѣ нашихъ размѣровъ, подражали Нѣмцамъ именно въ томъ, чѣмъ они бѣднѣе насъ. Послѣ этого и силлабическіе стихи слѣдовало-бы переводить тѣмъ-же размѣромъ, нѣкогда у насъ употреблявшимся. Намъ всегда было досадно въ звучныхъ стихахъ Г. Губера спотыкаться на этихъ Knittelverse, которыхъ впрочемъ у него не много (въ первой сценѣ только 3). Въ этой сценѣ также множество жосткихъ и тривіальныхъ выраженій: *знать малость*, *красенъ* свѣтъ, *окрѣпшая душа*, *нькій* богъ, *испивать* горе, твой *зракъ*, Фаустъ, *льнувшій* всей душой къ Духу земли, котораго онъ называетъ, между прочимъ, *огнистымъ ликомъ; ветошье*, вмѣсто ветошь; *никто не вѣсть*, вмѣсто никто не знаетъ; *ничтожитъ*, вмѣсто уничтожаетъ; *гранильный*, вмѣсто граненый; *не иму*, вмѣсто не имѣю; *опостылая* жизнь; колокола, звучащіе *вѣще; точилъ* слезы и т. п. Слово *дѣятельный*, *дѣятельность*, онъ употребляетъ вездѣ съ удареніемъ на *я*:

Одна въ другой *дѣятельно* живутъ,

или

Стать въ новый чистый *дѣятельности* кругъ. ([15])

Коихъ, *нькихъ* также разсыпано множество. ***Pult*** — переданъ у него налоемъ, ***Mauerloch*** — канурой. Во многихъ мѣстахъ переводъ затемнилъ весьма-ясный смыслъ подлинника. Очень-простые стихи:

([15]) Родительный падежъ прилагательныхъ женскаго рода встрѣчается у него, какъ и въ этомъ примѣрѣ, очень-часто съ славянскимъ окончаніемъ на *ыя*.

Ich schau' in diesen reinen Zügen
Die wirkende Natur vor meiner Seele liegen

переведены такъ:

Здѣсь предъ моей душей себя разоблекло
Ея всегдашнее дѣянье (?!).

Духъ земли заставляетъ онъ *рвать* по станку, тогда-какъ онъ въ подлинникѣ просто работаетъ за нимъ (*ich schaffe am Webstuhl*). Слѣдующіе стихи переведены еще темнѣе:

Ach! unsre Thaten selbst so gut wie unsre Leiden,
Sie hemmen unsres Lebens Gang

Ахъ! даже дѣйствуя, не только что страдая,
Мы *препинаемъ* жизни ходъ.

Съ слѣдующими стихами таже исторія:

Was man nicht nützt ist eine schwere Last,
Nur was der Augenblick erschafft das kann er nützen.

Да, достоянья мертвыя *суть* бремя.
Живыя-жъ тратитъ и опять рождаетъ время.

Превосходный хоръ ангеловъ и учениковъ, въ этойже сценѣ, написанный необыкновенно гармоническими и звучными стихами, у Г. Вронченки переведенъ очень-слабо. *Библіотека для чтенія*, разбиравшая новый переводъ, вѣроятно, для шутки — такъ какъ она большая охотница шутить, — нашла въ переводѣ этихъ хоровъ удивительно-удачное звуко-подражаніе колоколамъ большимъ и маленькимъ, и означила сверхъ-того курсивомъ тѣ стихи, которые должны подражать маленькимъ колоколамъ и читаются presto, а *чужесловами* (?) тѣ, въ которыхъ медленно гудитъ большой колоколъ.» Вотъ этотъ колокольный хоръ:

Христосъ воскресъ!
Мужайтесь, идите!
И міру гласите
О царствѣ небесъ.
При васъ онъ учителяхъ,
Бога хвалителяхъ,

Душъ изцѣлителяхъ,
Вѣры крѣпителяхъ (?)
Вѣрьте, всякъ часъ,
Вездѣ безотходно,
Звѣздой путеводной
Онъ будетъ при васъ.

Не говоря уже о томъ, что послѣдніе четыре стиха нисколько не выражаютъ двухъ стиховъ подлинника,

Euch ist der Meister nah'
Euch ist er da!

мы рѣшительно не видимъ тутъ ни большихъ, ни маленькихъ колоколовъ. Пора, кажется, оставить намъ эту поэзію словъ и звукоподражаній. Дѣлать стихъ эхомъ всякаго треска и шума — кажется намъ униженіемъ поэзіи. Бывало, при жизни реторики, на школьныхъ скамьяхъ, мы могли восхищаться стихами въ родѣ: «Отъ топота копытъ пыль по полю летитъ», «О какъ, о какъ намъ къ вамъ, къ вамъ, боги, не гласить»; но находить въ этомъ нѣчто удивительное и считать этотъ наборъ словъ важнымъ дѣломъ — смѣшно и странно. Не за-чѣмъ избѣгать его, если подобное звукоподражаніе встрѣтится само собою, но натягивать для него слова и рифмы простительно только *юному* поэту. Мы помнимъ другія подобранныя слова, довольно-удачно подражающія колоколамъ, которыя замѣчательны, по-крайней-мѣрѣ, своею оригинальностью; вотъ они:

Гогель-могель, гогель-могель,
Глиндвейнъ, глиндвейнъ,—
Пуншъ! пуншъ!

Если звукоподражать — такъ развѣ только въ этомъ родѣ, а не дѣлать изъ превосходныхъ стиховъ, согрѣтыхъ теплымъ чувствомъ вѣры, какія-то погремушки!

=

Сцена за городскими воротами передана лучше первой. Выраженія и обороты Г. Вронченки вообще довольно-прозаичны, и здѣсь, въ разговорахъ ремесленниковъ, кстати и умѣстны. Превосходная пѣсня нищаго переведена однако очень-слабо. Въ первыхъ четырехъ стихахъ рѣшительно нѣтъ ничего похожаго на подлинникъ:

Ihr guten Herr'n, ihr schönen Frauen,
So wohl geputzt und backenroth,
Belieb' es Euch mich anzuschauen
Und seht und mildert meine Noth.

Почтите нищаго *подмогой*,
Вы, госпожи и господа!
Всего Творецъ послалъ вамъ много —
Храните-жъ заповѣдь Христа.

Переводчикъ не сдѣлалъ при этомъ однако ни-какой оговорки: неужели онъ и этотъ переводъ считаетъ *вѣрнымъ*? Напрасно также стихъ: Sie mögen sich die Köpfe spalten, онъ переводитъ: «Пускай другъ друга *дуютъ въ рыло!*» Къ чему безъ нужды тривіальничать! Пѣсня солдатъ переведена очень-плохо. Въ 1839-мъ году, въ *Современникѣ*, былъ помѣщенъ прекрасный переводъ этой пѣсни и цѣлой сцены Г. *Бека*. Монологъ Фауста «Vom Eise befreit sind Strom und Bäche» — также очень-слабъ и невѣренъ. Звучные стихи Гёте замѣнены подобными:

Зима убѣжала въ пріютъ свой *нагорный*,
На *злакомъ* одѣтые долы она,
Въ гнѣвѣ безсильномъ *оттуда* порою
Вѣетъ, *бушуя морозной крупою*;
Но солнцу противна земли бѣлизна, и т. д.

У Г. Губера монологъ этотъ переведенъ прекрасно. Пѣсня «Der Schäfer putzte sich zum Tanz» переведена недурно, хотя во второмъ куплетѣ, въ стихѣ: «столкнулся *нерадиво*» (съ одною изъ дѣвушекъ), это слово употреблено весьма не кстати и только для рифмы «*учтиво*». Въ послѣднемъ куплетѣ также непростительно-дуренъ стихъ: «*Однакъ* ее онъ изъ кружка увлекъ»... Замѣтимъ, что слово *однако*, въ подобномъ сокращенномъ видѣ, у переводчика встрѣчается очень-часто. Вѣроятно, онъ думаетъ, что это позволительная поэтическая вольность. Знаменитый монологъ

Фауста: «O! glücklich wer noch hoffen kann aus diesem Meer des Irrthums aufzutauchen» переведенъ слабо. Вотъ его начало:

Блаженъ, кто все еще надеждою *питаемъ*
Увидѣть свѣтъ сквозь заблужденій тьму!
Что въ жизни нужно, мы того не знаемъ,
Что знаемъ, то не служитъ ни къ чему.

Послѣдніе два стиха хороши, но они не вполнѣ выражаютъ мысль подлинника:

Was man nicht weiss, das eben brauchte man,
Und was man weiss, kann man nicht brauchen.

У Г. Губера они также не совсѣмъ точны:

Намъ нужно то, чего не знаемъ мы,
Не нужно то, что мы давно ужъ знаемъ.

Удивительная картина, заключающаяся въ стихахъ:

Sie (die Sonne) rückt und weicht, der Tag ist überlebt,
Dort eilt sie hin und fördert neues Leben,

передана невѣрно и слабо:

Оно *ужъ* низко, *ужъ* къ странамъ инымъ
Летитъ съ своею животворной силой.

Что за выраженіе также:

Вездѣ *живятъ* міра красоты?

Въ подлинникѣ нѣтъ ничего похожаго на этотъ стихъ! Послѣдняя картина также переведена слабо:

Wenn über schroffen Fichtenhöhen
Der Adler ausgebreitet schwebt
Und über Flächen, über Seen
Der Kranich nach der Heimath strebt —

Или паритъ надъ горъ вершиной
Орелъ, чуть видимый съ земли,

Иль мирнымъ летомъ надъ равниной
Къ отчизнѣ *тянутъ* журавли.

«Орелъ, чуть видимый съ земли» не выражаетъ превосходной картины, заключенной у Гёте въ одномъ словѣ: *ausgebreitet. Тянутъ* журавли — выраженіе очень тривіальное. Въ этомъ-же монологѣ есть два хорошіе стиха:

Ахъ, никогда души крыламъ
Не быть тѣлесными крылами. —

И въ предыдущемъ разговорѣ горожанъ, слова одного изъ нихъ:

Die Hand, die Samstags ihren Besen führt
Wird Sonntags dich am besten caressiren.

также очень-хорошо переданы:

Чѣмъ больше въ будни женщинѣ работъ,
Тѣмъ въ праздники она щедрѣй на ласки.

Монологъ Вагнера о духахъ чрезвычайно тривіаленъ. Что это за стихи, на-примѣръ?

Отъ сѣвера повѣютъ — *носъ* и *глотку*
Какъ зубомъ холодомъ *язвятъ (?)*,
А отъ востока съ *засухой* чахотку
На *легкое* тебѣ *примчатъ*.
Отъ юга видно, что пустыня ихъ послала;
Жарой донельзя раскалятъ твой лобъ.
Отъ запада, *тутъ* прохладятъ сначала,
Потомъ-же глядь — *и есть* потопъ.

Стóитъ взглянуть въ подлинникъ, чтобъ убѣдиться, что монологъ этотъ не только не тривіаленъ, но не имѣетъ въ себѣ даже нисколько комизма. Почему переводчику вздумалось его такъ изуродовать — это его тайна. — Знаменитые слова Фауста о *двухъ* душахъ его:

Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust:
Die eine will sich von der andern trennen,
Die eine hält in derber Liebeslust

Sich an die Welt mit klammernden Organen,
Die and're hebt gewaltsam sich vom Dust
Zu den Gefilden hoher Ahnen.

переведенъ такъ:

Ахъ! двѣ души въ груди моей
Живутъ въ *безперерывномъ* спорѣ:
Одна съ горячей страстью *льнетъ*,
И *пристаетъ* ко всему мірскому,
Другая-же изъ праха возстаетъ,
Стремится къ нашему началу неземному.

Какая разница съ стихами Г. Губера:

Ахъ! двѣ души, *двѣ вражескія тѣни*,
Живутъ въ груди моей, горятъ въ моей крови:
Одна любовію земною
Срослась съ землей цѣпями бытія,
Другая свѣтлою мечтою
Стремится къ прадѣдамъ въ небесные края.

Не совсѣмъ точно, но какая прекрасная картина! — Въ сценѣ перваго знакомства Мефистофеля съ Фаустомъ, переводчикъ предлагаетъ довольно забавное нововведеніе касательно русской просодіи. Вотъ какъ начинается монологъ Фауста:

Довольно я бродилъ въ поляхъ,
Густая ночь ихъ покрываетъ,
И *въ насъ* какой-то тайный страхъ,
Въ насъ душу лучшую пробуждаетъ.

«Не думайте, что послѣдній стихъ недосмотръ» — говоритъ переводчикъ въ примѣчаніи: «онъ, напротивъ, попытка *слить въ одинъ слогъ двѣ короткія гласныя*, когда то́ непротивно слуху, то есть, прибавить еще нѣкоторыя слитія къ тѣмъ, которыя въ употребленіи теперь, наприм. *ей* вмѣсто *ею*, *ью* вмѣсто *ію* и т. п.»

Предложеніе это, опровергающее коренные законы русскаго языка, до того странно, что мы не знаемъ даже, можно-ли серьёзно возставать противъ него. Неужели г. переводчикъ не знаетъ, что *ю* измѣняется на *й* только въ творительномъ падежѣ единственнаго числа, женскихъ именъ на *а* и *я*, и что *ь* есть прямое сокращеніе буквы *і*? Любопытно было-бы послушать,

какъ самъ переводчикъ произнесетъ сокращенно слово *лучшую*. Замѣнитъ-ли онъ букву *у* буквой *ь*, выговоря *лучшью*, что́, какъ мы думаемъ, не совсѣмъ удобно, или не употребитъ-ли онъ вмѣсто буквы *ю* — *й*, произнеся: *лучшуй*, что́ — какъ мы думаемъ не совсѣмъ благозвучно. При такомъ правилѣ будетъ чрезвычайно-удобно писать стихи: чуть встрѣтились двѣ гласныя буквы, сокращай ихъ въ одно — и дѣло кончено! Въ-самомъ-дѣлѣ, если сокращеніе слова *лучшую* въ *лучшью* не противно слуху, какъ говоритъ переводчикъ, то почему-же въ этомъ-же стихѣ слогъ *ае* не сократить въ *ай* и прочесть стихъ такимъ образомъ:

Въ насъ душу *лучшью пробуждайтъ*?

Тогда по-крайней-мѣрѣ изъ безстопнаго стиха выйдетъ четырестопный, и произношеніе втораго слова будетъ столько-же *непротивно слуху*, какъ и перваго. Конечно, оно будетъ *противно* духу русскаго языка, но что́ за дѣло до этого, когда намъ надо во что́ бы то ни стало сдѣлать правильный стихъ? Мы очень-хорошо понимаемъ происхожденіе этого чудовищнаго нововведенія. Не можетъ-же быть, чтобъ человѣку вдругъ, ни-съ-того, ни-съ-сего, пришла въ голову такая нелѣпая мысль. Дѣло выходитъ очень-просто: у переводчика выдался одинъ невѣрный стихъ; не сладивши съ нимъ, онъ оставилъ его, какъ онъ есть, и давай натягивать всевозможные парадоксы, чтобы объяснить его. Правду сказалъ Жюль Жаненъ, что парадоксъ, выдуманный человѣкомъ, дороже ему всякой истины, по тому, что при надлежитъ исключительно ему, тогда, какъ истина дѣлается достояніемъ цѣлаго свѣта.

Стихи въ этой сценѣ еще тяжелѣе и тривіальнѣе, чѣмъ въ предыдущей, какъ на-примѣръ:

Но *ахъ, ужъ* изъ души, при *наилучшей* волѣ,
Токъ удовольствія не хочетъ литься *боль*.

=

Постой-же мы его *осадимъ*,
Попробую надъ *гуляшемъ* сперва
Стихійныя слова.

=

Приключилась бѣда
Не летите туда,
Тамъ одинъ попалъ въ *полонъ*.
. . . . . .
Онъ и самъ какъ *смогалъ*
Намъ не разъ помогалъ.

—

Повинуйся! не жди
Лучей *троекраты* палящихъ,
Заклинаній послѣднихъ и *вящихъ*, и т. т.

Что́ за выраженія — *мірикъ глупостей*, *лампада запламенѣла*, уничтожать *враздробь*, *рехнуться*, *опростать двѣрь*, *совладать* съ чортомъ и т. д. Развѣ выраженіе: *зло есть моя область*, *мой пріютъ* — переводъ *Das Böse ist mein eigentliches Element?* Гдѣ онъ нашелъ въ подлинникѣ выраженіе, написанное курсивомъ въ слѣдующихъ тяжеловѣсныхъ стихахъ:

Свѣтъ съ ночью-матерью, *посмѣвшій въ глупомъ чванствѣ*
О первенствѣ *ужъ* спорить, о пространствѣ?

Развѣ правильно по-русски выраженіе: «*туда*-же вылезай, *куда* изволилъ влезть?» Что за визиготѳская разстановка словъ въ стихахъ:

Пташекъ тамъ хоры,
То опускаются,
То поднимаются
Сѣсть на пловучихъ,
Среди зыбучихъ
Волнъ, островахъ,
Въ коихъ обители
Мирные жители
Долго пируютъ?

У Гёте стихи эти — образецъ гармоніи. — Въ слѣдущей сценѣ *условій*, начало монолога Фауста:

In jedem Kleide werd' ich wohl die Pein
Des engen Erdenlebens fühlen —

переведено дурно:

Напрасно! жизни тѣснота и холодъ
Все будутъ *жать* меня, *студить* мнѣ сердца жаръ.

Слѣдующіе извѣстные стихи, — хорошо:

Ich bin zu alt um nur zu spielen,
Zu jung um ohne Wunsch zu sein.

Чтобъ все играть я слишкомъ старъ,
Чтобъ не имѣть желаній слишкомъ молодъ.

Слѣдующіе за этимъ два стиха, почти непереводимые, переданы опять дурно:

Was kann die Welt mir wohl gewähren?
Entbehren sollst du, sollst entbehren.

А что доставить можетъ свѣтъ?
Нуждайся въ томъ, умѣй жить безъ другаго.

У Г. Губера также это мѣсто не совсѣмъ хорошо:

Мнѣ свѣтъ все туже пѣсню пѣлъ:
Умѣй терпѣть и *отказаться* (отказываться?)

У Г. Струговщикова, также переводившаго эту сцену, мысль болѣе развита, хотя и не такъ точна: (16)

Что можетъ свѣтъ, что можетъ онъ мнѣ дать?
«Отказывай себѣ! люби свои страданья!»

Стихъ Мефистофеля:

Allwissend bin ich nicht, doch viel ist mir bewusst —

переведенный слабо у Г. Губера:

Я кое-что развѣдать постарался,

---

(16) Переводъ этой сцены помѣщенъ въ «Сынѣ Отечества» 1838 года.

хорошо у Г. Струговщикова:

Хоть не всевѣдущъ я, а знаю кое-что,—

у Г. Вронченки очень-хорошъ:

Я знаю хоть не все, однако и не мало.

Странныхъ выраженій также очень-много и въ этой сценѣ, напримѣръ: ты *охочь* подслушивать, *алчба* на смѣлыя дѣла, *ничтожество*, вражда *вѣдома* сердцамъ, связанъ *внутренне* обѣтомъ, бумаги листъ — *бука*, предъ *коимъ* гнетъ колѣна свѣтъ, стать *вравнѣ* съ тобою, *юлить* окольными тропами, *пріобучатъ* васъ, то, что *мыслится* въ умъ, отъ слова не *урвешь* ничего. Стихъ Мефистофеля.

Blut ist ein ganz besondrer Saft

переведенъ такъ: «Кровь *есть особенность*(!!)». Замѣтимъ однакожъ, что слова Мефистофеля о медицинѣ переданы хотя не точно, но очень-удачно. Сцена въ погребѣ Ауербаха также одна изъ самыхъ удачныхъ въ переводѣ, кромѣ пѣсни Мефистофеля о блохѣ, передѣланной самымъ безсмысленнымъ образомъ. Дикихъ выраженій впрочемъ бездна, какъ и вездѣ. Отмѣтимъ главнѣйшія. Брандеръ говоритъ Фрошу: »Ты хоть-бы свинство *удралъ*»; а Фрошъ выливаетъ ему на голову стаканъ вина, со словами: «Изволь, *носи здоровъ*»(!!). Что-бъ это значило по русски? Алтмайеръ кричитъ «Подайте *паклей*», вмѣсто *пакли*. Въ пѣснѣ Брандера о влюбленной крысѣ, для рифмы къ слову *Лютеръ* подобранъ *хуторъ!* Мефистофель, жалуясь, что у нихъ *несносныя* вина, и угощая ихъ своимъ, говоритъ «прошу *вкушать*!» и т. п. Кухня вѣдьмы переведена слабѣе, но за то въ ней меньше странныхъ выраженій. — Далѣе всѣ сцены, гдѣ Маргарита говоритъ и дѣйствуетъ, очень-слабы. Въ переводѣ пропала почти вся наивность и дѣтски-милая простота этого удивительнаго характера, лучшаго созданія Гёте, передъ которымъ блѣднѣютъ многіе изъ женскихъ характеровъ Шекспира. Видно, что сцены любви и боренія страстей не подъ-силу переводчику. Въ первыхъ сценахъ переводчикъ совсѣмъ не кстати смягчилъ нѣкоторыя выраженія Фауста, вѣроятно, показавшіяся ему неприличными. Правда, что Гёте въ своемъ міровомъ созданіи, занятый громадною мыслью

поэмы, не обращалъ слишкомъ большаго вниманія на выборъ словъ, и множество вещей называлъ ихъ настоящимъ именемъ. Но не говоря уже о томъ, что многія изъ этихъ выраженій необходимы для полноты картинъ, довольно-рѣзкихъ, безъ которыхъ однако главная мысль не оттѣнялась-бы такъ рельефно,— мы допускаемъ пропускъ ихъ или означеніе заглавными буквами, какъ это и сдѣлано переводчикомъ во многихъ мѣстахъ Вальпургской ночи. Но допускать измѣненіе и передѣлку подлинника можетъ позволить себѣ только тотъ, кто не проникнутъ уваженіемъ къ автору Фауста, въ чемъ, какъ мы уже замѣтили, гласно сознался Г. Вронченко. Тѣмъ, которые негодуютъ на Гёте за его рѣзкія выраженія, мы отвѣтимъ словами самого Гёте:

Man darf das nicht vor keuschen Ohren nennen
Was keusche Herzen nicht entbehren können.

Приведенные нами до-сихъ-поръ примѣры, доказательства и выписки, какъ намъ кажется, могутъ дать полное понятіе читателямъ о трудѣ Г. Вронченки. Въ-слѣдствіе нашего воззрѣнія на предметъ и мнѣнія о критикѣ, мы старались подкрѣплять доказательствами каждое изъ нашихъ положеній. Разбирать послѣдующія сцены въ такой-же подробности было-бы излишнимъ и напраснымъ трудомъ. Мы не выбирали сценъ, а представили полный обзоръ первыхъ семи. При разборѣ остальныхъ замѣтимъ только мѣста, отличающіяся чѣмъ-нибудь особеннымъ.

Съ самыхъ первыхъ словъ Маргариты, въ переводѣ пропадаетъ вся ея наивность. У Гёте она отвѣчаетъ на предложеніе Фауста, назвавшаго ее schönes Fräulein и предлагающаго проводить ее до дому:

Bin weder Fräulein, weder schön!
Kann ungeleitet nach Hause gehn.

У Г. Вронченки:

Я барышней и милой не зовусь,
Домой-же и одна дойти не *побоюсь.*

При свиданіи съ Фаустомъ, она говоритъ ему слѣдующіе тяжелые стихи:

Да, да, вы шутите — я знаю, —
Учтивостью меня хотите пристыдить,
Кто ѣздитъ *гостемъ по чужому краю*,
Тотъ ко всему умѣетъ *снисходить*.

Когда Фаустъ цѣлуетъ у нея руку, она говоритъ:

Incommodirt Euch nicht! Wie könnt Ihr sie nur küssen?
Sie ist so garstig, ist so rauh!
Was hab' ich nicht schon alles schaffen müssen,
Die Mutter ist gar zu genau!

Неправда-ли, какъ въ этихъ словахъ видно вся чистая, прекрасная душа Маргариты, наивно признающейся въ томъ, что она сама исправляетъ всѣ работы въ домѣ, и въ то-же время старающейся выбирать фразы получше, чтобы понравиться незнакомому посѣтителю? Передать эти четыре стиха почти невозможно: въ переводѣ пропадетъ вся ихъ грація. У Г. Вронченки они впрочемъ переданы недурно, но за то послѣдующій разсказъ Маргариты о ея жизни и трудахъ весьма-слабъ, тогда какъ у Гёте онъ образецъ совершенства. Въ немъ встрѣчаются такіе стихи:

А чуть *не такъ что* — матушка сердится....
Имѣемъ по отцѣ достаточекъ *нескудный*....
Я съ нею много *нужды приняла*...
Дитя какъ будто сдѣлалось моимъ,
Со мной играло и *жило*....
Неужто, я подумала, во мнѣ
Онъ *свиду* что-нибудь *нечестное* находитъ,
Что такъ *ужъ сразу* и подходитъ.

Послѣднія слова, вылившіяся прямо изъ души:

Bin doch ein arm unwissend Kind,
Begreife nicht was er an mich find't,

переведены такъ:

Я — глупое дитя, не знаю
Чѣмъ я такимъ его прельщаю.

Влюбленный Фаустъ также выражается какимъ-то селадономъ, и даже не всегда толково:

Ну, хоть потѣшь меня немножко,
Въ ея *покойчикъ* проведи.
Достань подвязку съ *милой* ножки....
Здѣсь ею полно все! здѣсь вѣютъ надо мною
Того благаго генія *крилъ*,
Того наставника, что самъ ея рукою
Красиво стелетъ скатерть на столѣ
И даже ей песокъ *узоритъ* подъ ногою (???)....
И если-бы взошла она сюда
Какъ-бы надмѣнный вдругъ смирился,
Какъ-бы у ногъ ея *влачился!*

Въ припадкѣ страсти Фаустъ забываетъ даже о грамматикѣ и говоритъ:

Здѣсь жизни молодой полна
Дитей покоилась она!

Мефистофель и Марта объясняются хорошимъ языкомъ, хотя и у нихъ также проскакиваютъ довольно-жосткія выраженія: *свалила* грѣхъ съ своей души, *гдѣ-жъ онъ могъ-бы ихъ дѣвать*, *милый простачина*, *всякъ на сосѣдей пялится глазами* и проч. Монологъ и разговоръ Фауста въ пещерѣ переведенъ очень-дурно, хотя переводчикъ, не стѣсненный въ началѣ его рифмою, могъ-бы перевести получше. Стихи въ родѣ слѣдующихъ болѣе чѣмъ дурны:

Ты шлешь меня въ *уютную* пещеру,
Мнѣ *указуешь* самого *меня тамъ*.
. . . . . Съ нѣгой
Возвдсящей меня къ богамъ, ты далъ мнѣ
И спутника, и онъ *ужъ* мнѣ необходимъ,
Хотя холодно-дерзкій унижаетъ
Меня, въ моихъ *же онъ* глазахъ, *ничтожитъ*
Однимъ *дхновеньемъ* (!!) всѣ твои дары.
Дѣятельно онъ къ ней, къ той красотѣ,
Мнѣ въ сердцѣ дикій разжигаетъ пламень.
Такъ отъ желанья мгусь я къ наслажденью,
А въ наслажденіи тоскую по желаньи.

Въ послѣднихъ стихахъ трудно узнать прекрасную мысль подлинника:

So tauml' ich von Begierde zu Genuss
Und im Genuss verschmacht' ich nach Begierde.

И тутъ, на шести страницахъ, множество странныхъ фразъ, каковы напримѣръ: *каверзы воображенія*, твоя любовь *забурлила*, тебѣ-же все *ненадолго* опять, и все *по уши* влюблена, не я-ль бѣглецъ и *сопостатъ*, ужъ ты *отчаялся въ конецъ*, я долженъ былъ *отверженецъ крамольный* и т. д. Пѣсня Гретхенъ за прялкой, противъ нашего ожиданія, переведена не дурно. Разговоръ Маргариты съ Фаустомъ о религіи также не дуренъ, хотя, какъ мы уже сказали выше, въ рѣчахъ Маргариты нѣтъ этой непереводимой и невыразимой граціи подлинника. Первыя простыя и милыя слова ея:

Nun sag', wie hast du's mit der Religion?
Du bist ein herzlich guter Mann,
Allein ich glaub' Du hälltst nicht viel davon,

переведены такъ:

А объ религіи подумаешь, ты къ ней,
Со всею добротой твоей,
Не очень, кажется, *пристрастенъ*?

Въ этой сценѣ есть впрочемъ одинъ очень-удачный стихъ, который у Гёте слабѣе, чѣмъ въ переводѣ. Мефистофель говоритъ про женщинъ:

Желая знать, что думаетъ дружокъ,
Они смыкаютъ такъ: кто вьруетъ, тотъ вьренъ.

Въ разговорѣ Гретхенъ и Лизхенъ есть также нѣкоторыя выраженія, бросающіяся въ глаза. Напримѣръ, Гретхенъ говоритъ про себя: *Я домоспдъ!* Лизхенъ — что Варя *въ себѣ должна двоихъ кормить*; — по русски это значитъ, что она беременна двойнею, тогда какъ въ подлинникѣ сказано просто:

Sie füttert zwei, wenn sie nun isst und trinkt.

Что это за стихи говоритъ Маргарита:

Бывало, знаешь, есть *пятно*,
На той-то, *отъ того-ль, другаго-ль*,
Чернишь хоть ужь и такъ черно,
А разчернить не можешь *вдоволь*?

Молитва Гретхенъ передъ образомъ Скорбящей-Богоматери не точна, но недурно переведена. Вся сцена съ Валентиномъ также принадлежитъ къ числу лучшихъ, хотя слова его въ подлинникѣ достигаютъ высокой степени искусства, благородной простоты и глубокихъ чувствъ. Въ переводѣ Валентинъ говоритъ также много неправильнаго и тяжолаго. На-примѣръ:

И вдругъ стаканъ свой подниму
И молвлю: *всякъ по своему!*...
Какую въ здѣшней сторонѣ
Не то, чтобъ съ Гретхенъ *поровнять*,
А хоть бы въ *служки* (?) ей отдать.
И вотъ подымутъ шумъ и *гвалъ* (?) ([17])...
На *темя* рви *пуки* волосъ!..
Тебя какъ *язвы моровыя*
При встрѣчѣ убѣгать начнутъ, и проч.

Сцена въ церкви — верхъ поэзіи, красоты и чувства въ подлинникѣ, — очень-слаба въ переводѣ. Несравненно лучше переведена она у Г. Огарева. ([18]) Въ двухъ слѣдующихъ сценахъ, «Вальпургская ночь» и «Интермедія», есть много удачныхъ мѣстъ, но и неудачныхъ также достаточно, на-примѣръ:

Краюшка-мѣсяцъ всходитъ запоздалый ...
Въ *укромы* бездны проникаетъ....
Мрачность ночную *сугубитъ* туманъ....
На *поросятницъ* несется *матерой*....
Всегда вѣдь въ *бо́льшемъ свѣта кругѣ*
Творятся меньшіе кружки....
Смотри старухи какъ закутаны *исправно*,
А младшія какъ *перстъ* разоблеклись....
Никто ихъ *вѣжделей* (!?) не закрылъ!...
Жилъ полъ-вѣка мужъ съ женой,
Чего-жъ *дожился* (?) — свадьбы!
Ему за подвигъ столь большой
Хоть лучшее *что дать-бы* (??).

([17]) Слово *гвалтъ* (Gewalt) Г-нъ Вронченко пишетъ вездѣ *гвалъ*, вѣроятно для рифмы. Тоже самое встрѣчаемъ и у Г. Губера.

([18]) «Отечественныя Записки» 1841-гол ода.

Кромѣ того *кои*, *однакъ*, *всякъ* и усѣченныя окончанія прилагательныхъ встрѣчаются довольно-часто. Слово *шабашъ* стоитъ вездѣ съ удареніемъ на *ша*, вмѣсто *Маммонъ* употреблено имя это въ женскомъ родѣ *Маммона*, неизвѣстно на какомъ основаніи. Аллегорическое значеніе этихъ сценъ также очень-дурно или почти совсѣмъ необъяснено, вѣроятно, въ-слѣдствіе идеи переводчика о безполезности комментаріевъ, выраженной имъ въ *Обзорѣ*. Онъ сознается однако-же, что сцены эти *нужны* для хода поэмы, кромѣ *Интермедіи*, которая, по его мнѣнію, не имѣетъ къ піесѣ никакого отношенія. Болѣе ничего не сказалъ переводчикъ о внутреннемъ значеніи этихъ сценъ, кромѣ того, что Гёте весьма напрасно помѣстилъ въ нихъ множество личностей противъ своихъ непріятелей, тѣмъ болѣе, что многіе изъ его намѣковъ и остротъ утратили для насъ всякое значеніе. Упрекъ этотъ съ одной стороны справедливъ, но съ другой, во всякомъ произведеніи писателя отражается народность націи, къ которой онъ принадлежитъ. Для другихъ націй народность эта, очевидно, будетъ неясна, и множество красотъ подлинника для читателя не одноплеменнаго съ авторомъ пропадутъ совершенно. Намѣки на современное положеніе германскаго общества во-время Гёте, конечно, не могутъ быть намъ понятны, точно такъ, какъ на-примѣръ «Горе отъ Ума», переведенное на нѣмецкій языкъ, или для читателя-германца — потеряло-бы половину своего достоинства. Къ-тому-же, въ-слѣдствіе разныхъ, очень-часто *независящихъ отъ автора обстоятельствъ*, онъ не *можетъ* и не *долженъ* высказать ясно то́, что́-бы ему хотѣлось, и потому скрываетъ подъ аллегоріями и намѣками мысль свою. Такъ сцены въ «Кухнѣ вѣдьмъ», «Вальпургской ночи» и »Интермедіи», необходимыя по содержанію поэмы для того, чтобы *плоскою ничтожностью* (durch flache Unbedeutenheit) утомить стремленіе Фауста къ духовному и заставить его обратиться къ земнымъ удовольствіямъ, — въ то-же время заключаютъ въ себѣ ѣдкую сатиру на многія литературныя, ученыя и политическія мнѣнія того времени. Конечно, нѣкоторые изъ этихъ намѣковъ до-сихъ-поръ еще необъяснены, но въ этомъ виноваты нѣмецкіе комментаторы, нерастолковавшіе ихъ какъ слѣдуетъ, или думавшіе, что понятное имъ должно быть понятно для всѣхъ. Такъ *Кухня вѣдьмъ* содержитъ въ себѣ сатиру на журналистовъ того времени. Вѣдьмы — по выраженію Лейтбехера — Музы глупости (Musen des Unsinns). Таблица умноженія (das Einmal-eins), которую вѣдьма читаетъ надъ волшебнымъ питьемъ, дающимъ молодость — прямая насмѣ-

шка надъ философами, излагавшими свои мнѣнія туманно-нелѣпыми выраженіями, въ родѣ тѣхъ, которыя говоритъ вѣдьма:

Du musst verstehn!
Aus Eins mach' Zehn
Und Zwei lass gehn
Und drei mach' gleich

и надъ которыми смѣется Мефистофель:

Es war die Art zu allen Zeiten
Durch Drei und Eins und Eins und Drei
Irrthum statt Wahrheit zu verbreiten.

Вальпургская ночь есть аллегорія (во многихъ мѣстахъ даже слишкомъ ясная) самаго грубаго разврата, самой грязной чувственности. Это настоящія сатурналіи Среднихъ Вѣковъ (19). Въ этой сценѣ Гёте далъ просторъ своей удивительной фантазіи, олицетворилъ самыя прихотливыя созданія народнаго воображенія и вмѣстѣ съ тѣмъ нанесъ жестокіе удары Христіану Фридриху Николаи, берлинскому литератору-книгопродавцу, унижавшему въ своихъ критическихъ изданіяхъ все, чѣмъ гордилась Германія (20). У Г. Вронченки не объяснено значеніе Баубо, голосовъ снизу, генерала, эксъ-министра, parvenu и вообще лицъ, являющихся въ интермедіи, тогда какъ ему стóило только заглянуть въ *Лейтбехера* или *Вебера*, чтобы ясно понять, по-чему и за-чѣмъ лица эти введены въ поэму. Надъ однимъ изъ нихъ

---

(19) *Вальпургская ночь* получила свое названіе отъ *Вальпурги* (Walpurgis) племянницы германскаго апостола Бонифація, распространявшей въ Германіи Христіанство въ половинѣ VIII столѣтія и причтенной Католическою церковью къ лику святыхъ. Память ея празднуется 1-го Мая и въ ночь наканунѣ этого числа, по народному повѣрью, на вершинѣ Блоксберга (Брокенъ) собираются духи и вѣдьмы, праздновать свой шабашъ. Германскіе коментаторы не объясняютъ, что значитъ Вальпургская ночь, потому что преданіе это у нихъ всѣмъ извѣстно; по русскому переводчику не мѣшало-бы упомянуть объ этомъ, потому что его читатели могутъ и не знать этого.

(20) Въ Интермедіи подъ именемъ *Проктофантазмиста* выведенъ также Николаи.

(Лилитъ) онъ даже насмѣхается, увѣряя, что ей незачѣмъ было являться на сцену. Поэтому весь интересъ этихъ сценъ пропалъ въ переводѣ, и не мудрено, что сцены покажутся скучными и непонятными.

Слѣдующая за тѣмъ сцена въ полѣ, написанная прозой, также щеголяетъ довольно-странными оборотами, на-примѣръ: *Пріосанивайся теперь, ворочай своими яростными, бѣсовскими очами; не скалься такъ на меня алчными своими зубами, мнѣ дѣлается тошно* (sic!); ты равнодушно *осклабляешься; я не властенъ разорвать мстителевы оковы* и т. п. Послѣдняя сцена въ темницѣ, превосходно переданная Г. Губеромъ, у Г. Вронченки слаба, хотя въ ней нѣкоторыя мѣста переведены хорошо. Самый первый стихъ монолога Фауста непріятно поражаетъ слухъ:

Меня, объемлетъ страхъ, давно *незнанный* мною!

Хорошъ также и послѣдній:

Ты руку помощи ей не спѣшишь *простеръ!*

Послѣ словъ Маргариты онъ-же наивно восклицаетъ:

О, скорбь, превыше всѣхъ скорбей!

Въ подлинникѣ это значитъ:

Werd' ich den Jammer überstehen!

Неизвѣстно также, почему слова *Маргариты*

Und das Kleine (lege) mir an die rechte Brust

переведены:

Дитя жъ положишь *къ* правому мнѣ *боку.*

Заключимъ выписки наши и разборъ перевода Г-на Вронченки знаменитымъ монологомъ Гретхенъ, достигающимъ въ подлинникѣ высокой степени совершенства:

Wären wir nur den Berg vorbei!
Da sitzt meine Mutter auf einem Stein,

Es fasst mich kalt beim Schopfe!
Da sitzt meine Mutter auf einem Stein
Und wackelt mit dem Kopfe,
Sie winkt nicht, sie nickt nicht, der Kopf ist ihr schwer,
Sie schlief so lange, sie wacht nicht mehr.
Sie schlief damit wir uns freuten.
Es waren glückliche Zeiten!

Вотъ какъ г-нъ Вронченко перевелъ эту картину, полную удивительной красоты и глубокаго чувства:

Намъ только-бъ *горку* миновать скорѣе.
На камнѣ тамъ старушка-мать сидитъ —
Меня морозъ по кожѣ *подираетъ* —
На камнѣ мать сидитъ
И головой *шатаетъ*.
Не взглянетъ, не *кивнетъ*, *головка* тяжела.
Спитъ крѣпко и *ужъ* ей не встать, не пробудиться:
Уснула, чтобъ могли мы веселиться!
Счастливая тогда пора была!

Этотъ отрывокъ превосходно характеризуетъ весь вообще переводъ Г-на Вронченки. Переведено вѣрно, но что въ этомъ, когда въ переводѣ не сохранена ни одна искра поэзіи Гёте, когда мѣста, полныя огня и чувства, переведены съ какою-то ужасающею, холодною безжизненностью! Для доказательства взгляните на приведенный отрывокъ. Тѣ-же девять строчекъ, тотъ-же смыслъ въ каждой строчкѣ, почти тѣ-же слова (съ тою только разницею, что въ подлинникѣ они соотвѣтствуютъ выражаемой ими идеѣ, а по-русски выходятъ тривіальны); но отъ-чего-же стихи Гёте заставятъ насъ содрогнуться, а стихи Г. Вронченки — улыбнуться? Отъ-того, что въ нихъ нѣтъ того, что составляетъ жизнь, душу стиха — нѣтъ поэзіи, нѣтъ чувства. Когда переводъ Г-на Губера явился въ свѣтъ (въ 1838-мъ году), вотъ что говорила по поводу его появленія «Библіотека для чтенія», весьма-дѣльно и — главное, не острясь и не любезничая съ читателями, что впрочемъ было весьма-трудно сдѣлать говоря о такомъ произведеніи какъ Фаустъ: «Вѣренъ-ли переводъ Г-на Губера? — Вѣренъ, удивительно вѣренъ, если *вѣрность состоитъ въ произведеніи посредствомъ перевода такого-же очарованія, какое произвелъ-бы въ читателѣ самый подлинникъ*... Но если вы будете требовать отъ перевода подстрочнаго сколка выраженій подлинника, рабской передачи словъ, въ ко-

торой вся сила, вся красота, вся прелесть, весь самобытный характеръ оригинала, по необходимости, приносятся въ жертву пошлой славѣ буквальности, то причтите трудъ Г-на Губера къ такъ называемымъ вольнымъ переводамъ. Мы, съ нашей стороны, поздравляемъ его, что въ этомъ отношеніи онъ невѣренъ. *Человѣкъ съ истиннымъ дарованіемъ не можетъ дѣлать буквальныхъ переводовъ, особенно въ поэзіи: такіе переводы изготовляютъ только люди бездарные, умы сухіе и мелкіе, ремесленники безъ мысли и чувства*»

Мы совершенно согласны съ этимъ мнѣніемъ; но «Библіогека для чтенія», выхваляя въ 1844-мъ году переводъ Г. Вронченки, вѣроятно, забыла то, что говорила въ 1838-мъ по поводу перевода Г. Губера. Съ нашими журналами это часто случается. Для контраста приведемъ *невѣрный* переводъ этого-же монолога у Г-на Губера.

Но гдѣ пройти?... Нога дрожитъ!
На жосткомъ камнѣ, въ дикомъ полѣ
Старушка мертвая сидитъ...
Душа отъ страха замираетъ!
Старушка мертвая сидитъ
И головою мнѣ киваетъ.
Она меня не позвала,
Глава отъ сна отяжелѣла,
Дочь цѣловалась, мать спала,
А время все себѣ летѣло!...

Конечно, это не точно, но за то тутъ есть жизнь, есть чувство, есть поэзія, чего не имѣется въ стихахъ г-на Вронченки, которые кромѣ этого еще и тяжелы, что въ наше время большая рѣдкость. Неужели Г-нъ Вронченко думаетъ, что съ-тѣхъ-поръ-какъ онъ издалъ переводъ *Гамлета*, русскіе стихи пишутся все точно такимъ-же образомъ? Въ этомъ онъ очень ошибается. Въ наше время легкій стихъ уже никого не удивитъ, потому-что отъ него требуютъ кромѣ гармоніи — еще и мысли; тѣмъ болѣе тяжеловѣсные стихи не возбудятъ ничьего восторга.

—

Какой-же выводъ мнѣнія нашего о переводѣ Г-на Вронченки, — читатели могутъ видѣть изъ самого разбора. Трудъ его, — какъ

онъ ни слабъ, — заслуживалъ-бы всё-таки уваженія, если-бы онъ былъ сдѣланъ безъ всякихъ претензій на *вѣрность* перевода, если-бы переводчикъ не такъ рѣзко выражался обо всемъ и обо всѣхъ, и наконецъ если-бы самъ уважалъ великаго Гёте. Но тонъ, которымъ онъ отзывается о второй части Фауста, и странныя идеи, высказанныя имъ объ этомъ геніальномъ произведеніи, уничтожаютъ въ глазахъ нашихъ всякую заслугу его. Намъ кажется, что мы привели довольно доказательствъ несовершенства первой части, какъ въ поэтическомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи къ вѣрности перевода. Постараемся опровергнуть теперь мнѣніе его о второй части полнымъ обзоромъ ея. Критическій разборъ конченъ, займемся эстетическимъ. Это тѣмъ пріятнѣе для насъ, что, будучи принуждены до-сихъ-поръ только охуждать, мы перемѣнимъ нашу роль, и станемъ удивляться, удивляться всему: и высокимъ красотамъ поэмы Гёте и мнѣніямъ объ ней Господина Вронченки.

=

РАЗСТАЛИСЬ МЫ...

Разстались мы — и встрѣтимся-ли снова,
И гдѣ, и какъ мы встрѣтимся опять,
То знаетъ Богъ, а я отвыкъ ужъ знать,
Да и мечтать мнѣ стало нездорово...
Знать и не знать — ужель не все равно?
Грядущее — неумолимо строго.
Какъ водится, разстались мы давно,
И зная то, я знаю слишкомъ много...
Повѣртье, то, что знанія бѣда,
Сбывается. Старѣемъ мы прескоро
Въ нашъ скорый вѣкъ. Такъ въ ночь, отъ приговора
Сѣдѣетъ осужденный иногда.

А. ГРИГОРЬЕВЪ. (1. 4.)

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ

РУССКАГО ТЕАТРА.

ВОСПОМИНАНІЕ О МИХАЙЛѢ МАТВѢЕВИЧѢ ХЕРАСКОВѢ, КАКЪ О ДРАМАТИЧЕСКОМЪ ПИСАТЕЛѢ.

— А что́, Елисавета Васильевна, что́ у насъ сегодня будетъ къ обѣду? Скажи-ка душа, что́ ты нынче приказавала?

Елисавета Васильевна молчала и, устремивъ все вниманіе на свою работу, прилежно трудилась около какой-то флёровой фалболки.

— Душа, а душа? повторилъ опять Михаилъ Матвѣевичь Херасковъ: у насъ сегодня будетъ Василій Васильевичъ Капнистъ, знаешь, что *Яведу* смастерилъ. Молодецъ, сударка! Чудная комедія! Онъ будетъ, а, можетъ-быть, забѣжитъ и сосѣдъ Вышеславцовъ, да и еще коё-кто....

— Забѣгутъ и выбѣгутъ! отрывисто и съ досадою замѣтила Елисавета Васильевна. — И странное дѣло, Михайло Матвѣе-

вичъ! продолжала она: вы никогда не спросите, есть-ли что у насъ, да и называете гостей! Мнѣ и вчера такъ совѣсто было передъ Шаликовымъ, а онъ, знаете?...

— Что́! что́, знаете? — возразилъ Михаилъ Матвѣевичъ: князь Петръ Ивановичъ добрый и хорошій малый, любитъ посмѣяться иногда... да спрашивается, кто-жъ-бы изъ насъ, въ его лѣта, не перебросилъ изъ пустаго въ порожнее? Но не о томъ.... Утѣшься, дружокъ: сегодня мнѣ хотѣлъ прислать Кольчугинъ за мою *Венціянскую монахиню* цѣлую сотню цѣлковыхъ; у себя оставлю только пять рублей, а остальные всѣ къ тебѣ въ кассу! Поцѣлуй-же?

— Знаемъ мы этихъ господъ Кольчугиныхъ, съ недовѣрчивостію и досадою прошептала Елисавета Васильевна: хорошо они носятъ тебѣ сотни! Смѣхъ, да и только! Разбогатѣлъ сочиненіями, или, лучше сказать, насмѣшками: стыдно признаться, засы́пали тебя ими.... Посмотритко, кто надъ тобою не хохочетъ — и Каннистъ твой, и Карамзины, и Дмитріевы.... Ужъ какой-нибудь Пельской и тотъ поднялъ на зубы твою Милану, Милену, или какъ-бишь ее? Стыдись, сударь! не пиши, не пиши.... Я говорю тебѣ... Срамишь!...

— Отъ Кольчугина прикащикъ, доложилъ старый слуга Хераскова.

— Постой- же, постой-же! — вскричала Елисавета Васильевна: ты не выходи къ нему, я съ нимъ раздѣлаюсь.

И съ этимъ словомъ она выбѣжала къ прикащику.

— Извольте принять, ваше превосходительство, сто-двадцать-два рубля сорокъ-четыре копѣйки, по счету, за трагедію; а за поэму Чесменскую на-дняхъ доставитъ недоимку Походяшинъ.

— А сколько бишь? — улыбнувшись, спросила Елисавета Васильевна.

— Двѣсти-шестнадцать рублей и двѣ гривны, кажется, отвѣчалъ прикащикъ: да книгами на сто-на-восемьдесятъ рублей.

— Ахъ! Пожалуста, книгами ненадобно!

— Да ужъ забрано, ваше превосходительство!»

— Михайло Матвѣевичъ! Михайло Матвѣевичъ! закричала Елисавета Васильевна: — что́ еще за глупости! Какихъ это ты книгъ забралъ у Кольчугина на сто-на-восемьдесятъ рублей?

— Взялъ, душенька! отвѣчалъ поэтъ: незабудь-же пять цѣлковиковъ мнѣ?

— А какъ ничего!... Вы уже изволили разсчитаться, на свою долю, глупостями, по-дурацки!... И съ этимъ словомъ, она почти вы-

дернула деньги у прикащика, заставивъ мужа при себѣ-же расписаться въ ихъ полученіи.

— Я вамъ говорю, сударь, добавила она: вамъ пора перестать дурачиться! Каково-жъ это мнѣ-то? Всѣ дамы, какъ дамы, а мнѣ ужъ и другаго имени нѣтъ — *жена сочинителя*, то-есть...

— Василій Васильевичъ и Михайло Михайловичъ! доложилъ вошедшій лакей:

— Только ихъ и не доставало, пробормотала Елисавета Васильевна.

— Милости просимъ, милости просимъ, возвышая голосъ, повторялъ Михайло Матвѣевичъ:

Друзья-товарищи не взыщутъ,
Чѣмъ Богъ послалъ, тѣмъ накормлю;
Вѣдь не обѣда-жъ они ищутъ,
А на мое идутъ — люблю!....

— Браво! Браво! говорилъ Василій Васильевичъ: отвѣчу вамъ по-Сумароковски.

Чего у друга намъ залишняго искати,
Кромѣ одной его любви?
Давно о томъ, онъ, другъ, возможетъ твердо знати....»

Никакъ не приберу къ любви рифмы! Я не поэтъ! Буду просить на помощь Елисавету Васильевну. Ваши послѣдніе стихи переполнили всю мою душу; они льются и я невольно читаю:

Что̀ значитъ человѣкъ, въ пространномъ мірѣ семъ?
Подвластно все ему; но онъ всегда вздыхаетъ;
Не утѣшается въ природѣ онъ ни чѣмъ,
Желаній, чувствъ своихъ ни чѣмъ не насыщаетъ!...
Конечно для него другой настанетъ вѣкъ...
Для настоящаго ненуженъ человѣкъ! (*)

Много-ли такой чисто-философской поэзіи и у самихъ пресловутыхъ энциклопедистовъ?

— Шу́тите, шу́тите, вѣчно шу́тите!... замѣтила Василью Васильевичу какъ-бы недовольная Елисавета Васильевна.

(*) Стихи эти напечатаны, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ первой книжкѣ «Аонидъ,» изданныхъ Н. М. Карамзинымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Лизанька, говорилъ Михаилъ Матвѣевичъ: такой поэтъ не шутитъ, который и пѣсней и дѣломъ давно доказываетъ намъ, что онъ не служитъ

Чести кумиру,

А говоритъ прямо:

Ползкомъ я злата не ищу;
Доволенъ малымъ, жизнь и лиру
Любви и дружбѣ.... отдалъ!

Отдалъ! Именно отдалъ; да и вся тутъ недолга — онъ для поэзіи, а поэзія для него (**).

Пошли комплименты; вспомнили, не однажды, Державина съ его: «Алмазна сыплется гора!» Но назвали Карамзина по прозѣ, а Дмитріева по стихамъ — *революціонерами*! Разумѣется, ни Каппистъ, ни Вышеславцевъ на то́ не изъявляли своего полнаго согласія, да вошелъ Пельской и, смѣясь въ душѣ, пресерьёзно началъ разсказывать, о *революціонныхъ* подвигахъ, затѣянныхъ въ родной литературѣ нашей сначала Тредьяковскимъ, который первый заковалъ русскій стихъ въ мѣру, продолжалъ пришелецъ: — а Ломоносовъ воткнулъ насъ и въ Латынь, и въ Нѣмцевъ; — съ ними-же закутилъ и Сумароковъ, наряжая насъ въ Корнели и.... Тутъ уже быстрою рѣкою полилась рѣчь о литературныхъ заслугахъ Карамзина, сбившаго съ толку, по словамъ школы Сумароково-Ломоносовской, всю законную грамматикальность славяно-русской прозы.

— Революція, революція да и только! смѣясь повторяла Елисавета Васильевна.

— Полноте, полноте, ваше превосходительство, съ важностію уговаривалъ Елисавету Васильевну Михаилъ Михайловичъ Вышеславцевъ: лучше, не угодно-ли вамъ замѣтить, что мы не терпѣливы....

— Мы не хотимъ, подхватилъ Каппистъ, — дождаться плодовъ нашего просвѣщенія, не даемъ зрѣть имъ такъ, какъ-бы должно

(**) Смотри лирическія сочиненія В. В. Капписта; тутъ есть также маленькая невѣрность, противу тамъ напечатанныхъ; но весь этотъ разсказъ въ такомъ видѣ мнѣ переданъ былъ незабвеннымъ для меня княземъ Иваномъ Михайловичемъ Долгоруковымъ. — М.

было, пересаживаемъ все на грядки, въ парники, въ теплицы, придаемъ тѣмъ нашимъ растеніямъ и ростъ и силы ненатуральныя, и вотъ потому-то наши шаги къ истинѣ свѣта, бо́льшею частію и шатки, и невѣрны! Но Екатерина поняла великую мысль эту, — она оставляетъ все безъ натяжекъ: наука не должность, а свобода!

Такъ было, такъ мыслили, такъ думали въ доброе старое время. Предложивъ здѣсь выдержку изъ тайнъ житейскихъ нѣкогда именитаго нашего поэта, по моему мнѣнію, я положилъ тѣмъ какую-то понятную тѣнь духа того времени, когда говорили о нашемъ Херасковѣ, какъ о поэтѣ вполнѣ ученомъ, вполнѣ славномъ? Онъ тогда написалъ уже цѣлые томы своихъ произведеній, и блеснулъ въ особенности поэмами!...

Для театра имъ изданы слѣдующія піесы.

ТРАГЕДІИ:

1. *Венеціянская Монахиня*, въ трехъ дѣйствіяхъ, (въ стихахъ).
2. *Пламена*, въ пяти дѣйствіяхъ, (въ стихахъ).
3. *Мартезія* и *Фалестра*, въ пяти дѣйствіяхъ, (въ стихахъ).
4. *Борислава*, *Царь Богемскій*, въ пяти дѣйствіяхъ, (въ стихахъ).
5. *Идолопоклонники* или *Горислава*, въ пяти дѣйствіяхъ, (въ стихахъ).
6. *Цидъ*, передѣланная изъ Корнеля, (въ стихахъ).
7. *Юліянъ отступникъ*, въ пяти дѣйствіяхъ, (въ стихахъ).
8. *Освобожденная Москва*, въ пяти дѣйствіяхъ, (въ стихахъ).

Итого восемь трагедій. За ними слѣдуютъ комедія *Ненавистникъ*, въ трехъ дѣйствіяхъ (въ прозѣ). Одна только и есть и та не оригиналъ, а сколокъ съ французскихъ Мизантроповъ, бывшихъ тогда въ сильной модѣ.

Комедію эту сопровождаютъ пять слезныхъ драмъ и одна еще съ пѣснями. Вотъ ихъ заглавія:

1. *Другъ несчастныхъ*, въ трехъ дѣйствіяхъ.
2. *Гонимые*, въ трехъ дѣйствіяхъ.
3. *Милана*, въ двухъ дѣйствіяхъ, съ пѣснями.
4. *Школа добродѣтели*, въ пяти дѣйствіяхъ.
5. *Извинительная ревность*, въ трехъ дѣйствіяхъ.

Венеціянская Монахиня первоначально была напечатана какъ замѣчательный опытъ юнаго поэта, въ 1758 году, но не играна. Сильно тогда еще дѣйствовало предубѣжденіе (какъ и нынче) читать и смотрѣть только однѣ именитости, къ числу ко-

торыхъ, въ главѣ, рѣшительно принадлежали только Сумарокову, Майковъ и Княжнинъ, а потому-то и *Монахиня* Хераскова прочтена, перелистована коё-кѣмъ и оставлена безъ всякаго вниманія. Такъ прошли цѣлые годы, и только въ 1780 годахъ явилась она на московской сценѣ; — тутъ, при игрѣ роли Занеты (Монахини) Маріею Степановною Синявскою, (въ-послѣдствіи Сахаровою) московская публика была въ полномъ восторгѣ, и съ того времени «Венеціянскую Монахиню» играли почти безпрестанно.

Устарѣлъ языкъ Занеты; а было время, когда рыдалъ партеръ и отъ такихъ ея словъ:

«Вредна сердцамъ любовь!....
Спѣши, Занета, ты предъ олтарями пасть,
Омой слезами грѣхъ. Но я, смутясь, робѣю!
.... Страшусь.... грущу....
Во храмъ хочу войдти и возвращаюсь....
.... Въ моей крови горитъ любовь.
О силы вышнія! Вы подкрѣпите,
Подайте помощь мнѣ....!
.... Я къ Господу въ молитвахъ прибѣгаю,
. . . . . .
. . . . . .
Конечно благодать меня къ себѣ зоветъ!
. . . . . .
Я слѣдую тебѣ, невѣдомая сила
. . . . . .
Спокойствіе мнѣ въ душу вѣра льетъ;
А сердце въ трепетѣ покою не дастъ!
Страсть съ вѣрой борется!...

Мартезія и Фалестра была напечатана въ 1765 году; убита партіею Майкова, но однакожъ дошла на московскую сцену въ началѣ настоящаго столѣтія, не упомню въ чей-то бенефисъ. Она не имѣла уже славы *Венеціянской Монахини*, но нравилась нашей публикѣ, потому-что принадлежала перу творца «Россіяды».

Борислав напечатанъ, послѣ своего представленія на Придворномъ-Театрѣ, 1774 года. Онъ удерживался нѣсколько времени игрою Дмитревскаго и славной въ свое время Троепольской. И въ *Борислав* были стихи, которые оставались въ памяти у многихъ; такіе на-примѣръ:

Въ отчаяньи моемъ я цѣлый свѣтъ забылъ.
На что престолы мнѣ возлюбленной лишенну!...

Все это очень нравилось, особенно Москвичамъ; — со всѣмъ тѣмъ *Борославъ*, возродивъ какой-то ученый споръ о тождествѣ своемъ съ нашимъ, прямо-русскимъ, *Борисомъ*, не поравнялся и своею удачею на сценѣ, съ «Венеціянскою Монахинею», точно также, какъ и слѣдовавшая за Борославомъ Хераскова трагедія *Идолопоклонники*; но эта, по-крайней-мѣрѣ, и донынѣ осталась своимъ именемъ — во французскихъ Вегелиновыхъ учебныхъ разговорахъ, подъ статьею *разговоръ о театрѣ*.

«Странное дѣло!» скажутъ многіе: «трагедіи Хераскова хуже-ли были Сумароковскихъ, а, какъ видно, за исключеніемъ *Монахини*, то падали, то хромали; Сумароковъ-же, и въ послѣднее время Хераскова все еще держался своимъ *Дмитріемъ Самозванцемъ*, своимъ *Синавомъ и Труворомъ*, своимъ Хоревомъ — и мало-ли чѣмъ?» — Но Сумароковъ-то, какъ я намекнулъ уже, кажется, и былъ рѣшительною бѣдою для трагедій почтеннаго Михайла Матвѣевича: слава людей прославленныхъ, и дѣльно, и недѣльно, иногда держится очень-долго, и въ толпѣ невольно рождается мысль въ пользу утвердившейся знаменитости, съ которою равенство считаютъ невозможнымъ. Въ Хераскова-же дни явился Николевъ съ своею «Сореною» и другими, пришедшимися по вкусу публики піесами и, въ то-же время зараждалась уже новая, могучая мысль — слѣдовать въ языкѣ Карамзину, указывавшему на природу, говорившему языкомъ ея, — новая революція въ нашей литературѣ! Херасковъ не имѣлъ силъ устоять противъ нея! Не взирая на то, его послѣднюю трагедію, *Зареида и Ростиславъ*, издала еще на свой счетъ Россійская-Академія.

Гибель классикѣ была приговорена. И самъ Херасковъ, оставя своихъ Борославовъ съ товарищами, подъ прикрытіемъ французскихъ знаменитостей — Корнеля, Вольтера и другихъ, — припялся передавать ихъ намъ почти слово-въ-слово; у него явились и *Цидъ*, и *Отступникъ Юліанъ*, трагедіи обѣ игранныя; но, по предубѣжденію нашихъ знатоковъ литературы и критиковъ, вездѣ говорено было: «Куда намъ, Русскимъ, передавать на своемъ языкѣ Вольтеровъ, Корнелей, Расиновъ? Они чужіе намъ; должны быть и оставаться на своемъ, чужомъ для насъ языкѣ», и т. п.

Такъ поговаривали тогдашніе умники; но переводы Хераскова нѣсколько лѣтъ держались у насъ на сценѣ. Впрочемъ, отъ

однихъ сказанныхъ толковъ, Херасковъ чуть-чуть не упалъ всѣмъ своимъ духомъ. Сама Елисавета Васильевна долго не глядѣла на него глазами и твердила: «За-чѣмъ браться не за свое? Никакой прононсіи нѣтъ, и вздумалъ еще переводить величайшихъ французскихъ классиковъ!» Но Херасковъ скоро былъ вырученъ отъ ужасныхъ бѣдъ: ему помогла его новая трагедія, *Освобожденная Москва*, разыгранная въ Москвѣ 18 января 1798 года, лучшими тогдашними актерами *Плавильщиковымъ*, *Померанцовымъ*, *Сахаровымъ*, *Шушеринымъ*.

— Москва на сценѣ, Москва, спасительница всей Руси! твердила Москва, и этого уже было очень-довольно для *Освобожденной Москвы*. Ее играли нѣсколько разъ сряду и въ каждое представленіе отъ множества зрителей трещалъ помостъ партера! Въ *Освобожденной-же Москвѣ* впервые были услышаны на сценѣ имена Минина, Пожарскаго, Трубецкаго; тутъ только имъ указана вся цѣна нашему духу народному — стоять за свое и своихъ!

Кромѣ-того, неоспоримо, что тою-же самою *Освобожденною Москвою* Херасковъ положилъ путь къ появленію *Пожарскаго*, сочиненнаго Крюковскимъ.

Стихи Хераскова въ этой трагедіи лучше Сумароковскихъ; но все-еще изобильны рифмами, въ родѣ *опустошены* и *орошены*, и словами, неупотребляемыми въ натуральномъ разговорѣ. Съ другой стороны, есть тутъ и такіе стихи, при выраженіи которыхъ актеромъ, хорошимъ чтецомъ, слушатели приходили въ восторгъ. Вотъ нѣкоторые изъ такихъ стиховъ:

> За вѣру да за тронъ безстрашно всѣ помремъ!
> Не мелочи войнѣ должны мы замѣчать;
> Россія въ крайности — идемъ ее спасать!

Послѣдніе два стиха напоминаютъ мнѣ одинъ случай 1812 года. Старикъ, Переяславля-Залѣсскаго помѣщикъ, Барыковъ, поступивъ въ ополченіе, непремѣнно требовалъ, чтобъ его назначили въ дѣйствующіе противъ непріятеля. — Батюшка! говорилъ ему сынъ его, подполковникъ: вы въ тридцатилѣтней отставкѣ вашей совсѣмъ раззнакомились съ формами службы; васъ убьетъ одинъ маршъ. — Старикъ вспомнилъ *Освобожденную Москву* и сказавъ: «Забывъ правила маршей, побѣгу на врага, собью его съ разлета съ такты», потомъ пропѣлъ:

Не мелочи въ войнѣ должны мы замѣчать!

Весьма также нравились нашей публикѣ и слѣдующіе стихи Хераскова:

Порода знатная, безъ добрыхъ дѣлъ, ничто!
Тотъ въ мірѣ знаменитъ, полезенъ Царству кто!
Держава безъ Царя не существуетъ уже!...

и проч. и проч.

Но подобныхъ стиховъ очень-много въ упоминаемой нами драмѣ. Москва ихъ безошибочно вытвердила и громко прочла предъ полчищами Наполеона. Впрочемъ, все это было уже съ исправками Озерова и Крюковскаго.

Послѣ первыхъ представленій этой трагедіи, обыкновенно пѣвали хоръ, особо добавленный ея-же авторомъ. Вотъ онъ:

Да Царь нашъ и его потомки
Во свѣтѣ славой будутъ громки!
Романовыхъ въ Россіи родъ
Да въ-вѣкъ на тронѣ утвердится,
Какъ солнце свѣтло да явится
И полонъ, какъ пучина водъ!

Хоръ этотъ производилъ живое впечатлѣніе на зрителей, которые не одинъ разъ возглашали: «Слава, слава Царю!» и гремѣли единодушнымъ *ура!* Государь Императоръ Павелъ Петровичъ пожаловалъ Хераскову драгоцѣнный подарокъ, и всякій разъ, когда изволилъ бывать въ театрѣ, по исполненіи помянутаго хора, говаривалъ: «Спасибо, спасибо старику!»

=

Изъ комедій Хераскова мы знаемъ *Ненавистника*, въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненную 1770 года и въ первый разъ разыгранную на петербургскомъ театрѣ; мысль этой комедіи, какъ уже я сказалъ, заимствована изъ Мольерова *Мизантропа*, но не весьма-удачно. *Эмилій* Хераскова — Мизантропъ своей выкройки:

онъ ненавидитъ людей; но онъ-же клеветникъ и сплетникъ. Вотъ маленькая черта изъ характера этого лица: онъ разослалъ своихъ агентовъ по всему городу и бранить, и хулить, и сплетничать, единственно изъ ненависти ко всему человѣчеству; тѣмъ спокойна душа его — восторгъ овладѣлъ имъ, и вотъ что онъ говоритъ самъ себѣ:

Теперь на нѣсколько я душу успокою;
Польется въ городѣ злословіе рѣкою.
Пускай клевещутъ всѣхъ такіе бѣдняки...

Съ нѣкоторыми онъ только-что разстался; дѣло идетъ о его агентахъ:

Они всѣ въ выдумкахъ гораздо мнѣ съ руки;
И сжели они весь городъ перебѣсятъ,
Пускай самихъ ихъ всѣхъ торжественно повѣсятъ!
Не вправѣ-ли думаютъ, что я имъ вѣрный другъ?
Мнѣ надобны они для маленькихъ услугъ,
Несходныхъ съ честностью, съ самимъ людскимъ закономъ;
Я съ ними обхожусь, какъ-будто-бы съ лимономъ:
Сокъ выжму изъ него — бросаю за окно!
Что дружба, что лимонъ — по моему одно!

Ужъ это слишкомъ! Мольеровъ Мизантропъ такъ не судитъ! За то слуга Змѣядовъ, *Грублонъ*, разсуждаетъ едва-ли не лучше своего барина. Вотъ его философія о нашей карточной игрѣ:

Ну, право, что какой мудрецъ ни говори,
И вся ученая бѣсѣда что ни ври,
А карточной игры на свѣтѣ нѣтъ умнѣе!
При картахъ человѣкъ въ умѣ своемъ вольнѣе.
Съ-тѣхъ-поръ какъ вздумали, что будто стыдно пить,
Вѣдь можно-ли безъ картъ къ знакомству приступить?

Далѣе говоритъ Грублонъ:

О ты игра, игра, безъ дальнѣйшаго спора,
Ты лучшая у насъ причина разговора;
То правда, ссоришки родятся отъ тебя,
Такъ всякой пріучись держать въ уздѣ себя.
Въ игрѣ любовныя бываютъ перемиги;
Вѣдь этого сыскать немножно черезъ книги.

Послѣдніе два стиха для нашего времени совершенно устарѣли: у насъ для перемиговъ —

Ужъ карты ни къ чему,
Для нашей барышни готовъ канканъ и полька,
А тутъ мигать дозволено всему!

Но выслушаемъ-же всю до конца философію Грублонову; онъ продолжаетъ:

Игра съ ребятами знакомитъ стариковъ,
Купца съ боляриномъ, съ разумнымъ дураковъ.
Она забава намъ. Размучило-бъ зѣванье,
Когда-бы картъ съ собой я не взялъ на дневанье.
О! вы, голубушки! Какъ васъ въ рукахъ верчу,
Я будто-бы самъ-другъ, и спать не захочу!

Продолженіе такихъ комедій, можетъ-быть, подняло-бы Хераскова гораздо-выше того, чѣмъ онъ уже былъ на драматическомъ поприщѣ; но вотъ вдругъ начали заходить къ намъ съ запада тучи мыслей Морица, Стерна, громко зашумѣлъ Руссо, и Херасковъ, какъ трудолюбивѣйшій писатель, слѣдовавшій за своимъ вѣкомъ, присмотрясь къ слезамъ и вздохамъ новой литературы, тотчасъ и самъ принялся за слезныя драмы. Первою изъ нихъ, изъ подъ-пера его явился *Другъ Несчастныхъ*. Я непомню, была-ли она играна, и едвали извлекала у кого слезы. За нею послѣдовала слезная-же драма *Гонимые*: эта драма представлена на московскомъ театрѣ 1775 года 2 января. Тутъ дѣйствовали Калиграфъ, Померанцевъ, Синявская, Шушеринъ, и этого было довольно, чтобы возбудить восторгъ во всѣхъ нашихъ московскихъ театроманахъ; они и плакали, и рукоплескали, и требовали: *Гонимыхъ*, *Гонимыхъ*, опять *Гонимыхъ*! А посмотрите, какъ былъ неловокъ языкъ этой піесы, испещренный Сумароковскими синекдохами, такъ забавно послѣ развитыми Княжининымъ. Вотъ тому образчикъ:

«О праведное небо! едва душа моя успокоилась, и чувства мои, многими злоключеніями удрученныя, отъ бремени печалей свобождаться начали, овыя раны отворяются въ сердцѣ моемъ! Долгое время лежащій на семъ хладномъ камени, часто самъ я неодушевленному сему веществу уподоблялся, былъ недвижимъ, и мои горести въ душѣ моей сдѣлались окамененны», и пр.

Все это говоритъ Донъ-Гастонъ, пустынникъ, лежащій на камнѣ близъ пещеры. Очень-жалко! Какъ не плакать! Также говари-

вали и театральныя дамы Хераскова. Вотъ образчикъ и дамской рѣчи:

«Укрѣпилась я — говоритъ Зенда, дочь Гастонова — укрѣпилась я, мой другъ! И сердце мое симъ свиданіемъ излеченно. (*Воздѣвъ руки на небо*). Праведное Небо! Коль непостижимы твои судьбы! Изъ смерти прихожу къ жизни, изъ несчастія во благоденствіе, и проч. и проч.

Херасковъ не ограничивался на драматическомъ поприщѣ трагедіями, комедіями и слезными драмами. Когда съ французской сцены началъ переходить къ намъ водевиль, онъ написалъ маленькую *драму* Милану, съ пѣснями: это комнатная піеска для семейныхъ театровъ. Но во всѣхъ ея пѣсняхъ слышны стихи Тредьяковскаго. Такъ на-пр.

Громы разите
И молнія жги!
Мщенія ждите
Злые враги!
Нѣтъ, не прекрасна
Милана теперь;
Ты мнѣ ужасна
Зришься, какъ звѣрь;
Любовь мнѣ кажется адомъ,
Дружба отравой и ядомъ!

За *Миланою* слѣдуетъ у Хераскова драма-же, (но уже безъ пѣсенъ) *Школа добродѣтели*. Въ прошлый и предпрошлый вѣка въ театрахъ Европы была великая мода на «школы»; Мольеръ писалъ «школы», кажется, Реньяръ тоже и другіе; наконецъ Шериданъ написалъ знаменитую свою *Школу злословія*: можно-ли-же было отстать отъ *школъ*, когда онѣ были въ ходу въ цѣлой Европѣ? Михайло Матвѣевичъ написалъ *Школу добродѣтели*. — Къ-сожалѣнію, эта *школа* никого не могла привлечь къ себѣ, потому, что отъ нея отталкивали *сухость* и еще болѣе тяжолый языкъ. А если-бы не эти двѣ причины, весьма-важныя, ее-бы нужно разыгрывать и въ настоящее время на всѣхъ русскихъ театрахъ: тутъ представленъ разорившійся добрый русскій дворянинъ, козни и торжество ростовщиковъ, грубость судей и полицейскихъ! Знаете, не отношу этого къ настоящему положенію многихъ русскихъ дворянъ, незамѣчающихъ по росту одежды; но тутъ есть уроки, которые не только дворянину, ростовщику или полицейскому, но и каждому гражданину — слѣдъ и обязанность повторять ежедневно!

Разговоръ судьи съ секретаремъ въ присутствіи, по его времени, довольно-замѣчателенъ; дѣло идетъ о невинномъ, обвиненномъ однимъ изъ Надворныхъ-Судовъ въ убійствѣ и Богъ знаетъ еще въ чемъ. Судья предлагаетъ вопросъ: «Сдѣлана-ли выписка изъ криминальнаго дѣла?» Секретарь отвѣчаетъ: «Готова и переписана.» Слѣдуетъ опять вопросъ судейской: «Что оказалось по выпискамъ и справкамъ? «(Замѣтьте, что судья не читалъ и не читаетъ самъ дѣла, а только спрашиваетъ). Отвѣтъ и тутъ готовъ: «Невинный безъ вины виноватъ и утверждается, по винѣ своей, закономъ къ смерти.» Слѣдствіе уже дѣлаютъ послѣ приговора, только для формы, — какъ довершилъ секретарь. Невольно ужаснешься, какое великое зло дѣлали эти перековерканныя формы, утвержденныя и скрѣпленныя волею мелкаго судейства! Херасковъ этимъ указываетъ на участь бѣднаго человѣчества!

Одна изъ послѣднихъ драмъ нашего поэта-ветерана, — драма *Извинительная Ревность*; не знаю, была-ли она играна на публичной сценѣ, но говорятъ, что ее игрывали неоднократно на домашнихъ театрахъ. Проза драмы, какъ и во всѣхъ другихъ драмахъ Херсакова, не хороша. Содержаніе піесы въ томъ, что ревновать къ милымъ людямъ дѣло дурное. Въ финалѣ драмы хоръ и дуэты.

Херасковъ, въ глубокой старости, скончался въ Москвѣ и похороненъ въ Симоновѣ Монастырѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ могилы древнихъ освободителей Руси — Пересвѣта и Ослабія.

М. МАКАРОВЪ.

А. И. З—ой.

Незамѣтно двѣ недѣли
Пронеслися для меня;
Завтра встанете съ постели,
Ужъ далеко буду я.
Своенравною судьбою
Я на сѣверъ залетѣлъ,
И съ унылою душою
Свой оплакивалъ удѣлъ.
Но на родинѣ, на югѣ,
Буду вспоминать въ тоскѣ,
Какъ о миломъ, старомъ другѣ,
О привѣтномъ уголкѣ,
Гдѣ въ дни лѣта золотые
Я покоилъ лѣнь свою,
Гдѣ увидѣлъ васъ впервы́е,
Вашу милую семью.
Скоро, помоляся Богу,
Съ вами надолго прощусь,
Кони двинутся въ дорогу,
Въ путь далекій я пущусь.
Повинуясь сельской нѣгѣ,
Вы уснете въ ранній часъ,
А я, сонный, на телѣгѣ
Стану думать все объ васъ.
Я усну — разбудитъ снова
Неотвязчивый звонокъ;
Гдѣ жъ, подумаю, Гр...ово,
Вашъ семейственный кружокъ.

В. Золотницкій.

ФИЛОСОФІЯ И ИСТОРІЯ МУЗЫКИ.

СЕМЕЙСТВО БАХОВЪ.

I. СЕБАСТІАНЪ БАХЪ И ЕГО ТВОРЕНІЯ.

Исторія музыки раскрываетъ намъ, что Бахи составляли знаменитое семейство, изъ среды котораго, въ теченіе почти двухъ столѣтій, вышло множество славныхъ музыкантовъ, блиставшихъ на поприщѣ искуства, особенно-же органистовъ. Явленіе безпримѣрное въ лѣтописяхъ изящныхъ искусствъ: многочисленное семейство, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, сохраняетъ поэтическое чувство, какъ будто чувство религіозное и любовь къ гармоніи свыше осѣняли семью Баховъ! Родоначальникомъ этой артистической фамиліи былъ Фейтъ - Бахъ. Сколько извѣстно, сначала онъ занимался ремесломъ булочника въ Пресбургѣ; но въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія, по причинѣ гоненія на лютеранское вѣроисповѣданіе, къ которому самъ принадлежалъ, Фейтъ-Бахъ вынужденъ былъ удалиться оттуда, по-

селился въ Саксенъ-Готской деревушкѣ Вехмарѣ, принялся тамъ за ремесло мельника и проводилъ жизнь, по своему положенію, довольно весело, распѣвая пѣсенки и поигрывая на гитарѣ. У веселаго мельника было два сына, которые, въ свою очередь, наслѣдовали отъ отца склонность и вкусъ къ музыкѣ. Отъ нихъ-то и потянулся непрерывный рядъ музыкантовъ Баховъ, которые размножались, въ теченіе почти двухъ столѣтій, по Саксоніи, Турингіи и Франконіи. Всѣ они или занимали должности приходскихъ пѣвчихъ при церквахъ, или были органистами, или же наконецъ, такъ-называемыми въ Германіи, городскими музыкантами. Само-собою разумѣется, что расплодившаяся семья Баховъ не могла постоянно жить въ одномъ мѣстѣ; почему члены ея и разбрелись по разнымъ городамъ и мѣстечкамъ помянутыхъ странъ. Желая сохранить между собою патріархальную связь, они тогда-же положили правиломъ собираться всѣмъ, въ какомъ-либо городѣ, вмѣстѣ, ежегодно, въ назначенный день. Сборными пунктами такихъ собраній были Эрфуртъ, Эйзенахъ или Арнштадтъ. Обычай этотъ свято сохранялся, даже до половины восемнадцатаго вѣка, и часто видали въ одномъ мѣстѣ до 120 музыкантовъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей,— которые всѣ носили фамилію Баха. Въ теченіе времени пребыванія своего на подобныхъ съѣздахъ, Бахи занимались исключительно одною музыкою. Обыкновенно, они сначала пѣли хоромъ какой-нибудь религіозный гимнъ; потомъ избирали темами какія-либо народныя, шуточныя или вольныя пѣсни, варіировали ихъ, импровизируя на 4-ре, пять или 6-ть голосовъ. Здѣсь пѣли они вмѣстѣ, но каждый свое, и величайшимъ искусствомъ считалось вести свой голосъ такъ, чтобы, не-смотря на разноголосицу, онъ составлялъ съ другими голосами чистую гармонію въ цѣломъ. Такія импровизаціи назывались у нихъ Quolibets. Нѣкоторые писатели считали Quolibets началомъ нѣмецкихъ оперъ; но такое мнѣніе ошибочно, ибо Quolibets гораздо-древнее самого перваго собранія Баховъ. У Форкеля была коллекція такихъ Quolibets, которыя напечатаны въ Вѣнѣ еще въ 1542 году. — Другою характеристическою чертою семейства Баховъ былъ обычай собирать воедино сочиненія всѣхъ своихъ сочленовъ. Такая коллекція носила названіе *Архива Баховъ*. Въ концѣ прошлаго вѣка интересный архивъ этотъ находился у Эммануила Баха, а въ 1790 году перешелъ къ берлинскому аматёру Пэльхау. — Полная родословная Баховъ помѣщена въ сочиненіи Корабинскаго: ***Beschreibung der Königl. Ungarischen Haupt- Frey- und Krönungsstadt***

Presburg (Описаніе столичнаго города Венгріи — Пресбурга), а также въ *Лейпцигской музыкальной газетѣ*, 1823 года N-о 12.

Изъ числа Баховъ славнѣйшими музыкантами и композиторами были: Христофоръ (съ 1643 по 1703); братъ его Михаилъ и сынъ перваго Николай (съ 1669 по 1738); Іоаннъ Себастіанъ Бахъ и сыновья его: Фридманъ (съ 1710 по 1784 — старшій); Эммануилъ (съ 1714 по 1788 — второй); Фридерикъ (съ 1732 по 1795 — девятый); Христіанъ (съ 1735 по 1782 — одиннадцатый). — Но знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ Баховъ былъ самъ Себастіанъ, безсмертный германскій композиторъ, быть-можетъ, даже величайшій изъ всѣхъ, когда-либо существовавшихъ.

Себастіанъ Бахъ родился 21 Марта 1685 года въ Эйзенахѣ, гдѣ отецъ его, Амвросій, былъ такъ-называемымъ придворнымъ и городскимъ музыкантомъ. Едва Себастіану пошелъ десятый годъ отъ роду, какъ онъ уже лишился отца, остался сиротою, безъ куска хлѣба, почему вынужденнымъ нашелся искать пристанища у старшаго своего брата, Христофора Баха. Послѣдній занималъ должность органиста въ Ордруфѣ, и сдѣлавшись такимъ-образомъ учителемъ Себастіана, преподавалъ ему первоначальные уроки на клавесинѣ. — Христофоръ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, типомъ музыкантовъ стараго времени, уважалъ свое искусство и званіе до-чрезвычайности. Изъ музыкальныхъ теоретиковъ зналъ только Гаффорія «Opus musicae disciplinae» и держался этой «дисциплины», какъ солдатъ своего артикула. Слѣдуя закоренѣлымъ правиламъ и сорока-лѣтнимъ привычкамъ, онъ принялся за воспитаніе геніальнаго Себастіана, котораго любилъ впрочемъ какъ сына. Сначала онъ, какъ водится, написалъ прелюдію и заставилъ ребенка играть ее по нѣсколько часовъ въ день, не показывая ему никакой другой музыки. А чтобы Себастіанъ не имѣлъ случая портить свой вкусъ какою-нибудь фантазіею, Христофоръ никогда не забывалъ, выходя изъ дома, запирать клавесинъ, и тщательно скрывалъ отъ него всѣ произведенія новѣйшей музыки. Дабы еще болѣе утвердить Себастіана въ правилахъ чистой гармоніи, онъ не давалъ ему читать никакой другой книги, кромѣ того-же неизмѣннаго Гаффорія. Себастіанъ почиталъ Христофора, какъ отца, и, по древнему обычаю, во всемъ ему повиновался. Онъ игралъ и разучивалъ, съ удивительнымъ терпѣніемъ, только тѣ сочиненія, какія давалъ ему братъ. — Между-тѣмъ чрезвычайная организація его уже обнаружилась съ такою силою, что быстрые успѣхи его превзошли всякія ожиданія. Въ музыкальныхъ произведеніяхъ которыя заставля-

ли его изучать, Себастіанъ уже не находилъ трудностей, которыхъ-бы не побѣждалъ въ самое короткое время, почему и музыка эта не могла его довольствовать. Пламенная душа ребенка стремилась къ чему-то высшему, — ощущала неодолимую жажду въ новой пищѣ. — Славнѣйшіе композиторы, писавшіе въ то время для клавесина, были: Фробергеръ, Фишеръ, Кёрль, Пахельбель, Букстегудъ, Брунгсъ, Бёмъ и друг. У Христофора, между прочимъ, находилась книга или тетрадь, заключавшая въ себѣ нѣсколько піесъ тѣхъ композиторовъ, которую онъ тщательно скрывалъ отъ Себастіана. Часто молодой Бахъ заслушивался, изъ-подъ тишка, когда братъ его принимался разыгривать завѣтныя сочиненія, звуки коихъ всегда поражали Себастіана. Наконецъ онъ какъ-то подмѣтилъ тетрадь, и при помощи своего музыкальнаго инстинкта, тотчасъ отгадалъ, что въ ней скрывается сокровище для него. Онъ попросилъ брата позволить ему испытать свои силы надъ этими іероглифами; но сколько ни упрашивалъ отдать ему тетрадь, всѣ усилія его остались безуспѣшны; напротивъ, Христофоръ даже сдѣлалъ ему за такую дерзость строгій выговоръ, а тетрадь спряталъ въ шкафъ. Себастіанъ пришелъ въ рѣшительное отчаяніе: день и ночь звуки запрещонной музыки не давали ему покоя. Самый отказъ еще болѣе воспламенилъ въ немъ желаніе обладать сокровищемъ вочто-бы то ни стало, и заставилъ Себастіана прибѣгнуть къ хитрости. Предметъ страстныхъ его желаній былъ запертъ въ шкафѣ съ рѣшотчатыми дверцами. Дѣтскія руки Баха легко пробрались сквозь рѣшотку; наконецъ удалось ему самую тетрадь вытащить изъ шкафа. Послѣ этого Себастіанъ тотчасъ-же рѣшился переписать ее; но заниматься работою ему возможно было только по ночамъ и при томъ безъ свѣчей, которыхъ ему не давали. Словомъ, онъ принужденъ былъ списывать ноты, при помощи луннаго свѣта, почему и проработалъ болѣе полугода. Наконецъ копія, стóившая ему такого тяжкаго труда, была готова, и онъ принялся пользоваться ею тайкомъ; какъ вдругъ однажды засталъ его братъ, и безжалостно отнялъ сокровище, которое досталось ему опять уже, по кончинѣ Христофора, вскорѣ за тѣмъ послѣдовавшей.

Незадолго предъ смертію Христофора, Себастіанъ ѣздилъ съ нимъ въ Эйзенахъ, гдѣ въ первый разъ предсталъ предъ олтарь Божій, по обряду Лютеранской Церкви, и въ первый-же разъ услышалъ звуки органа, которыми пораженъ былъ до того, что во все время служенія былъ самъ-не-свой. Послѣ обѣдни, оба

брата отправились къ одному изъ своихъ друзей. Но Себастіанъ не долго тамъ оставался; слышанные имъ звуки органа не давали ему покоя. Онъ вскорѣ исчезъ: непостижимое чувство, какой-то восторгъ увлекъ его такъ, что онъ совершенно забылся, и, говорятъ будто-бы цѣлую ночь провелъ въ церкви, у органа.— Вскорѣ затѣмъ Христофоръ умеръ. Само-собою разумѣется, что едва-ли юноша могъ почувствовать въ сердцѣ своемъ сожалѣніе о потерѣ брата, который съ такою неумолимою строгостію занимался его образованіемъ, хотя въ полной увѣренности, что дѣлалъ это изъ желанія ему добра.— Оставшись снова круглымъ сиротою, Бахъ переселился въ Эйзенахъ и посвятилъ жизнь свою на развитіе музыкальнаго дара. Съ благоговѣніемъ выслушивалъ онъ уроки славныхъ органистовъ того города; но ни одинъ изъ нихъ не удовлетворялъ его непреодолимой любознательности; почему Себастіанъ вскорѣ, съ школьнымъ своимъ товарищемъ, Эрдманомъ, переѣхалъ въ Люнебургъ, гдѣ оба поступили хористами къ церкви св. Михаила и, въ то-же время, слушали курсъ гимназическихъ наукъ. Пламенно желая усовершенствовать игру свою на клавесинѣ и органѣ, молодой Бахъ съ жадностію искалъ всевомозможныхъ случаевъ видѣть и слышать все, что только могло споспѣшествовать его успѣхамъ. Нѣсколько разъ онъ ѣздилъ въ Гамбургъ слушать тамъ знаменитаго органиста Рейнкена и часто посѣщалъ капеллу герцога де-Целле, которая состояла преимущественно изъ французскихъ артистовъ.

Въ 1703 году изъ Люнебурга Себастіанъ переѣхалъ въ Веймаръ, гдѣ и поступилъ въ число придворныхъ музыкантовъ, будучи восемнадцати лѣтъ отъ роду. Впрочемъ обязанность играть въ оркестрѣ на скрипкѣ ему вскорѣ надоѣла; онъ желалъ играть только на органѣ, дабы усовершенствовать себя на этомъ инструментѣ почему онъ въ слѣдующемъ-же году покинулъ мѣсто придворнаго музыканта и поступилъ органистомъ къ новой церкви въ Арнштадтѣ. Поправивъ свои денежныя обстоятельства на новомъ мѣстѣ, Себастіанъ пріобрѣлъ себѣ всѣ произведенія лучшихъ органистовъ и ревностно изучалъ ихъ, какъ въ отношеніи композиціи, такъ равно и самаго исполненія. Такъ какъ Любекъ не въ дальнемъ разстояніи отъ Арнштадта, то Бахъ часто ходилъ туда пѣшкомъ— съ цѣлію слушать знаменитаго органиста Буксте-гуда, сочиненія котораго приводили его въ удивленіе. Игра этого славнаго артиста до того плѣнила Баха, что послѣдній рѣшился прожить въ Любекѣ три мѣсяца тайкомъ, чтобы изучить его манеру. — Уже въ это время самъ Бахъ пріобрѣлъ извѣ-

стность своими талантами, такъ, что многіе города Саксоніи и Пфальца старались, на-перевывъ другъ передъ другомъ, заманить его къ себѣ. — Въ 1707 году Бахъ занялъ мѣсто органиста при церкви св. Власія въ Мюльгаузенѣ. Но когда въ слѣдующемъ году пріѣхалъ въ Веймаръ и игралъ тамъ на органѣ, въ присутствіи герцога, то послѣдній пришелъ въ такое восхищеніе отъ его талантовъ, что тутъ-же предложилъ ему мѣсто придворнаго органиста. Такіе блестящіе успѣхи однакожъ ни сколько не ослабили въ Себастіанъ страсти къ ученію; напротивъ, еще сильнѣе воспламенили желаніе достигнуть въ искусствѣ всевозможнаго совершенства. Кромѣ изученія механической части искусства органиста, Бахъ въ то-же время предпринималъ огромные труды, для пріобрѣтенія глубокихъ познаній въ гармоніи и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ множество произведеній по части церковной и органной музыки. Пламенныя и неутомимыя старанія его наконецъ вознаграждены были, въ 1717 году, назначеніемъ его концертмейстеромъ герцога Веймарскаго. — Около того-же времени умеръ въ Галле Цахау, искусный органистъ и учитель Генделя. Мѣсто это предложили Баху, но, неизвѣстно по какимъ причинамъ, Себастіанъ отказался отъ него, хотя, впрочемъ, ѣздилъ въ Галле и игралъ тамъ на органѣ, на тотъ конецъ, дабы оправдать лестное довѣріе, оказанное къ его таланту подобнымъ выборомъ.

На тридцать-второмъ году жизни, геній Баха былъ уже въ полномъ своемъ развитіи; онъ вполнѣ обладалъ чрезвычайными талантами, которыми надѣлила его природа, и его славное имя гремѣло по всей Германіи. — Тогда прибылъ въ Дрезденъ прославленный французскій органистъ Маршанъ и восхищалъ дворъ Августа, Короля Польскаго, своею блестящею и легкою игрою. Король предложилъ ему значительное содержаніе, чтобы онъ только остался въ Дрезденѣ. Но придворный концертмейстеръ Волюмье, вѣроятно, позавидовалъ возраставшей благосклонности короля къ Маршану и, зная превосходство надъ нимъ Баха, составилъ проектъ борьбы между двумя артистами, въ той увѣренности, что результатъ диспута кончится не въ пользу французскаго органиста. Съ этою цѣлью Волюмье пригласилъ Баха въ Дрезденъ и доставилъ ему случай послушать тайно игру Маршана. Такъ-какъ при дворѣ считали послѣдняго опаснымъ соперникомъ Баха, то Себастіанъ, желая отдать ему справедливотть, тотчасъ-же предложилъ Маршану вызовъ. Условія состояли въ томъ, что оба артиста должны были импровизировать

на взаимно-заданныя другъ другу темы. Маршанъ принялъ вызовъ, и, съ соизволенія Короля, назначено было мѣсто и время музыкальнаго поединка. Когда наступилъ день этого диспута, то у королевскаго министра, графа Маршаля собралось блестящее общество. Бахъ не заставилъ ожидать себя и тотчасъ-же явился; но противникъ его не былъ такъ учтивъ. Послѣ долгихъ ожиданій, за нимъ послали; какъ вдругъ, къ крайнему удивленію всего собранія, получено извѣстіе, что въ тотъ-же самый день Маршанъ уѣхалъ, ни съ кѣмъ даже не простясь. Итакъ Баху пришлось играть самому. Онъ долго импровизировалъ на темы, слышанныя имъ у Маршана, развивая ихъ съ удивительною обширностію и плодовитостію идей и съ непостижимымъ искусствомъ исполненія. Артиста осыпали похвалами; однакожъ, какъ говорятъ, онъ не получилъ подарка изъ 100 луидоровъ, назначеннаго Королемъ, по какой причинѣ, — неизвѣстно. Нѣмецкіе біографы, знавшіе Маршана только по репутаціи, какою онъ пользовался, съ восхищеніемъ распространяются о славѣ, покрывшей Баха при этомъ случаѣ; но въ самой сущности намѣреніе поставить французскаго органиста въ параллель съ великимъ Себастіаномъ скорѣе можно разсматривать, какъ оскорбленіе для послѣдняго. Быть-можетъ, Маршанъ въ игрѣ своей и дѣйствительно обладалъ тѣмъ, что называютъ блестящимъ исполненіемъ; но за то сочиненія его просто ничтожны (*). Въ нихъ ничего нѣтъ, кромѣ избитыхъ, общихъ идей; гармонія слабая, вялая и неправильная, наконецъ, рѣшительное, полное незнаніе даже основаній фугованнаго стиля. Ничтожество его въ сравненіи съ Бахомъ было чрезвычайно. Можно утвердительно сказать, что едва-ли онъ и самъ не сознавалъ страшнаго разстоянія между собою и Бахомъ, и вполнѣ не постигъ всю опасность своего положенія, почему и обратился въ поспѣшное бѣгство, какъ-бы на зло великому артисту. — Вскорѣ по возвращеніи Баха въ Веймаръ, принцъ Леопольдъ Ангальтъ-Кетенскій, страстный любитель музыки, предложилъ ему мѣсто капельмейстера при своемъ дворѣ. Бахъ изъявилъ согласіе и находился здѣсь въ продолженіе шести лѣтъ. Отсюда онъ снова ѣздилъ въ Гамбургъ, чтобы еще разъ послушать Рейнкена, которому въ то время было уже около ста лѣтъ. Тамъ, въ церкви св. Екатерины, Бахъ игралъ на органѣ, въ присутствіи славнаго артиста, и болѣе ча-

(*) Свидѣтельство Фетиса старшаго.

са импровизировалъ на хоралъ «*An Wasserflüssen Babylons*,» съ такимъ искусствомъ и геніальностію, что старецъ Рейнкенъ отъ полноты чувствъ сказалъ ему: «Я думалъ, что искусство это уже погибло; но теперь вижу, что вы возрождаете его».

Въ 1733 году, по смерти Купау, Бахъ получилъ мѣсто директора музыкальной школы св. Томаса въ Лейпцигѣ, что и составило послѣднюю перемѣну положенія въ его жизни; на этомъ мѣстѣ онъ оставался до самой кончины своей. Около того-же времени Герцогъ Вейссенфельскій наименовалъ его почетнымъ капельмейстеромъ своей капеллы, а въ 1736 году, Бахъ получилъ титулъ придворнаго композитора Короля Польскаго, Курфирста Саксонскаго. — Почти семь лѣтъ уже Бахъ жилъ постоянно въ Лейпцигѣ и въ это время второй сынъ его, Эммануилъ, поступилъ на службу къ Фридриху II, Королю Прусскому. Слава Себастіана гремѣла тогда по всей Германіи. Король-музыкантъ часто изъявлялъ желаніе видѣть его у себя и нѣсколько разъ наказывалъ сыну пригласить отца въ Берлинъ. Занятый трудами своими, Бахъ долгое время не обращалъ вниманія на подобныя приглашенія. Наконецъ, уступя неотступнымъ просьбамъ сына, рѣшился предпринять путешествіе въ Берлинъ, и въ 1747 году отправился туда съ старшимъ сыномъ, Фридманомъ. У Короля Прусскаго обыкновенно бывали каждый вечеръ концерты, въ которыхъ онъ и самъ исполнялъ нѣсколько піесъ на флейтѣ. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, въ ту самую минуту, когда Фридрихъ вздумалъ приступить къ исполненію какого-то концерта на флейтѣ, дежурный офицеръ принесъ ему, по обыкновенію, списокъ иностранцевъ, прибывшихъ въ тотъ день въ Потсдамъ. Взглянувъ на списокъ, король обратился къ музыкантамъ и вскричалъ: «Господа, старшій Бахъ здѣсь». Тотчасъ-же флейта брошена, а старый Бахъ долженъ былъ немедленно явиться ко двору, не успѣвъ даже перемѣнить дорожнаго платья. Отложивъ на этотъ вечеръ свой концертъ, Фридрихъ пригласилъ Баха сдѣлать пробу фортепьянамъ Зильбермана, нѣсколько экземпляровъ которыхъ разставлено было по разнымъ комнатамъ дворца. Музыканты слѣдовали за королемъ и Бахомъ, изъ комнаты въ комнату, и Себастіанъ импровизировалъ на каждомъ, встрѣчавшемся ему инструментѣ. Наконецъ, онъ попросилъ короля задать ему тему для фуги, которую и исполнилъ съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ, что изумилъ всѣхъ присутствовавшихъ музыкантовъ, хотя ни сколько не приготовлялся къ тому. Удивленный громаднымъ талантомъ Баха, Фридрихъ потре-

бовалъ отъ него фуги, въ шести частяхъ, и требованіе его тотчасъ-же было исполнено на заданную самимъ Бахомъ тему. Фридриху хотѣлось слышать игру Баха на органѣ, и на слѣдующій-же день Себастіанъ импровизировалъ на всѣхъ, находившихся въ Потсдамѣ органахъ, подобно тому, какъ наканунѣ игралъ на всѣхъ Зильбермановыхъ фортепьянахъ. — Возвратясь въ Лейпцигъ, Бахъ написалъ, на заданную королемъ тему, *тройную фугу*, *ricercare*, въ шести частяхъ, нѣсколько *каноновъ*, съ надписью: «Thematis regii elaboratianes canonicae», присоединилъ къ нимъ *trio* для флейты, скрипки и баса, и посвятилъ все это Фридриху II, подъ названіемъ «Musicalisches opfer».

Поѣздка въ Берлинъ составила послѣднее путешествіе Баха. Страсть къ трудамъ, заставлявшая его въ молодости просиживать на-пролетъ цѣлыя ночи, ослабила его зрѣніе такъ, что подъ старость онъ сталъ плохо видѣть, а къ концу своей жизни почти совершенно ослѣпъ. Нѣкоторые друзья его, полагаясь на искусство прибывшаго въ Лейпцигъ англійскаго окулиста, уговорили старика прибѣгнуть къ операціи, которая и произведена два раза; но въ оба безуспѣшно. Отъ этого Бахъ не только лишился совершенно зрѣнія, но и самое здоровье его, до-тѣхъ-поръ крѣпкое, сильно разстроилось отъ потрясенія нервовъ и мученій, вынесенныхъ при двукратной операціи. Послѣ этого, онъ прожилъ еще около года, и скончался 30-го іюля 1750 года, на 66-мъ году отъ роду. За десять дней до смерти, Бахъ вдругъ прозрѣлъ, могъ видѣть ясно предметы и переносить свѣтъ; но чрезъ нѣсколько часовъ послѣ такого чуда пораженъ былъ параличемъ, за которымъ послѣдовало воспаленіе, похитившее въ короткое время великаго человѣка у семейства его и у музыкальнаго міра. — Бахъ два раза былъ женатъ. Первая его жена, дочь Михаила Баха, оставила ему *семь* человѣкъ дѣтей, а отъ второй было у него *тринадцать* — всего 11-ть сыновей и 9-ть дочерей. — Сыновья его одарены были счастливыми музыкальными способностями, и всѣ посвятили себя избранному искусству; но только нѣкоторые составили себѣ имя на этомъ поприщѣ и заняли почетное мѣсто въ исторіи музыки. Особенно прославился Эммануилъ Бахъ (*).

(*) Его ораторіи: *Вознесеніе* и *Израильтяне въ пустынѣ* славятся. Самый стиль его музыки, усовершенствованный Гайдномъ и Моцартомъ, восхищалъ потомъ всю Европу.

Итакъ, вотъ жизнь С. Баха, жизнь небогатая внѣшними случаями. Иначе быть не могло. Бахъ былъ художникомъ по преимуществу, а потому и вся жизнь его сосредоточивалась въ его твореніяхъ. Во все продолженіе своей жизни Бахъ зналъ только одно искусство, которымъ жилъ, мыслилъ, чувствовалъ, дышалъ. Все остальное въ природѣ и жизни для него было ненужно и мертво. Нѣкоторые обвиняли Баха въ холодности, нечувствительности, но это ошибочно: онъ чувствовалъ по-своему, только чрезъ посредство звуковъ. Съ чрезвычайными талантами музыканта, Себастіанъ соединялъ и всѣ общественныя добродѣтели. Попечительный отецъ, прекрасный супругъ, добрый другъ, онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми, кто только зналъ его и находился съ нимъ въ сношеніяхъ. Онъ всегда отличался характеромъ ровнымъ, кроткимъ и добродушнымъ. Всякій любитель музыки, кто-бы онъ ни былъ, находилъ въ домѣ Баха радушное и благородное гостепріимство. Между-тѣмъ, самъ онъ былъ небогатъ. Конечно, занимаемыя имъ мѣста и должности доставляли ему изрядный доходъ; но содержаніе многочисленнаго семейства, требовавшее значительныхъ издержекъ, не позволяло ему дѣлать экономіи. Притомъ-же, хотя онъ и пользовался уваженіемъ и благосклонностію многихъ владѣтельныхъ особъ, однакожъ никогда не желалъ, по правдѣ сказать, и не умѣлъ извлекать изъ этого для себя выгоду. Занятый исключительно усовершенствованіемъ своего таланта и успѣхами избраннаго имъ искусства, Бахъ, по выраженію одного древняго писателя, *пылъ для музъ и для себя*, и вовсе не былъ способенъ къ тѣмъ ловкимъ маневрамъ, къ которымъ съ такимъ искусствомъ умѣютъ прибѣгать маленькіе-великіе артисты нашего времени! Одинъ чудный талантъ Баха, какъ исполнителя, могъ обогатить его, если-бы онъ вздумалъ путешествовать по Европѣ; но его не интересовало богатство, а похвалами толпы, по бо́льшей части безсмысленной и невѣжественной, онъ, просто, пренебрегалъ. Въ глазахъ его имѣли цѣну только отзывы знатоковъ и просвѣщенныхъ любителей; притомъ-же прелесть и спокойствіе жизни мирной и трудолюбивой Бахъ предпочиталъ всѣмъ треволненіямъ міра сего. Не-смотря на превосходство надъ всѣми музыкантами своего времени, Бахъ былъ очень-скроменъ и мало цѣнилъ свою славу. Когда спрашивали его, какъ достигъ онъ до такой высокой степени совершенства, онъ обыкновенно отвѣчалъ: «Трудясь, и много трудясь; всякій, кто захочетъ трудиться подобнымъ образомъ, достигнетъ такого-же результата». Казалось, что великій

артистъ ставилъ ни во что́ чудный геній, какимъ одарила его природа. Возвращаясь изъ путешествій, онъ не толковалъ вовсе о сдѣланныхъ ему пріемахъ, о торжествахъ своихъ, а только разсказывалъ, какая счастливая мелодія попалась ему, когда онъ импровизировалъ предъ Рейнкеномъ, ка̀къ сдѣланъ соборный органъ въ Дрезденѣ и ка́къ у короля Фридриха онъ воспользовался разстроенною нотою фортепьяно для энгармоническаго перехода! Потомъ тотчасъ садился за клавесинъ, игралъ и пѣлъ. — Таковы были и всѣ дни его жизни. Утромъ онъ писалъ, потомъ объяснялъ своимъ сыновьямъ и ученикамъ таинства гармоніи, или исполнялъ въ церкви должность органиста. Вечеромъ опять игралъ на клавесинѣ и пѣлъ. Засыпалъ — и во снѣ ему слышались одни звуки, переливались — мелодіи. Словомъ, Бахъ представлялъ собою какое-то дивное существо, насквозь проникнутое звуками. Музыка, всегда и вездѣ музыка, вотъ что́ составляло обычныя занятія его жизни.

Теперь слѣдуетъ самая трудная часть нашей статьи, — исчисленіе всѣхъ извѣстныхъ произведеній С. Баха, *изданныхъ и неизданныхъ*.

I. *Изданныя сочиненія.*

По части *клавесинной* музыки изданы слѣдующія сочиненія: 1) *Экзерциціи для клавесина* (Clavier Übungen etc.) состоящія изъ прелюдій, аллемандовъ, курантовъ, сарабандъ, жигъ, менуэтовъ и проч. (часть 1-я.). 2) *Экзерциціи*, заключающія концертъ въ италіянскомъ вкусѣ, и увертюру, въ стилѣ французскомъ (для клавесина съ двумя клавирами (часть 2-я). 3) *Экзерциціи для клавесина* или *арія* со многими варіаціями (часть 3-я). 4) *Собраніе 48-ми прелюдій* и такого-же числа *фугъ* (Das wohltemperirte Clavier), во всѣхъ тонахъ мажорной и минорной гаммы. 5) *Музыкальное приношеніе* (musicalisches Opfer), состоящее изъ тройной фуги, одной ricercare (fuga ricercata) въ 6-ти частяхъ, нѣсколькихъ каноновъ и тріо (флейта, скрипка и басъ). 6) *Шесть сонатъ* (для клавесина съ аккомп. скрипки-obligato). Прочія произведенія Баха для клавесина и клавикорда оставались неизданными, нетолько при жизни автора, но и спустя 60 лѣтъ послѣ его смерти. Наконецъ, содержатель музыкальнаго магазина въ

Лейпцигѣ, Кюнель, предпринялъ-было издать полное собраніе сочиненій Баха; но, къ-сожалѣнію, предпріятіе его, послѣ выпуска нѣсколькихъ тетрадей, прекратилось. Вотъ что̀ издано: 7) *Токката;* 8) *15-ть штукъ или маленькихъ піесъ;* 9) *15-ть симфоній;* 10) *Хроматическая фантазія;* 11) *Шесть легкихъ прелюдій для начинающихъ;* 12) *Фантазія;* 13) *Шесть рядовъ піесъ для клавесина*, наз. Petits suites françaises; 14) *Большое собраніе піесъ разнаго рода*, наз. Suites anglaises. Сверхъ-того, экзерциціи для клавесина (часть 1-я), арія съ варіяціями и Wohltemperirte clavier.

По части *органной* музыки напечатаны: 15) *Прелюдіи къ гимнамъ и кантикамъ* (Vorspiele über Kirchengesang — для двухъ клавировъ съ педалью). 16) *Шесть прелюдій хорала* (sechs Chorale von verschiedener art etc.), (для двухъ клавировъ и педали). 17) *Нѣсколько варіацій* въ канонахъ, на духовную пѣснь: Vom Himmel etc. 18) *Шесть тріо* (для двухъ клавировъ и педали). 19) *Шесть прелюдій и 6-ть фугъ* съ педалью. 20) *Прелюдія и фуга* на имя Bach (№ 1-й) (*). 21) *Фуга* (№ 2-й) на ту-же тему. 22) *Кантики* или *духовныя пѣсни* (Vierstimmige Choral-Gesänge etc.) на 4 голоса, аранжированные для органа.—За симъ, по части *инструментальной* музыки, изданы: 23) *Искусство фуги* (die Kunst der Fuge), собраніе тройныхъ и четверныхъ фугъ, на одну и ту-же тему. 24) *Три сонаты*-этюда (для скрипки). 25) *6-ть сонатъ или этюдовъ* (для віолончеля-solo). 26) *Нѣсколько фугъ* (для клавесина и органа). 27) *Нѣсколько піесъ*, помѣщенныхъ въ «Мангейскомъ органномъ журналѣ» (1830 года).

Изъ безчисленнаго множества *духовныхъ* сочиненій С. Баха, напечатаны: 28) *Три обѣдни: одна* въ la-мажорномъ тонѣ, на 4 голоса (2 скрипки, віола, 2 флейты и органъ); *другая* въ sol-magor на 4 голоса (2 скрипки, віола, флейта, тромба и органъ) и *третья* на 8 главныхъ и 4 сопровождающихъ голосовъ, съ 2-мя оркестрами. 29) *Magnificat*, для 5-ти голосовъ и оркестра; 30) *8-мь мотетовъ: три* на 8-мь, а прочіе на 4 голоса. 31) *117-й псаломъ*, на 4 голоса съ оркестромъ. 32) *149-й псаломъ* на 4 голоса. 33) *Духовная кантата* на 4 голоса съ оркестромъ. 34) *Litania* на 4 голоса. 35) *Страсти Господни*, на текстъ Евангелія св. Матѳея (Grosse Passions-Musik), для 2-хъ хоровъ и 2-хъ

(*) Фетисъ стар. сомнѣвается, чтобы это было сочиненіе Баха.

оркестровъ. 36) *Страсти Господни*, на Евангеліе св. Іоанна, для 4-хъ голосовъ, съ оркестромъ. 37) *Большая обѣдня*, въ si-минорномъ тонѣ, для 4-хъ голосовъ, съ оркестромъ.

II. *Неизданныя сочиненія.*

Трудно исчислить всѣ сочиненія Баха, оставшіеся въ рукописяхъ. Самъ композиторъ мало заботился о распространеніи своихъ произведеній и часто отдавалъ ученикамъ своимъ оригиналы, не оставляя у себя копій. Въ настоящее время сочиненія эти разсѣяны по библіотекамъ разныхъ артистовъ, или страстныхъ почитателей генія Баха; притомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что большое количество произведеній великаго музыканта находится совершенно въ неизвѣстности.

Изъ сочиненій для *клавесина* и *оркестра*, извѣстны въ манускриптахъ слѣдующія: 1) *Два концерта Вивильди* (аранжированные съ аккомпан. 2-хъ скрипокъ, альта и баса). 2) *Множество сонатъ* (съ аккомпан. скрипки, флейты, баса-віолы и т. п. д.). 3) *Множество концертовъ*, съ аккомп. оркестра (для скрипки, флейты-д'амуръ, тромбы, лютни, віолы-да гамба). 4) *Четыре концерта* для клавесина (съ аккомпан. разныхъ инструментовъ), первый изъ нихъ, въ ге-минорномъ тонѣ, прекрасенъ. 5) *Два концерта* для 2-хъ клавесиновъ (съ аккомп. 2-хъ скрипокъ, альта и баса). 6) *Два концерта* для 3-хъ клавесиновъ (съ аккомпан. 2-хъ скрипокъ, віолы и баса. 7) *Концертъ* для 4-хъ клавесиновъ (съ аккомп. струнныхъ инструментовъ). 8) *Пять прелюдій и фугъ*, для фортепьяно. 9) *15-ть фантазій* для того-же инструмента. 10) *Фуга* въ шести частяхъ, для клавесина. 11) *Каноническая фуга* (для фортепьяно и скрипки obligato). 12) *Восемь тріо* (для клавесина, скрипки или флейты и баса). 13) *Три увертюры*, въ ut, ге и si-minor, для 10-ти инструменовъ. 14) *Симфонія* въ ге-мажорномъ тонѣ, для 11-ти инструментовъ. 15) *Симфонія-концертантъ*, въ ге-minor, для 2-хъ скрипокъ съ оркестромъ. 16) *Концертъ* въ la-minor для скрипки съ оркестромъ. 17) *Шесть піесъ* для віолончеля — solo. 18) *Девять варіацій* для клавесина на тему въ ut-minor. 19) *Два тріо* — оба въ sol-major (одно для 2-хъ флейтъ и баса, а другое для флейты, скрипки и

баса). 20) *Симфонія - концертантъ*, для гобоя и скрипки (съ аккомп. 2-хъ скрипокъ, альта и баса). 21) *Три каприза* для лютни (solo).

Собственно *для органа*: 22) *Шесть сонатъ* (для 2-хъ клавировъ, съ педалью). 23) *Около 12-ти большихъ прелюдій и фугъ* (съ педалью-obligato). 24) *Собраніе 8-ми токкатъ, прелюдій, фантазій и фугъ*. 25) *Двѣ фантазіи* и одна *токката*. 26) *Семь тріо* (для 2-хъ клавировъ и педали). 27) *Шесть варіированныхъ кантиковъ* (съ педалью.obligato). 28) *Четыре тріо* (2 клавир. и педаль). 29) *Собраніе 114 варіированныхъ кантиковъ* (на одинъ и два клавира и педаль-obligato). Всѣ показанныя здѣсь сочиненія въ 1787 году находились въ Лейпцигѣ, въ магазинѣ Брейткопфа. Полнѣйшая коллекція неизданныхъ сочиненій Баха для органа была у Киттеля, ученика великаго музыканта, и органиста въ Эрфуртѣ. Къ сожалѣнію, по смерти его коллекція эта разошлась по рукамъ. Въ ней заключались слѣдующія сочиненія: 30) *Девять токкатъ* (съ педалью-obligato). 31) *Четыре фантазіи*. 32) *Пастораль*; 33) *Ricercare* въ 6-ти частяхъ; 34) *Собраніе разныхъ піесъ* съ 3-мя прелюдіями и 3-мя фугами. 35) *Двадцать-двѣ фуги* и столько-же *прелюдій*. 36) *Капризъ* съ 10-ю фугами. 37) *13-ть фугъ* (съ педалью - obligato). 38) *Три сонаты* (для 2-хъ клавировъ съ педалью - obligato). 39) *Три концерта* (2 клавира и педаль - obligato). — Сверхъ-сего находится множество другихъ піесъ въ рукахъ германскихъ органистовъ но трудно сдѣлать имъ вѣрное исчисленіе.

Манускриптовъ музыки *церковной* еще бо́льшее число. Вотъ что́ сохранилось изъ этихъ произведеній: 40) 5-ть *полныхъ разрядовъ* гимновъ, антифоновъ и мотетовъ на всѣ воскресные и праздничные дни, въ теченіе круглаго года. 41) *Ораторія — Рождество Христово* (Pro tempore nativitatis Christi) въ 3-хъ частяхъ, для 4-хъ голосовъ и оркестра. (Манускриптъ находится у Пэльхау). 42) *Страсти Господни*, совершенно различныя съ показанными выше, которыя написаны на текстъ св. Матвѣя и св. Іоанна; 43) *Два Magnificat* на 4 голоса. 44) *Торжественная обѣдня* въ si - минорномъ тонѣ, для 2-хъ хоровъ и 2-хъ оркестровъ (въ Германіи есть нѣсколько копій). 45) *Восемь обѣдень*: одна въ *la* (4 голоса, 2 скрипки, 3 трубы и органъ); четыре нѣмецкихъ (4-е голоса, 2 скрипки, альтъ, флейты и органъ); нѣмецкая-же обѣдня (для такого-же числа голосовъ и инструментовъ, но вмѣсто флейтъ 2 гобоя); латинская обѣдня (4-е голоса,

2 скрипки, валторна, 2 трубы и органъ) и восьмая (5-ть голосовъ, 2 скрипки, 2 альта, валторна и органъ). 46) *Пять различныхъ Sanctus* (для 4-хъ голосовъ каждое, съ органомъ и разными инструментами). 47) *Множество* нѣмецкихъ и латинскихъ *мотетовъ*, съ оркестромъ или вовсе безъ аккомпаньемента. 48) *Болье 150-ти церковныхъ кантатъ* (4 голоса и оркестръ). Оригинальные манускрипты бо́льшей части коихъ находятся въ Лейпцигской школѣ св. Томаса.

За симъ: 49) *Арія для голоса сопрано* (съ акком. разныхъ инструменовъ). 50) *Драма* «der Koëniginn zu Ehren» (въ честь Королевы. 51) *Десять кантатъ*: 4-е на частные торжественные случаи; три похоронныхъ; двѣ комическихъ и десятая «Споръ Фебуса съ Паномъ», — для 2 голосовъ съ оркестромъ. 52) Наконецъ, великое множество разныхъ піесъ на дни рожденія, сватьбы, городскія празднества и т. п. д. — По смерти автора большая часть произведеній его разошлась по рукамъ. Сочиненія для годовыхъ службъ раздѣлили между собою сыновья Баха. Значительнѣйшая часть досталась старшему — Фридману, такъ какъ, по мѣсту органиста въ Галле, онъ могъ дѣлать изъ нихъ приличное употребленіе. По смерти его и брата Эмануила, часть эта опять раздѣлилась. Въ пяти коллекціяхъ годовыхъ службъ заключалось первоначально до 200 піесъ. Часть собранія Эммануила перешла потомъ въ частную библіотеку просвѣщеннаго берлинскаго любителя Пэльхау. — Въ настоящее время извѣстны два значительнѣйшія собранія сочиненій Баха: одно находится въ библіотекѣ Лейпцигской школы св. Томаса и состоитъ изъ 100 кантатъ, а другое принадлежитъ Іоахимстальской Гимназіи въ Берлинѣ, и подарено Прусскою Принцессою Амаліею.

По приведеннымъ здѣсь фактамъ уже можно судить о чудной, непостижимой плодовитости С. Баха, которая тѣмъ болѣе удивляетъ, если принять во вниманіе занимаемыя имъ должности, путешествія, обязанности по преподаванію уроковъ ученикамъ и попеченія о семействѣ, — что́ все вмѣстѣ, конечно, много похищало у него времени. Между тѣмъ неоспоримо, что легкость производить составляла отличительную черту великаго генія, не смотря на всевозможныя препятствія, противупоставляемыя обстоятельствами и случаями жизни. Бахъ тщательно обрабатывалъ свои произведенія, часто принимался за нихъ снова и дѣлалъ значительныя измѣненія. Вотъ причина, почему встрѣчается по нѣскольку копій одного и того-же сочиненія, но совер-

шенно различныхъ. При удивительной своей плодовитости С. Бахъ написалъ такое громадное число произведеній, что даже сомнительно, чтобы какой-либо другой композиторъ оставилъ столько-же твореній въ разныхъ родахъ музыки, исключая драматической. Но къ сожалѣнію, въ эпоху существованія великаго музыканта, въ Германіи печаталось весьма мало-музыкальныхъ сочиненій, и потому-то произведенія его оставались въ манускриптахъ. Онъ раздавалъ ихъ своимъ ученикамъ, которые, конечно, хранили экземпляры сочиненій, какъ драгоцѣнность; но по смерти учениковъ, сочиненія переходили изъ рукъ въ руки; почему все это и подаетъ поводъ думать, что многія изъ произведеній Баха вовсе затерялись, быть-можетъ даже никогда уже не отыщутся. Нѣсколько органистовъ и просвѣщенныхъ любителей употребляли тщательныя старанія для открытія драгоцѣнныхъ остатковъ послѣ величайшаго изъ музыкантовъ, и постепенно выдавали въ свѣтъ высокія произведенія его. А это самое поселяетъ непреодолимое желаніе, дабы сколь возможно поспѣшнѣе изданы были всѣ сохранившіяся творенія безсмертнаго музыкальнаго генія.

Какъ органистъ и виртуозъ на клавесинѣ, С. Бахъ не имѣлъ себѣ равнаго, ни въ предшественникахъ своихъ, ни въ числѣ тѣхъ артистовъ, которые явились послѣ него. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ этого могутъ послужить его-же собственныя сочиненія, которыя для него были сущими бездѣлками, между-тѣмъ, какъ наполнены такими неимовѣрными трудностями, что самые искуснѣйшіе піанисты нашего времени торжественно сознаются, что имъ стоитъ большихъ усилій и трудовъ ихъ побѣждать и что, за всѣмъ тѣмъ, они не въ состояніи исполнять ихъ въ тѣхъ быстрыхъ движеніяхъ, какъ дѣлалъ это Бахъ. Каждый палецъ великаго артиста растягивался съ одинаковою гибкостію по всѣмъ сочетаніямъ аппликатуры. Самыя ноги его пріучены были къ такимъ скорымъ движеніямъ, что Бахъ исполнялъ въ педали органа большія трудности, которыя многіе ученые органисты могли съ усиліемъ разыграть только руками.— При всѣхъ этихъ качествахъ Бахъ обладалъ еще одному ему свойственнымъ изящнымъ вкусомъ въ смѣшеніи регистровъ органа и въ эффектахъ, какіе умѣлъ извлекать изъ такого смѣшенія. Сдѣлавъ пробу органу одинъ только разъ, Себастіанъ тотчасъ-же постигалъ вполнѣ всѣ его качества и недостатки, и умѣлъ избѣгать употребленія тѣхъ игръ, которыя не производили должнаго эффекта. Опытность его и положительныя позна-

нія въ подробностяхъ устройства органовъ, часто подавали поводъ избирать славнаго музыканта посредникомъ для оцѣнки вновь-поставленныхъ инструментовъ этого рода... Къ-нему-же прибѣгали, для произведенія испытаній органистамъ, въ случаяхъ замѣщенія вакантныхъ мѣстъ новыми артистами. При таковыхъ экзаменахъ Бахъ, по обыкновенію, бывалъ чрезвычайно строгъ, хотя вполнѣ безпристрастенъ. Само-собою разумѣется, что подобная строгость нерѣдко вооружала противъ него органистовъ и содѣлывала врагами тѣхъ изъ нихъ, выгоды которыхъ отъ этого страдали или оскорблялось самолюбіе. Но Бахъ былъ безжалостенъ къ посредственности, и между тѣмъ никто столько не оказывалъ уваженія къ истиннымъ талантамъ, какъ онъ. У него находилось полное собраніе сочиненій всѣхъ славныхъ композиторовъ. Вообще Бахъ питалъ величайшее уваженіе къ Фуксу, Кайзеру, Калдарѣ, Рейнкену, Гассе, обоимъ Граунамъ, Телеману и къ Генделю. Въ теченіе всей своей жизни онъ крайне сожалѣлъ, что не могъ познакомиться съ послѣднимъ. Гендель три раза посѣщалъ свою родину, Галле, послѣ того, какъ поселился навсегда въ Англіи; но великимъ музыкальнымъ геніямъ своего времени никакъ не удалось сойтись вмѣстѣ. Въ первый разъ Гендель пріѣзжалъ въ 1719 году; Бахъ тогда былъ въ Кётенѣ. Узнавъ о прибытіи Генделя, Себастіанъ тотчасъ отправился въ Галле; но первый въ тотъ-же день уѣхалъ. Когда славный артистъ пріѣзжалъ во второй разъ, Бахъ лежалъ больной въ Лейпцигѣ. Въ третью поѣздку Генделя, въ 1752 году, Баха уже не было на свѣтѣ.

Слава Баха была огромна еще при жизни; но во всякомъ случаѣ однакожъ можно утвердительно сказать, что современники не поняли великаго музыканта; — онъ былъ выше своего вѣка. Правда, современники знали очень-хорошо, что Бахъ былъ искуснѣйшимъ органистомъ, удивительнымъ импровизаторомъ, ученѣйшимъ музыкантомъ Германіи. Фуги его считались превосходнѣйшими изъ всѣхъ, когда-либо написанныхъ для органа и клавесина. Въ нихъ признавали созданіе генія глубокаго и смѣлаго, въ такомъ родѣ музыки, который, кажется, вовсе не допускалъ способности изобрѣтенія. Но все-же современники Баха находились въ полномъ убѣжденіи, что собственно въ этомъ и заключалась вся слава, пріобрѣтенная на поприщѣ избраннаго имъ искусства, — слава, впрочемъ, обширная, которая могла-бы удовольствовать самолюбіе многихъ и многихъ артистовъ. Между тѣмъ, въ самой сущности, все это составляло только нѣко-

торую часть правъ Баха на безсмертіе. Мы сказали уже, что Себастіанъ трудился только для себя и для весьма-ограниченнаго круга просвѣщенныхъ любителей музыкальнаго искусства. Окончивъ какое-нибудь произведеніе, онъ поправлялъ его дотѣхъ-поръ, пока наконецъ не оставался имъ вполнѣ доволенъ, послѣ чего навсегда забывалъ его. Отсюда и произошло, что, спустя много лѣтъ по смерти Баха, великія творенія его по части церковной музыки были вовсе неизвѣстны. По той-же самой причинѣ образовалось и мнѣніе, что фугованный стиль составлялъ единственный родъ музыки, въ которомъ Бахъ достигъ до высокой степени превосходства. Совершеннѣйшія творенія его были сокрыты въ рѣдкостномъ собраніи Архива Баховъ, или въ пыли нѣсколькихъ библіотекъ. Въ этихъ-то произведеніяхъ геній великаго Себастіана оставилъ далеко за собою всѣхъ современныхъ композиторовъ, исключая Ганделя, и опередилъ всѣхъ послѣдующихъ маэстро въ изобрѣтеніи множества важнѣйшихъ предметовъ и частей искусства, славу которыхъ приписывали потомъ нѣсколькимъ другимъ музыкантамъ. Чудныя произведенія эти, по счастливому случаю, найденныя назадъ тому нѣсколько лѣтъ, раскрыли наконецъ изумленной Европѣ, что, кромѣ достоинствъ, которымъ уже дивился музыкальный міръ, С. Бахъ обладалъ еще другими, чрезвычайными талантами, существованія которыхъ въ немъ даже и не подозрѣвали. И вотъ такова-та странная участь величайшаго изъ музыкантовъ! Въ *Ораторіи Рождество Христово* и *въ Страстяхъ* по Евангелію св. Матвѣя, Бахъ, кажется, хотѣлъ оставить грядущимъ вѣкамъ самое блистательное и непреложное доказательство могущества своего генія. Сила речитатива, за которую такъ прославляли Глюка, въ твореніяхъ этихъ доведена до высшей степени совершенства. Мелодіи здѣсь новы, оригинальны, чрезвычайно-выразительны и превосходно приноровлены къ словамъ. Никогда искусство сочетанія такого огромнаго количества инструментовъ и голосовъ не простиралось такъ далеко; но болѣе всего поражаетъ удивленіемъ то, что вся эта громадная, сложная масса сочетанія, очевидно, создана вдругъ, въ одну минуту вдохновенія! Эффекты инструментовки такъ разнообразны и до того поразительны, что едва можно понять, какимъ образомъ Бахъ, проживавшій долгое время по небольшимъ городамъ, имѣвшій мало случаевъ изучать свойства разныхъ инструментовъ, — умѣлъ такъ хорошо ихъ постигать, опередивъ вѣкъ свой въ искусствѣ употребленія ихъ. Превосходнѣйшая *торжественная обѣдня* въ si-минор-

номъ тонѣ и множество церковныхъ *кантатъ* также блистаютъ высокими красотами разнаго рода. Между-тѣмъ все это не было извѣстно даже тѣмъ лицамъ, которые питали глубокое уваженіе къ необыкновенному музыканту, одаренному столькими великими качествами и чрезвычайнымъ геніемъ! Только эти произведенія могли подать истинное понятіе о величайшемъ, какъ бы сверхъ-естественномъ композиторѣ, каковъ былъ дѣйствительно С. Бахъ.....

Важнѣйшій, отличительный характеръ произведеній С. Баха составляютъ — выдержанная оригинальность идей, высокій стиль, меланхолическій колоритъ, мелодія, нерѣдко странная, даже дикая, но всегда величественная, гармонія, часто неправильная, но полная эффекта. Много говорено было о томъ, что Бахъ, какъ бы съ намѣреніемъ избиралъ темы неблагопріятныя и странныя, которыя сначала возбуждали только удивленіе, не доставляя наслажденія; но за то, силою своего обширнаго воображенія, онъ вскорѣ умѣлъ открывать источники неожиданные, которые, по своей красотѣ и прелести, овладѣвали исполнителемъ и очаровывали слушателя. — Серьёзный характеръ Баха увлекалъ его и въ сочиненіе музыки, въ стилѣ важномъ и строгомъ; притомъ-же самая должность капельмейстера и органиста не давала ему возможности и времени заниматься обработкою музыки другаго рода. Привычкамъ его, музыкальному образованію и уединной жизни должно приписать то обстоятельство, что онъ оставался нечувствительнымъ къ красотамъ и достоинствамъ музыки драматической. Бахъ такъ мало уважалъ этотъ родъ, сдѣлавшійся въ наше время господствующимъ, что, отправляясь въ Дрезденъ, куда его часто приглашали на придворные спектакли, обыкновенно говаривалъ своему сыну Фридману: «Поѣдемъ слушать дрезденскія пѣсенки.» — Частая игра на органѣ и постоянное размышленіе объ этомъ инструментѣ еще болѣе развили ровный, спокойный, величественный характеръ Баха, который отражался во всей его музыкѣ. Въ первоначальныхъ сочиненіяхъ его видны еще нѣкоторыя жертвы господствовавшему вкусу; но въ-послѣдствіи Бахъ сбросилъ съ себя и эти оковы, привязывавшія его къ ежедневной жизни, и спокойная душа его вполнѣ отпечатлѣвалась въ его величественныхъ мелодіяхъ, въ ровномъ, безстрастномъ выраженіи. — Вообще вдохновеніе Баха было вдохновеніемъ, возведеннымъ въ степень терпѣнія. Вдохновеніе горѣло постоянно и тихо въ душѣ его: за клавесиномъ, во-время уроковъ ученикамъ, въ пріятельской бесѣдѣ, за органомъ въ хра-

мѣ, — онъ всегда и вездѣ былъ вѣренъ святынѣ искусства, и никогда земная мысль или страсть не прорывались въ его звукахъ. Отъ-того-то и музыка его, въ наше время, когда искусство до такой степени оматеріализировалось, кажется холодною, безжизненною, непонятною. Словомъ, музыка Баха, если можно такъ выразиться, слишкомъ уже духовна, высока, а потому и доступна небольшому кругу избранныхъ артистовъ, посвящающихъ себя изученію этой дивной музыки (*).

Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя важнѣйшія сочиненія С. Баха. Изъ числа произведеній клавесинной и инструментальной музыки особенно замѣчательны:

Экзерциціи для клавесина или арія со многими варіаціями, изъ которой можно видѣть огромные стороны генія Баха. Большая часть варіацій состоитъ изъ канноновъ въ разныхъ интерваллахъ, и вообще здѣсь находятся затѣи самой сложной гармоніи, а богатство мотивовъ обличаетъ воображеніе обширное и плодовитое. — *Собраніе 48 прелюдій и фугъ* во всѣхъ тонахъ мажорной и минорной гаммы, хотя наполнено неправильностями и странностями, тѣмъ не менѣе однакожъ составляетъ удивительное произведеніе восьмнадцатаго вѣка. Прелюдіи всѣ безъ исключенія превосходны, а фуги, не-смотря на недостатки, изобилуютъ идеями необыкновенными, модуляціями неожиданными, чрезвычайно-эффектными и въ особенности замѣчательны тѣмъ, что тройныя и четверныя фуги сохраняютъ тоже число ходовъ до самаго конца, не-смотря ни какія препятствія въ аппликатурѣ. Подобныя вещи одинъ только Бахъ зналъ какъ дѣлать! — *Шесть сонатъ* для клавесина, съ аккомпаньементомъ скрипки (obligato), отличаются строгостію стиля, но удивительны во всѣхъ отношеніяхъ. Вообще всѣ сонаты написаны фугованнымъ стилемъ; но Бахъ умѣлъ въ ученомъ произведеніи разлить такое множество идей глубокихъ и новыхъ, что фуги нисколько не имѣютъ сухости подобнаго рода музыки. Всѣ *adagios* исполнены меланхолическаго характера, особенно то, которое въ si-минорномъ тонѣ, производитъ эффектъ невыразимый. — *Изъ двухъ концертовъ* для 2-хъ клавесиновъ, съ аккомп. 2-хъ скрипокъ, альта и баса, — *второй* превосходенъ; въ немъ послѣднее allegro до чрезвы-

(*) Въ статьѣ о Ганделѣ мы сказали уже о значеніи Баховой музыки въ исторіи искусства.

чайности эффектно. — *Два концерта* для 3-хъ клавесиновъ съ 2-мя скрипками, віолою и басомъ, заключаютъ въ себѣ удивительное искусство. Здѣсь не только всѣ три клавесина составляютъ концертанты, но и каждый изъ аккомпанирующихъ инструментовъ есть также концертантъ. — Наконецъ самое *искусство фуги*, состоящее изъ тройныхъ и четверныхъ фугъ на одну тему, также замѣчательно. Бахъ написалъ ихъ для развлеченія, уже въ то время, когда почти ослѣпъ. Болѣзнь помѣшала ему окончить финальную фугу, которая и напечатана въ томъ несовершенномъ видѣ, какъ осталась. Трудъ оканчивается двумя, чрезвычайно-эффектными фугами, которыя написаны на ту-же варіированную тему, для 2-хъ клавесиновъ.

По части *органной* и *церковной* музыки важнѣйшими сочиненіями почитаются:

Прелюдіи къ *гимнамъ* и *кантикамъ*, для двухъ клавировъ съ педалью, которыя составляютъ совершеннѣйшее твореніе въ своемъ родѣ. Смѣшеніе клавировъ сдѣлано здѣсь съ такимъ искусствомъ, напѣвы хораловъ варіированы съ такимъ могуществомъ генія и обширностію воображенія, что можно утвердительно сказать, нѣтъ ничего подобнаго въ томъ-же родѣ, что могло-бы сравниться съ этимъ геніальнымъ произведеніемъ. — *Собраніе кантиковъ* для 4-хъ голосовъ и органа, въ свою очередь, превосходитъ все, что только было сдѣлано искусствомъ въ томъ-же родѣ и заключаетъ въ себѣ болѣе 400 піесъ.

Страсти Господни на Евангеліе св. Матвѣя, для двухъ хоровъ и 2-хъ оркестровъ, составляютъ обширнѣйшее и величественнѣйшее музыкальное созданіе изъ всѣхъ твореній, когда-либо появлявшихся въ свѣтъ. Произведеніе это почти около вѣка оставалось въ непзвѣстности. Разсматривая интродукцію этого дивнаго творенія, нельзя не придти въ чрезвычайное удивленіе. Она написана въ фугованномъ стилѣ, гдѣ два хора, въ четыре голоса каждый, и два оркестра, развиваются съ изяществомъ и легкостію въ формахъ ученыхъ и самыхъ сложныхъ; между-тѣмъ какъ въ то-же самое время слышится третій хоръ дискантовъ, исполняющій въ протяжномъ и простомъ движеніи хоралъ унисономъ. Не менѣе достоинъ замѣчанія совершенно-новый и драматическій способъ Баха, употребить хоръ, какъ разговаривающее лицо. Речитативы исполнены декламаціи рѣдкой красоты. Мелодіи дышатъ самою трогательною меланхоліею и отличаются новостію и смѣлостію. Наконецъ, самая инструментовка предста-

ляетъ чрезвычайное разнообразіе въ сочетаніяхъ, и доказываетъ, что С. Бахъ лучше всякаго другаго композитора постигалъ дѣйствіе каждаго инструмента. — *Ораторія* «Рождество Христово,» въ 3-хъ частяхъ, для 4-хъ голосовъ и оркестра, и *торжественная обѣдня* въ si—минорномъ тонѣ для 2-хъ хоровъ и 2-хъ оркестровъ, — произведенія удивительныя, величайшія, какъ по выразительности и новости идей, такъ равно по самой инструментовкѣ.

Наконецъ, *духовныя кантаты* для 4-хъ голосовъ и оркестра, числомъ болѣе 150-ти, составляютъ геніальныя творенія Баха. Нѣкоторые ученые музыканты имѣли только темное понятіе о существованіи этого драгоцѣннаго сокровища, открытіемъ котораго обязаны единственно случаю. Директоръ музыки въ Лейпцигѣ, Миллеръ воспользовался открытіемъ и исполнялъ нѣкоторыя изъ этихъ піесъ, то въ храмѣ, то въ частныхъ концертахъ. Слушая ихъ, музыканты приходили въ чрезвычайный восторгъ. Въ пятомъ году Лейпцигской Музыкальной Газеты, Рохлитцъ на счетъ этого выразился такъ: «Теперь всѣ музыканты и любители, кто не знакомъ съ этими глубокими и чудеснѣйшими твореніями, не могутъ уже хвалиться, будто-бы вполнѣ постигаютъ талантъ Баха, ибо кантаты составляютъ лучшія его произведенія, такъ сказать, квинтъ-эссенцію его генія. Въ нихъ раскрываются красоты и звуки, исполненные такой силы и выразительности, что невозможно прослушать ихъ безъ душевнаго волненія.» — Однимъ словомъ, когда въ Германіи попробовали исполнить многія произведенія С. Баха, находившіяся въ манускриптахъ, то раскрыли въ нихъ красоты чрезвычайныя, и вполнѣ убѣдились, что изъ всѣхъ композиторовъ нѣмецкой школы, Бахъ одаренъ былъ самымъ необычайнымъ музыкальнымъ геніемъ. Изъ произведеній его, на которыя мы указали выше, *Страсти Господни* и *Обѣдня*, быть-можетъ, составляютъ высочайшія музыкальныя концепціи, когда-либо возсозданныя искусствомъ!....

Итакъ, вотъ каковъ С. Бахъ, вотъ какова его музыка! — Спрашивается теперь, многіе-ли имѣютъ хотя только понятіе о Бахѣ? Можно сказать утвердительно, что самые артисты, занимающіеся искусствомъ ex professio, плохо знакомы съ сущностію Баховой музыки; они только кричатъ объ его фугахъ, которыхъ, по большой части, сами не въ состояніи исполнить. — Что касается до любителей съ прекрасными ушами, то имя Баха и его музыка скорѣе производитъ на нихъ впечатлѣніе непріятное, — обдаетъ холодомъ! Что дѣлать? — Такъ устроены нравы наши. Это

показываетъ современное направленіе человѣчества и степень музыкальнаго образованія, при посредствѣ котораго мы бываемъ способны неистово восторгаться только какими-нибудь пѣснями, руладами, фіоритурами и тому подобными штуками италіянской музыки, то-есть, музыки, по преимуществу основанной на матеріализмѣ. При такомъ положеніи вещей, конечно, слухъ грубѣетъ, теряетъ способность воспринимать неземные звуки музыки Баховой, и мы находимся внѣ возможности наслаждаться тою музыкою, которая строга, какъ религія, но которая за то можетъ уносить въ другой міръ и хотя на мгновеніе заставитъ позабыть плачевную юдоль земнаго бытія нашего. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что слушая и изучая подобную музыку, духъ человѣческій укрѣпляется, обновляется и получаетъ способность воспринимать такія идеи, которыя доступны только мірамъ заоблачнымъ. Не даромъ-же древніе говорили, что музыка есть способъ соединенія неба съ землею....

С. К.

6-ое ДЕКАБРЯ.

* * *

Нынче вамъ семнадцать лѣтъ, —
Золотое время счастья! —
Въ нихъ ни скучнаго безстрастья,
Ни безумной страсти нѣтъ;
Нѣтъ томительныхъ желаній,
Лихорадочныхъ идей:
Васъ спасаетъ отъ мечтаній
Беззаботность этихъ дней.
Все васъ манитъ такъ привѣтно,
Все такъ радужно блеститъ,
Зло межъ добрымъ незамѣтно,
Низость скромностью глядитъ.
Въ васъ такъ много жизни, чувства,
Къ вамъ нельзя холоднымъ быть;
Вы не знаете искусства
На себя не походить.
О! дай Богъ, чтобъ жизнь пустая,
Пошлой маски не снимая,
Улыбалась вѣчно вамъ,
Вашимъ думамъ и мечтамъ,
И въ грядущемъ не могли-бы
Вы объ этомъ днѣ грустить,
Чтобы люди-змѣерыбы —
Въ жизни васъ могли забыть!
Чтобъ всегда вы той-же были,
Какъ теперь, въ семнадцать лѣтъ,
И чтобъ въ свѣтѣ васъ любили,
Хоть любви на свѣтѣ нѣтъ.

В. НЕСКРОМНЫЙ.

ЖЕНИХЪ,

ЧЕМОДАНЪ И НЕВѢСТА.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

Соч. П. И. ГРИГОРЬЕВА 1.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Василій Степановичъ Легкой	Двоюродные братья.	Г-нъ *Максимовъ 1.*
Степанъ Васильевичъ Васильевъ		Г-нъ *Григорьевъ 1.*
Сидорычъ, хозяинъ постоялаго двора		Г-нъ *Воробьевъ.*
Миронъ, его работникъ		Г-нъ *Марковецкій.*
Калистратка, молодой ямщикъ.		Г-нъ *Мартыновъ.*

(Дѣйствіе происходитъ на постояломъ дворѣ, въ Новгородѣ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Театръ представляетъ маленькую каморку на постояломъ дворѣ. По сторонамъ — скамейки, на которыхъ спятъ, и которыя покрыты простыми дорожными коврами. Два чемодана вмѣсто подушекъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

На-право со сцены лежитъ на скамьѣ Василій Степановичь Легкой, одѣтый весьма-просто и покрытый сверху шинелью. На-лѣво со сцены лежитъ, также на скамьѣ, Степанъ Васильевичъ Васильевъ, одѣтый не лучше и не хуже своего пріятеля.

(При открытіи занавѣса на сценѣ совершенная темнота.)

Легкой (*долго кряхтя и ворочаясь съ боку на бокъ, начинаетъ говорить про себя*). О-о-о-охъ! охъ! охъ! неловко... больно неловко.... этакое вѣдь глупѣйшее положеніе! Все передумалъ, всѣ случаи перебралъ, всѣ бока отлежалъ, всѣ глаза просмотрѣлъ, и все-таки блуждаю во мракѣ дуракъ дуракомъ! (*Помолчавъ немного*). Гмъ! Прошу покорно! онъ лежитъ и я лежу... и гдѣ-же? на скверномъ постояломъ дворѣ, безъ денегъ, безъ помощи и даже безъ огня!... О, судьба! (*Напѣваетъ рускую пѣсню:*) Ахъ, ночька, ты ночька... ночька темная, ночь осенняя.... (*Говоритъ*) Степанъ Васильичъ, а Степанъ Васильичъ, ты что дѣлаешь?

ВАСИЛЬЕВЪ. Что!— лежу. О-о-охъ! охъ! (*Ворочаясь съ боку на бокъ*)

ЛЕГКОЙ. И я тоже.... Охъ, охъ,... А что́ другъ, какъ ты думаешь: утро теперь, или вечеръ? а?

ВАСИЛЬЕВЪ. А чортъ знаетъ! мы ужъ вотъ, кажется, третій день валяемся въ потьмахъ, съ боку на бокъ...

ЛЕГКОЙ. А знаешь-ли, что́?

ВАСИЛЬЕВЪ. Что́?

ЛЕГКОЙ. Я, вѣдь хоть ты лопни, право не могу придумать, ка́къ намъ выдти изъ этого горестнаго положенія.

ВАСИЛЬЕВЪ. Охъ, и я тоже.

ЛЕГКОЙ. Прошу покорно! А вѣдь *есть-же* люди, братецъ, которые во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни умѣютъ какъ-то выдти изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ. Вѣдь сколько разъ я видѣлъ: иной, посмотришь, погибъ совершенно: денегъ ни гроша, надежды никакой... а пройдетъ недѣля, мѣсяцъ, глядишь—поправился, — и деньжонки явились, и то́ и другое, и пошелъ и зажилъ.... А мы съ тобой, чортъ знаетъ! лежимъ безъ копейки на этомъ постояломъ дворѣ, и вотъ третій день не придумаемъ даже, на какую сумму купить свѣчку? Вѣдь это ужасно!

ВАСИЛЬЕВЪ. Охъ! Испытаніе, братецъ, тяжолое испытаніе! Меня одурь беретъ!

ЛЕГКОЙ. Ка́къ мы, я думаю, оба похудѣли въ эти три дня! О, добрый другъ, дай хоть взглянуть на твои благородныя черты... (*Ищетъ около себя.*)

ВАСИЛЬЕВЪ. А ка́къ ты это сдѣлаешь? Вѣдь ни-зги невидно.

ЛЕГКОЙ. А у насъ, кажется, остались еще зажигательныя спички ...

ВАСИЛЬЕВЪ. Ахъ, въ-самомъ-дѣлѣ,— у меня тоже была коробочка въ кисетѣ. (*Ищетъ.*)

ЛЕГКОЙ (*кричитъ*) Я нашелъ!

ВАСИЛЬЕВЪ. И я отыскалъ!

ЛЕГКОЙ. Взглянемъ хоть немножко другъ на друга: авось искра надежды озаритъ насъ и наши сердца.

(*Оба зажигаютъ по спичкѣ; каморка нѣсколько освѣщается.*)

ЛЕГКОЙ (*также*) Здравствуй, Степанъ Васильичъ!

ВАСИЛЬЕВЪ (*громко*) Здравствуй, Василій Степанычъ!

ВАСИЛЬЕВЪ. О, проклятое безденежье!

(*Въ каморкѣ снова потемнѣло.*)

ЛЕГКОЙ (*поетъ*) «Погасло дневное свѣтило!» — (*Бросается на лавку.*)

ВАСИЛЬЕВЪ (*читая драматически*). Померкла послѣдняя искра надежды!

легкой. Я въ отчаяніи!

васильевъ. Я въ бѣшенствѣ! Чортъ возьми! Если-бъ мы не понадѣялись на твоего пріятеля и тащились-бы двое потихоньку на долгихъ до Петербурга, такъ ужъ давно пріѣхали-бы — ты къ своему опекуну, а я къ умирающей теткѣ. А то вотъ, на! Обрадовались, что на дорогѣ попался пріятель, что у него своя коляска, что съ пріятелемъ поскачемъ на почтовыхъ, что намъ будетъ веселѣе, пріятнѣе! А вотъ онъ и надулъ насъ, предатель!

легкой (*съ досадою*). Да, если-бъ онъ мнѣ теперь попался, я-бы отъ-души, по-пріятельски раскроилъ ему черепъ!

васильевъ. Да, жди его! Хорошъ пріятель! Ускакалъ въ сторону, за двадцать верстъ, къ какому-то родственнику, поклялся, что воротится черезъ нѣсколько часовъ, а мы вотъ ужъ третьи сутки ждемъ и страдаемъ по его милости. Но что всего обиднѣе: дуракъ хозяинъ не вѣритъ намъ ни на грошъ и считаетъ обманщиками и негодяями.

легкой (*съ одушевленіемъ*). Братъ! братъ! прости меня! Я хотѣлъ доказать этому предателю, что мы не намѣрены даромъ ѣхать въ его коляскѣ, поподчивалъ шампанскимъ, а онъ обрадовался, да въ четыре станціи и наказалъ меня по-пріятельски на 90 рублей!

васильевъ За то эти четыре станціи онъ насъ прокатилъ на почтовыхъ. Фу! какъ ужасно ѣсть хочется!

легкой. Бѣдный братъ! ты ужь начинаешь страдать не на шутку, какъ Уголино! Кончено, чтобъ поправить свою глупость, я хочу все принести на жертву! Не можетъ-быть, чтобъ здѣсь, въ великомъ Новѣгородѣ, мы кончили вѣкъ такъ страшно! Нѣтъ, мы должны добраться до Петербурга, мы будемъ и обѣдать, мы купимъ свѣчку и наймемъ тележку! Братъ, возстань, зажги опять спичку, и поди сюда.... (*Ищетъ свой чемоданъ*).

васильевъ. Да полно! что ты мелешь вздоръ! (*Подходитъ, собираясь зажечь спичку.*)

легкой. Вздоръ? Эхъ, братецъ! да одинъ-ли я на свѣтѣ мелю вздоръ? Разбери-ка родъ людской попристальнѣе, такъ во всѣхъ углахъ его не оберешься.

Вздору тьма на свѣтѣ бѣломъ!
Вѣдь судья другимъ въ укоръ
Хоть твердитъ, что занятъ дѣломъ,
А на дѣлѣ — мелетъ вздоръ.

* * *

Хоть и дѣльно публикуетъ
О проектахъ прожектёръ,
Все распишетъ, разрисуетъ,
А выходитъ чистый вздоръ.

* * *

Смотришь, пишущій пріятель
Толстой книгой сдѣлалъ сборъ,
А прочти... такъ и писатель
Въ книгѣ страшно мелетъ вздоръ!

* * *

Муженька — жена голубитъ,
Всѣмъ другимъ на-перекоръ,
Всѣмъ твердитъ, что мужа любитъ,
А ей-Богу, мелетъ вздоръ!

* * *

Такъ оставимъ вздоры эти,
Ужъ рѣшили съ давнихъ поръ:
Что весь свѣтъ, и мы на свѣтѣ
Передъ вѣчностью — все вздоръ!

ВАСИЛЬЕВЪ. Ну, ну, полно! Зачѣмъ-же ты велишь опять зажечь спичку?

ЛЕГКОЙ (*бросая свой чемоданъ на полъ*). А вотъ зачѣмъ! Безсовѣстный пріятель бросилъ насъ на произволъ судьбы,— такъ вретъ-же онъ: мы будемъ въ Петербургѣ! Сей часъ-же посылаю продать все свое имущество!

ВАСИЛЬЕВЪ. Какъ! ты рѣшаешься?

ЛЕГКОЙ. Въ крайности человѣкъ рѣшается на все. Бѣлье, платье, книги, все по боку и на базаръ! Свѣти! свѣти! (*Развернувъ чемоданъ, съ ужасомъ вскакиваетъ.*) Что это? Боже правосудный! какъ! возможно-ли! неужели! обманъ! воровство! грабежъ! похищеніе! братъ! друзья мои! свѣти! свѣти!

ВАСИЛЬЕВЪ. Что за дьявольщина? Что съ тобой?

ЛЕГКОЙ. Братъ, мы погибли! Этотъ чемоданъ не мой!

ВАСИЛЬЕВЪ. Какъ не твой?

ЛЕГКОЙ. Не мой! не мой! посмотри... Каковъ пріятель-то? Ахъ, безсовѣстная душа! Какъ мы вечеромъ третьягодня пріѣхали, такъ онъ, злодѣй, вмѣсто моего-то чемодана, вѣрно, и выкинулъ мнѣ свой...

ВАСИЛЬЕВЪ. Ну, братъ, значитъ, судьба ожесточилась на насъ совершенно!

ЛЕГКОЙ. О, правосудный Аллахъ! Неужли всѣ мои мечты, благородные порывы юности, моя душевная невинность, все это погибнетъ безъ пользы въ новогородской тюрьмѣ? (*Падаетъ на чемоданъ*).

ВАСИЛЬЕВЪ. Чортъ побери твоего пріятеля въ коляскѣ! Ахъ, бѣдная моя тетушка! Я думаю она умираетъ и ждетъ меня съ часу на часъ...

ЛЕГКОЙ. Помилуй! Да вѣдь этотъ пріятель былъ моимъ другомъ...

ВАСИЛЬЕВЪ. Ну, да! Вотъ онъ и удружилъ тебѣ.

Отъ этакихъ предателей,
Не жди добра, ей—ей!

ЛЕГКОЙ.

Чортъ взялъ-бы всѣхъ пріятелей,
И всѣхъ моихъ друзей!
Всѣ изверги! Предатели!

ВАСИЛЬЕВЪ.

А этотъ другъ — змѣя!
Кто радъ надуть? Пріятели...

ЛЕГКОЙ.

Кто грабитъ насъ? Друзья!

(ВМѢСТѢ.)

Будь прокляты пріятели!
И дружба, и друзья!

ЛЕГКОЙ *(къ концу куплета развязавъ чемоданъ, вынулъ разное платье, наконецъ бумажникъ съ деньгами и письмами).* Ахъ! я оживаю! Братъ! Аллахъ справедливъ! Нѣтъ худа безъ добра! Пріятель наказанъ! Ура! Смотри! Бумажникъ!

ВАСИЛЬЕВЪ. Возможно-ли! О, добрая тетушка, погоди умирать!.. Неужли есть деньги? *(Зажигаетъ спичку).*

ЛЕГКОЙ. Охъ! кажется есть.... Свѣти. свѣти хорошенько... У! да тутъ рублей триста!.. Братъ! поцѣлуй меня!

ВАСИЛЬЕВЪ (*обнимая и цѣлуя его*). Василій Степанычъ!

ЛЕГКОЙ *(также)*. Душка! Степанъ Васильичъ! *(Вынувъ синюю бумажку бѣжитъ къ окну)* Свѣчку! свѣчку! Теперь пусть весь міръ, весь Новгородъ увидитъ нашу радость! (*Кричитъ въ окно*) Эй! вы! дураки! мужичье! Миронъ! Мирошка! поди сюда! На деньги! свѣчку скорѣй! двѣ свѣчки! ужинать! обѣдать! давай хозяина! живо! вотъ я васъ!

ВАСИЛЬЕВЪ. Ну, ужъ поѣмъ-же я на счетъ пріятеля...

ЛЕГКОЙ (*въ окно*). На! на! Ну, что глядишь, дурацкая рожа? Огня скорѣе!

МИРОНЪ (*у окна*). Эге! да вправимъ это синенькая! Ну, вотъ теперь всякое уваженіе получить можете. *(Скрывается).*

ЛЕГКОЙ. Ну, братецъ, мнѣ кажется я съ-ума сойду отъ этого неожиданнаго счастія! Сколько денегъ-то?

ВАСИЛЬЕВЪ. А вотъ, погоди, увидимъ... Кажется, больше трехъ сотъ...

ЛЕГКОЙ. А! такъ пріятель-предатель поплатится за всѣ наши страданія! Мало этого: я-бы желалъ, чтобъ онъ, надѣясь на свой чемоданъ, также попалъ въ тиски, какъ и мы. Ахъ, какъ-бы это было хорошо! Въ моемъ-то чемоданѣ онъ не найдетъ ни гроша! Ха! ха! ха!

ВАСИЛЬЕВЪ. Слушай братъ: онъ наказалъ насъ однимъ шампанскимъ на 90 рублей, такъ обязанъ и насъ отпотчивать на такую-же сумму. Не такъ-ли? А остальное, по пріѣздѣ въ Петербургъ, мы возвратимъ ему съ должнымъ уваженіемъ...

ЛЕГКОЙ. Э! нѣтъ! нѣтъ! я человѣкъ злопамятный! Онъ заставилъ насъ страдать, голодать, три дня лишалъ насъ даже свѣта дневнаго. Нѣтъ, я всѣ его деньги промотаю! Я заставлю его вѣчно раскаяваться! Дай сюда этотъ проклятый бумажникъ! Дай его!.. (*Взявъ бумажникъ*). Онъ меня узнаетъ!... Эй! вы! Новогородцы, шампанскаго! (*Выбирая письма и записки, бросаетъ небрежно на столъ*).

ВАСИЛЬЕВЪ. Прежде всего надо, братецъ, утолить голодъ, потомъ подрядить вольнаго ямщика.

ЛЕГКОЙ. Все, все будетъ! Эй, вы! мужики! болваны! поворачивайтесь!

ВАСИЛЬЕВЪ. Эй! хозяинъ! работникъ! подавай счетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ-ЖЕ И МИРОНЪ *(одѣтый по деревенски, несетъ двѣ зажженныя свѣчи и ставитъ на столъ; сцена освѣщается).*

ЛЕГКОЙ. А! уроды! варвары! теперь не-бось и двѣ свѣчи явилось!

МИРОНЪ. Эво! теперичь-ко, вѣстимо, всяко вамъ удовольствіе отъ хозяина будетъ. За деньги хозяинъ и како-хошъ ругательство отъ господъ за уваженіе почтетъ.

ЛЕГКОЙ. Молчи, болванъ! А какъ, не-бось, господа стали просить въ долгъ, такъ нѣтъ?..

Въ долгъ не вѣрите на грошъ?

ВАСИЛЬЕВЪ.

Жалко разступиться...

МИРОНЪ.

Долгъ-те долго не сберешь,
Долго-ль разориться;
Вѣдь хозяйну отъ жилья
Прибыль-то пустая:
Тьма скотины, онъ и я,
Насъ семья большая.

ВАСИЛЬЕВЪ. Ну, что съ нимъ болтать, посылай скорѣй за обѣдомъ, за ямщикомъ и полетимъ въ Петербургъ.

ЛЕГКОЙ *(давая денегъ)*. На, дуракъ, живо принеси сюда са-

мый лучшій обѣдъ, бутылку хорошаго вина, да нѣтъ-ли шампанскаго?.. Пошелъ!

миронъ. Вона какіе, подумаешь, у господъ-те смѣшные обычаи: сидѣли дня три почти не пимши и не ѣмши, а вдругъ теперича, коси малина — разгулялись.

легкой. Каковъ олухъ! Разсуждаетъ! Мы прежде хотѣли васъ испытать, но какъ увидѣли, что вы всѣ безчувственные медвѣди, которыхъ-бы надо.... да что съ дуракомъ слова терять, неси обѣдать!

васильевъ. Ну, ну, ворочайся!

миронъ. Обѣдать? Хе! хе! господа — господа! смѣетесь вы, ай нѣтъ? Ужъ теперичька десятый часъ, ужъ многи проѣзжамшіе въ гостинницахъ поужинали.

васильевъ. Все равно, мы обѣдаемъ когда вздумается! Пошелъ! зови хозяина со счетомъ, да скажи, чтобъ подговорилъ и привелъ намъ вольнаго ямщика. (*Садится у стола, гдѣ Легкой выбросилъ изъ бумажника письма*).

легкой. А если будешь мѣшкать, такъ и на водку не дамъ, и поколочу въ добавокъ.

миронъ. Ой-ли? И на водку не дашь и поколотишь?... Ну, вотъ евто ижъ прямо по-господски. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же, кромѣ мирона.

легкой. Ахъ, братецъ, съ какимъ наслажденіемъ мнѣ хочется отомстить хорошенько нашему пріятелю! Вѣдь онъ, я увѣренъ, теперь ужасно смѣется, что надулъ насъ; у него страсть дурачить всякаго. Хорошо-же!

васильевъ (*читая письма*). Ха! ха! ха! это чудесно! Да тутъ цѣлый романъ въ письмахъ! Василій Степанычъ! коли ты хочешь мстить, такъ вотъ тебѣ преудобный случай. (*Показывая разныя письма*).

легкой. Ахъ, сдѣлай милость!

васильевъ. Ты, разбирая деньги въ бумажникѣ, повыкидалъ самое главное. Вообрази: вѣдь пріятель-то нашъ ѣдетъ въ Петербургъ жениться. Вотъ тутъ вся его переписка по этому предме-

ту. Вотъ два черновыя письма его къ будущей тещѣ.... Вотъ къ какому-то Гаврилѣ Ивановичу.,. А вотъ и отвѣтъ этого Гаврилы Ивановича...

легкой. Неужели? Ахъ! сколько пищи для мщенія! Постой, постой!.. У меня въ головѣ ужъ начинаютъ рождаться дьявольскія мысли!.. Онъ хочетъ жениться... А я, я превращаюсь въ злобную шкуру Мефистофеля!.. Прежде всего узнаемъ, какъ и что пишетъ женихъ. (*Читаетъ*). «Ноября 2-го 1844 года. Почтенный «мой другъ и покровитель, Гаврило Иванычъ! Вы безпрестанно «увѣряете меня, что нашли мнѣ такую невѣсту, отъ которой, по «пріѣздѣ въ Петербургъ, я непремѣнно съ-ума сойду! Это очень, «очень-пріятно, особливо, если она хороша собой, прилично вос«питана, богата, и точно вѣритъ вамъ, что я могу нравиться и «быть добрымъ мужемъ. Признаюсь, я таки ужъ давно сбираюсь «остепениться, погрѣшилъ довольно.. А такъ-какъ и деревня «моя, отъ моихъ-же глупостей, пришла въ упадокъ, то съ вашею «помощію я надѣюсь этой женитьбой поправить себя и свои «обстоятельства. Только прошу васъ, не слишкомъ хвалите невѣ«стѣ мою *красоту* и *любезность*«. (*Говоритъ*). Смотри, смотри: свою красоту и любезность онъ подчеркнулъ. О, извергъ! «Я бо«юсь ужасно, чтобъ по пріѣздѣ, не разочаровать ее собою. Вѣдь «вспомните: семь лѣтъ, какъ мы съ вами не видались! Въ это «время — живя на своей волѣ, я такъ измѣнился, что и вы ме«ня, я думаю, не вдругъ узнаете. Ждите меня на этихъ дняхъ и «засвидѣтельствуйте моей прекрасной невѣстѣ и ея доброй ма«тушкѣ мое глубочайшее уваженіе!

Весь вашъ *Александръ Зелинскій*».

васильевъ. Видишь? Онъ и насъ-то надулъ, да и съ невѣстой-то хочетъ поступить не лучше.

легкой. Нѣтъ! ужъ извини, дорогой пріятель! Я не допущу, я спасу несчастную жертву, особливо если у нея много денегъ. Но что за звѣрь этотъ Гаврило Иванычъ?

васильевъ. А вотъ послушай, онъ пишетъ ему отъ 15-го ноября: это, кажется, отвѣтъ на то письмо. (*Читаетъ*). «Александръ «Степанычъ! Я человѣкъ занятой, служу по особымъ порученіямъ, а потому не жди отъ меня снова никакихъ подробныхъ «разглагольствованій. Пріѣзжай прямо ко мнѣ; мать невѣсты, «Варвара Степановна Мухина, добрая, простая старуха; дочь, Ли«занька—наивное существо, недавно вышедшее изъ института; «денегъ у нихъ много, около 60 тысячъ, домишко въ Фурштадт«ской, на сухомъ мѣстѣ, все это давно задобрено въ твою поль-

«зу. Пріѣзжай, прикинься влюбленнымъ, и побѣда несомнѣнна! «Если-же меня не застанешь въ Петербургѣ, то все-таки не «бойся: я уѣзжаю дня на два или на три; отъ моего имени смѣ- «ло являйся къ будущей тещѣ, а я пріѣду и разомъ устрою «твою судьбу. Адрессъ мой на главной почтѣ знаетъ всякій.

Твой родственникъ и доброжелатель *Иволгинъ*».

легкой (*вскакивая быстро*). О, судьба! Помоги мнѣ! Дай силы разстроить эту интригу! Братъ! Можетъ-быть, дѣвушка-то такъ хороша, что и мнѣ пригодится.... Голубчикъ! Попробуемъ, одурачимъ коварнаго пріятеля!

васильевъ. Съ удовольствіемъ готовъ помочь твоимъ затѣямъ! Только жаль, если этотъ злодѣй Зелинскій пріѣдетъ въ Петербургъ прежде насъ.

легкой. Нѣтъ, онъ, какъ кутила, вѣрно, не скоро вырвется отъ своего деревенскаго пріятеля. Во всякомъ случаѣ, если онъ и предупредитъ насъ, я все-таки явлюсь искать его у невѣсты, начну бранить за похищенный мой чемоданъ, наговорю невѣстѣ такую чертовщину.... Вѣдь я какъ начну врать съ энтузіазмомъ, такъ иногда самъ себѣ удивляюсь! Просто, за человѣка страшно!

васильевъ. Хорошо, хорошо, мы дорогой все придумаемъ. А! вотъ, кажется, несутъ намъ обѣдъ...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и миронъ (*вноситъ скатерть, тарелки, кушанье и бутылку вина*).

легкой. Ну, Миронъ, заработывай копейку!

миронъ (*живо накрываетъ на столъ*). Для-че не заработать... Съ нашимъ удовольствіемъ...

васильевъ (*взявъ бутылку*). А что это за вино? Хорошо-ли? а?

миронъ. Должно быть важное, хозяинъ самъ бѣгалъ въ гостинницу... и говоритъ, важнѣе эвтова не бываетъ.

легкой. А что-жъ самъ-то хозяинъ не йдетъ со счетомъ?

миронъ. Сей часъ буде... ямщики-те, ужъ знаешь, спать позавалились... (*Накрывъ столъ и поставивъ кушанье, подвигаетъ скамейки*).

ВАСИЛЬЕВЪ. Ну, приведетъ какого-нибудь соннаго олуха, съ которымъ и не сговоришь.

МИРОНЪ. Нѣтъ, у насъ наѣзжаютъ важные робята! Коли не уѣхалъ съ кульеромъ, есть молодой парнюха, Калистратка, тройка бѣдовая! Дороже отца и матери! Только ужъ господа, не погнѣвайтесь, олуха корчитъ, а воръ парень! Ужъ всякаго проѣзжамшаго причину знаетъ.

ЛЕГКОЙ. Браво! Такого-то намъ и надо. (*Оба сидятъ за столомъ, пьютъ и ѣдятъ*).

МИРОНЪ. Да вотъ, кажись, хозяинъ нашелъ его и разбудилъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ-же, СИДОРЫЧЪ (*въ пестрой рубахѣ, со счетами въ рукахъ; за нимъ, въ полушубкѣ, ямщикъ Калистратка*).

ВАСИЛЬЕВЪ. Ну, что скаредъ Сидорычъ? нашелъ намъ ямщика?

СИДОРЫЧЪ (*почесываясь кланяется*). Съ моимъ удовольствіемъ, ваше благородіе... ужъ будете довольны, хошъ собой и не чистъ а на дѣло — казистъ! (*Кличетъ*). Калистратка, ползи! Полно затылокъ-те ерошить, ступай, торгуйся, чортъ!

КАЛИСТРАТКА (*съ заспанной рожей, входитъ зѣвая*). Ну, ты! Что лаешься-то? — Самъ чортъ! (*Кланяясь господамъ*) Вишъ господа кушаютъ. Олухъ! грѣха ты не боишься, дьяволъ! (*Опять кланяясь господамъ*). Хлѣбъ-да соль ваше благородіе...

ЛЕГКОЙ (*ужиная*). Спасибо, спасибо... Ну, намъ, братъ, надо сейчасъ ѣхать, мы торопимся въ Петербургъ, — хороша у тебя тройка?

КАЛИСТРАТКА. Хе! нешто, бѣжитъ. Вы по казенной, аль по своей изволите?

СИДОРЫЧЪ (*грубо*). Да вѣдь яжъ-те говорилъ, што по своей.

КАЛИСТРАТКА (*грубо обращаясь къ Сидорычу*). Да вѣдь надожъ спросить-то! лѣшой!

ВАСИЛЬЕВЪ. Нечего спрашивать! Намъ чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше... Какая слѣдующая станція? сколько верстъ?

КАЛИСТРАТКА (*почесывая затылокъ*). Да *Подберезье*, ваше благородіе: двадцать чатыри версты.

легкой. Ну, такъ говори безъ запросу, что́ возьмешь и во сколько доставишь?

калистратка. Э! а вамъ на часы! Ладно... безъ лишняго, коль десять цалковыхъ дадите, въ два часа представимъ.

легкой. Что́? Ахъ, ты разбойникъ!

васильевъ. Прошу покорно!

сидорычъ. И впрямъ, Калистратка, экъ ужъ ты заломилъ!

миронъ (*хозяину*). Возьметъ и подешевле.

калистратка (*обращаясь къ мужикамъ, грубо*). Заломилъ! подешевле! А вишь господамъ-те въ строкъ надо...

легкой. Да что́ ты, мошенникъ! По 12 верстъ въ часъ — развѣ это скоро?

васильевъ. И десять цѣлковыхъ!

легкой Нѣтъ, ты въ полтора часа ставь насъ и возьми 6-ть цѣлковыхъ.

миронъ. Вѣстимо, господа настояще дѣло даютъ...

калистратка (*также*). Да ты что́ пристаешь-то? Дьяволъ! Настояще дѣло! Ну, поди, вези самъ! За шесть-те цалковыхъ тройку-то зарѣзать мнѣ, штоль? Настояще дѣло! Вонъ, аномнясь Парфенка взялся въ строкъ приставить барина въ Бронницы, да коренную-то чалую на 15-й верстѣ и задушилъ! А лошадь-те полтораста рублевъ! Чортъ!

легкой. Да разбойникъ ты этакой, вѣдь у насъ почти нѣтъ никакой клади, и кабы ѣхать гдѣ по проселочной дорогѣ, а то по шоссе ..

калистратка. Да вѣстимо, знаемъ что по саше.... да вишь ты, ваше благородіе, какое безвременье Господь послалъ: по саше-то теперь ни въ саняхъ, ни на телегѣ. . Нѣтъ, дешево даете... да въ полтора-те часа и не приставишь...

сидорычъ. Ну, что́ врешь-то? а ономнясь, енарала какъ уважилъ!

калистратка. Енарала! такъ-то Енаралъ! да и Енаралъ-то семь цалковыхъ далъ, и еще пять рублевъ на водку бросилъ! Нѣтъ, ваше благородіе, шесть цалковыхъ не возьмемъ.

легкой. Ну, такъ и быть, даю семь, только ужъ смотри: обязанъ доставить въ полтора часа.

калистратка. Да ужъ вѣстимо, коли ужъ беремся, такъ ужъ наша обвязанность... извольте...

васильевъ. Ну, такъ запрягай, живо!

калистратка (*переминаясь*). Хорошо-съ... только, семь цалковыхъ не возьмемъ.

ЛЕГКОЙ. Ахъ, ты плутъ! да вѣдь ты сказалъ: извольте...

КАЛИСТРАТКА. Да для-че-жъ, извольте, извольте, запрягу съ нашимъ удовольствіемъ... только прибавьте, за семь цалковыхъ не повезу, воля ваша...

ВАСИЛЬЕВЪ. Ну, такъ убирайся къ чорту! Хозяинъ, зови другаго ямщика.

СИДОРЫЧЪ. Калистратка, да что-жъ ты и впрямъ куражишься? Старостѣ дать на водку, такъ разомъ дастъ другую тройку...

КАЛИСТРАТКА. Да! поди къ старостѣ, на водку возьметъ, а чорта онъ дастъ тебѣ! Слышалъ сей-часъ почта трубила, — подъ нее взяли 12-ть лошадей, да двѣ дележанки шестова заведенія взяли восемь, только и осталось Петрушкины двѣ тройки кульерскихъ.

МИРОНЪ. Ну, что врешь-то! Вѣдь и Степкина тройка здѣсь.

КАЛИСТРАТКА. Ну, что-жъ! А Степка-то вонъ свату и дугу и возжи-те отдалъ, пока лошадей кормитъ, а сватъ-то еще не пріѣзжалъ, запрягать-то нечѣмъ, а я своихъ возжей не дамъ за сто рублевъ.

ВАСИЛЬЕВЪ. Послушай: да ты, какъ видно, ужаснѣйшій разбойникъ!

КАЛИСТРАТКА. Какъ изволите... ужъ наша обвязанность такая... свое дѣло знаемъ.

ЛЕГКОЙ *(ударивъ по столу, роняетъ тарелку и разбиваетъ)*. Экой плутъ! Посмотрите: вѣдь прикидывается такимъ олухомъ, а самъ такъ воромъ и смотритъ.

СИДОРЫЧЪ (*подобравъ куски тарелки, тихо Легкому*). Да-ужъ парень теплый... ну, ваше благородіе, прибавьте ему маленько, уважитъ, повезетъ лихо!

ВАСИЛЬЕВЪ (*тихо Легкому*). Дѣлать братъ нечего: прибавь еще полтинникъ.

ЛЕГКОЙ. *(громко)* Ну, дурацкая рожа... запрягай, что-ли?

КАЛИСТРАТКА. Съ нашимъ почтеніемъ... только дешево даете, не повеземъ-съ... да и больно скоро хотите...

ЛЕГКОЙ. Ну, ну, семь цѣлковыхъ съ половиной и больше ни гроша! Пошелъ вонъ! пошелъ! мы ужъ лучше подождемъ.

КАЛИСТРАТКА *(раздумывая)* Хмъ! ну, дѣлать нечего... только маловато... Больше не прибавите?

ВАСИЛЬЕВЪ. Нѣтъ! нѣтъ! пошелъ!

КАЛИСТРАТКА (*улыбаясь*). Эки скупые господа! да прибавьте хошъ маленько...

МИРОНЪ *(подойдя, бьетъ его ладонью по головѣ)*. Да полно, запрягай, жидоморъ!

КАЛИСТРАТКА. Эхъ, нече дѣлать... мало выпросилъ... ваше благородіе... такъ съ Богомъ, запрягать, штоль?

ЛЕГКОЙ. Ну, ну, запрягай, только живѣе! Пошелъ!

КАЛИСТРАТКА. Эхъ, баринъ хорошій, свое дѣло знаемъ! (*Идетъ къ дверямъ и возвращается*). Пожалуйте цѣлковичекъ задатку, надо отдать старостѣ за овесъ рубль сорокъ, да два рубля десять въ харчевню, за чай.

ЛЕГКОЙ. Миронъ! подай сдачу отъ давишней синенькой, скорѣе! А ты, братъ, пока сбирайся и укладывай все въ чемоданы. (*Взявъ отъ Мирона сдачу, даетъ цѣлковый Калистраткѣ.*) Все-ли тутъ?

МИРОНЪ. А не знаю, считайте, кажись все...

ЛЕГКОЙ. Хозяинъ! надо еще и тебѣ отдать за три дня за постой....

СИДОРЫЧЪ. Благодаримъ покорно... не безпокойтесь, мнѣ не Богъ знаетъ што. (*Про-себя выкладываетъ на счетахъ*).

ЛЕГКОЙ (*Калистрату, отсчитывая мелкимъ серебромъ*) Постой, плутъ, тутъ, видишь, больше цѣлковаго... четыре рубля двѣ копейки...

КАЛИСТРАТКА (*смѣясь*). Эхъ, ваше высокоблагородіе, это на бѣдность, ужъ видно мое счастье... хе! хе! выпью за ваше здоровье. (*Уходитъ*).

ЛЕГКОЙ. Экой мошенникъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же, кромѣ КАЛИСТРАТКИ.

(*Миронъ убираетъ со стола и помогаетъ потомъ Васильеву укладывать вещи въ чемоданы*).

СИДОРЫЧЪ. Да ужъ не говорите, ваше благородіе... наши ямщики робята теплые, — возьмутъ гдѣ можно.

ЛЕГКОЙ. Ну, хозяинъ, мы три дня пробыли у тебя въ этой канурѣ, и въ это время братъ ты жестоко тоже обижалъ насъ! Мы нарочно говорили, что будто у насъ *нѣтъ денегъ*, а ты, вѣрно, подслушалъ, испугался и не хотѣлъ намъ давать ничего, — это братъ нехорошо!... Этакъ съ господами не дѣлаютъ.

сидорычъ. Эхъ, ваше благородіе, наше дѣло такое... вѣдь всякіе проѣжающіе бываютъ.

легкой (*кладетъ деньги на столъ*). То-то-же! Такъ вотъ тебѣ синенькая за постой и двугривенный на водку. Что́ не-бось не ожидалъ?

сидорычъ. Покорнѣйше благодаримъ-съ...

васильевъ. Да за что́ ты ему такъ много даешь?

легкой. Ну, ужъ Богъ съ нимъ! Бери деньги, бери...

сидорычъ. Хорошо-съ... Да какъ-же эвто, ваше благородіе?.. по моему, не такъ выхо́де... Вотъ, изволите видѣть, мы, дѣло мужицкое, граматѣ не знаемъ, а вотъ мало-дѣло на счетахъ прикинемъ. Видите, за фатеру... по два рубля въ сутки, выходе въ трое сутокъ шесть рублевъ... (*Кладетъ на кости*). Да въ первой день спрашивали цѣльную свѣчку, вотъ выходе гривенничекъ-съ... да видите, одинъ разъ ставили самоваръ, такъ за воду съ посудой, выходе хошь полтинничекъ-съ. (*Продолжая насчитывать*). Да теперь, вотъ изволили разбить тарелочку, — ну это дѣло не важное, тоже хошь полтинничекъ... потомъ, бѣгалъ вотъ въ гостинницу, ну, это то-же не Богъ знаетъ што́... хошь двугривенничекъ; то-же вотъ и за ямщикомъ ходилъ, время много даромъ пропало, положимъ гривенничекъ... вотъ ужъ выходе 11-ть рублевъ... ну, да еще хошъ рублика два за хлопоты, такъ и Богъ съ вами!

(*Во время этого разсчета Легкой и Васильевъ слушали съ удивленіемъ, потомъ вмѣстѣ вскрикиваютъ:*)

васильевъ и легкой. Ахъ, ты проклятый!

сидорычъ. Ужъ евто, господа, безъ обиды; ужъ мы свое дѣло знаемъ.

легкой. Хозяинъ, и тебѣ не совѣстно?

сидорычъ. То-есть, оно, сказать по совѣсти, надо-бы спросить двѣ красныхъ, ну, да господа-то вы хорошіе, мнѣ понравились, такъ ужъ я безъ запросу. Впрочемъ, коли милость будетъ такъ три синенькихъ пожалуйте....

васильевъ. Ну, братецъ, попались-же мы къ чорту въ лапы. Провались онъ! Отдай ему тринадцать рублей и поѣдемъ.

(*За кулисами слышенъ звонъ ямскаго колокольчика.*)

легкой (*вынимая деньги*). Ну, Сидорычъ, еслибъ мы не торопились, я-бы, право, пошелъ жаловаться; вѣдь ты ругаешь ямщиковъ, а самъ такъ воромъ и смотришь.

сидорычъ. Полно-те грѣшить, баринъ: мы, кажись, Христіяне, ѣдимъ постное.... (*Беретъ деньги.*)

ВАСИЛЬЕВЪ. А на рожѣ-то что у тебя написано? посмотри-ка...

СИДОРЫЧЪ. Эхъ, господа, мы люди безграмотные....

МИРОНЪ. Ваше благородіе.... а мнѣ-то за труды што пожалуете?

ЛЕГКОЙ. Какъ, и тебѣ то-же?

МИРОНЪ. Да какъ-же-съ?... за свѣчами бѣгалъ, даве хозяина будилъ, чемоданъ вотъ увязалъ, — мало-ли работы?...

ЛЕГКОЙ. Ахъ, разбойники! разбойники! Но, ужъ дѣлать нечего.... *(Хозяину)*. Изъ трехъ синенькихъ, два рубля отдай ему. Слышишь?

СИДОРЫЧЪ. Благодаримъ покорнѣйше....

МИРОНЪ *(весело)*. Два рубля! Ну, баринъ, дай вамъ Богъ невѣсту хорошую! Дайте-ко, снесу въ телегу и чемоданы, уложу, и усажу васъ, добрые господа.... *(Беретъ чемоданы. Легкой и Васильевъ уже одѣлись)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и КАЛИСТРАТКА *(также одѣтъ по своему и съ кнутомъ въ рукѣ)*.

КАЛИСТРАТКА *(торопливо)*. Ваше благородіе! ѣдемъ што-ль? Готово! Тройка моя такъ и дрожитъ, и горитъ на мѣстѣ, трое мужиковъ сдержать не могутъ! Пожалуйте....

ЛЕГКОЙ и ВАСИЛЬЕВЪ. Ѣдемъ! ѣдемъ! Хорошо повезешь? Пошелъ, садись....

КАЛИСТРАТКА. Нѣтъ, господа, ужъ вы садитесь прежде, а ужъ коли я прежде сяду, такъ вы только меня и видѣли! Останетесь дома.

ЛЕГКОЙ. Значитъ тройка твоя на-порядкахъ?

КАЛИСТРАТКА. Да во какъ: дороже.... здѣшняго хозяина. *(Показывая на Сидорыча)*.

(За сценою слышенъ звонъ колокольчика.)

ЛЕГКОЙ.

Смерть какъ люблю я ѣхать живо!

ВАСИЛЬЕВЪ.

Отрадней какъ-то на душѣ....

КАЛИСТРАТКА.

Держитесь только, ужъ на диво
Васъ разуважу по сашѣ!

ЛЕГКОЙ.

Лети скорѣе, такъ прибавлю....

КАЛИСТРАТКА.

За скорость, вотъ какъ поручусь:
Что тѣло ваше — я доставлю,
А ужъ за душу — не берусь!

(Всѣ уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Варвара Степановна Мухина, старушка 60-ти лѣтъ.	Г-жа *Сосницкая.*
Лизанька, ея дочь, недавно вышедшая изъ института.	Г-жа *Розанова* (восп.).
Гаврила Ивановичъ Иволгинъ. Кумъ Г-жи Мухиной.	Г-нъ *Каратыгинъ 2.*
Василій Степановичъ Легкой.	Г-нъ *Максимовъ 1.*
Степанъ Васильевичъ Васильевъ.	Г-нъ *Григорьевъ 1.*
Слуга Варвары Ивановны.	Г-нъ *Фальевъ.*

(Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Варвары Ивановны, въ Петербургѣ.)

ЯВЛЕНІЕ I.

Варвара Степановна Мухина, *почтенной наружности дама, въ очкахъ, сидитъ и вяжетъ чулокъ.* Гаврило Ивановичъ Иволгинъ *сидитъ подлѣ нее съ письмомъ въ рукахъ; одѣтъ въ мундирномъ сюртукѣ, съ виду мужчина слишкомъ 50-ти лѣтъ.*

иволгинъ. Ужъ вы, Варвара Степановна, только знайте одно: ужъ коли я за что взялся, такъ будетъ хорошо. Счастіе моей

крестницы для меня такъ-же дорого, какъ и для васъ. Я съ отцомъ Зелинскаго всегда былъ друженъ, служили вмѣстѣ въ турецкую компанію, даже нѣсколько онъ мнѣ съ-родни.... А что́ касается до Лизаньки, такъ ужъ я знаю, увѣренъ, что женихъ понравится ей съ перваго взгляда. Коли я за что́ взялся, такъ ужъ будетъ хорошо.

г-жа Мухина. Ахъ, Гаврило Иванычъ, еслибъ вы знали, какъ радуютъ мое сердце ваши заботы о счастіи Лизаньки! А я таки, признаюсь, крѣпко боялась за ея будущность.... Ну, что́, думаю себѣ: выйдетъ она изъ института, надо выдавать замужъ, а я человѣкъ старый, долго-ли умереть? она останется, родныхъ никого, ну, бѣда, да и только! Душевно рада, что вы нашли намъ хорошаго человѣка.

иволгинъ. Да ужъ хорошъ, хорошъ. Коли я за что́ возьмусь, такъ ужъ будетъ хорошо. Только какъ онъ пріѣдетъ рекомендоваться, такъ ужъ пожалуста, кумушка, вы примите его поласковѣе.... Вѣдь знаете, первое знакомство.... можетъ-быть, онъ сконфузится.... А вы, этакъ, поразговоритесь о то́мъ, о семъ....

г-жа мухина. Да ужъ разумѣется, я обойдусь, какъ общежитіе требуетъ. Но вы не дочитали его послѣдняго письма.

иволгинъ. Да, да, такъ слушайте *(Читаетъ)*: «Итакъ, ѣду, «Гаврило Иванычъ! рѣшительно прямо къ вамъ ѣду, и ужъ за«ранѣе влюбленъ въ вашу милую крестницу!» *(Говоритъ)* Слышите, какой огненный малый! (*Читаетъ*) «Судя по вашему опи«санію, она должна-быть, просто, такое *драгоцѣнное сокровище*.... (*Говоритъ*) Драгоцѣнное сокровище подчеркнуто, о, плутъ! *(Читаетъ)* «сокровище.... какого мнѣ лучше и желать нельзя, пото«му-что я, если надо прямо вамъ сказать....» (*Говоритъ, складывая письмо*) Ну, тутъ ужъ пустяки; благодаритъ меня за сватовство, и проч. и проч. Такъ вотъ какъ кумушка, по разсчету, я сегодня жду его.

мухина. Прекрасно! Но, точно-ли вы *ничего* не писали ему про приданое Лизаньки?

иволгинъ. О! ни полслова! Пусть онъ тогда ужъ узнаетъ, что за Лизанькой 60 тысячъ приданаго, когда они другъ-другу понравятся.... да.... къ-тому-же вы сами видите, что онъ ищетъ сердца, а не денегъ. Ну, а что́ Лизанька поговариваетъ о нашихъ затѣяхъ?

мухина. Охъ, ужъ не спрашивайте. Она меня, просто, смѣшитъ своимъ любопытствомъ: она и боится-то его, и желаетъ знать — хорошъ-ли онъ? и то́, и другое....

ИВОЛГИНЪ. Ха! ха! ха! Неужли? Да гдѣ-же она, моя голубушка?

МУХИНА. У себя въ комнатѣ, рисуетъ что-то. *(Кличетъ)* Лизанька! Лиза! что ты тамъ спряталась? а?

(Голосъ Лизаньки съ правой стороны.) Сейчасъ, мамаша! сейчасъ приду!

ИВОЛГИНЪ *(смотря на часы)*. Однако, пора мнѣ.... Дѣла по казенной надобности необходимо требуютъ побывать мѣстахъ въ пяти....

МУХИНА. Полно, посидите....

ИВОЛГИНЪ. Нельзя, казенная служба не терпитъ. Я-же, знаете, ужъ за что возьмусь, такъ люблю, чтобъ это было хорошо. Прощайте, кумушка.... *(Кричитъ)* Лизавета Петровна! до свиданія!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ-ЖЕ И ЛИЗАНЬКА *(вбѣгаетъ, держа въ рукахъ карандашъ и мужской портретъ.)*

ЛИЗАНЬКА. Постойте, крестный, постойте-же. Вотъ, посмотрите: я-бы хотѣла знать, похожъ-ли этотъ человѣкъ на того, кого вы называете моимъ женихомъ? *(Показываетъ портретъ.)*

МУХИНА. Какъ! что такое?

ЛИЗАНЬКА. Да вотъ что, мамаша: Гаврило Иванычъ и вы столько разныхъ вещей наговорили о моемъ будущемъ мужѣ, что я, припоминая все это, и нарисовала по вашимъ разсказамъ его портретъ. Похожъ ли настоящій на этого, скажите пожалуста?..

МУХИНА. Прошу покорно!

ИВОЛГИНЪ. Ахъ, ты затѣйница... ну, что это за прихоть?

ЛИЗА *(смотря на портретъ.)* А вотъ послушайте: если оригиналъ будетъ хоть немножко хуже и старше этого, такъ мнѣ будетъ очень непріятно! Ну, а если эта копія будетъ хуже оригинала, тогда, разумѣется, ничего... мнѣ-же лучше. *(Иволгину)* Ну, что-же вы скажите?

ИВОЛГИНЪ. Послушайте, дружочикъ: вы мнѣ задаете такую задачу... которую теперь и рѣшить трудновато.

МУХИНА. Разумѣется, какъ это можно?

лизанька. Да помилуйте, неужли я нарисовала втрое лучше, какъ вы объ немъ говорили?

иволгинъ. И на это отвѣчать не могу. Вѣдь я его лѣтъ семь не видалъ. А у васъ ужъ такой тутъ молодчикъ, какихъ, кажется, и на свѣтѣ не бываетъ...

лизанька. Неужли? а я надѣялась... Такъ я лучше разорву его и сожгу...

иволгинъ. Ну, рвать и жечь этого не зачто... чѣмъ онъ виноватъ? Вѣдь этотъ молодчикъ, такъ... вашего сочиненія, фантазія. Во-первыхъ: вы нарисовали какого-то въ завиткахъ, съ усиками, а мой Александръ Петровичъ, можетъ-быть, и безъ усовъ и стрижется подъ гребенку...

лизанька. Вы думаете? Ну, вотъ ужъ это мнѣ и не понравится... такъ, по моему, гораздо интереснѣе... впрочемъ, я сей часъ перерисую, отниму у него всѣ украшенія и посмотрю, что это будетъ за фигура? (*Садится къ столу рисовать.*)

иволгинъ. Душенька моя, наружность все-таки зачастую обманчива. Вамъ всего нужнѣе въ женихѣ безкорыстная любовь и добрая душа; а ваши усы и курчавая голова не принесутъ полнаго счастія. Такъ положитесь-же во всемъ на мой вкусъ и опытность. Коли я за что взялся, такъ ужъ будетъ хорошо. Прощайте! Я думаю, я самъ сего дня представлю вамъ Александра Петровича. Прощайте, кумушка!

мухина. Полно, Лизачка, пора тебѣ перестать ребячиться. Мы хлопочемъ составить твое счастіе, и ты еще шутишь....

мухина (*привстаетъ съ кресель*) До свиданія, добрый куманекъ... пріѣдетъ онъ безъ васъ, мы примемъ, какъ роднаго, а съ вами, такъ и — еще лучше.

иволгинъ. Благодарю... помните вы только одно, — что если я за что взялся, такъ ужъ будетъ хорошо. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Мухина и Лизанька (*за столомъ.*)

лизанька (*кричитъ ему въ-слѣдъ*) Крестный, крестный, пожалуйста погодите! Вотъ, вотъ вамъ совсѣмъ другой женихъ, на

вашъ вкусъ... Ушелъ! Ну, посмотрите мамаша... неужли этотъ лучше? Ну, вотъ вамъ женихъ и безъ усовъ, и голова безъ всякихъ украшеній, и постарше... Посмотрите, что̀жъ тутъ интереснаго?

ЛИЗАНЬКА. Нѣтъ, мамаша, я, ей Богу, не шучу; зачѣмъ крестный говоритъ, чтобъ я положилась на его вкусъ? Согласитесь, что выбирать жениха на чужой вкусъ невозможно, даже страшно!..

Объ женихѣ я все мечтаю,
И вамъ обязана сказать,
Какимъ его воображаю,
Какимъ желаю увидать;
Хочу, чтобъ доброю душою
Меня и васъ онъ удивлялъ,
Но, чтобъ и также красотою
Меня невольно привлекалъ!
У крестнаго хоть вкуса много,
Пусть вѣкъ онъ вкусомъ щеголялъ,
Но... жениха мнѣ... ради Бога
На свой чтобъ вкусъ не выбиралъ!

МУХИНА. Полно, душенька, ужъ если онъ за что̀ возмется, такъ будетъ хорошо.

ЛИЗАНЬКА. Но, послушайте, мамаша, если же этотъ Александръ Петровичъ Зелинскій мнѣ не понравится, — что̀ тогда?

МУХИНА. Ну, тогда, разумѣется, и дѣло кончено. Впрочемъ, мы съ кумомъ увѣрены, что Г. Зелинскій вполнѣ оправдаетъ наши ожиданія.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же и слуга.

СЛУГА. Матушка, барыня!..

МУХИНА. Что̀ тебѣ надо, Семенъ?

СЛУГА. Да вонъ, сударыня, пріѣхали къ намъ какихъ-то два барина, и такъ странно спрашиваютъ: здѣсь-ли теперь Гаврило Иванычъ? Я говорю: нѣтъ-съ. Давно-ли былъ? я говорю — вотъ

передъ вами. И когда дискать опятъ будетъ? Я говорю: не знаю-съ, можетъ быть, нынче ужъ и не будетъ.

ЛИЗАНЬКА *(вскакиваетъ въ испугѣ)*. Ахъ! мамаша!

МУХИНА *(вставая торопливо)*. Ахти! какъ снѣгъ на голову! Вѣрно, это твой женихъ...

ЛИЗАНЬКА. Ахъ, Боже мой! мамаша!.. мнѣ что-то страшно...

МУХИНА. Полно, полно, отъ-чего страшно? Съѣдятъ насъ, что-ли?.. *(Слугѣ)* А объ насъ ничего они не спрашивали?

СЛУГА. Какъ же-съ, и объ васъ, и объ вашемъ здоровьи, и объ барышнѣ, такое любопытство знаете, хотятъ васъ видѣть. *(Отходитъ къ дверямъ.)*

МУХИНА. Ну, онъ! онъ! слава Богу!

ЛИЗАНЬКА. Да какъ-же *онъ*, когда ихъ двое?

МУХИНА. Ну, что́жъ? двое-такъ двое — тѣмъ лучше, вѣрно съ знакомымъ или родственникомъ. Ахъ, жаль, что уѣхалъ Гаврило Иванычъ! Онъ-бы лучше ознакомилъ насъ.

ЛИЗАНЬКА. Мамаша, я, кажется, нехорошо одѣта, да у меня что́-то ужасно и сердце бьется!.. Я уйду...

МУХИНА *(въ сильномъ волненіи)*. Ну, какъ-же тебѣ не стыдно?.. *(Обнимая ее и цѣлуя)* Радуйся дитя мое... Богъ посылаетъ тебѣ счастіе...

ЛИЗАНЬКА. Мамаша, да вы и сами ужасно дрожите... Ахъ, Боже мой, вы даже въ лицѣ измѣнились...

МУХИНА *(стараясь ободриться)*. Неужли? Ахъ, это все за тебя, моя душечка... вѣрно, предчувствіе... Пойдемъ, пойдемъ, надо и мнѣ немножко оправиться... Сенюшка, зови ихъ и попроси подождать... я сей часъ... Да вели приготовить что нибудь позавтракать. Ахъ, Господи! у меня на сердцѣ теперь... ужъ я и сама не пойму, что́ такое...

ЛИЗАНЬКА. А у меня-то, мамаша, такъ бьется, такъ бьется... уйдемте поскорѣй.

СЛУГА. А! такъ теперь я смекнулъ, кто это пріѣхалъ: женишокъ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Слуга, потомъ Легкой и Васильевъ (*входятъ одѣтые въ модные фраки.*)

слуга (*въ дверяхъ*). Пожалуйте, господа... пожалуйтс... барыня сейчасъ будетъ, неугодно-ли подождать маленько?

(*Легкой и Васильевъ входятъ.*)

легкой (*весело*). А! съ большимъ удовольствіемъ, почему же не подождать? (*Тихо Васильеву*) Ну, братъ, смотри-же: чтобъ намъ самимъ не остаться въ дуракахъ, такъ надо смотрѣть въ оба. (*Слугѣ*) Ну, что, братецъ? а? Каково вы здѣсь поживаете?

слуга. Не что, сударь... живемъ, благодаря Бога... (*Особо*) Который-же изъ двухъ-то?

васильевъ (*Тихо Легкому*). Узнай отъ него прежде пріѣхалъ-ли женихъ-то или нѣтъ?

легкой (*также*). Сейчасъ, сейчасъ. (*Слугѣ ласково*) А! такъ все слава Богу? Вотъ это, братецъ, пріятно слышать! А у васъ славный домикъ!... Мило, очень мило! (*Оглядывая кругомъ*) Все это такъ, знаете хозяйственно... сейчасъ видно, что, того... т. е. порядокъ... а какъ тебя зовутъ? а?

слуга. Семеномъ ваше благородіе (*особо*). Вотъ оно! Разомъ видно хитраго женишка: прежде хочетъ знать каковъ домишко-то, а тамъ ужъ начнетъ разсматривать и невѣсту.

легкой. Ну, такъ скажи-ка братъ, Сенюшка, что теперь подѣлываетъ... (*Тихо Васильеву*) Какъ бишь зовутъ старуху-то?

васильевъ (*тихо*). Варвара Степановна.

легкой. (*Семену*) А? что подѣлываетъ почтенная Варвара Степановна?

слуга (*улыбаясь*) Да что, сударь... ужъ извѣстное дѣло... желаютъ, чтобъ все это, знаете, поскорѣй благополучно кончилось: т. е. ждутъ не дождутся...

легкой. А! понимаю! понимаю! (*Тихо*) Браво! слышишь? жениха еще нѣтъ, мы торжествуемъ!

васильевъ (*также*) Прекрасно! я только этого и боялся. Смотри же: теперь мы его распишемъ такъ, чтобъ матушка и невѣста непремѣнно ему отказали.

ЛЕГКОЙ (*также тихо*) Да ужъ я его отдѣлаю предателя. (*Семену.*) Ну, Семенъ, такъ его ждутъ не дождутся? Отъ чего-же этотъ не ѣдетъ?

СЛУГА Кто? Женихъ-то? (*посмотрѣвъ на него и на Васильева въ недоумѣніи*). Не ѣдетъ-съ? Какъ! помилуйте.... да вы то.... кто-же-съ?

ЛЕГКОЙ (*не понимая*). Что? кто мы?

СЛУГА. Да-съ. (*Смотритъ на нихъ пристально*) Э, господа! полноте! ужъ мы вѣдь смекнули, и барыня тоже....

ЛЕГКОЙ. А! вы смекнули? это хорошо!

СЛУГА. Еще-бы! вѣдь васъ, сударь.... или, вотъ ихъ милость сватаетъ Гаврило-то Иванычъ?

ЛЕГКОЙ (*удивясь*). Какъ!

ВАСИЛЬЕВЪ (*тоже*). Что?

СЛУГА (*смѣясь*). Да что, господа, ужъ теперь скрываться нечего: коли пріѣхали жениться, значитъ шутки въ сторону. Не угодно-ли садиться? Мнѣ еще приказано похлопотать объ завтракѣ. (*Уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЛЕГКОЙ (*подумавъ немного, тихо Васильеву*). Вотъ тебѣ разъ! Дѣло-то, братъ, запутывается! (*Смѣясь*) Они, кажется, увѣрены, что женихъ-то ты — или я! ой! ой! ой!

ВАСИЛЬЕВЪ. Прошу покорно!

ЛЕГКОЙ. О, проклятый чемоданъ, въ какую онъ исторію вмѣшалъ насъ!

ВАСИЛЬЕВЪ. Чортъ возьми! Послушай, что-жъ теперь намъ дѣлить? а? Ужъ теперь, если онѣ тебя или меня точно считаютъ за жениха, за Зелинскаго, такъ какъ-же мы будемъ говорить старухѣ, что Зелинскій сватается по разсчетамъ, что онъ разорился, что и самъ этотъ Гаврило Иванычъ съ нимъ за-одно?

ЛЕГКОЙ (*раздумывая*). Постой.... постой.... дѣло казусное.... Мефистофель! помоги!...

ВАСИЛЬЕВЪ. Однако, пожалуста, не затѣвай чертовщины! Помоему, ужъ лучше остаться при прежнемъ намѣреніи: не вводя ихъ въ заблужденіе, открыть себя и всѣ шашни Зелинскаго.

ЛЕГКОЙ *(расхаживая и потирая руки)*. Открыть? нѣтъ, нѣтъ, по-моему, лучше не открывать! Онѣ, пожалуй, не повѣрятъ нашимъ разсказамъ. Лучше всего, представимъ имъ нашего пріятеля со всѣми его сатанинскими замыслами! Мефистофель намъ поможетъ!...

ВАСИЛЬЕВЪ. Хорошо, да кому-жъ изъ насъ назваться этимъ проклятымъ Зелинскимъ-то?

ЛЕГКОЙ. Проклятымъ-то? Я думаю, лучше всего тебѣ!

ВАСИЛЬЕВЪ. Благодарю покорно! отъ-чего-же не тебѣ?

ЛЕГКОЙ. Или, нѣтъ! нѣтъ! Пусть онѣ сами угадаютъ и рѣшатъ. Тсъ! вотъ, кажется, и сама Варвара Степановна! Она одна... смѣлѣе! О, Мефистофель!... Гдѣ ты, душа моя?

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ-же и Г-ЖА МУХИНА *(входитъ, пріодѣвшись получше и раскланивается ласково съ обоими)*.

Г-ЖА МУХИНА. Господа.... пожалуста, извините меня старуху, что такъ долго заставила васъ дожидаться....

ОБА *(расшаркиваясь)*. О, помилуйте, сударыня.... намъ весьма... пріятно....

Г-ЖА МУХИНА. Мнѣ такъ совѣстно....

ЛЕГКОЙ *(тихо Васильеву)*. Ну, пошли милыя дурацкія нѣжности. ..

Г-ЖА МУХИНА. Прошу покорно садиться.... безъ церемоніи.... я, видите, человѣкъ старый.... пожалуста.... *(Усаживаются)*.

ВАСИЛЬЕВЪ *(про-себя)*. А гдѣ-же молодая-то?

ЛЕГКОЙ *(про-себя)*. Вотъ странно: физіономія этой бабушки мнѣ что-то знакома.... а главное, что замѣчательно и пріятно: сѣла, и ни полслова о состояніи погоды: это рѣдкость.

МУХИНА. Господа! извините мое любопытство.... вы, какъ мнѣ кажется.... пожаловали ко мнѣ по рекомендаціи моего куманька, Гаврилы Ивановича?

ОБА. Да-съ, точно такъ-съ.... Гаврило Иванычъ писалъ....

МУХИНА *(раскланиваясь снова)*. Очень, очень-пріятно познакомиться.... *(Про-себя)* Который-же изъ двухъ? *(Въ-слухъ)* Ну, ска-

жите пожалуста.... между-прочимъ.... какъ думаете.... у насъ насчетъ сегодняшней погоды?

ЛЕГКОЙ *(про-себя)*. Нѣтъ-таки! не утерпѣла! *(Ей)* Погода скверная-съ.... даже не стóитъ и говорить.

МУХИНА. Ваша правда. Барометръ такъ, знаете, до того опустился....

ЛЕГКОЙ *(нетерпѣливо)*. Именно! именно! До того опустился, что, просто, не заслуживаетъ никакого вниманія.

МУХИНА *(глядя на обоихъ)*. Но, позвольте, однако, узнать, кто же изъ васъ, господа.... Александръ Петровичъ, г. Зелинскій?

ЛЕГКОЙ *(особо)*. А! идемъ къ цѣли! *(Ей)* А развѣ вы еще не угадали, Варвара Степановна? это однако удивительно! Я-бы, кажется, сію минуту догадался. *(Поглядывая на Васильева)*.

МУХИНА. Ахъ, голубчики мои! да не видавши никогда, вѣдь, право, мудрено узнать....

ВАСИЛЬЕВЪ. Въ такомъ случаѣ, чтобъ не мучить васъ напрасно....

ЛЕГКОЙ *(особо)*. А! онъ беретъ на себя роль Зелинскаго!

ВАСИЛЬЕВЪ *(показывая на Легкаго)*. Г. Зелинскій.... передъ вами.

ЛЕГКОЙ *(особо)*. Ахъ, разбойникъ!

МУХИНА. А! такъ это вы, Александръ Петровичъ?

ВАСИЛЬЕВЪ. Онъ, онъ, сударыня... а я его двоюродный братъ.

МУХИНА. Ну, представьте-же себѣ: я вѣдь такъ и полагала что это *вы*... непремѣнно думаю себѣ... вы.

ЛЕГКОЙ. Да-съ, ужъ дѣлать нечего: я! я! *(цѣлуя руку)* Какъ ваше здоровье, Варвара Степановна? Очень-буду счастливъ, если вы удостоите меня вашимъ расположеніемъ...

МУХИНА. Ахъ, помилуйте... я очень-благодарна Гаврилѣ Иванычу, что онъ такъ хлопоталъ познакомить меня съ вами.

ЛЕГКОЙ. А, вы, благодарны Гаврилѣ Иванычу? А кто этотъ Гаврило Иванычъ? *(Опомнившись)* Ахъ, да это тотъ старичокъ-то, съ которымъ я дружески переписываюсь? Вообразите, я его чудака совсѣмъ въ глаза не знаю.

МУХИНА. Вы шутите... въ семь лѣтъ развѣ можно забыть? Вспомните, онъ такъ друженъ съ вашимъ батюшкой...

ЛЕГКОЙ *(про себя)* Вотъ тебѣ на! А я и не помню, когда лишился своего батюшки.

МУХИНА. Гаврило Иванычъ даже служилъ вмѣстѣ съ вашимъ батюшкой во-время турецкой компаніи.

легкой (*будто вспомнилъ*) Ахъ! да! во-время турецкой компаніи! Вспомнилъ! Да! они даже отличались часто и въ разгульныхъ компаніяхъ. Этотъ Гаврило Иванычъ, какъ я помню, такой былъ всегда пройдоха, интриганъ, я еще по пріѣздѣ съ нимъ не видался. Такъ пожалуйста Варвара Степановна, будьте осторожны: я человѣкъ откровенный, прямой.... если Гаврило Иванычъ вамъ очень хвалилъ меня, вы вѣрьте только вполовину... даже и вполовину много будетъ.

мухина. Помилуйте, что за скромность?

легкой. Нѣтъ! нѣтъ, я, вѣдь вы не знаете, что́ такое я! О! я такъ полюбилъ васъ, что долженъ открыть вамъ всѣ свои недостатки...

васильевъ. Да, Варвара Степановна, братъ мой, даже готовъ при этомъ и разбраниться навсегда съ Гаврилой Иванычемъ, если онъ, не обдумавши, затѣялъ что-нибудь.... вы понимаете?

мухина. Понимаю-съ... понимаю... (*Особо*) Вѣрно думаетъ, что моя Лизанька нехороша, не понравится... надо имъ показать ее. (*Въ-слухъ*) Лизанька, а Лизанька! Гдѣ ты, дружочекъ? (*Встаетъ*). Извините, я на минутку... дочька моя такая хозяйка, такая хлопотунья, надо спросить кой-что... (*У дверей*) Лизанька, поди-же сюда...

легкой. Ну, братъ, я готовъ такъ звѣрски представить имъ злодѣя Зелинскаго, что невѣста, вѣрно, съ разу откажется!

васильевъ. Хорошо, хорошо, я готовъ тебѣ помогать. А эта Варвара Степановна предоброе созданье.

легкой. Да, да, и презнакомое лицо... не могу только вспомнить, гдѣ я съ нею видѣлся?...

васильевъ. Посмотримъ, какова-то дочка? Смотри-же, на зло Гаврилѣ Иванычу, представь изъ себя не жениха, а чудовище!

легкой. Мало этого: плакать заставлю при первомъ случаѣ.

мухина (*въ-дверяхъ*) Ну, ну, полно, душенька, здѣсь никого чужихъ нѣтъ, поди ко-мнѣ... (*Подходя къ мужчинамъ*) Итакъ, милый Александръ Петровичъ, вы, конечно, помните, какъ выражали свои чувства въ послѣднемъ письмѣ къ Гаврилѣ Иванычу?

легкой. Какъ-съ? что́ такое-съ? Я выражалъ свои чувства?. (*Особо*) Вотъ еще новости!

мухина. Мы даже сегодня читали ваше письмо.

васильевъ (*особо*). Ай—ай—ай... что́ онъ ей будетъ отвѣчать?

легкой (*притворно удивляясь*) А! Такъ Гаврило Иванычъ показывалъ вамъ всѣ мои письма? (*Васильеву*) Скажи, братецъ, ну какъ-же это не стыдно Гаврилѣ Иванычу? Развѣ этакъ дѣ-

лаютъ? Я тамъ писалъ ему всякій вздоръ, а онъ ужъ сейчасъ... это ужасно!

ВАСИЛЬЕВЪ. Да, да, братецъ, это дурно, не дѣлаетъ чести твоему Гаврилѣ Иванычу.

МУХИНА. Помилуйте, совсѣмъ напротивъ: я очень-рада, что вы даже заочно такъ хвалили мою Лизаньку. И если Богу будетъ угодно... я ужъ, вѣрно, не стану противиться вашему счастію.

ЛЕГКОЙ. Покорнѣйше васъ благодарю... но...

МУХИНА (*обращаясь къ той-же двери*). Ахъ! вотъ и моя Лизанька... поди сюда душенька, здѣсь очень-пріятные гости...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же и ЛИЗАНЬКА (*входитъ робко, Мухина ведетъ ее за руку.*) ВАСИЛЬЕВЪ и ЛЕГКОЙ (*сходятся вмѣстѣ.*)

МУХИНА. Александръ Петровичъ, рекомендую вамъ мою дочь... (*Дочери*) Душа моя, это Александръ Петровичъ... котораго такъ хвалилъ намъ добрый Гаврила Иванычъ... (*Молча раскланиваются*)

ЛЕГКОЙ (*тихо Васильеву и посматривая на Лизаньку*). Братъ!

ВАСИЛЬЕВЪ (*также*). Что?

ЛЕГКОЙ (*также, не съ сильнымъ волненіемъ*) Я... я не знаю... со мной что-то вдругъ сдѣлалось...

ВАСИЛЬЕВЪ (*также*). Ну, братъ... и со мной вдругъ что-то такое непонятное.

ЛИЗАНЬКА (*тихо матери, прерывающимся голосомъ*). Ахъ, мамаша, поддержите меня...

МУХИНА. Что? что съ тобой? а?

ЛИЗАНЬКА (*также*). Ахъ, мамаша... и сама не знаю... это въ первый разъ...

МУХИНА (*про-себя*). А! это добрый знакъ... есть надежда, что желаніе мое исполнится.

ЛЕГКОЙ (*тихо брату*).

Нѣтъ! кончимъ братъ проказу!
Я ею поражонъ! (*Смотритъ на Лизаньку*),

ВАСИЛЬЕВЪ (*также*).

И я... влюбился съ разу!

ЛИЗАНЬКА, (*матери тихо*).

Ахъ, Богъ мой! это онъ!

ЛЕГКІЙ (*нетерпѣливо*).

Отстань ты съ пустяками!

ВАСИЛЬЕВЪ.

Не уступлю! нѣтъ! нѣтъ!

ЛИЗАНЬКА (*поглядѣвъ украдкой*)

И въ пукляхъ... и съ усами...
Ахъ! это мой портретъ!

ЛЕГКОЙ (*разгорячась*)

Послушай, я взбѣшуся!

ВАСИЛЬЕВЪ.

Нѣтъ! нѣтъ! она моя!

ЛЕГКОЙ.

Нѣтъ, вздоръ, я *самъ* женюся!

ВАСИЛЬЕВЪ.

Нѣтъ, я!

ЛЕГКОЙ.

Нѣтъ, я!

ВАСИЛЬЕВЪ.

Нѣтъ, я!!!

ЛИЗАНЬКА (*также тихо но съ чувствомъ*). Ахъ, мамашенька, я не знаю, что̀ такое со мною сдѣлалось... только я такъ довольна, такъ счастлива!.. (*цѣлуя мать*) Ахъ, я не найду словъ, ка́къ благодарить васъ!..

ВАСИЛЬЕВЪ (*продолжая тихо*). Ну, что́-жъ ты? представляй Зелинскаго, старайся ей не нравиться...

ЛЕГКОЙ. Нѣтъ... ужъ теперь эта затѣя мнѣ не нравится... я совсѣмъ растерялся... Послушай: не грѣшно-ли тебѣ отбивать у меня?

ВАСИЛЬЕВЪ. Да развѣ я отбиваю у тебя? Я дѣлаюсь соперникомъ Зелинскаго, а такъ-какъ его здѣсь нѣтъ... (*Подходитъ къ Мухиной.*)

ЛЕГКОЙ (*про-себя*) Ахъ, чортъ возьми! за-чѣмъ я взялъ его съ собой?

МУХИНА (*Лизанькѣ, показывая на Васильева*). А это, душа моя, братецъ Александра Петровича...

ВАСИЛЬЕВЪ (*Лизанькѣ, съ чувствомъ*) Который.. чтобъ только заслужить ваше доброе расположеніе, готовъ пожертвовать всѣмъ, всѣмъ на свѣтѣ! (*Раскланиваются.*)

ЛЕГКОЙ (*про-себя, съ досадою*). Эге! да ужъ онъ пошелъ и на приступъ! Ахъ, Боже мой!.. а я стою, какъ пошлый дуракъ, не придумаю ни одного слова... Могъ-ли я ожидать, что мы вдругъ оба въ нее влюбимся? Однако, ободримся... надо-же сказать ей что́ нибудь пріятное... (*Подходитъ*)

ВАСИЛЬЕВЪ (*разговаривая съ Мухиной, продолжаетъ*). Помилуйте, Варвара Степановна... клянусь вамъ, что всѣ мои похвалы такая чистая правда, которая и говорится только отъ чистаго сердца!

ЛЕГКОЙ (*про-себя*). Разбойникъ! какія штуки отпускаетъ! (*Лизанькѣ*) Гмъ! простите меня... сударыня... если я осмѣливаюсь... Но, такъ-какъ, ваша маменька... этого желаетъ... то позвольте узнать... что́ вы думаете?... Какова, погода у насъ?

(*Васильевъ смѣется*)

ЛИЗАНЬКА. Ахъ!.. Александръ Петровичъ... я, право, не посмотрѣла.

ЛЕГКОЙ. Ахъ, ка́къ я поглупѣлъ!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ-же и СЛУГА.

СЛУГА. Матушка-барыня... пожалуйте, все готово-съ.

МУХИНА. Хорошо, сей-часъ. Господа, такъ-какъ вы оба съ дороги, то пожалуйста безъ церемоніи, не угодно-ли позавтракать, чѣмъ Богъ послалъ...

ВАСИЛЬЕВЪ и ЛЕГКОЙ. Помилуйте... къ чему вы такъ безпокоитесь?..

МУХИНА. Что́ за безпокойство?.. Пожалуйте... отъ хлѣба-соли грѣшно отказываться... Авось и Гаврило Иванычъ заѣдетъ.

ЛЕГКОЙ. Впрочемъ, какъ вамъ угодно... (*Особо*) Надо съ нею объясниться на-единѣ.

ВАСИЛЬЕВЪ (*особо*). Какъ-бы съ-глазу-на-глазъ потолковать съ нею?

МУХИНА. Лизанька! пойдемъ съ нами...

ЛИЗАНЬКА. Я... я сей-часъ, маменька...

ЛЕГКОЙ (*также*). Нѣтъ! я ему не уступлю.

ВАСИЛЬЕВЪ. Я не поддамся брату!

(*Мухина ведетъ обоихъ въ боковую комнату*)

ЯВЛЕНІЕ X.

ЛИЗАНЬКА (*одна*).

Ахъ! наконецъ я одна!.. (*Бросаясь въ кресла*) Боже мой! что́ это со мною сдѣлалось? Сердце мое какъ-будто выскочить хо-

четъ!.. Какое-то новое, пріятное чувство овладѣло мною... *(Вскакиваетъ.)* Лицо мое горитъ, глаза невольно наполняются слезами... (*Топаетъ ногою*) Да что-же это такое? Кто мнѣ растолкуетъ? Я хочу знать, я хотѣла-бы спросить объ этомъ у него, у всѣхъ.... (*Быстро кладетъ руку на сердце*) Ахъ! нѣтъ! нѣтъ! не нужно! я сама поняла... я знаю!.. (*Вздохнувъ и улыбнувшись*) Ахъ! Боже мой! Это — любовь!... Любовь!... О, какъ я счастливъ!

Ахъ, я совсѣмъ переродилась!
Отъ счастья, рада слезы лить,
И хоть нечаянно влюбилась,
Но ужъ не въ-силахъ разлюбить!
2 { А чтобъ вполнѣ счастливо жить,
Хочу и я — любимой быть!

* * *

Любимой быть, — такое счастье,
Которымъ надо дорожить;
Любовь и нѣжное участье
Я рада жизнію купить!
2 { Ахъ, какъ пріятно полюбить,
И отъ-души любимой быть!

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЛИЗАНЬКА И ЛЕГКОЙ (*входитъ быстро*).

ЛЕГКОЙ (*про-себя*). Пока онъ тамъ объясняется съ старухой, я хочу ей прямо сказать всю истинну.

ЛИЗАНЬКА (*увидя его вскрикиваетъ*). Ахъ!

ЛЕГКОЙ (*въ волненіи*). Елисавета Михайловна! простите несчастнаго сумазброда, который самъ не знаетъ, что говоритъ и что дѣлаетъ! Впрочемъ, что-бы вы обо-мнѣ не думали, все-таки я не хочу быть обманщикомъ въ вашихъ глазахъ; я прибѣжалъ оправдаться...

ЛИЗАНЬКА (*особо*). Ахъ, какъ онъ пріятно говоритъ! (*Ему*) Но, Александръ Петровичъ... я васъ не понимаю...

ЛЕГКОЙ. Ахъ, ради Бога, забудьте навсегда этого Александра Петровича! Зелинскій такой человѣкъ, который не стóитъ васъ! Онъ сговорился съ Гавриломъ Иванычемъ, чтобъ обмануть вашу маменьку, васъ... и сватается по разсчетамъ.

ЛИЗАНЬКА. Ахъ, Боже мой! что̀ говорите? Я все-таки васъ не понимаю... за что̀ вы такъ себя унижаете?

ЛЕГКОЙ (*съ чувствомъ*). Нѣтъ! я говорю, что̀ чувствую! Вы должны понять меня, потому - что съ перваго взгляда я полюбилъ васъ всей душою, и готовъ теперь бороться съ цѣлымъ свѣтомъ, чтобъ только сдѣлаться васъ достойнымъ!

ЛИЗАНЬКА (*особо*). Боже мой! онъ точно говоритъ съ большимъ чувствомъ... И какъ жаль! совершенно непонятно!

ЛЕГКОЙ. Клянусь вамъ, что всему причиной эта переписка, которая завлекла меня, этотъ проклятый чемоданъ, который въ Новѣгородѣ, на постояломъ дворѣ....

ЛИЗАНЬКА (*про-себя*). Ахъ! да это ужасно! онъ отъ любви помѣшался! (*Плачетъ, говоря въ-слухъ*). Ахъ, какъ я несчастна! что̀ мнѣ дѣлать?

ЛЕГКОЙ. Вы плачете? О, я и самъ готовъ плакать и проклинать свое сумазбродство!... но, вы, вѣрно, простите меня? Вы согласитесь: ожидалъ-ли я, что этотъ чемоданъ приведетъ меня сюда, познакомитъ съ вами? Но что̀ дѣлать! Видно ужъ такъ судьбѣ было угодно! Будьте откровенны какъ я, и рѣшите мою участь!

ЛИЗАНЬКА (*продолжаетъ плакать, смотря на него*). Ахъ! я... я готова помочь вамъ... мнѣ самой очень-жаль, что вы такъ несчастны... но... я не знаю, какой чемоданъ?..

ЛЕГКОЙ. Да я вамъ, кажется, говорю ясно, что этотъ глупый чемоданъ вашего жениха, что переписка изъ чемодана попала въ мои руки, и что я въ досадѣ захотѣлъ ему отомстить...

ЛИЗАНЬКА. Отомстить чемодану?

ЛЕГКОЙ. Нѣтъ! Александру Петровичу Зелинскому!

ЛИЗАНЬКА. Ахъ, Боже мой! Да что̀ съ вами сдѣлалось! Придите въ себя, Александръ Петровичъ...

ЛЕГКОЙ (*нетерпѣливо*). О, мой Творецъ! Да я не Александръ Петровичъ!

ЛИЗАНЬКА (*ужасаясь*). Какъ! Что̀ я слышу!

ЛЕГКОЙ. Простите меня! Любовь къ вамъ совершенно меня

разстроила! Да не меня одного: да! да! братъ мой Степанъ Васильичъ также безъ ума отъ васъ!

ЛИЗАНЬКА. Ахъ! да вы меня пугаете!.. Позвольте мнѣ уйти къ матушкѣ...

ЛЕГКОЙ (*удерживая ее*). Нѣтъ! нѣтъ! скажите прежде, что вы меня не отвергаете, что вы охотно отдадите мнѣ вашу руку...

ЛИЗАНЬКА. Извольте, извольте, только дайте уйдти къ матушкѣ....

ЛЕГКОЙ (*цѣлуя ея руку*). О, какое блаженство! Успокойтесь, она ужъ знаетъ всю нашу исторію; представьте, какой случай: вѣдь добрая Варвара Степановна знала меня почти еще мальчикомъ, и была очень дружна съ моею покойной матерью.

ЛИЗАНЬКА. Возможно-ли!

ЛЕГКОЙ. Да, да, и отъ-того-то давича, при первой встрѣчѣ, мнѣ такъ показались знакомыми ея черты. Она чрезвычайно рада; сама судьба устроила наше счастіе.

ЛИЗАНЬКА. Да какъ-же Гаврило Иванычъ не говорилъ намъ ничего?..

ЛЕГКОЙ. Ха! ха! ха! Да что-жъ ему говорить, когда я совсѣмъ и въ глаза не знаю вашего Гаврилы Иваныча. Но что намъ до него! Вы согласны, матушка ваша то-же, а братъ, вѣрно, образумится — и мы будемъ вполнѣ счастливы! (*Опять съ жаромъ цѣлуетъ руку*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ-же, ВАСИЛЬЕВЪ И Г-ЖА МУХИНА (*неся въ рукахъ четыре письма*).

ВАСИЛЬЕВЪ. Братъ! остановись! За что́жъ ты меня-то губишь? (*Лизанькѣ*) Елисавета Михайловна! Вѣдь это не Зелинскій, это мой братъ, который...

ЛИЗАНЬКА. А! теперь я все поняла и очень-рада!

ВАСИЛЬЕВЪ. Вы рады? Помилуйте! за что́-же? Я-то полюбилъ васъ такъ нѣжно, Варвара Степановна?

ЛЕГКОЙ. Ты опоздалъ также, какъ Зелинскій.

МУХИНА. Ну, Степанъ Васильичъ, ужъ видно такъ судьбѣ угодно. (*Цѣлуя дочь*) Дитя мое! благодари Бога, что они пріѣхали прежде Зелинскаго. Посмотри-ка *кого* Гаврила-то Иванычъ сватать тебѣ! (*Отдаетъ ей письма*) Вѣдь этакой злодѣй!

ЛИЗАНЬКА (*читая про-себя*). Какъ! Что это значитъ?

МУХИНА (*Легкому*). Жаль, что добрая ваша матушка скончалась! Какъ-бы мы теперь порадовались, глядя на ваше счастіе.

ЛЕГКОЙ. Я увѣренъ, что вы замѣните мнѣ ея потерю А при томъ, и опекунъ мой, у котораго я до сей поры жилъ въ деревнѣ, нашелъ мнѣ здѣсь прекрасное мѣсто въ министерствѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ-же, СЛУГА, потомъ г-нъ ИВОЛГИНЪ.

СЛУГА. Барыня! Гаврила Иванычъ прикатилъ!

ВАСИЛЬЕВЪ И ЛЕГКОЙ. А! сватъ! сватъ!

ЛИЗАНЬКА. Ахъ, мамаша! Что-же вы теперь скажете ему?

ВАСИЛЬЕВЪ. Не бойтесь, мы только вмѣстѣ возвратимъ ему эту переписку, которую нашли въ чемоданѣ Зелинскаго. (*Легкой, Васильевъ, Мухина и Лизанька берутъ по одному письму и расходятся*).

ИВОЛГИНЪ (*не видя Легкаго и Васильева*). Ну, кумушка! радуйтесь! Не даромъ я всегда твержу: ужъ коли я за что возьмусь, такъ будетъ хорошо! Вѣдь женихъ-то пріѣхалъ.... одѣвается.... и злодѣйски хорошъ! Что? Каково устроилъ? Чортъ возьми! ужъ именно: за что возьмусь, такъ будетъ хорошо! ха! ха! ха!

МУХИНА (*начиная громко смѣяться*). Да, очень-хорошо! ха! ха! ха!

ЛЕГКОЙ. Удивительно-хорошо! ха! ха! ха!

ВАСИЛЬЕВЪ. Чрезвычайно-хорошо! ха! ха! ха!

ЛИЗАНЬКА. Невыразимо-хорошо! ха! ха! ха!

ИВОЛГИНЪ (*пораженный, смотритъ на всѣхъ*). Позвольте... я знаю, увѣренъ, что хорошо... только, этотъ смѣхъ звенитъ въ моихъ ушахъ что-то больно-нехорошо... что это за собраніе?

МУХИНА. И вы хотѣли, чтобъ Зелинскій женился на моей Лизанькѣ? А что онъ вамъ пишетъ, прочтите-ка... Эхъ, Гаврила Иванычъ! (*Отдаетъ ему письмо*).

ЛИЗАНЬКА (*также отдавая письмо Иволгину*). Прочтите-ка... ахъ, Гаврила Иванычъ!

ЛЕГКОЙ (*также*). Просмотрите-ка... эхъ, Гаврила Иванычъ!

ВАСИЛЬЕВЪ (*также отдаетъ*). Пробѣгите-ка... о-о-охъ, Гаврила Иванычъ!

ИВОЛГИНЪ (*взявъ отъ всѣхъ письма*). Господа! пошадите! (*Обра-*

щаясь къ Легкому и Васильеву) Такъ это объ васъ-то Зелинскій мнѣ говорилъ сей-часъ?

ЛЕГКОЙ. Да, Гаврила Иванычъ, завтра я съ нимъ размѣняюсь чемоданами и приглашу его къ себѣ на свадьбу. (*Васильевъ и Легкой кланяются*).

ИВОЛГИНЪ. Вотъ тебѣ разъ! Значитъ я съ своимъ заочнымъ сватовствомъ сѣлъ въ дураки? (*Качая головой*) Эхъ, Гаврила Иванычъ!

ВСѢ. Ха! ха! ха! ха!

ФИНАЛЪ (*на мотивъ польки Мюзара*).

ЛИЗАНЬКА.

Съ окончательнымъ куплетомъ,
Къ вамъ я нынче подхожу,
И предъ вашимъ комитетомъ
Какъ и всѣ, одно скажу:
Если автора хотите
Вы одобрить новый трудъ,
Такъ и насъ ужъ подведите
Подъ одинъ и тотъ-же судъ.

ВСѢ.

Если автора хотите
Вы одобрить новый трудъ,
Такъ и насъ ужъ подведите
Подъ одинъ и тотъ-же судъ.

СТО-ТЫСЯЧЪ

ИЛИ

БѢДА ИМѢТЬ ОТЪ МУЖА ТАЙНЫ!

ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

П. С. ѲЕДОРОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Андрей Ивановичъ Чепыжниковъ.	Г. *Мартыновъ.*
Марья Петровна, его жена.	Г-жа *Самойлова 1-я.*
Сергѣй Абрамовичъ Кулаковъ, товарищъ его по службѣ и сосѣдъ.	Г. *Каратыгинъ 2-й.*
Авдотья Антоновна, жена Кулакова.	Г-жа *Сосницкая.*
Василій Семеновичъ Звѣревъ, хозяинъ дома, въ которомъ живутъ Чепыжниковы.	Г. *Смирновъ 2-й.*
Матрена, кухарка Чепыжникова.	Г-жа *Гусева.*

Дѣйствіе происходитъ въ квартирѣ Чепыжникова.

Небольшая комната, просто меблированная. Дверь въ срединѣ и другая съ правой стороны; на-лѣво окно.

ЯВЛЕНІЕ I.

Марья петровна и матрена.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Нѣтъ, ужъ это слишкомъ-глупо!... Ну, можно-ли такъ радоваться!

МАТРЕНА. Ахъ, сударыня, да какъ-же и не радоваться барину?... да если-бъ мнѣ Господь послалъ такое сокровище, — такъ я, мнѣ кажется, просто-бы рехнулась.... право!... а у васъ, вмѣсто радости, словно какое горе на душѣ.... Или вамъ не можется, или не поспалось, что́-ли?...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*съ досадой*). Ну, да! я худо спала!

МАТРЕНА. Вотъ, поди вы, вѣдь этакое диво, я и сама предурно спала.... Эти проклятыя мыши всю ночь провозились въ кухнѣ! Не боятся и кота! Да и онъ, негодный, съ-тѣхъ-поръ какъ разжирѣлъ, такимъ сдѣлался лѣнтяемъ, что и съ печки слѣзть не хочетъ!... Нѣтъ, что́ хотите, а намъ надо вывесть эту неугомонную тварь! Вѣдь они что́ однихъ свѣчей переѣли!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Тебѣ Андрей Иванычъ давно говорилъ, чтобъ ты достала мышьяку....

МАТРЕНА. Правда-съ.... все забывается...., а мнѣ ужъ и обѣщала торговка Тарасьевна!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Такъ чѣмъ болтать, лучше-бы ты сбѣгала къ ней!...

МАТРЕНА. А что́, и въ-самомъ-дѣлѣ.... теперь-же пока свободно.... Такъ я ужъ пойду.... (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*одна*). Конечно, это неожиданное богатство очень радовало-бы меня, если-бъ моя благодѣтельница не была въ такомъ ужасномъ состояніи.... Такъ молода, такъ хороша, и

по капризу отца должна терпѣть.... (*Увидя входящую Матрену*) Что́ тебѣ еще надобно?

МАТРЕНА. Тамъ, у дверей, нашъ хозяинъ....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Василій Семенычъ?

МАТРЕНА. Спрашиваетъ, однѣ-ли вы дома?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ты, кажется, знаешь, что я одна.

МАТРЕНА. Да я подумала, что баринъ сію минуту вернется....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*съ досадой*). Такъ что́-жъ за бѣда!... Какая ты глупая! Пусти его скорѣе въ комнату.... и ступай, куда надобно.

МАТРЕНА. Слушаю! (*Уходитъ*).

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Боже мой! что́-то онъ мнѣ скажетъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА И ЗВѢРЕВЪ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ну, что́ Василій Семенычъ? что́ Сеничка?

ЗВѢРЕВЪ (*съ горестью*). Все хуже и хуже!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Бѣдный крошка!

ЗВѢРЕВЪ. И что́ ужаснѣе, я не могу даже видѣть его!.. Отецъ Евгеніи начинаетъ подозрѣвать.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Неужели?

ЗВѢРЕВЪ. Послѣдствія могутъ быть ужасны!... Вы знаете его гордость, его жестокій характеръ.... онъ готовъ рѣшиться на все!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Да, получивъ воспитаніе въ его домѣ, вмѣстѣ съ вашей Евгеніей, я вполнѣ узнала его характеръ... Если-бъ онъ не противился вашему браку, все шло-бы хорошо и всѣ были-бы счастливы... но онъ препятствіями усилилъ только вашу любовь, и если дочь его сдѣлалась теперь виновною, то онъ долженъ пенять на себя!

ЗВѢРЕВЪ. Я не знаю, какъ васъ благодарить! Если-бъ не ваше участіе и заботы, тобы все узналъ онъ, этотъ неумолимый старикъ!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Любя мою подругу и благодѣтельницу, я должна была вамъ помочь и притомъ имѣла въ это время всѣ средства... мужъ мой былъ въ отлучкѣ, по службѣ, и я оставалась

одна... Но неужели нѣтъ никакихъ средствъ уговорить Михайла Михайлыча?

ЗВѢРЕВЪ. Не знаю... что-то сомнительно!..

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Но если-бъ рѣшилась еще попросить его Евгенія?

ЗВѢРЕВЪ. Врядъ-ли она осмѣлится!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. И такъ вашъ бракъ...

ЗВѢРЕВЪ. Кажется, безнадеженъ до-тѣхъ-поръ, пока живъ отецъ!.. Ахъ, Марья Петровна, я пришелъ къ вамъ съ просьбою...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же, АВДОТЬЯ АНТОНОВНА.

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА (*входя при послѣднихъ словахъ про-себя*). Опять вмѣстѣ, и какія-то просьбы! Нѣтъ, тутъ что-то недаромъ!

ЗВѢРЕВЪ (*въ-сторону*). Ну, явилась эта болтушка!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Василій Семенычъ, вы здѣсь! Какъ я рада... Здоровы-ли вы? (*Марьѣ Петровнѣ*). Здравствуй, Машурочка!.. не помѣшала-ли я вамъ?

ЗВѢРЕВЪ. Нисколько... я ужъ уходилъ отсюда...

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Нѣтъ, ужъ извините, Василій Семенычъ, вы не уйдете, пока не выслушаете меня... у насъ съ мужемъ къ вамъ просьба.

ЗВѢРЕВЪ. Мнѣ, право, некогда...

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. У насъ дымитъ ужасно въ кухнѣ печь... невозможно стряпать безъ слезъ, такъ и ѣстъ глаза...

ЗВѢРЕВЪ. Хорошо, я завтра пришлю печника.

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Нельзя-ли сегодня?

ЗВѢРЕВЪ. Хорошо... сегодня!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА (*въ сторону*). Вотъ что́ значитъ попросить во-время... (*Тихо Марьѣ Петровнѣ*) Кажется, онъ тебѣ строитъ куры?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Какія глупости!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА (*такжe*). Полно притворяться!.. Да отъ-чегожъ и не позволить! Такой молодецъ!

ЗВѢРЕВЪ (*тихо Марьѣ Метровнѣ*). Моя просьба...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*тихо Звѣреву*). Я догадалась... вы хотите,

чтобъ я сходила посмотрѣть на вашего Сеничку... Будте покойны, я исполню ваше желаніе, какъ только освобожусь отъ мужа.

АВДОТЬЯ АНДРЕЕВНА (*про-себя смотря на нихъ*). Стыдъ и срамъ! Ну, пристало-ли замужней женщинѣ кокетничать и шептаться съ молодымъ человѣкомъ!.. Еще если-бъ мужъ у нея былъ дряхлой старикъ, или такой хворый, какъ мой Сережа, а то помилуйте, какой еще свѣжій!..

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*за-кулисами*). Слышить! гуся и индюшку!

ЗВѢРЕВЪ. Прощайте, Марья Петровна!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА (*про-себя*). Мужъ на крыльцо, а гость давай Богъ ноги!.. Послѣ этого что прикажите думать?.. (*Подходя къ Звѣреву*). Василій Семенычъ! позвольте еще словечко...

ЗВѢРЕВЪ. Право, мнѣ некогда!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Я васъ не задержу!.. Нельзя-ли, Василій Семенычъ, приказать оклеить нашу комнату обоями... вѣдь вы ужъ давно обѣщали...

ЗВѢРЕВЪ. Не помню, чтобъ я обѣщалъ... но извольте, я прикажу...

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Вотъ ужъ, истинно, вы добрый хозяинъ, Василій Семенычъ... но ещебы намъ надо...

ЗВѢРЕВЪ. Все будетъ сдѣлано!.. *Слышенъ хохотъ Чепыжникова).* Позвольте мнѣ, Марья Петровна, пройти чрезъ эту комнату... (*Показываетъ на боковую дверь*).

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Сдѣлайте одолженіе!

(*Звѣревъ поспѣшно уходитъ въ боковую дверь*).

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА (*про-себя*). Каковы шашни!.. Погоди, дай только мнѣ еще здѣсь встрѣтиться съ тобою, я заставлю тебя брать съ насъ вполовину дешевле за квартиту!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ-же, ЧЕПЫЖНИКОВЪ, МАТРЕНА.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*входя, Матренѣ*). Слушай-же меня внимательнѣе!.. Я еще не успѣлъ завесть лакеевъ, такъ ты у меня будь навремя и поваръ, и камердинеръ, и разсыльный!... За то получишь отъ меня въ награжденіе цѣлый пудъ кофею!

МАТРЕНА. Нижайше благодаримъ, Андрей Иванычъ!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА (*въ-сторону*). Что онъ за чепуху мелитъ?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*Матренѣ*). Возьми извощика, и во-первыхъ отправляйся сію-же минуту на Невскій, къ самому модному портному... и прикажи самому мастеру, чтобъ онъ сію-же минуту пріѣхалъ сюда... скажи, что много, молъ, работы закажетъ баринъ...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*подходя къ нему*). Зачѣмъ такъ торопиться... и не лучше-ли тебѣ самому-бы съѣздить!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Стану я еще тревожиться!.. Да и слыхано-ли, чтобъ деньги до кого-нибудь имѣли пужду... Нѣтъ, изволь-ка самъ побезпокоиться...

МАТРЕНА. Да къ какому-же портному-то, Андрей Ивапычъ?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. У котораго больше и красивѣе вывѣска, къ этому и заѣзжай!... Потомъ.. потомъ... спроси лучше у этого-же портнаго, гдѣ живетъ самая лучшая модная мадамъ...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Къ чему это?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Ужъ не мѣшайте, пожалуста... (*Матренѣ*). Какъ узнаешь, такъ поѣзжай тотчасъ-же къ ней и привези ее сюда... закажутъ, дискать, и платья, и шляпки, и капоты...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Но, мой дружокъ...

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Сдѣлайте милость не мѣшайте... (*Матренѣ*). Да не забудь-же, мимоѣздомъ, купить на Сѣнной самаго жирнаго гуся и самую отличную индюшку... Ну, поняла?

МАТРЕНА. Понять-то я поняла... и гуся, и индюшку купить сумѣю... а ужъ вотъ портнаго-то и мадамъ не знаю, какъ я найду... развѣ спросить у буточника!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Глупая баба и больше ничего!..

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Но, мой дружокъ, гдѣ-же ей, въ-самомъ-дѣлѣ, знать... лучше мы поѣдемъ съ тобой вмѣстѣ, хоть завтра... и тогда мы все сдѣлаемъ аккуратнѣе.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Не люблю я откладывать, Марья Петровна, того до завтра, что можно сдѣлать сегодня... Ну, да ужъ, вѣрно, эту глупую бабу не вразумишь... Надо скорѣе нанять лакея... Пошла-же на Сѣнную... да не забудь самаго жирнаго гуся и самую отличную индюшку!. До смерти люблю жаренаго гуся съ капустой и индюшку съ яблоками...

МАТРЕНА. Пожалуйте-же денегъ, сударь...

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Денегъ!.. Вотъ денегъ такъ попросить умѣешь!.. (*Шаря въ карманахъ, Марьѣ Петровнѣ*). У тебя не осталось ничего отъ расходныхъ денегъ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ты знаешь, что еще вчера всѣ вышли... Ужъ и сегодня взяла въ долгъ провизіи!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*въ-сторону*). Этакая досада!.. Сто тысячь въ ломбардѣ, а въ карманѣ пока ни гроша, нечѣмъ заплатить за гуся и индюшку... Гдѣ-бы занять... теперь ужъ мнѣ всякій дастъ въ долгъ!.. (*Матрешѣ*) Пошла-же въ кухню и жди моихъ приказаній!..

МАТРЕНА (*въ-сторону*). Вотъ тебѣ и пудь кофею... хоть-бы на фунтикъ сегодня далъ... (*Уходитъ*).

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Я не знаю, къ чему всѣ эти лишніе расходы?.. Къ чему вдругъ дѣлать столько нарядовъ.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Къ чему?.. А къ тому, что мы ужъ теперь не общипанные столоначальники и не будемъ ужъ кланяться казначеямъ, а станемъ сами важничать и принимать отъ всѣхъ поклоны... Сто тысячь въ ломбардѣ да не пустить пыли въ глаза!.. Нѣтъ, Марья Петровна, ты у меня разрядишься въ пухъ! Ужъ во-первыхъ потому, чтобъ совершенно зарѣзать твою пріятельницу, Кулакову!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА (*которая все это время сидѣла въ-сторонѣ, подходя къ Чепыжникову*). Благодарствуйте, Андрей Иванычъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Авдотья Антоновна!.. (*Подходитъ къ рукѣ*). Извините, я васъ и не замѣтилъ... Ради Бога, вы не обижайтесь... я вѣдь сказалъ это не потому, чтобъ хотѣлъ васъ обидѣть... Сохрани Господи!.. а такъ съ языка сорвалось... да и помилуйте, мало-ли что мы говоримъ заочно...

No. 1.

Обычай вамъ извѣстенъ,
Какъ цѣнимъ мы гостей...
Въ глазахъ гость всякій честенъ,
И нѣтъ его умнѣй, —
А только онъ простится,
Едва сойдетъ съ крыльца,
Такъ мигомъ превратится
И въ плута и въ глупца!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Прекрасно!.. Стало, вы и со мной также поступаете?..

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Избави Боже!.. я слишкомъ васъ люблю и ува-

жаю... а если сказалъ глупость, то это такъ для сравненія... Вѣдь извѣстное дѣло, какія вы у насъ щеголихи... изъ ничего умѣете принарядиться... такъ съ кѣмъ-же, помилуйте, и посовѣтоваться, какъ не съ вами, Авдотья Антоновна!.. Вы ужъ намъ, сдѣлайте милость, помогите... объясните моей Машуткѣ, какія тамъ модныя у васъ матеріи, да шляпки... ситентюрковыя что-ли или гродинапелевыя?..

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Мнѣ кажется намъ приличнѣе было-бы теперь не о нарядахъ думать, а надѣть трауръ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*чувствительно*). Трауръ... Конечно, кто говоритъ... оно точно-бы нужно было... но вѣдь истинный трауръ не въ платьѣ, а здѣсь... здѣсь, Марья Петровна, въ сердцѣ!..

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Я слушаю васъ и не могу ничего понять... Сто тысячъ, наряды, трауръ... что-бы все это значило, что у васъ случилось?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*весело*) Что случилось?.. Такъ вы еще не знаете! (*Смѣется.*) Да случилась такая исторія, Авдотья Антоновна...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Андрей Иванычъ... развѣ прилично въ такую минуту смѣяться?...

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Виноватъ! Мнѣ пришло въ голову совсѣмъ другое... (*Авдотьѣ Антоновнѣ, печально*). Ахъ, Авдотья Антоновна!.. мы съ женой понесли ужасную потерю... посмотрите, вонъ у нея на глазахъ ужъ слезы...

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Потерю?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Да-съ, жестокую потерю, которая доставила намъ .. (*весело, и съ крикомъ*) пи больше, ни меньше какъ сто тысячекъ.

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Сто тысячъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Дась, чистенькихъ сто тысячь ассигнаціями, на серебро ококо тридцати тысячь рублей!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Сто тысячъ! Но откуда? какимъ образомъ?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. По наслѣдству, Авдотья Антоновна!.. Необыкновенная исторія, баснословное происшествіе!.. Ну, ужъ поживемъ-же мы теперь, Авдотья Антоновна! (*Хохочетъ*).

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Андрей Иванычъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Да что ты меня все останавливаешь?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Помилуйте, прилично-ли такъ хохотать!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Слышите! Она хочетъ, чтобъ я не хохоталъ, когда на душѣ такъ весело, какъ будто произвели меня въ генералы!.. Да развѣ нашъ благодѣтель оставилъ намъ эти деньги для того, чтобъ мы только плакали, да рыдали!.. Нѣтъ, извините, онъ

оставилъ намъ ихъ для нашихъ удовольствій... и я изъявляю это удовольствіе, въ смѣхѣ и хохотѣ!.. Да-съ, я исполняю волю нашего благодѣтеля!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Но вспомните, что этотъ благодѣтель только что умеръ...

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Знаю! Но если-бъ онъ не умеръ, такъ мы не получили-бы и наслѣдства!.. За то я уважаю и благословляю его по смерти... Но вотъ что мнѣ стыдно и чего я себѣ никогда не прощу... какъ это при жизни его, я былъ къ нему такъ не уважителенъ, что́ даже, кажется, не снялъ предъ нимъ ни разу шляпы!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Господи! вы толкуете, а я все еще ничего не пойму!.. Въ чемъ-же дѣло? Кто этотъ благодѣтель?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Помнишь-ли ты несчастнаго старика Груздева?

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Который жилъ на чердачкѣ въ домѣ отца твоей любезной Евгеніи?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Да.

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Очень помню! Скряга, какихъ не бывало на свѣтѣ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Добродѣтельный, честнѣйшій и умнѣйшій человѣкъ!.. Онъ очень благоразумно дѣлалъ, что жилъ такъ экономно!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Онъ былъ такъ скупъ, что даже не имѣлъ у себя работницы... Раза два какъ-то, когда онъ былъ боленъ, я носила отъ тебя къ нему супъ и тогда видѣла его житье! Боже мой, что́ за бѣдность!.. даже не было плотнаго живаго стула... Все его богатство, по-видимому, заключалось въ маленькомъ ящичкѣ изъ слоновой кости... Этотъ ящичекъ такъ меня удивилъ, что я вздумала было его купить... я навѣрное полагала, что въ немъ хранятся деньги...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. А ты узнала, что́ тамъ было?

АВДОТЬЯ АНТОНИВНА. Какъ ты думаешь?.. Клочки его волосъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Бѣдняжка!.. То-то у него и не было на головѣ ни волоска!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Клочки бѣлокурыхъ волосъ, остатки его молодости!.. Но неужели это онъ!.. Неужели онъ былъ такъ богатъ?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Послѣ него остался только милліончикъ... не болѣе!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Милліонъ!.. Можно-ли было думать!.. Такъ

онъ умеръ... однакожъ, онъ былъ не совсѣмъ старъ... еще довольно бодръ и свѣжъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Какъ не старъ, помилуйте,.. какъ говорится, сѣдехонекъ!... То есть не то, чтобъ я видѣла у него сѣдые волосы... голова его была гладка какъ доска... это такъ только говорится... Но я очень-хорошо помню, разъ, когда я еще волочился за Машушкой... тому уже года три назадъ, я встрѣтилъ у нея нашего благодѣтеля... ужъ и тогда онъ былъ такой хилый...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Однакожъ, мой дружокъ, ты и забылъ, что тебѣ пора ужъ ѣхать къ его душеприкащику... вѣдь онъ будетъ ждать...

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Сейчасъ!.. Съ-тѣхъ-поръ я больше его не видалъ и даже слышалъ очень-рѣдко, какъ вдругъ вчера получаю письмо отъ его душеприкащика... онъ жилъ въ одномъ съ нимъ домѣ, тоже старикашка, отставной коллежскій ассесоръ Антонъ Антонычъ Фонаринъ... Пишетъ ко мнѣ Антонъ Антонычъ, такъ и такъ, что сего числа скончался Григорій Антонычъ Груздевъ и между-прочимъ изволилъ отказать мнѣ... то есть моей женѣ, по духовному завѣщанію, сто тысячь ассигнаціями!.. Представьте себѣ наше горе и радость!..

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Это, просто, невѣроятно!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Я самъ полагалъ сначала, что это вздоръ... Думаю, ужъ не проказы-ли это нашего журналиста Строчкина.... онъ у насъ ужасный балагуръ и острякъ!... Бросился къ Фонарину.... взялъ для скорости извощика.... пріѣзжаю.... въ-самомъ-дѣлѣ! Отказано, говоритъ, сто тысячь титулярной совѣтницѣ Марьѣ Петровой Чепыжниковой!... У меня такъ и захватило духъ!... Такъ слезы и покатились отъ радости.... Пошелъ, поклонился праху.... облобызалъ мертвенную руку, которая подписала наше счастіе.... Ужасная, трагическая сцена! право, на театрѣ такой не увидишь!... Прибѣжалъ домой, разсказываю женѣ.... она давай рыдать по старикѣ и я тоже!... Да и какъ не плакать! Рѣдкій, благороднѣйшій человѣкъ! Девять семействъ осчастливилъ!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Какъ девять?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Кромѣ меня, еще восьми семействамъ отказалъ по сту тысячь.... Ну, посудите сами, не благороднѣйшій-ли человѣкъ!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Мой дружокъ, тебѣ-бы пора.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Да, да... сію минуту!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. А!... вотъ и мой Сережа!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же, КУЛАКОВЪ.

КУЛАКОВЪ (*подходя къ рукѣ Марьи Петровны и пожимая руку Чепыжникову*). Марья Петровна!... Андрей Иванычъ!... (*Женѣ*). Здравствуй, мамаша!... (*Чепыжникову*). Ахъ, мой другъ, я чрезвычайно огорченъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Чѣмъ? что́ случилось?

КУЛАКОВЪ. Сколько я ни хлопоталъ, не могъ тебѣ достать денегъ!...

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Какихъ денегъ?

КУЛАКОВЪ. Какъ какихъ?... Ты вчера, утромъ, просилъ меня достать тебѣ до жалованья....

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. А! да!...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*въ-сторону*). Не знаю, какъ-бы мнѣ тихонько съѣздить къ кормилицѣ: надобно исполнить просьбу Василья Семеныча!... (*Уходитъ въ боковую дверь*).

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Сергѣй Абрамычъ, прошу тебя откушать сегодня съ нами!

КУЛАКОВЪ. Какъ откушать?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. И съ супругой!.. Авдотья Антоновна, позвольте надѣяться!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Съ большимъ удовольствіемъ, Андрей Иванычъ.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Сергѣй Абрамычъ! Любишь-ли ты провѣсную ветчину?

КУЛАКОВЪ. До безумія!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Ахъ, и я тоже!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. А любишь-ли ты устрицы?

КУЛАКОВЪ. Люблю, хоть никогда еще не ѣдалъ.

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Ахъ, я желала-бы ихъ попробовать! Вѣроятно, онѣ очень-вкусны, когда такъ дорого за нихъ платятъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. А нравится-ли вамъ, господа, кондитерское пирожное? Этакое, знаете, все изъ сахара и изъ сливокъ!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Ахъ! я готова имъ объѣсться!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Ну, такъ милости-же просимъ кушать! Сверхъ этого, у насъ еще будетъ жареный гусь съ капустой и индѣйка съ яблоками!

КУЛАКОВЪ. Это восхитительно!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Мы отлично пообѣдаемъ! Какъ говорится, по-генеральски! Шампанское польется у насъ рѣкою!... Только, сдѣлай милость, Сергѣй Абрамычъ, захвати съ собою полдюжины тарелокъ, да парочку стакановъ и рюмокъ.... Я еще не успѣлъ завестись!

КУЛАКОВЪ. Но растолкуй, ради Бога, что̀ у тебя за пиръ и изъ какихъ доходовъ?... Ужъ не прошелъ-ли ты раза три въ лото?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Въ лото!... Нѣтъ, голубчикъ, получше!... Тамъ что̀ возьмешь? Ужъ много, много двѣ-три сотни, а у насъ, голубчикъ, завелась и сотенка тысячъ!

КУЛАКОВЪ *(съ изумленіемъ)*. Что̀?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Не вѣришь, такъ спроси у своей супруги!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Истинная правда!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Да-съ! чистенькихъ сто тысячъ! Нѣтъ-ли у тебя, Сергѣй Абрамычъ, съ собою десяти цѣлковыхъ? Только до завтра, или, много, до послѣзавтра?... пятнадцать отдамъ!

КУЛАКОВЪ *(нерѣшительно)*. Право, не знаю, будетъ-ли столько.... *(Шаритъ въ карманахъ)*.

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА *(тихо Кулакову)*. Дай!... ты не будешь въ убыткѣ!

КУЛАКОВЪ (*вынимая деяти-цѣлковый билетъ*). А! вотъ! слава Богу, что могу тебѣ хоть этимъ услужить... вчера въ клубѣ выигралъ въ преферансъ!... *(Отдаетъ ему билетъ)*.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Чувствительно благодарю!... Ну, посидите, господа у меня... жена сей-часъ явится... она тамъ хозяйничаетъ... а я сію-минуту вернусь!

(Уходитъ въ среднюю дверь.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

КУЛАКОВЪ, АВДОТЬЯ АНТОНОВНА.

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Какъ-же, хозяйничаетъ!... Я думаю кокетничаетъ въ окошко съ хозяиномъ!

КУЛАКОВЪ. Мамаша! растолкуй мнѣ, что̀ у нихъ случилось? Неужели, въ-самомъ-дѣлѣ, они такъ разбогатели?

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Видно дуракамъ счастье!... Какъ ты думаешь, получили въ наслѣдство сто тысячь ассигнаціями!

КУЛАКОВЪ (*съ изумленіемъ.*) Такъ дѣйствительно сто тысячь! Отъ кого-жъ это?

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Да словно съ неба свалились! Тутъ въ Петербургѣ жилъ старичишка... ты его не знаешь... но я его видѣла... Представъ себѣ, я считала его такимъ бѣднякомъ, что готова была подать милостыню, а онъ отказалъ по сту тысячь девяти семействамъ!

КУЛАКОВЪ. Постой! я объ этой исторіи слышалъ вчера въ клубѣ... Но увѣрена-ли ты, что въ числѣ наслѣдниковъ находится и Чепыжниковъ?... Я боюсь, чтобъ не пропали мои десять цѣлковыхъ!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Совершенно увѣрена!... Вѣдь хоть Чепыжниковы и глупы, но, надо правду сказать, лгать не любятъ! Да и въ какую-бы голову ему такъ роскошничать!

КУЛАКОВЪ Признаюсь тебѣ, эта новость точно обухомъ меня по головѣ!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Это отъ-чего?

КУЛАКОВЪ. Да отъ-того, что этотъ дуралей и нивѣсть какъ теперь заважничаетъ, тогда какъ до-сихъ-поръ я всегда и во всемъ имѣлъ предъ нимъ преимущество!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Ну, онъ-то еще, мнѣ кажется, ничего!... Онъ, право, добрый малый, хоть пороху и не выдумаетъ!... А вотъ его жена, такъ, пожалуй, какъ разъ подниметъ носъ!.. Ужъ одно то, что она будетъ одѣваться лучше меня.... отъ этой мысли такъ вотъ и поворачивается сердце!

№ 2.

КУЛАКОВЪ.

Онъ теперь себѣ прикажетъ
Сшить мундиръ, сюртукъ и фракъ!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА.

А она себѣ закажетъ
Десять платьевъ, на-вѣрнякъ!

КУЛАКОВЪ.

Въ преферансъ играть ужъ сядетъ
По полтинѣ серебромъ...

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА.

И мадамъ ее нарядитъ
Въ шлянку съ розовымъ перомъ!

КУЛАКОВЪ.

Я носи шинель на ватѣ,
А онъ шубу заведетъ...

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА.

Да салопъ ужъ лисій кстати
И женѣ своей сошьетъ!

КУЛАКОВЪ.

Я пѣшкомъ шатайся всюду,
А онъ купитъ лошадей...

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА.

И женѣ накупитъ груду
Брилліантовыхъ вещей!

КУЛАКОВЪ.

Этакъ мигомъ съ нимъ сойдется
Даже нашъ директоръ самъ...

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА.

И ужъ всякой день придется
Разъѣзжать ей по баламъ!

КУЛАКОВЪ.

Онъ со всѣми подружится,
Будетъ милъ, уменъ, хорошъ!..

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА.

А за нею волочиться
Такъ и будетъ молодежъ!

КУЛАКОВЪ.

Онъ обгонитъ, черезъ связи,
И чинами скоро насъ.

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА.

Да, сто тысячь ихъ изъ грязи
Въ люди вывезутъ какъ разъ!

ВМѢСТѢ.

Мы должны ужъ, безъ сомнѣнья,
Ласки ихъ считать за честь!
Нѣтъ, такого униженья
Я не въ-силахъ перенесть!

КУЛАКОВЪ. Терпѣть не могу тѣхъ людей, которые разживаются на чужомъ карманѣ!... Я ихъ презираю, ненавижу!...

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Такъ ты, пожалуй, не будешь здѣсь и обѣдать...

КУЛАКОВЪ. Непремѣнно буду!... Что ни говори, а у него всѣ-таки капиталъ... при нуждѣ человѣкъ капитальный всегда пригодится...

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Такъ я пойду, приготовлю посуду... А что хочешь, это наслѣдство досталось имъ не даромъ... я подозрѣваю тутъ шашни...

КУЛАКОВЪ. Конечно... мнѣ и въ клубѣ разсказывали.. вчера...

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Что, что такое?

КУЛАКОВЪ. Тсъ! вотъ и хозяйка... послѣ разскажу... Ступай-же скорѣе...

(*Авдотья Антоновна уходитъ въ среднюю дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

КУЛАКОВЪ, *потомъ* МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

КУЛАКОВЪ. Сто тысячъ!.. Нѣтъ, ужъ это вовсе не даромъ... Теперь невольно повѣришь разсказамъ...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*выходя изъ боковой двери*). Извините, Сергѣй Абрамовичъ, что я васъ на минуту оставила...

КУЛАКОВЪ. Помилуйте, что за церемоніи! (*Въ сторону*) Что она такъ встревожена?...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*въ-сторону*). Нѣтъ другаго средства, какъ попросить его.. (*Въ-слухъ*). У меня есть къ вамъ большая просьба, Сергѣй Абрамычъ!

КУЛАКОВЪ. Что угодно.... сдѣлайте милость, прикажите!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Вы нашъ другъ, Сергѣй Абрамычъ.... вы были такъ всегда добры ко мнѣ!

КУЛАКОВЪ. Помилуйте, душу готовъ отдать за васъ!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Вы можете теперь доказать это на дѣлѣ.... Андрея Иваныча нѣтъ дома?

КУЛАКОВЪ. Никакъ нѣтъ....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. И Матрену я услала... А самой мнѣ именно нельзя отлучиться.... (*Про-себя*). У Михайлы Михайлыча вездѣ лазутчики... и если я поѣду сама, тогда меня узнаютъ, и я все испорчу....

КУЛАКОВЪ (*вслушиваясь*). Михайло Михайлычъ!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Но обѣщаете-ли вы мнѣ сохранить все въ тайнѣ?

КУЛАКОВЪ (*въ-сторону*). Еще тайна!... (*Въ-слухъ*). Помилуйте, готовъ дать клятву!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Мнѣ такъ жаль этого бѣднаго Сеничку!

КУЛАКОВЪ (*въ-сторону*). Теперь еще какой-то Сеничка!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Сдѣлайте одолженіе, съѣздите къ нему вмѣсто меня....

КУЛАКОВЪ. Съѣздить! .. да куда-жъ это?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Очень-недалеко.... въ десятую роту нашего полка.... домъ Кокушкина, No. 13.

КУЛАКОВЪ. 13-й? Помню!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Тамъ живетъ солдатка Иванова.... Спросите только у нея о положеніи больнаго....

КУЛАКОВЪ. Какого-же больнаго? Мужа или сына этой солдатки?...

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Спросите только о положеніи больнаго и возвратитесь скорѣе сюда!... Онъ такъ, бѣдняжка, страдаетъ....

КУЛАКОВЪ. Кто-же это? Андрей Иванычъ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Нѣтъ!

КУЛАКОВЪ *(въ-сторону)*. Бѣдный Чепыжниковъ! онъ, вѣрно, тутъ больше всѣхъ долженъ страдать. .. *(Въ-слухъ)* Но, по-крайней-мѣрѣ, объясните....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА *(увидя входящаго Чепыжникова)*. Тсъ!... Вотъ и Андрей Иванычъ!...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ-же, ЧЕПЫЖНИКОВЪ.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*держа въ рукахъ нѣсколько дѣтскихъ игрушекъ*). Вотъ и я!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Что это у тебя?

КУЛАКОВЪ. Цѣлая игрушечная лавка!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Это гостинецъ моимъ ребятишкамъ!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ну, къ-чему ты накупилъ такое множество?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Для-того, что я ужъ давно не дарилъ ничѣмъ дѣтей.... Возьми-ка, снеси эту куклу Анютѣ.... (*Отдаетъ куклу женѣ. Кулакову*) Обѣдъ нашъ слаженъ! То-то мы угостимся!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. До свиданія, Сергѣй Абрамычъ.. .

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Развѣ ты хочешь уйдти отъ насъ?

КУЛАКОВЪ. Я сію-минуту вернусь.... Мнѣ нужно сбѣгать въ 10-ю роту....

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*тихо Кулакову*). Тсъ! ни слова!...

КУЛАКОВЪ (*также ей*). Ужъ будьте спокойны, не проболтаюсь!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*также*). Пожалуйста, поспѣшите!

(*Уходитъ въ боковую дверь*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ, КУЛАКОВЪ.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. То́-то обрадуются мои ребятишки!

КУЛАКОВЪ (*въ-сторону*). Теперь онъ одинъ!... Постой, я его подожгу!... (*Въ-слухъ*). Я еще не поздравилъ тебя, Андрей Иванычъ....

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Съ чѣмъ?

КУЛАКОВЪ. Какъ съ чѣмъ? съ наслѣдствомъ! Душевно радъ! Вотъ ужъ, истинно, Богъ наградилъ тебя за добрую душу!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Благодарю тебя, милый другъ!

КУЛАКОВЪ. Вѣдь этакое неожиданное происшествіе!... Благородный-же человѣкъ былъ этотъ старичокъ.... Я слышалъ, онъ девять семействъ осчастливилъ?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Да ужъ истинно осчастливилъ! Мнѣ и во снѣ не снилось....

КУЛАКОВЪ. Представь себѣ, я еще вчера вечеромъ въ клубѣ слышалъ объ этомъ происшествіи!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Такъ ужъ и тамъ знаютъ!

КУЛАКОВЪ. Какъ-же!... но только все дѣло перековеркали....

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Какъ перековеркали?...

КУЛАКОВЪ. Ну, обыкновенно, злые языки....

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Что́-жъ, что́-жъ такое они говорили?...

КУЛАКОВЪ. Право, мнѣ совѣстно и разсказывать....

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Вотъ, ужъ совѣстно.... другу?... перестань.... Что́-бы ни говорили, меня не обидятъ.... разсказывай, сдѣлай милость....

КУЛАКОВЪ. Ну, если ты непремѣнно требуешь, такъ изволь.... только, сдѣлай одолженіе, не принимай на свой счетъ....

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Да что́-жъ такое?

КУЛАКОВЪ. Вотъ, видишь.... говорили, что этотъ старикъ.... какъ бишь его.... фамилію забылъ....

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Груздевъ!

КУЛАКОВЪ. Да, Груздевъ!... Говорили, будто-бы онъ....

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Ну?

КУЛАКОВЪ. Будто-бы онъ, не-смотря на свою старость, былъ жестокій волокита.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*съ безпокойствомъ*). Что!

КУЛАКОВЪ. То есть, что онъ былъ чрезвычайно-пристрастенъ къ женскому полу...

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Ну, ну?..

КУЛАКОВЪ. И что это наслѣдство онъ оставилъ девяти замужнимъ женщинамъ... Скажи, неужели онъ точно отказалъ все женщинамъ?..

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Ну?.. Дальше...

КУЛАКОВЪ. Вѣдь этакой вздоръ меллятъ!.. Какъ ты думаешь, почему оставилъ-то?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Да, почему?

КУЛАКОВЪ. Будто-бы въ вознагражденіе за любовь, которую раздѣляли съ нимъ эти дамы...

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*притворно смѣясь*). Ха! ха! ха!.. (*Серьёзно*) Вздоръ! чистая клевета!

КУЛАКОВЪ. Вѣдь и я тоже говорю!.. Но, ради Бога, не обижайся, не прими на свой счетъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Мнѣ принять на свой... Ха! ха! ха!..

КУЛАКОВЪ. Слава Богу, что ты такъ хладнокровенъ!.. Это истинное для тебя счастіе!.. А случись-ка это со мною, да я и не знаю, что-бы я сдѣлалъ съ клеветникомъ... просто-бы отрѣзалъ языкъ!.. Тронуть честь моей жены!.. запятнать доброе имя!.. О, на этотъ счетъ у меня преглупый характеръ!.. Однакожъ, прощай... мнѣ пора... но я сію минуту вернусь!.. то-то мы пообѣдаемъ, то-то повеселимся!.. (*Беретъ за руку Чепыжникова, который стоитъ въ оцѣпѣненіи*) Прощай-же!.. (*Въ сторону*). Экъ я его озадачилъ!.. Вотъ тебѣ задатокъ, чтобъ не зачванился предъ нами! (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ X.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*одинъ, послѣ минутнаго молчанія*).

Что я слышалъ! Во снѣ это или на-яву?.. Любовь... моя жена... безчестіе на всю жизнь... Я уничтоженъ, убитъ!.. Нѣтъ,

это клевета! гнуснѣйшая клевета!.. Клевета?.. Но чтóжъ-бы иное заставило этого сквернаго старичишку отказать моей женѣ такую огромную сумму?.. Онъ намъ не былъ ни кумъ, ни сватъ... Я его почти въ глаза не зналъ... Такъ это правда!.. Боже мой!.. Голова кругомъ идетъ!.. И всѣ это узнаютъ!.. Будутъ указывать на меня пальцами, смѣяться, поддразнивать!.. Мнѣ теперь нельзя будетъ показать глазъ въ департаментъ!.. Ни отъ кого житья не будетъ... а ужъ въ особенности отъ журналиста!.. Этотъ еще нив ѣсть чтó прибавитъ!.. Ходь выходи въ отставку! Хоть ложись живой въ могилу!.. Пропала моя голова!.. Нѣтъ, надо все разъяснить!.. И если это ложь, такъ, право... во что-бы-то ни стало, отрѣжу языкъ клеветникамъ.. нѣтъ, Сергѣй Абрамычъ, я вѣдь то-же не рыба!.. затронь только меня, такъ я сдѣлаюсь свирѣпѣе тигра!.. А если правда!.. Чтó тогда?.. Разводъ! разводъ!. (*Ходитъ въ разстройствѣ по сценѣ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ, АВДОТЬЯ АНТОНОВНА.

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА (*входя*). Андрей Иванычъ, вы ужъ дома?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*стараясь казаться спокойнымъ*). Да-съ!.. (*Въ сторону*) Какая мысль!.. Эта болтушка знала Груздева... можетъ, была еще и повѣренною моей измѣнницы...

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. А гдѣ-жъ мой Сережа?.. Боже мой! чтó съ вами!.. Не глядите пожалуста такъ пристально на меня... мнѣ совѣстно!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*въ-сторону*). Нѣтъ, надо показать ей совершенно равнодушіе... (*Съ принужденной веселостью*). Слышали вы новости, Авдотья Антоновна?

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Чтó это? О вашемъ наслѣдствѣ?.. Какъ-же!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*въ-сторону*). Проклятое наслѣдство!.. (*Въ-слухъ*) Я знаю, что злые языки распускаютъ весьма-дурные слухи на мой счетъ и въ особенности на счетъ моей жены!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Охъ, ужъ эти злые языки!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Но я плюю на нихъ!.. Представьте себѣ, выдумали, будто-бы моя жена, какъ будто какая кокетка, строила куры... и кому вы думаете?.

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Вѣрно нашему хозяину, Звѣреву!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Что́!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. И вы имъ вѣрите?.. Полноте!.. злые люди что́ вѣдь еще говорятъ!.. Будто Звѣревъ постоянно бываетъ у васъ, по утрамъ, когда вы работаете въ должности, а вечеромъ, когда играете въ клубѣ въ лото или карты!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Когда я играю въ клубѣ!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Но это ужъ чистѣйшая клевета!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Позвольте .. одинъ разъ дѣйствительно я пришелъ какъ-то раньше домой изъ клуба... и дѣйствительно засталъ здѣсь хозяина!.. Они сидѣли вдвоемъ!..

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Такъ что́-жъ за бѣда!.. Вѣдь если придетъ гость, нельзя-же сказать ему безъ причины: подите, молъ, вонъ!.. Нѣтъ, Андрей Иванычъ!.. Машурочка ваша не такая женщина .. и если-бъ даже она и дозволяла себѣ иногда пококетничать... такъ это такъ, изъ шалости!.. Да разсудите сами... если-бъ эти разсказы были справедливы, сталъ-ли-бы Звѣревъ требовать съ васъ деньги за квартиру?.. Вѣдь вы ему должны только за три мѣсяца, а ужъ онъ осмѣлился вамъ какъ-то одинъ разъ напомнить!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*схвативъ одну куклу и оторвавъ ей руку бросаетъ на полъ*). Чортъ возьми!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Ну, вотъ, вы, кажется, и разсердились... Сдѣлайте милость, не подумайте, чтобъ я сказала съ умысломъ... Да гдѣ-жъ это мой Сережа?.. Мнѣ его нужно видѣть... не дома-ли онъ?.. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ, *потомъ* КУЛАКОВЪ.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Вотъ уже двое!.. Старикъ и молодой!.. Это вздоръ, Звѣревъ не запнулся спросить меня о деньгахъ, а я долженъ ему не за три, а за шесть мѣсяцевъ!.. Одинъ оставляетъ наслѣдство... другой не требуетъ денегъ за квартиру... ясно!.. И она рѣшилась... и это ей не стыдно!

№ 3.

Ну, полюбить еще мальчишку,
Положимъ, это страсть у дамъ,
А то влюбиться въ старичишку...
Да эго, просто, стыдъ и срамъ!
Для ней любовь, какъ видно, шутка,
А мужъ не больше какъ колпакъ!
Нѣтъ, милая моя Машутка,
Я это не оставлю такъ!
Въ насъ много смѣлости найдется,
Я гвалтъ здѣсь подниму такой,
Что мертвый въ гробѣ повернется
И ляжетъ въ гробъ у насъ живой!

кулаковъ (*вбѣгаетъ запыхавшись*). Ну, вотъ я и сбѣгалъ!.. (*Смотря на Чепыжникова.*) Андрей Иванычъ! что̀ это съ тобой! Ты такъ разстроенъ... такъ блѣденъ!..

чепыжниковъ. Ты находишь, что я блѣденъ?

кулаковъ. Блѣденъ, какъ мертвецъ!

чепыжниковъ (*въ-сторону*). Мертвецъ!.. о, ужъ этотъ мертвецъ!

кулаковъ. Давича ты былъ такъ веселъ; доволенъ... а теперь, на что̀ ты похожъ?..

чепыжниковъ (*про-себя*). Не даромъ-же она такъ плакала...

кулаковъ. Кто это? Марья Петровна?

чепыжниковъ. Это слезы очень-понятны... и я, я тоже плакалъ съ нею!

кулаковъ (*въ-сторону*). Что̀ это? неужели...

чепыжниковъ. Теперь у меня одно желаніе! О, какъ-бы я былъ счастливъ, если-бъ онъ всталъ живъ и невреднмъ!

кулаковъ. А! такъ ты знаешь!. Не безпокойся же, мой другъ, ему гораздо лучше!

чепыжниковъ. Онъ умеръ!

кулаковъ. На-противъ, живъ!

чепыжниковъ. Онъ умеръ! (*Въ-сторону*). Будь-ка онъ живъ, ужъ я отмстилъ-бы ему!

кулаковъ. Говорятъ тебѣ живъ!.. Правда, онъ цѣлый часъ лежалъ какъ мертвый, но слава Богу, его спасли!

чепыжниковъ. Что̀?

кулаковъ. Всему причиною былъ зубъ!

чепыжниковъ. Зубъ?.. Какой зубъ?

КУЛАКОВЪ. Глазной зубъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Глазной!.. да у кого?.. Неуже-ли у него?

КУЛАКОВЪ. Ну, да у ребенка!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. У ребенка!.. Такъ у него былъ и ребенокъ!

КУЛАКОВЪ. Совершенный амурчикъ!.. Я думалъ, что ты знаешь...

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Боже мой! могъ-ли я ожидать, чтобъ моя жена... эта кроткая женщина... Такъ это еще до моего брака!..

КУЛАКОВЪ. Какъ до брака?.. Ребенку еще съ небольшимъ годъ.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Такъ, стало послѣ брака... Это в о-время моего отсутствія, когда я былъ въ командировкѣ!

КУЛАКОВЪ. Какъ? Неужели ты думаешь?...

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Я не знаю самъ, что думаю; но послѣ того, что я слышалъ, что говорятъ...

КУЛАКОВЪ (*улыбаясь*). Полно, какъ тебѣ не стыдно всему вѣрить!.. Нѣтъ, ты очень ошибаешся на счетъ этого ребенка... я это хорошо знаю...

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Такъ чей-же онъ?

КУЛАКОВЪ (*въ-сторону*). Право, ужъ мнѣ становится его жаль .. (*Въ-слухъ.*) Чей онъ именно, этого я положительно не знаю.. но знаю только, что когда Марья Петровна просила меня сходить къ кормилицѣ, такъ она была въ большомъ безпокойствѣ и говорила о какомъ-то Михайлѣ Михайловичѣ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. О Михайлѣ Михайлычѣ! вотъ и третій!

КУЛАКОВЪ. И о Сеничкѣ...

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*про-себя*). И о Сеничкѣ! вотъ и четвертый!.. Груздевъ, Звѣревъ, Михайло Михайлычъ, Сеничка! цѣлыхъ четверо и я пятый!.. еще четверо и насъ будетъ девять! Девять! Тоже роковое число, которое заключается и въ дѣлежѣ наслѣдства!.. Такъ я чувствую, что дойдетъ до девяти!

КУЛАКОВЪ. Полно, мой другъ, надобно считать всегда на половину.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Половины тутъ не можетъ быть: четырехъ съ половиною человѣкъ не можетъ существовавь на свѣтѣ!

КУЛАКОВЪ. Ради Бога, успокойся!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Нѣтъ, уже поздно! Теперь кончено спокойствіе!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ-же и Матрена.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*съ силой*). Кто идетъ?

МАТРЕНА (*пробираясь къ проходной двери*). Это я!.. Но не безпокойтесь, я не къ вамъ...

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Куда ты идешь?

МАТРЕНА. Право, я не къ вамъ, Андрей Иванычъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Что́ ты тамъ прячешь? Письмо? записку?... Подай сюда!... подай, говорятъ тебѣ!... (*Вырываетъ у нея изъ рукъ письмо.*)

МАТРЕНА. Это письмо не къ вамъ, Андрей Иванычъ, а къ Марьѣ Петровнѣ...

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*Кулакову*). Я предчувствую, что это письмо отъ Михайлы Михайлыча!

КУЛАКОВЪ. А, можетъ-быть, и отъ Сенички!

МАТРЕНА (*Чепыжникову, который хочетъ распечатать письмо*). Воля ваша, Андрей Иванычъ, а распечатывать вамъ не слѣдуетъ... Мнѣ именно приказано, чтобъ вамъ не отдавать письма...

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Убирайся вонъ! (*Увидя, что Матрена идетъ къ боковой двери*). Не туда!... Прочь!... пошла въ кухню!

МАТРЕНА (*въ-сторону*). Да вѣдь и оттуда можно пройти къ барынѣ... Проведу-ка я его прямо къ ней... тамъ онъ скорѣе получитъ отвѣтъ.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Что́жъ ты не йдешь?... А?...

МАТРЕНА. Иду, иду!.. (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*разсматривая письмо.*) Звѣревъ!.. Это отъ Звѣрева.

КУЛАКОВЪ. Отъ нашего хозяина!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*читая.*) «Добрая Марья Петровна!... » Добрая! слышите!

КУЛАКОВЪ. Слишкомъ фамильярно!... Невѣжа!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Ну, ужъ заплачу-жъ я тебѣ, негодный волокита... только не за квартиру!.. Боже мой!... Сергѣй Абрамычъ! у меня начинается лихорадка!

КУЛАКОВЪ (*подавая ему стулъ.*) Сядь, мой другъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*садясь, читаетъ.*) «Я съ нетерпѣніемъ жду отъ

васъ новостей о нашемъ малюткѣ!...» Сергѣй Абрамычъ! мнѣ очень-тяжело...

кулаковъ. Читай, что́ дальше!

чепыжниковъ (*читаетъ.*) Увѣдомьте меня, что́ дѣлается съ моимъ сыномъ! .. (*Вскакивая*) И у него сынъ! еще мальчишка!

кулаковъ (*садясь на его мѣсто.*) Продолжай, пожалуста!... Это что-то интересное.

чепыжниковъ (*читаетъ.*) «Съ моимъ сыномъ... Дѣла мои измѣняются къ лучшему... скоро, быть-можетъ, назову я его смѣло этимъ именемъ предъ цѣлымъ свѣтомъ... скоро бракъ съ его матерью можетъ укрѣпить на-вѣки мое счастіе!»

кулаковъ. Стало, онъ женится на матери этого ребенка?

чепыжниковъ. На моей женѣ! .. вздоръ! Этого не позволятъ! этого быть не можетъ!

кулаковъ (*вставая со-стула.*) Конечно, не позволятъ!.. Никакъ не позволятъ!... Подай просьбу!...

чепыжниковъ (*падая на стулъ.*) Непремѣнно подамъ!... Самъ осрамлюсь, да ужъ и ихъ-же осрамлю!

кулаковъ (*нюхая табакъ.*) Только не ошибись отцомъ!... Мнѣ все что-то сдается, что это сынъ Груздева!

чепыжниковъ. Отъ-чего ты такъ думаешь?

кулаковъ. Отъ того, что эти сто тысячъ онъ не могъ вамъ даромъ оставить... онъ, вѣрно, хотѣлъ обезпечить ими участь своего сына!

чепыжниковъ. Сына!... Боже мой!... Какъ я желалъ всегда имѣть сына! А у меня, какъ на зло, все дочери!

кулаковъ. Ну, вотъ желаніе твое и исполнилось!

чепыжниковъ. Какъ, ты думаешь, что я его усыновлю?...

кулаковъ. Сохрани Боже!

№ 4.

чепыжниковъ.

А что́бъ ты сдѣлалъ за меня?

кулаковъ.

Я отказался-бъ отъ наслѣдства.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ.

Такъ точно поступлю и я!
Нѣтъ болѣе другаго средства!
Мнѣ эти деньги давятъ грудь,
Я обезчещенъ, уничтоженъ!

КУЛАКОВЪ.

Все это такъ, но не забудь,
Ты десять мнѣ цѣлковыхъ долженъ.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Не безпокойся, отдамъ! Хоть въ поденьщики пойду, да отдамъ!... Другъ мой, сослужи мнѣ службу... Видишь въ какомъ я положеніи... я боленъ... у меня лихорадка... можетъ-быть даже воспаленіе... я не могу сойти съ мѣста... съѣзди вмѣсто меня къ душеприкащику этого злодѣя... два шага отсюда... чрезъ пять домовъ... домъ Паукова... спроси тамъ коллежскаго ассесора Фонарина... скажи ему, что я отказываюсь отъ этого адскаго наслѣдства... скажи, что я его проклинаю!... (*Растрогиваясь*). Хоть я бѣднякъ, живу однимъ жалованьемъ... (*со-слезами*) но лучше соглашусь мостить мостовую, лучше рѣшусь сбрасывать снѣгъ съ крышъ, чѣмъ возму эти сто тысячъ...

КУЛАКОВЪ. Ну, полно, полно, полно!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*отирая слезы.*) Да какъ-же, вѣдь досадно, обидно, мой другъ!.. Сдѣлай милость, сходи-же!

КУЛАКОВЪ. Изволь, съ большимъ удовольствіемъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Не забудь, Фонаринъ!

КУЛАКОВЪ. Помню!.. Прощай-же до свиданія!... (*въ сторону.*) Ну, теперь мы опять поровняемся! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ *одинъ*, *потомъ* МАРЬЯ ПЕТРОВНА И ЗВѢРЕВЪ.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Прощай мое богатство! Прощай на-вѣки мое счастіе!.. Ужъ другаго наслѣдства мнѣ не дождаться!.. Года че-

рсъ два, три, дадутъ, можетъ-быть, наградишку, рублей сто серебромъ, а уже ста тысячь никогда и во снѣ не видать! Жестокая, злая женщина! Вѣроломная жена! Я-ли тебя не любилъ! Я-ли тебя не нѣжилъ! Отдавалъ тебѣ всегда половину жалованья на расходы, дарилъ тебѣ съ выигрышей десятый процентъ! А ты... ты, притворщица, за всѣ мои благодѣянія обманывала меня... Но надобно все кончить... (*Подходитъ къ боковой двери.*) Что это? Мужской голосъ! она не одна!.. (*Смотря въ замочную скважину*). Боже мой! Тамъ съ нею Звѣревъ!.. Они идутъ сюда!.. Что дѣлать!.. какъ-бы ихъ подслушать!.. Прекрасно! они отворятъ дверь и тогда... (*Прижимается къ стѣнѣ. Въ это время выходитъ изъ боковой двери Марья Петровна и Звѣревъ. Дверь эта должна отворяться на сцену, такъ, что когда они входятъ, то закрываютъ ей Чепыжникова, который, пропустя ихъ, незамѣтно входитъ въ боковую комнату, оставляя нѣсколько отворенною дверь и показываясь въ нея зрителямъ*).

ЗВѢРЕВЪ (*входя*). Да, Марья Петровна! Она говорила съ отцомъ и, кажется, онъ смягчается... Наконецъ, мы будемъ соединены на-вѣки!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*зо-двѣрью*). Онъ все еще не отстаетъ отъ своего намѣренія!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ахъ, какъ я буду рада, какъ я буду тогда счастлива!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*также*). Безстыдница!... И она еще радуется!

ЗВѢРЕВЪ. Да, я долго страдалъ!..

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*Также*). Посмотрю я, какъ ты женишься на моей женѣ!

ЗВѢРЕВЪ. Мнѣ оставалась одна надежда — ждать смерти этого жестокаго человѣка!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*также*). Злодѣй!.. неужели-бы ты осмѣлился!..

ЗВѢРЕВЪ. Теперь надо однако ковать желѣзо, пока горячо!.. Нельзя-ли вамъ сегодня вечеромъ освободиться отъ своего мужа!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*также*). Душегубецъ!

ЗВѢРЕВЪ. Тогда я вамъ скажу остальное!.. Прощайте! прощайте!.. (*Уходитъ*).

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*про-себя*). Какое счастіе, что онъ женится.

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*за дверью*). Какое счастіе, что я все слышалъ!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Надо однакожъ покуда сохранить это въ тайнѣ... особенно отъ Андрея Иваныча!

Чепыжниковъ (*также*). Я думаю!.. Но какъ-же она злодѣйка намѣрена освободиться отъ меня?

(*Входитъ въ комнату незамѣчаемый Марьей Петровной.*)

ЯВЛЕНІЕ XV.

Марья Петровна, Чепыжниковъ, Матрена.

Матрена (*входя, Марьѣ Петровнѣ*). Наконецъ, я доста́ла!

Марья Петровна. Что́?

Матрена. Мышьяку!

Чепыжниковъ (*въ-сторону*). Мышьяку!.... О, ужасъ!

Марья Петровна. Но въ чемъ-же ты его подсыпешь... Надобно или въ питьѣ, или въ какомъ-нибудь кушаньѣ.

Матрена. Да ужъ это мое дѣло!.. Только тронь, такъ и духъ вонъ!.. Ужъ я услужу Андрею Иванычу!

Чепыжниковъ (*падая на стулъ, гдѣ игрушки*). Ахъ!

Матрена. Что́ это?.. Андрей Иванычъ!.. Никакъ съ нимъ ударъ!

Марья Петровна. Боже мой!.. (*Третъ его руки*). Андрюша! Андрюша! что́ съ тобою... Бѣги за докторомъ!..

Матрена. Позвольте, Марья Петровна... Онъ открываетъ одинъ глазъ!

Чепыжниковъ. Я еще живъ!..

Матрена. Слава Богу! онъ очнулся!

Чепыжниковъ. На чемъ я сижу! Мнѣ неловко! (*Встаетъ*). На игрушкахъ! Я ихъ изломалъ! Чортъ съ ними!.. Они куплены на счетъ недобрыхъ денегъ!.. (*Беретъ въ руки полишинеля*).

Матрена. Вы слабы, Андрей Иванычъ! Позвольте я васъ поддержу!

Чепыжниковъ. Прочь!.. (*Расхаживаетъ большими шагами по комнатѣ, махая полишинелемъ*). Мщеніе вѣчное мщеніе!.. Она мнѣ невѣрна, такъ и я-же буду ей невѣренъ!.. У ней было четверо, а меня будетъ девять!.. Тьфу! все эти проклятые девять на умѣ! Не хочу девяти!.. это роковое число!.. Буду любить рѣшительно всѣхъ женщинъ!.. Мщеніе! вѣчное мщеніе!.. Она думала сдѣлать изъ меня такую-же куклу, какъ эта... да нѣтъ, я не таковскій!.. Ты сама кукла!.. (*Бросаетъ на полъ куклу.*) Вотъ тебѣ! я тебя также презираю, какъ этого паяца!..

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Боже мой! онъ въ какомъ-то помѣшательствѣ!

МАТРЕНА. Не тревожьтесь!... Ужъ если заговорилъ, такъ паралича не будетъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Давайте-жъ мнѣ женщинъ! Я хочу любить!.. А! вотъ Матрена!... Поди въ мои объятія!

МАТРЕНА (*подходя къ нему*). Что вамъ угодно, сударь?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Нѣтъ, прочь! Ты для меня отвратительна!.. Ты сообщница моихъ злодѣевъ!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Я боюсь, чтобъ онъ не помѣшалси!.. Бѣги скорѣй, принеси мнѣ воды!.. (*Матрена уходитъ въ среднюю дверь, а Марья Петровна въ боковую*).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА, ЧЕПЫЖНИКОВЪ.

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА (*входя съ тарелками*). Вотъ и тарелки!... (*Ставитъ ихъ на столъ.*)

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*про-себя*). А! Кулакова!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Кажется, мы скоро будемъ обѣдать.... Я видѣла въ кухнѣ окорокъ и слышала запахъ жаренаго гуся!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*также*). Жена друга!... Это мщеніе дѣйствительнѣе! ужаснѣе! вѣроломнѣе!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА (*отворяя окно*). А! вонъ несутъ кондитерскій пирогъ! Какой чудесный!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Госпожа Кулакова!... я имѣю сообщить вамъ важную тайну!... тайну моего сердца!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Что такое?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Евдокія!... я люблю тебя!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА (*смѣясь*). Ха, ха, ха!... Вотъ мило! Любовное объясненіе!... Да хоть-бы сказали понѣжнѣе, а то, право, на васъ и глядѣть-то страшно!... У васъ какіе-то необыкновенные глаза! Такъ и вертятся!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Нужды нѣтъ! Это отъ пламенной страсти!... Евдокія! ты должна меня поцѣловать!... Отвѣчай, согласна-ли ты?... Если не согласна, я сочту это не болѣе, какъ женской хитростью.... Если-жъ согласна, тогда....

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Но, Андрей Иванычъ!...

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Ты согласна! Я вижу это по твоей нерѣшительности!... Евдокія! Поди въ мои объятія!...

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА (*уклоняясь отъ него*). Вы съ ума сошли!...

ЯВЛЕНІЕ XVII.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА, ЧЕПЫЖНИКОВЪ, АВДОТЬЯ АНТОНОВНА, *потомъ* КУЛАКОВЪ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (*вбѣгая со стаканомъ воды и подавая его мужу*). Другъ мой, возьми, выпей!... Тутъ лимонныя капли!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Отъ-чего вода такъ мутна? Отъ-чего?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Отъ-того, что я подмѣшала туда сахару!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Сахару!

КУЛАКОВЪ (*вбѣгая*). Уфъ! какъ измучился!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Слава Богу, что ты пришелъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*жент*). И ты смѣешь еще смотрѣть мнѣ прямо въ глаза?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Но отъ-чего-же не смотрѣть?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Такъ это сахаръ, говоришь ты!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Да, мой другъ! Что-жъ можетъ быть другое?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Прочь!.. Я не хочу пить!

КУЛАКОВЪ (*взявъ стаканъ и выпивъ воду*). А я такъ очень-хочу!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Другъ! остановись!... Что ты сдѣлалъ! Ты погибъ!

КУЛАКОВЪ (*съ удивленіемъ*). Что? что такое?

(*Всѣ смотрятъ съ удивленіемъ на Чепыжникова.*)

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ТѢ-же и МАТРЕНА.

МАТРЕНА. Обѣдъ готовъ! Прикажите-ли накрывать на столъ?

КУЛАКОВЪ. Конечно, накрывать! Я до смерти хочу ѣсть!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Несчастный!... И ты еще осмѣлишься ѣсть!

КУЛАКОВЪ. Да отъ-чего-же не ѣсть?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Такъ ты еще не знаешь?

КУЛАКОВЪ. Что̀ такое?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Напейся молока! Напейся скорѣе молока!... Весь обѣдъ отравленъ! Отравленъ точно такъ-же, какъ отравлена и эта вода, которую ты сейчасъ выпилъ!

КУЛАКОВЪ (*съ испугомъ*). Отравленъ!...

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА (*съ ужасомъ*). Сережа!... Боже мой!... Неужели это правда!...

КУЛАКОВЪ. Но, нѣтъ, не можетъ быть!.. Онъ вретъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Я не хочу ѣсть!... Никогда не буду ѣсть! И да погибнетъ вся кухонная посуда!

(*Схватываетъ тарелки и бросаетъ ихъ за окно.*)

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Мои тарелки!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Боже мой! Что̀ съ нимъ сдѣлалось!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*женѣ*). А съ тобой... Съ тобой уничтожаю я всѣ связи, какъ уничтожаю эту палку!

(*Схватываетъ палку Кулакова, ломаетъ ее пополамъ, потомъ вырываетъ у него шляпу и бросаетъ ее за окно.*)

КУЛАКОВЪ. Моя палка! Моя шляпа!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*подходя къ Авдотьѣ Антоновнѣ*). Евдокія! я тебя люблю, ты меня любишь! Мы другъ-друга любимъ!

КУЛАКОВЪ. Они другъ-друга любятъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Убѣжимъ-же отъ этихъ злодѣевъ! Скроемся отъ нихъ на краю вселенной!...

КУЛАКОВЪ. Онъ хочетъ похитить мою жену!... Андрей Иванычъ! Приди въ себя!... Вспомни, что я твой другъ, я, Сергѣй Абрамычъ Кулаковъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Прочь! Я тебя не знаю и знать не хочу!

КУЛАКОВЪ. Какъ не знаешь? Не самъ-ли ты сію-минуту просилъ меня сходить къ Фонарину....

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Къ Фонарину!

КУЛАКОВЪ. Да! Я не засталъ его дома, и потому еще не успѣлъ отказаться за тебя отъ этого наслѣдства!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Какъ? Ты отазываешься отъ наслѣдства?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. И она еще смѣетъ говорить со мною о наслѣдствѣ!... (*Отталкивая Кулакова и подходя къ женѣ*) Позвольте спросить, здоровъ-ли вашъ Михайло Михайлычъ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Михайло Михайлычъ!... Что̀ это значитъ?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*въ-сторону*). Она смутилась!... (*Въ-слухъ*) А давно-ли вы видѣли Сеничку?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Сеничку?.. Какъ, развѣ ты знаешь?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Я ничего не знаю!... Но я долженъ, наконецъ, узнать!... Отвѣчайте, кому принадлежитъ ребенокъ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ребенокъ?... Неужели вы подозрѣваете?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Отвѣчайте, говорятъ вамъ!... Кому принадлежитъ ребенокъ?

ЯВЛЕНІЕ XIX.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА, ЗВѢРЕВЪ, ЧЕПЫЖНИКОВЪ, КУЛАКОВЪ, АВДОТЬЯ АНТОНОВНА, МАТРЕНА.

ЗВѢРЕВЪ (*входя*). Мнѣ!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Василій Семенычъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Ея сообщникъ!... (*Кулакову*) Другъ! услужи мнѣ! Нѣтъ-ли съ тобой кинжала, шпаги или ружья?... Матрена! бѣги за квартальнымъ!

ЗВѢРЕВЪ. Что это значитъ?... Вы такъ сердито на меня смотрите.... а, между-тѣмъ, я пришелъ вамъ сообщить радостную новость!... Я женюсь!...

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Другъ мой! поддержи меня!...

(*Падаетъ на руки Кулакова.*)

ЗВѢРЕВЪ. Я женюсь, наконецъ, на Евгеніи Михайловнѣ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. На Евгеніи Михайловнѣ!... Другъ мой, пусти меня!... Онъ женится на Евгеніи, а не на моей женѣ!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. На мнѣ?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Стало-быть, это не онъ!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Неужели ты ревновалъ меня къ Василью Семенычу!...

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. А! такъ это, вѣрно, Михайло Михайлычъ!

ЗВѢРЕВЪ. Кто это? мой будущій тесть?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Тесть!... въ-самомъ-дѣлѣ! Ну, такъ это Сеничка!

ЗВѢРЕВЪ. Мой сынъ! годовой ребенокъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Такъ, стало, его отецъ не моя жена?... То-есть, его мать не Груздевъ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Съ чего это пришло тебѣ въ голову?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Какъ съ чего?... Извѣстно, съ чего. Послѣ того, что я слышалъ....

ЗВѢРЕВЪ. Кстати.... я сейчасъ видѣлъ г. Фонарина.... онъ го-

ворилъ мнѣ, что вы скоро получите ваши сто тысячъ.... остается только найдти десятую наслѣдницу....

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Такъ насъ теперь десятеро!...

ЗВѢРЕВЪ. Какую-то дѣвицу Авдотью Червякову....

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Меня!

КУЛАКОВЪ. Мою жену!... Вѣдь это я женатъ на дѣвицѣ Авдотьѣ Антоновнѣ Червяковой! Вотъ она!

ЧЕПЫЖНИКОЪЪ. Неужели ты согласишься принять это наслѣдство?

КУЛАКОВЪ. Еще-бы не согласиться! Сто тысячъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Ахъ, ты предатель! А что ты мнѣ совѣтовалъ?

ЗВѢРЕВЪ. Г. Фонаринъ просилъ меня передать вамъ, Андрей Иванычъ, копію съ завѣщанія....

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Позвольте, это препитересно.... (*Взявъ отъ Звѣрева бумагу читаетъ*) Та... та... та... «Не имѣя у себя никакого родства, я заблагоразсудилъ оставить все мое состояніе добрымъ, чувствительнымъ дамамъ, которыя, считая меня бѣднякомъ, такъ усердно доставляли мнѣ всегда помощь и такъ много заботились обо мнѣ, въ-продолженіе моей болѣзни».... (*Говоритъ*) Прекрасно написано!

КУЛАКОВЪ. Чрезвычайно-трогательно!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ (*читаетъ*). «Между ними, въ особенности, я отличалъ добрую и умную Марью Петровну Чепыжникову...» (*Говоритъ*) Умную!... Прекрасно написано!... (*Читаетъ*) «которой въ знакъ моего уваженія и благодарности, оставляю сто тысячъ!...» (*Говоритъ*) Въ знакъ уваженія и благодарности! Почтенный, честный и благороднѣйшій старикъ!

No 5.

Друзья мои! не много въ свѣтѣ
Такихъ признательныхъ людей!
Старикъ! прими-же слезы эти
Въ знакъ благодарности моей!
Мнѣ-ль отъ наслѣдства отказаться?
Нѣтъ, нѣтъ, не такъ безчестенъ я!
Нѣтъ, чтобъ тебѣ повиноваться,
Беру сто тысячъ отъ тебя!

(*Во время этого куплета Кулаковъ старается вырвать у Чепыжникова бумагу.*)

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Да, мы его будемъ вѣчно помнить.

КУЛАКОВЪ. Сдѣлай милость, дай мнѣ посмотрѣть.... (*Взявъ у Чепыжникова бумагу разсматриваетъ ее*) Пунктъ 9-й.... это о Марьѣ Петровнѣ.... А! вотъ! Пунктъ 10-й.... (*Читаетъ*) «Бывшей дѣвицѣ Авдотьѣ Червяковой, (настоящей фамиліи ея не помню) оставляю на память ящичекъ изъ слоновой кости...»

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Глупецъ!...

КУЛАКОВЪ. Вѣрно, въ немъ есть деньги?

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. Какъ-же, жди!... Тамъ только его безпутные волосы!

КУЛАКОВЪ. Я отказываюсь отъ наслѣдства! Не хочу брать!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Вотъ тебѣ за то, чтобъ ты не распускалъ глупыя сплетни! Чуть съ ума меня не свелъ сегодня! Но я не злопамятенъ.... прощаю тебя!

КУЛАКОВЪ (*въ-сторону*). Какъ-же, важно мнѣ твое прощеніе!... (*Въ-слухъ*) А палка-то и шляпа?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Куплю новые!

АВДОТЬЯ АНТОНОВНА. А мои тарелки?

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Куплю цѣлыхъ двѣ дюжины!... Ну, друзья, теперь мы будемъ обѣдать.... Однако-жъ, Машута, къ-чему тебѣ принесла Матрена мышьякъ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Для мышей! Вѣдь ты самъ-же приказалъ!

ЧЕПЫЖНИКОВЪ. Ну, вотъ, поди ты! Вѣдь совсѣмъ изъ ума вонъ! А все виноватъ онъ! (*Показываетъ на Кулакова*). Машута! обними меня! Ты у меня не жена, а золото!...

No 6.

Сегодня напроказилъ много,
По милости наслѣдства, я:
Вѣдь эта глупая тревога
Чуть не свела съ ума меня!
Теперь бѣды всѣ миновались....
Но если-бъ удалося мнѣ,
Чтобъ надо мной вы посмѣялись,
Тогда-бъ я счастливъ былъ вполнѣ!

ЛЮБОВЬ И ПРИЛИЧІЕ.

ПОВѢСТЬ XIX-го СТОЛѢТІЯ.

I.

Былъ балъ. Я-бы могъ начать мою повѣсть блистательнымъ описаніемъ этого бала, но я предпочитаю сказать просто, что былъ балъ. Я имѣю на это весьма уважительную причину: въ Петербургѣ каждой годъ бываетъ гораздо менѣе баловъ, чѣмъ ихъ описаній. Итакъ....

Былъ балъ. На балу много танцовали и много говорили; много сгорѣло свѣчей и много было истоптано башмаковъ; много было цвѣтовъ и старухъ, эполетъ и сплетней, поддѣльныхъ кампей и натуральныхъ морщинъ. Балъ былъ похожъ на всѣ петербургскіе балы, которые я видѣлъ и которыхъ я не видалъ. Въ залѣ было жарко отъ тяжолыхъ вздоховъ, душно отъ любезностей кавалеровъ; выразительные взгляды до того нагрѣли комнату, что у молодыхъ людей шолковые платки очень-часто совершали путешествіе отъ кармана къ лицу, до того, что руки дамъ устали отъ частаго движенія вѣеромъ, до того даже, что два военные разстегнули крючки мундира, хотя генералъ черезъ одну комнату отъ залы игралъ въ преферансъ.

Я не буду вамъ описывать характера моихъ героевъ и героинь: вы ихъ узнаете сами. Начну прямо тѣмъ, что выведу ихъ самихъ на сцену.

Хозяйка дома (прошу прощенія у нашихъ петербургскихъ Француженокъ за это неблагозвучное слово) была графиня Венцеславская, молоденькая, хорошенькая дама съ голубыми глазками и неопредѣленнаго цвѣта волосами, которые, по словамъ ея недоброжелателей, по утрамъ имѣли какой-то блестящій отливъ, но этотъ вечеръ были восхитительно каштанового цвѣта. Платье на ней было бѣлое, газовое, летучее, съ широкой уборкой изъ блондъ; вкругъ таліи обвивался голубой шолковый шнурокъ, перевитый серебромъ, который ничего не стягивалъ и не завязывалъ, и концы котораго живописно спускались одинъ ниже другаго. На головѣ ея была небольшая наколка изъ темнаго бархата, и отъ нея на правую сторону шли три небольшія пера какой-то райской птицы, изогнувшись полукругомъ, качаясь и переливаясь. Въ рукѣ ея, по-видимому, сросшейся съ перчаткой, былъ прекрасный букетъ изъ бѣлыхъ розъ и незабудокъ.

Графиня сидѣла окруженная толпою молодыхъ женщинъ, по-временамъ бросая по сторонамъ улыбки и полуфразы, взгляды и жесты. Къ ней поминутно являлись кавалеры съ низкими поклонами и начинали свое неизмѣнное Permettez de vous... Но она никому не давала оканчивать, и съ легкимъ наклоненіемъ головы говорила. «На 7-мую, на 8-мую, на 9-тую» и т. д. Наконецъ, когда вся эта толпа разсѣялась, робко и неловко приблизился къ ней юнкеръ какого-то кавалерійскаго полка, который уже съ полчаса выжидалъ, когда удалятся другіе искатели, чтобы одному подойти къ ней. Покраснѣвши до ушей, онъ наклонилъ передъ нею голову, началъ тихимъ голосомъ: «Permettez de vous»... и вдругъ смѣшался, увидя подходящаго къ ней мужчину средняго роста, недурной наружности, съ небольшой брилліантовой булавкой на груди.

Графиня полушуточнымъ тономъ отвѣчала юнкеру: «Ахъ, м-г Лунинъ! Мнѣ право совѣстно, но вы, господа, рѣшительно заставляете меня покинуть моихъ *добрыхъ друзей* и забыть обязанности хозяйки. Развѣ вы думаете, что мои *милыя гостьи* не будутъ сердиться на меня, за то, что я не пропустила ни одной кадрили и совсѣмъ не занимаюсь ими?.. »

Необходимо замѣтить, что графиня при словахъ *добрые друзья* и *милыя гостьи* обратилась къ сидящимъ около нея старухамъ въ огромныхъ тюрбанахъ и цвѣтныхъ платьяхъ, и что эти *до-*

брые друзья и *милыя гостьи* премило улыбнулась на послѣднія слова Графини.

Юнкеръ не нашелся, что́ отвѣчать, и только бормоталъ: «Помилуйте!... конечно!» Графиня продолжала, бросивъ разсѣянный взглядъ въ одинъ изъ угловъ залы.

— Мнѣ даже непріятно, что я, хозяйка дома, вдова и немолодая женщина... (при этихъ словахъ графиня очень-мило улыбнулась, а юнкеръ еще болѣе расшаркался.) танцую каждую минуту, тогда, какъ многія изъ гостей монхъ, и молодыя дѣвицы, сидятъ неангажированныя... Я знаю, что вы любите танцовать, и никогда не откажете въ просьбѣ дамы, и потому прошу васъ ангажировать M-lle Ястребцову, а потомъ, если вы не соскучитесь дожидаться, то я съ удовольствіемъ принимаю ваше предложеніе на 10-тую кадриль.

И она еще разъ улыбнулась и сдѣлала легкой знакъ головою, который значилъ: теперь вы можете удалиться и ангажировать M-lle Ястребцову. Юнкеръ съ опечаленнымъ видомъ сдѣлалъ налѣво-кругомъ и отправился къ M-lle Ястребцовой, которая во все время разговора съ графиней пожирала его издали глазами, догадавшись, что дѣло идетъ объ ней, по тому особенному чутью, которое весьма-неделикатно называютъ «собачьимъ» и которое я предлагаю назвать скорѣе *дѣвичьимъ*, потому-что посредствомъ этого чутья собака не такъ легко отыскиваетъ дичь, какъ дѣвица жениха. Видя, что юнкеръ отправляется къ ней, M-lle Ястребцова вдругъ повернула голову въ противную сторону такъ скоро, что серьги ея закачались ускореннымъ движеніемъ и жиденькіе худые локоны запрыгали на щекѣ.

Юнкеръ подошелъ къ ней, раскланялся и началъ: Mademoiselle, permettez de vous... И на этотъ разъ онъ имѣлъ время окончить свою фразу, потому что M-lle Ястребцова, повернувшись къ нему съ видомъ удивленія и нерѣшительности, казалось, съ наслажденіемъ вслушивалась въ каждый звукъ этой утѣшительной фразы, которую ей не слишкомъ часто удавалось слышать.

Mademoiselle Ястребцова.. но къ чему намъ Французское слово, когда у насъ есть наше собственное русское, гораздо-выразительнѣйшее? Французы, для означенія существа женскаго пола, извѣстныхъ лѣтъ, до завѣтнаго времени замужства, имѣютъ одно только слово demoiselle. У нихъ есть демуазели отъ 15-ти до 50 лѣтъ включительно, тогда, какъ у насъ для этой-же самой цѣли (и послѣ того не вѣрьте въ богатство русскаго языка!), у насъ есть четыре слова, имѣющія глубокое различное значеніе и ни-

сколько не синонимы, хотя и происходящіе отъ одного корня. Для незнающихъ русскаго языка я истолкую ихъ значеніе, тѣмъ болѣе, что слова эти не вошли въ знаменитый Словарь русскихъ синонимовъ, когда-то издавшійся въ Петербургѣ—и дошедшій, кажется, даже до буквы А,—въ которомъ издатели обѣщали доказать какъ 2×2-4, что конь и лошадь не одно и тоже, что конь не лошадь, а лошадь не конь, и что конь самъ по себѣ, а лошадь сама по себѣ. Эти многозначущія слова суть: *дѣвочка*, *дѣвушка*, *дѣвица*, *дѣва*.

Существо женскаго пола, въ ребяческомъ возрастѣ отличающееся отъ мальчика — кромѣ существеннаго различія — платьемъ и охотой наряжаться, на десятомъ году дѣлается *дѣвочкой*. Тутъ она стыдится играть въ куклы и кататься по полу со своимъ маленькомъ братомъ, но начинаетъ проситься изъ дѣтской въ залу, когда у маменьки бываютъ гости; начинаетъ читать книжки съ картинками, и не плачетъ больше, когда нянька захочетъ умыть ее. Она ужъ боится разорвать или замарать свое платье, не ѣстъ каждую минуту, и когда ей позволяютъ быть въ гостиной, то не бѣгаетъ по комнатѣ, а смирно стоитъ возлѣ маменьки, пристально смотря на гостя и слушая разсказы его съ разинутымъ ртомъ. Четырнадцати лѣтъ *дѣвочка* дѣлается *дѣвушкой*, и продолжаетъ носить это прекрасное названіе лѣтъ до двадцати-пяти. Тогда-то, видя, съ какимъ смиреніемъ она потупляетъ глазки, и какъ краснѣетъ при разговорѣ съ вами, вы восклицаете: «Какая хорошенькая дѣвушка»! или «Какая умненькая дѣвушка»! или, если это ни то, ни другое, то: «Какая *добрая* дѣвушка»! Этотъ видъ женщины описывать нечего: всѣ его знаютъ, всѣ встрѣчаютъ его на каждомъ шагу; онъ разнообразенъ до чрезвычайности; но съ другой стороны, сказавъ только одно слово «*дѣвушка*», вы тотчасъ объясните весь характеръ этого существа, человѣку, понимающему дѣло. Одно изъ самыхъ многочисленныхъ отраслей этого вида носитъ названіе *барышни*, которую такъ прекрасно описалъ Веревкинъ въ своемъ предсмертномъ сочиненіи. Оно не понравилось *петербургскимъ барышнямъ*, и именно только потому, что онѣ *барышни*, а не дѣвушки. Дѣвушка рѣдко думаетъ о мужѣ: она мечтаетъ о юношѣ съ пламеннымъ сердцемъ и растрепанными волосами; прозаическія заботы объ отысканіи супруга, человѣка виднаго и солиднаго, принадлежатъ третьему виду женщинъ—*дѣвицамъ*, виду также, къ-несчастію, многочисленному и заключающему періодъ времени отъ двадцати пяти лѣтъ до сорока включительно (потому-что *дѣвица*

39-ти лѣтъ, 11 мѣсяцевъ и 30 дней имѣетъ въ глазахъ мужчинъ необъятное преимущество передъ сорока-лѣтней *дѣвой*: здѣсь одно круглое число приводитъ въ неописанный ужасъ) Если вы освѣдомляетесь о женщинѣ сомнительныхъ лѣтъ, одѣтой съ изысканностью и даже роскошью, и которая очень-ласково улыбалась вамъ, говоря съ вами въ первый разъ,—то вы непремѣнно получите въ отвѣтъ: Это *дѣвица* такая-то. Слово *дѣвица* соединяетъ съ собою всегда извѣстное количество дохода, который отъ васъ зависитъ сдѣлать приданымъ. *Дѣвица* бываетъ всегда весела и остроумна, потому-что задумчивость и наивность привлекательны только въ *дѣвушкѣ*. *Дѣвица*, по большой части, или пѣвица, или музыкантша, но непремѣнно какая-нибудь артистка; она говоритъ о своемъ домѣ и о своихъ лошадяхъ, о пріятностяхъ семейной жизни, о домашнихъ добродѣтеляхъ, о нелюбви къ танцамъ и обществу; дѣвица куритъ пахитосы, разсуждаетъ о собакахъ, скачкахъ, охотѣ, пьетъ за столомъ рюмку вина и не танцуетъ галлопада; дѣвица разсматриваетъ покрой жилета и фрака; знаетъ нѣсколько скандалезныхъ исторій, читаетъ романы Сулье и Сю, и тридцать-девятый годъ ея тянется, по-крайней-мѣрѣ, лѣтъ шесть. Не успѣвши въ своихъ наѣздахъ на холостыхъ мужчинъ поймать себѣ пиодного супруга, она съ горестью отказывается отъ правъ своихъ на дѣвицу и дѣлается *дѣвою*. *Дѣва* ненавидитъ равно и мужчинъ и женщинъ, холостыхъ и женатыхъ; она сплетничаетъ, сѣетъ вездѣ раздоры, и ссоритъ между собою искреннихъ друзей и подругъ; *дѣва* колетъ всѣхъ и каждаго пасмѣшками, нюхаетъ табакъ и носитъ чепчикъ,—это настоящая язва общества, для которой при входѣ въ залы надо устроить карантины, иначе она зачумитъ всѣхъ до одного; *дѣва*—это ходячее зло, воплощенная клевета, сплетни въ лицахъ, бичъ человѣчества, разбойникъ въ юбкѣ. Жаль, что пиодно правительство не употребитъ *дѣвъ* на службу общества: *дѣвы* были-бы прекрасными тюремщиками, отличными шпіонами, неумолимыми судьями.... *Дѣву* слуги зовутъ *барыней*, и она, по выраженію одного изъ нашихъ водевилистовъ:

Ходитъ каждый день къ обѣднѣ,
Бьетъ людей своихъ въ передней,
Изъ за гроша рада драться,
За сто верстъ идетъ спасаться.

И наши поэты послѣ этого воспѣваютъ *дѣвъ!!*... Если-бъ они

могли подозрѣвать, что̀ это за существо, къ которому они взываютъ:

Она! она! о, радость-*дѣва!*

или

О, *дѣва*! рай души моей!

или

Гдѣ ты, мой другъ! ты, ангелъ *дѣва*!

то со страхомъ бросили-бы свои перья, и сдѣлались-бы бѣлы отъ ужаса, какъ ихъ бумага до начатія поэтическихъ припадковъ. Я самъ теперь дрожу, при мысли, чтобы какая-нибудь *дѣва* не отмстила мнѣ жестоко, за насмѣшки надъ подругами ея злополучія.

II

Но между тѣмъ, какъ *дѣвица* Ястребцова, умильно улыбаясь, отвѣчала ласково на приглашеніе юнкера, и старалась завести съ нимъ разговоръ, Графиня Вѣнцеславская, опустившись въ кресла, потупила глазки и въ задумчивости начала перебирать свои кисти, не замѣчая, что мужчина съ брильянтовой булавкой, такъ смутившій Лунина въ началѣ его рѣчи, стоялъ передъ нею и пристально смотрѣлъ на нее съ полу-насмѣшливой улыбкой. Видя, что она не поднимаетъ на него глазъ, онъ слегка нагнулся къ ней и сказалъ, твердымъ и звучнымъ голосомъ, въ которомъ проглядывала иронія:

— Графиня! мнѣ кажется, что ужъ вамъ пора удивиться, увидѣвъ меня! Я такъ давно стою передъ вами!

Задумчивость графини была непритворная, потому-то она не вздрогнула, услышавъ этотъ голосъ и отвѣчала, однако съ примѣтнымъ смущеніемъ:

— Развѣ я не имѣю причины удивляться, видя передъ собою человѣка, который получилъ названіе ненавистника женщинъ?

— И который, хотите вы сказать, притворяется для того, чтобы казаться интереснымъ?

— Отъ-чего-же? Если есть женщины, которые терпѣть не могутъ мужчинъ, почему-же не быть мужчинамъ, которые ненавидятъ женщинъ?

— Съ тою только разницею, что женщина, которая терпѣть не можетъ мужчинъ, не любила еще ни одного изъ нихъ, а мужчина, который ненавидитъ женщинъ, любилъ уже многихъ.

Графиня бросила на него взглядъ, казалось, хотѣвшій сказать: Какъ? такъ и вы любили кого-нибудь? Но подумала, что было-бы не у мѣста начинать на балѣ разговоръ о чувствахъ, который, по всей вѣроятности, продолжился-бы съ часъ, тогда-какъ съ-минуты-на-минуту могли раздаться звуки кадрили. Потому-то она, чтобы не дать и своему кавалеру отпустить какую-нибудь сентиментальную фразу, сказала, перемѣнивъ разговоръ:

— Вы, вѣрно, не съ тѣмъ, Мг Вельскій, подошли ко мнѣ, чтобы ангажировать меня на кадриль?...

— Уничиженіе паче гордости, графиня!...

— Но вы почти никогда не танцуете.

— *Почти!*

— Я всего видѣла раза три, какъ вы танцовали.

— Не потрудитесь-ли вы припомнить, съ кѣмъ именно?

— Навѣрно не знаю.... кажется, со мною!

— Только два раза, графиня! Третій разъ вы заставили меня танцовать съ дѣвицею Ястребцовой. Я рѣшился на это только для васъ.

— Для другаго раза у васъ, вѣроятно, не станетъ столько твердости?

— Вы правы, графиня! Я не рѣшусь болѣе терзать сердца дѣвицы Ястребцовой, которая въ каждомъ своемъ кавалерѣ видитъ жениха, и если онъ покидаетъ ее послѣ кадрили, то считаетъ себя вдовою.

— Вы не самолюбивы!

— А она не прихотлива.

— Но вы меня не ангажируете?

— Боюсь отказа, графиня! Я слышалъ, какъ вы бѣдняка Лунина отправили въ резервный 10-й кадриль. Мнѣ, вѣрно, не дождаться одиннадцатаго!»

— Но развѣ вы не знаете, что у насъ существуетъ въ этомъ случаѣ тактика особаго рода. Людей, нисколько насъ неинтересу-

ющихъ, мы отсылаемъ въ отдаленныя кадрили, а тѣмъ, которые умѣютъ занять насъ, оставляемъ первыя.

— Вы хотите этимъ сказать, графиня....

— Что на эту четвертую кадриль я не ангажирована и танцую съ вами, сказала она, вставая съ мѣста и оправляя складки своего платья, потому-что въ это время раздались первые такты кадриля. Прежде чѣмъ оставить свое мѣсто, она кинула однако въ тотъ-же самый уголъ комнаты, куда и прежде посылала взоры, новый, по-видимому, разсѣянный взглядъ, но въ которомъ опытный наблюдатель подсмотрѣлъ-бы родъ досады, смѣшанной съ сожалѣніемъ.

Вельскій отправился искать vis-a-vis и привелъ Лунина съ его дамой, которая, улыбаясь, старалась выказывать только верхній рядъ зубовъ, бывшій у нея еще въ порядочномъ состояніи.

— Гдѣ вамъ угодно стать графиня?

— Здѣсь! отвѣчала она, выбирая мѣсто откуда могла-бы удобнѣе видѣть свой уголъ.

Вельскій очень хорошо замѣтилъ взглядъ графини, и понялъ выборъ мѣста, но, какъ опытный человѣкъ, не сказалъ ни слова и сталъ въ кадриль съ твердымъ намѣреніемъ разсмотрѣть, что заключается въ этомъ занимательномъ углу. Во-время первой фигуры онъ быстрымъ взглядомъ окинулъ этотъ уголъ. Онъ занятъ былъ какимъ-то старикомъ со звѣздой, дремавшимъ подъ звуки музыки, двумя пожилыми дамами, поминутно шептавшимися на ухо и двумя молодыми людьми. На нихъ-то Вельскій и сосредоточилъ все свое вниманіе.

Одинъ изъ нихъ почти сидѣлъ на окнѣ, живописно скрестивъ руки на груди; онъ былъ не хорошъ собою: большіе глаза на выкатѣ, которымъ онъ старался придать гордое выраженіе, длинный, острый носъ, огромный ротъ, и въ добавокъ ко всему, какая-то желтоватая блѣдность, придавали лицу его непріятное выраженіе. Волосы его были длинны и черны, и онъ, часто поправляя ихъ рукою, открывалъ этимъ движеніемъ широкій, лоснящійся лобъ. На немъ былъ черный фракъ, не совсѣмъ послѣдняго покроя; сверхъ того дурно-повязанный галстукъ, пестрый жилетъ безъ всякаго вкуса и толстыя красныя руки обличали въ немъ человѣка, непринадлежащаго къ числу львовъ и аристократовъ.

Другой, немного поодаль, закинувъ лѣвую руку за спину, а правую опустивъ за жилетъ, выставивъ правую ногу впередъ, покачивался въ этой наполеоновской позиціи и презрительно по-

глядывалъ на танцующихъ. Одѣтъ онъ былъ съ бо́льшимъ вкусомъ, нежели первый, и лицо его, безжизненное, но румяное и здоровое, съ живыми, сѣроватыми глазами, немного подходящими къ голубымъ, имѣло довольно-пріятное выраженіе. Его портили немного его толстый, широкій носъ и волосы, обстриженные à la malcontent.

Сдѣлавъ бѣглый обзоръ этихъ двухъ лицъ, Вельскій подумалъ,— которому-же изъ двухъ посылались эти взгляды? Они, конечно, не могутъ адресоваться ни къ этому старику, у котораго звѣзда больше лысины, ни къ этимъ двумъ красавицамъ, которыя теперь ругаютъ весь свѣтъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, когда имъ можно будетъ, разойдясь, обругать другъ друга. Кто эти Байроны, такъ гордо смотрящіе на насъ? Они въ первый разъ въ домѣ у графини, и оба не очень-интересны, но.....

И онъ, чтобъ разрѣшить вопросъ, обратясь къ графинѣ, началъ съ нею разговоръ совсѣмъ о другомъ предметѣ.

— Вы мнѣ сказали недавно, графиня, что оставляете нѣсколько кардилей для тѣхъ, которые имѣютъ особенную привиллегію забавлять васъ; но если тѣ, которымъ вы ихъ назначаете въ душѣ своей, не явятся чтобы ангажировать васъ?... Вы извините меня... но вѣдь это можетъ случиться, и тогда....

— Очень можетъ, прервала графиня. Тогда я, просто, отдыхаю, или танцую съ тѣмъ, кто меня ангажируетъ. Другіе, помня свою очередь, и не безпокоятся о томъ, съ кѣмъ я танцую. Вслѣдствіе этого распоряженія, у меня теперь, на-примѣръ, кромѣ этой, есть въ запасѣ еще кадриль для избранныхъ.

Вельскій отвѣчалъ: — Это очень-умно придумано,— и посмотрѣвъ въ уголъ. подумалъ: — Ихъ тамъ ровно двое! Ясно, что я выбранъ, потому-что они не вздумали ее ангажировать. — Между второй и третьей фигурой онъ, не приступая къ предмету, болѣе всего его интересовавшему, смѣялся надъ Лупинымъ и надъ Ястребцовой.

— Я вѣрю, говорилъ онъ, что между фамиліею и свойствами человѣка есть какое-то таинственное отношеніе, какая-то невидимая связь. Возьмите, всѣ купцы наши непремѣнно или Ситниковъ, или Аршинниковъ, или Хлѣбниковъ; всѣ взяточники — или Лисицынъ, или Крюковъ, или Обдулинъ; всѣ ремесленники или Сапожниковъ, или Шиловъ, или Каретниковъ. Въ именахъ еще болѣе этой мистической связи. Имена Ивана, Филата, Ѳедоры заклеймены постыднымъ прозваніемъ. Я бѣгаю отъ Рапсъ,

Евлалій и Меланій и ни за какія блага не женюсь на Матренѣ. Моя дама vis-à-vis еще лучше доказываетъ мою теорію. Ее зовутъ Павлой, а очевидно, что для всякой Павлы нуженъ Павелъ, какъ для Ѳедоры—Ѳедоръ, для Александры—Александръ и т. д.: это означаетъ страсть къ супружеству, а съ ея выпуклыми глазами, крючковатымъ носомъ и длинными согнутыми пальцами она такъ *ястребомъ* и высматриваетъ на какого-бъ жениха поплотнѣе ей кинуться. — Кавалеръ ея, Лунинъ, не похожъ-ли на луну, въ примѣненіи извѣстныхъ стиховъ Пушкина:

Какъ эта глупая луна
На этомъ глупомъ небосклонѣ?

— Какое-же тайное значеніе открываете вы въ моей фамиліи? спросила, улыбаясь, графиня.

— Никакого! Есть фамиліи темныя, какъ сердце женщины или, если вамъ угодно взять сравненіе еще старѣе, какъ глубина морская.

— Изъ нея можно заключить только одно, продолжалъ онъ какимъ-то серьёзнымъ тономъ, который принималъ очень-рѣдко: что вы будете *вѣнцомъ и славой* того человѣка, котораго полюбите....

— Извините, если я изъ вашей фамиліи не могу сдѣлать вамъ подобнаго комплимента.

— И не нужно, графиня! Моя фамилія ничего не означаетъ, никто ею не будетъ гордиться: она глупа, какъ эпитафія, и умретъ вмѣстѣ со мною.

Графиня во второй разъ посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

Между третьей и четвертой фигурой, онъ сказалъ ей:— Кругъ вашего знакомства дѣлается все больше и больше. Всякій четвергъ я встрѣчаю у васъ новыя лица. Вотъ и теперь, въ этомъ углу, кто эти два молодые человѣка? Я никогда не видалъ ихъ у васъ. Въ особенности интересенъ этотъ растрепанный юноша, который такъ пристально смотритъ на кисти вашего платья.

Легкая краска покрыла щеки графини, и она сказала съ примѣтнымъ неудовольствіемъ: — Этотъ молодой человѣкъ, вѣроятно, болѣе васъ принесъ пользы отечеству: это Сонинъ, нашъ лучшій поэтъ по смерти Пушкина. Его сегодня только мнѣ представили, и признаюсь, мнѣ странно видѣть, что вы смѣетесь надъ человѣкомъ, котораго совсѣмъ не знаете и который, на-противъ, заслуживаетъ уваженіе.

Вельскій поклонился съ насмѣшливой улыбкой. — Извините, я не зналъ, что вы занимаетесь русскою поэзіею. Я хотя не охотникъ до поэзіи вообще, однако отдаю полную справедливость таланту г-на Сонина: онъ человѣкъ съ дарованіемъ. Все-таки это не мѣшаетъ мнѣ видѣть, что онъ наружностью не Аполлонъ Бельведерскій, и что его галстукъ могъ-бы быть немного получше повязанъ.

Графиня не отвѣчала ни слова и смотрѣла въ-сторону, играя своимъ букетомъ. Вельской, послѣ минутнаго молчанія, продолжалъ:

— Вѣрно и сосѣдъ его также принадлежитъ къ поклонникамъ музъ: онъ съ такимъ мефистофилевскимъ выраженіемъ смотритъ на насъ бѣдныхъ танцующихъ, что того и гляди мы всѣ за это преступленіе попадемъ въ какой-нибудь новый адъ новаго Данта.

Графиня покраснѣла еще больше и отвѣчала ужъ съ досадой.

— Ваши остроумныя нападки совершенно неумѣстны и насмѣшливость ваша совсѣмъ не дальновидна. Это г-нъ Касовскій, и вы, вѣроятно, слышали о его талантѣ, хотя не знаете ни одной ноты въ музыкѣ.

— Поэтъ! музыкантъ!... Боже мой! да ваша зала сдѣлалась сегодня настоящимъ храмомъ искусствъ. Какъ-же вы насъ, профановъ, допустили въ это святилище? Нѣтъ-ли у васъ здѣсь еще живописцевъ, скульпторовъ, пѣвцовъ? А я еще смѣлъ удивляться, что они не танцуютъ! Геніямъ-ли вырабатывать ногами! Это удѣлъ насъ грѣшныхъ, которые только въ училищахъ поописывали стишки *къ ней* и играли правой рукой: «Ѣхалъ козакъ за Дунай». Скажите, графиня, не будетъ-ли у васъ музыкально-литературнаго вечера? Разрѣшите и мнѣ на немъ присутствовать. Мнѣ очень хочется вблизи посмотрѣть на геніевъ, тѣмъ болѣе, что никогда не удавалось встрѣчать ихъ. Если у васъ будутъ только знатоки, то позвольте мнѣ хоть услуживать геніямъ. Я, пожалуй, буду одному переворачивать ноты, а другому отирать потъ съ лица, когда онъ будетъ декламировать. Извините, пожалуста, но я, право, - перемѣшалъ.... Потрудитесь сказать мнѣ: который изъ нихъ поетъ, а который играетъ?...

— Вы хорошо сдѣлали, что опять вошли въ вашу роль Чацкаго, сказала графиня сухо и съ видимымъ желаніемъ кольнуть его: я чуть-чуть-было не ошиблась въ васъ и не повѣрила, что вы можете иногда говорить отъ сердца и отъ искренняго чувства. Нѣсколько минутъ тому назадъ, вы два раза сказали мнѣ

такія сантиментальныя фразы, что, право, я подумала, будто вы можете даже чувствовать, а не только смѣяться.

— Во-первыхъ, графиня, позвольте мнѣ не принять названія Чацкаго, которое вы мнѣ такъ милостиво пожаловали. Чацкому было горе отъ ума, — со мной этого не можетъ случиться. Чацкій былъ влюбленъ въ глупую московскую барышню, я не влюблюсь въ «петербургскую», хотя-бы она была геній въ какомъ-нибудь искусствѣ. Я смѣюсь отъ чистаго сердца, зная, что и надо мной также смѣются.... это общая участь! Во-вторыхъ, я точно прошу у васъ извиненія въ двухъ безтолковыхъ фразахъ, вырвавшихся у меня не изъ сердца, а.... извините, графиня.... а изъ головы, которая у меня сегодня болитъ цѣлый вечеръ.

И онъ откланялся графинѣ, потому-что въ эту минуту кончилась кадриль. Отвѣчая на поклонъ его едва-замѣтнымъ движеніемъ головы, она, какъ-будто для того, чтобы показать явное презрѣніе къ словамъ его, пошла къ завѣтному углу. Вельскій усѣлся въ креслахъ съ противоположной стороны. Она начала говорить съ обоими.

— Который-же изъ двухъ? подумалъ онъ.

II.

Оба генія, видя, что графиня къ нимъ приближается, приняли разныя позы, чтобы эффектнѣе встрѣтить ее. Поэтъ опустилъ совершенно на грудь свою курчавую голову, и въ глубокой задумчивости разсматривалъ узоры на своемъ жилетѣ. Музыкантъ, поправивъ галстукъ, поднялъ голову къ верху и устремилъ свои взоры на лѣпную работу карниза, стараясь какъ-можно болѣе закатить глаза подъ лобъ. Разумѣется, что въ такомъ неловкомъ положеніи они не видали, какъ передъ ними остановилась графиня. Взглядъ, брошенный ею сперва на одного, а потомъ на другаго, имѣлъ равное выраженіе и, казалось, говорилъ: «Вы оба равно дороги моему сердцу». Промолчавъ съ секунду, она начала разговоръ тихимъ и нѣжнымъ голосомъ, и при первыхъ словахъ ея, геніи вздрогнули, какъ-будто пораженные нечаянностью, и раскланялись съ видомъ замѣшательства.

— Видя, что вы, Messieurs, не раздѣляете нашихъ удовольствій, начала она: — я-бы должна была обратиться къ вамъ съ

обыкновенною, истертою фразой: «Вы, вѣрно, у меня скучаете!» Но вы, какъ кажется, умѣли и среди нашего бальнаго міра создать себѣ особый міръ, въ которомъ погружены душею, и, вѣрно, не обращаете ни малѣйшаго вниманія на прозаическія лица, васъ окружающія.

— Если вы хотите этимъ намекнуть, графиня, на нашу непростительную разсѣянность, на невниманіе къ обществу, то вы совершенно въ правѣ сдѣлать намъ упрекъ.

Это говорилъ музыкантъ, улыбаясь и закладывая правую руку за жилетъ.

— Вы должны, однакожъ, нѣсколько извинить насъ, графиня. Мы люди не свѣтскіе, не можемъ находить удовольствія въ вихрѣ баловъ, и только изъ желанія быть вамъ представленными рѣшились явиться въ блестящемъ кругу, гдѣ мы, конечно, играемъ смѣшную роль.

Это говорилъ поэтъ, улыбаясь и закладывая лѣвую руку за спину.

— Вы-бъ приняли за комплименты, если-бы я вамъ сказала, что балъ мой украсился вами. Но для меня онъ имѣетъ сегодня двойную цѣну: онъ доставилъ мнѣ удовольствіе узнать людей, о которыхъ говоритъ весь свѣтъ и которыми гордится Россія.

Это говорила графиня, улыбаясь и поправляя правою рукой брошку на груди, нетребовавшую рѣшительно никакой поправки.

Разговоръ продолжался въ томъ-же порядкѣ: говорилъ музыкантъ, говорилъ поэтъ, говорила графиня.

— Вы избалуете насъ, графиня: похвалы въ устахъ такой женщины, какъ вы, могутъ заставить насъ считать себя геніями.

— Художниковъ напрасно упрекаютъ въ самолюбіи. Виноваты не они, а тѣ лица, которыя увѣряютъ ихъ въ томъ, что они имѣютъ талантъ, и которымъ они не смѣютъ не вѣрить.

— Если это женщины, то имъ можно простить. У нихъ воображеніе горячо, а сердце мягко.

— Женщины бо́льшею частію удивляются намъ, но не понимаютъ насъ.

— Если они и любятъ — то нашъ талантъ, а не насъ самихъ.

— Но талантъ нельзя отдѣлить отъ человѣка! Чувство женщины....

Разговоръ, какъ вы видите, былъ очень-интересенъ. Дѣло

шло ужъ о чувствахъ, какъ вдругъ, вмѣстѣ съ первыми аккордами вальса, за плечами графини раздался знакомый ей голосъ:

— Извините, графиня!... Вы обѣщали сдѣлать со мною кругъ вальса. М-г Сонинъ и М-г Касовскій, вѣроятно, извинятъ меня за мою неучтивость!

М-г Сонинъ и М-г Касовскій холодно поклонились, посмотрѣвъ другъ на друга, какъ будто спрашивая: кто этотъ нежданый гость? И не найдя отвѣта въ глазахъ своего сосѣда, они опустили глаза внизъ. Графиня смѣшалась и съ полъ-минуты оставалась въ нерѣшимости, потомъ положила руку на плечо Вельскому.

— Съ чего вы взяли, что я обѣщалась валисировать съ вами? сказала она ему, летя по паркету.

— Мнѣ хотѣлось разсмотрѣть поближе вашихъ геніевъ, отвѣчалъ Вельскій.

— Но если-бы я сказала, что вы ошиблись, и что я вамъ ничего не обѣщала.

— Я-бы сталъ утверждать противное. Вы-бы побоялись поспорить, чтобъ не показаться смѣшною.

Между-тѣмъ, какъ пары летали, скользили шагами и катались по паркету, одна и та-же мысль въ одно и то-же время мелькнула въ головѣ музыканта и поэта. «Надобно поговорить съ графинею одному». Въ-слѣдствіе этой геніальной мысли они оба начали употреблять разные невинные манёвры, чтобъ разойтись. Для этого надобно было пріискать какую-нибудь благовидную причину.

— Однако здѣсь у окна дуетъ... — Изъ того угла видъ залы гораздо лучше... — сказали Сонинъ и Касовскій въ одно и тоже время, и оба не рѣшались еще оставить другъ друга, каждый опасаясь въ свою очередь, чтобы товарищъ его не нашелъ причину достаточною и не послѣдовалъ за нимъ.

— Мнѣ кажется, я вижу знакомаго, сказалъ Сонинъ, который былъ такъ близорукъ, что въ двухъ шагахъ разстоянія принималъ бочку за кабріолетъ.

— А вонъ и мой начальникъ отдѣленія, сказалъ Касовскій, показывая на человѣка, который во все время своей службы начальствовалъ только одинъ разъ двумя писарями, да и то получилъ выговоръ за то, что перевралъ имъ приказанія начальства.

И оба, очень-довольные своими остроумными выдумками, они разошлись въ разныя стороны.

Графиня сдѣлала два круга и сказала. Assez!

Вельскій подвелъ ея къ кресламъ и поклонился.

Графиня сѣла и сказала: Merci!

Вельскій опять поклонился, и сѣлъ подлѣ нея.

Графиня посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

Вельскій улыбнулся, и сталъ играть часовымъ шнуркомъ.

Графиня сказала:

— Послушайте, м-г Вельскій! Вы сегодня рѣшились преслѣдовать меня цѣлый вечеръ?

— Если-бы я не боялся сказать поэтическую пошлость въ родѣ г-на Сонина, то отвѣчалъ-бы: Вы сегодня рѣшились приковывать меня цѣлый вечеръ!

— Скажите пожалуста, за что вы нападаете на Сонина?

— Скажите пожалуста, за-что-же мнѣ щадить его, если я, по вашимъ словамъ, похожу на Чацкаго?

— Вы должны уважать его, если любите славу своего отечества.

— Я долженъ узнать сперва, что онъ для нея сдѣлалъ?

— Онъ написалъ много хорошаго и даже превосходнаго.

— Положимъ, что такъ!.... Мнѣ даже могутъ нравиться его произведенія — но какое мнѣ дѣло до самого поэта?

— Поэта нельзя отдѣлить отъ человѣка.

— На-противъ, даже должно! Можно быть прекраснымъ поэтомъ и дурнымъ человѣкомъ, какъ это къ несчастію бываетъ по большой части съ поэтами.

— Таланту прощаются многія слабости!

— Но не всѣ! —

— Мы никогда не кончимъ этого спора!... Скажите лучше, какъ должна понимать я вашу необыкновенную любезность сегодняшняго вечера? Вы не отходите отъ меня ни на минуту, для меня разсыпаете блестки вашего остроумія, расточаете даже сантиментальныя фразы, хотя послѣ отъ нихъ и отговариваетесь. Знаете, что другая на моемъ мѣстѣ, имѣя немножко поболѣе самолюбія, растолковала-бы все это въ свою пользу.

— Что-жъ вамъ мѣшаетъ сдѣлать это?

— Мое доброе мнѣніе объ васъ! произнесла гряфиня съ какой-то торжественностью: — да! я слишкомъ хорошаго мнѣнія о вашемъ умѣ и о вашей проницательности, м-г Вельскій. Я никогда не повѣрю, чтобы вы серьёзно думали плѣнить меня вашимъ вниманіемъ и поддѣльнымъ жаромъ чувствъ: я не иначе при-

нимаю вашу неотвязчивость — passez moi cette expression — какъ за прихоть свѣтскаго человѣка, за шутку, за простое желаніе убить какъ-нибудь время. Вы очень-хорошо знаете меня, чтобы вообразить себѣ, что я могу повѣрить словамъ и поступкамъ человѣка, который славится своимъ остроуміемъ, и во всю жизнь, кромѣ насмѣшекъ, не сказалъ ни одного слова отъ чистаго сердца. Я была-бы слишкомъ самолюбива, чтобы не сказать больше, еслибы вообразила себѣ, что произвела перемѣну въ вашемъ характерѣ; но и вы, съ вашей стороны, были-бы слишкомъ самонадежны и даже болѣе, если-бы не шутя стали меня преслѣдовать. — Съ этими словами графиня очень-мило улыбнулась и встала съ кресель.

– Одно слово графиня, вскричалъ Вельскій, также вставая, и нисколько не сконфуженный насмѣшливымъ тономъ этой фразы: — позвольте узнать, въ вашемъ словарѣ «привязанность» и «привязчивость» синонимы ?

— Если они происходятъ отъ одного и того-же корня.... Однако вы, вѣрно, не потребуете, чтобы я занималась только одними вами!... Извините, мнѣ еще надобно поговорить со многими изъ моихъ гостей.

И она, удаляясь, еще разъ улыбнулась такъ мило, такъ иронически, что Вельскій почувствовалъ въ сердцѣ своемъ что-то похожее на досаду.

Усѣвшись въ креслахъ, онъ, противъ воли, опустилъ голову на грудь и о чемъ-то задумался. Это продолжалось однако очень недолго.

Когда онъ поднялъ голову, музыка гремѣла первую фигуру кадрили, и графиня, веселая и блистательная, стояла подлѣ поэта, лицо котораго пылало краскою удовольствія.

— Вотъ и вторая кадриль, подумалъ Вельскій, и пошелъ лавировать между креслами, мѣняясь поклонами и фразами. Подойдя къ одному молодому человѣку съ растрепанными волосами, онъ спросилъ его: «Послушай, cher Alexandre! Какъ бишь названіе этого послѣдняго произведенія Касовскаго, которому еще вы всѣ такъ удивлялись!...

— Ты, вѣрно, говоришь о его Wirbel-вальсѣ!.. Вотъ прелесть! вотъ чудо!.. Вельскій, не дослушавъ окончанія фразы и не отвѣчая, отлавировался въ сторону.

Поэтъ въ это время говорилъ графинѣ:

— Ахъ, графиня, я право не знаю, какъ благодарить васъ!.. Вы такъ добры, такъ любезны!....

Графиня отвѣчала поэту:

— На-противъ, я вамъ должна быть благодарна, что вы исполнили желаніе неотвязчивой хозяйки, и просьбу всѣхъ дамъ, и рѣшились, съ вашей нелюбовью къ танцамъ, пожертвовать мнѣ одною кадрилью.

— Графиня! я-бы готовъ былъ не пропускать ни одной, чтобъ только сдѣлать угодное вамъ, но что-же дѣлать если я такъ дурно танцую, что не рѣшаюсь конфузить мою даму, и смѣшить все общество...

— Вы несправедливы къ себѣ, м-г Сонинъ! Вы танцуете какъ другіе, если только нынче кто-нибудь танцуетъ...

— Но я-бы желалъ теперь танцовать какъ Вестрисъ!

— Для чего-же? —

Поэтъ не отвѣчалъ для чего, потому что ему въ то время надо было начинать третью фигуру. Возвратившись на мѣсто, онъ не рѣшался уже продолжать прежній разговоръ, и сказалъ:

— Я такъ рѣдко бываю въ обществѣ, а особливо на балахъ, что, право, долженъ быть очень смѣшонъ и неловокъ.

— Неужели вы хотите походить на тѣхъ людей, которыхъ все достоинство состоитъ въ томъ, что они прекрасно прыгаютъ, и безъ остановки болтаютъ всякой вздоръ?

— Нѣтъ, но что-бы являться въ свѣтѣ, надобно, по-крайней-мѣрѣ, походить на свѣтскаго человѣка, а я такъ далекъ отъ него.

— Скромность, скромность, М-г Сонинъ. Вы, напротивъ, соединяете въ себѣ двѣ крайности — поэта и свѣтскаго человѣка.

— Если я еще кое-какъ болтаю съ вами графиня, то вините въ этомъ вашу любезность, которая, кажется, заставитъ разговориться и камень. Вообще я говорю мало и совсѣмъ несловоохотливъ. Этотъ вечеръ для меня исключеніе изъ общаго правила.

— Я надѣюсь, М-г Сонинъ, что вы не въ послѣдній разъ доставляете мнѣ удовольствіе бесѣдовать съ вами. Еще разъ повторяю вамъ, и повѣрьте отъ, чистаго сердца, что ваше знакомство мнѣ очень-пріятно и лестно. Въ среду и пятницу, по вечерамъ, я всегда дома и принимаю своихъ короткихъ знакомыхъ. Надѣюсь, что вы не откажетесь посѣтить самую усердную почитательницу вашего таланта.

Поэтъ раскланялся и пустился выдѣлывать 4-ю фигуру не весьма-граціозно.

Послѣ нея разговоръ начала графиня.

— Какъ несносны эти кадрили! Есть люди, которые утвержда-

ютъ, что они танцуютъ для того, чтобы разговаривать. Танцы необходимы для перваго знакомства, но есть-ли тутъ какая нибудь возможность продолжать начатый разговоръ? Васъ прерываютъ на каждомъ шагу, останавливаютъ на полу-фразѣ, и потомъ черезъ пять минутъ довольно странно ее оканчивать. Поэтому-то почти всѣ предпочитаютъ мазурку: въ ней есть, по-крайней-мѣрѣ, возможность начать и кончить разговоръ. Вы танцуете мазурку?

— Къ-несчастію нѣтъ, графиня! Я позволяю себѣ иногда пуститься въ кадриль, но неболѣе. Я никогда не прощу себѣ, что въ молодости не учился танцовать. Это лишаетъ меня одного изъ величайшихъ наслажденій— говорить съ прекрасной женщиной. Но, признаюсь вамъ, вальсъ и галопъ для меня самые любимые танцы, хотя я не танцую ни того, ни другаго: въ нихъ есть столько поэзіи, что ее станетъ на дюжину нынѣшнихъ безцвѣтныхъ и безжизненныхъ стихотвореній.

— Только не вашихъ, прибавила графиня.

Поэтъ поблагодарилъ улыбкою и продолжалъ:

— Это, по-крайней-мѣрѣ, можно назвать танцами. Въ нихъ не ходятъ какъ во французской кадрили. Если когда-нибудь завидую свѣтскимъ людямъ, то это только во-время вальса или галопа. Поймите послѣ этаго предразсудки свѣта!.. Взять руку женщины, считается у насъ преступленіемъ, обхватить талію можно только у своей невѣсты, а танцоръ пользуется всѣмъ этимъ, безнаказанно, и его-же еще награждаютъ за это улыбкой!..

— Сколько чувства, сколько огня, сколько остроумія! подумала графиня и со вздохомъ начала пятую фигуру.

Между тѣмъ, какъ графиня и поэтъ разговаривали такимъ образомъ, Вельскій, совершая путешествіе вокругъ залы, нечаянно очутился противъ музыканта, который, съ нахмуреннымъ челомъ и недовольными взглядами, стоялъ, прислонившись къ готическому камину. Вельскій, проходя мимо его, также нечаянно задѣлъ его локтемъ и обернувшись сталъ разсыпаться въ извиненіяхъ. Музыкантъ холодно поклонился. Вельскій остановился подлѣ него, и приложивъ къ глазу лорнетъ, началъ разсматривать группы танцующихъ. Черезъ нѣсколько времени онъ обратился къ своему сосѣду съ вопросомъ:

— Не знаете-ли вы, кто эта дама въ малиновомъ тюрбанѣ съ золотыми кистями?

— Извините, я въ первый разъ въ этомъ обществѣ и никого не знаю, сухо отвѣчалъ музыкантъ.

— Извините-же и вы меня въ свою очередь, М-г Касовскій. Я и забылъ, что это только участь талантовъ: ихъ однихъ всѣ знаютъ, и имъ однимъ всѣ удивляются.

Музыкантъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Вельскаго, который очень-серьёзно передъ нимъ раскланивался.

— Еще разъ извините, но мнѣ также кажется, что и васъ я тоже въ первый разъ имѣю удовольствіе видѣть!....

— Я-бы долженъ былъ повторить вамъ то, что сейчасъ сказалъ. Вы не можете и не должны замѣчать людей обыкновенныхъ, которые толпами приходятъ удивляться вашему таланту.

Музыкантъ довольно улыбнулся.

— Талантъ мой еще такъ невеликъ, что ему не стоитъ и удивляться.

— Вотъ еще доказательство великаго таланта.

— Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Я одинъ изъ вашихъ многочисленныхъ поклонниковъ, который хотя и не занимается музыкою, но безъ ума отъ нея. Ахъ, М-г Касовскій, если музыка доставляетъ столько пріятныхъ минутъ намъ, профанамъ, то что-же чувствуете вы, великіе художники, которые по своему произволу можете двигать и повелѣвать цѣлыми массами?

Эти слова Вельскій произнесъ съ такимъ простодушно-патетическимъ выраженіемъ, что лицо музыканта просіяло румянцемъ душевнаго удовольствія.

— Я не стану говорить вамъ, что произведенія мои слабы и не стóятъ никакого вниманія. Это уловка нынче сдѣлалась очень-стара. Признаюсь вамъ, что мнѣ самому мои музыкальные опыты доставляютъ много удовольствія. Не знаю, раздѣляетъ-ли это публика, но могу увѣрить васъ, что сочиняя, я не думаю ни о комъ, пишу и играю только для себя.

Отъ-того-то въ вашихъ произведеніяхъ видна какая-то прихотливая свобода художника, непокоряющаяся ни вкусу, ни требованіямъ вѣка. Вы пишете для всѣхъ вѣковъ и народовъ. Ваши звуки равно пойметъ пылкій Французъ и холодный Германецъ. Признаюсь, этотъ-то космополитизмъ талата и заставляетъ меня еще болѣе вамъ удивляться.

Музыкантъ съ внутреннимъ самодовольствіемъ слушалъ слова человѣка, по-видимому, умнаго и образованнаго. Вельскій продолжалъ.

— Въ особенности одно изъ послѣднихъ вашихъ произведеній произвело на меня удивительное впечатлѣніе. Это вашъ знаме-

нитый *Wirbel-Walzer*, въ которомъ вы щедро разсыпали такіе смѣлые аккорды, такіе роскошные звуки...

Музыкантъ готовъ былъ обнять Вельскаго, знавшаго даже названіе его вальсовъ.

— Признаюсь, моя ноктурна «Les larmes du diable», мнѣ самому нравится больше.

— О! я уже не говорю про это! отвѣчалъ Вельскій, поднимая глаза къ небу. Выше этого я не знаю ничего въ мірѣ!

— Вы очень-снисходительны, говорилъ восхищенный композиторъ: это все еще начатки. Я готовлю теперь большую вещь— оперу въ Мейерберовскомъ родѣ. Сюжетъ взятъ изъ римской исторіи: *Клеопатра*. Вы понимаете... Египетская Семирамида, цезарь Антоній, властитель полъ-вселенной, борьба, рѣшающая участь всего міра... Другъ мой Сонинъ пишетъ либретто. Только это покамѣсть еще тайна.

— Тѣмъ болѣе я долженъ благодарить васъ за довѣріе ко мнѣ, которое, конечно, не употреблю во зло. Такъ М-г Сонинъ другъ вашъ? Признаюсь, съ перваго взгляда на васъ, я былъ увѣренъ въ этомъ—и хотя тоже люблю поэзію, но всегда отдаю преимущество музыкѣ: она больше имѣетъ вліянія....

— Если хотите, то это отчасти справедливо. Музыка понятна сердцу, — умомъ ея разбирать нельзя. А въ поэтическомъ произведеніи необходимо дѣйствовать и на умъ, который гораздо-строже сердца и не всегда остается доволенъ. Впрочемъ Сонинъ писалъ точно превосходныя вещи.

— Да! Къ тому-же поэзія больше нравится женщинамъ. И это по очень-ясной причинѣ: поэтъ на двадцати страницахъ можетъ воспѣвать особу, дорогую его сердцу, а музыкантъ только на заглавномъ листкѣ можетъ написать: «Dédiée à M-lle telle ou telle». Впрочемъ, это еще яснѣе доказывается примѣромъ. Посмотрите, какое замѣтное впечатлѣніе другъ вашъ Сонинъ сдѣлалъ на графиню Вѣнцеславскую! Она отъ него безъ-ума.

Чело музыканта, какъ выражаются поэты, подернулось легкимъ облакомъ неудовольствія.

— Вы думаете? сказалъ онъ, слѣдя взорами за графинею, которая граціозно перебѣгала, въ пятой фигурѣ, на лѣвую сторону своего vis-a-vis, оставляя поэту пространное поприще для выдѣлыванія *соло*.

Соло началось. Оправившись и откашлянувшись, поэтъ двинулся съ своего мѣста и выѣхалъ на половину дороги. Но вдругъ, взглянувъ на графиню и замѣтивъ, что она слѣдитъ за его дви-

женіями, смѣшался, сбился съ такту и такъ смѣшно началъ переплетать ногами, что Вельскій невольно расхохотался. Графиня прикусила нижнюю губку, и раскраснѣвшійся поэтъ поѣхалъ на свое мѣсто, сопровождаемый насмѣшливыми улыбками и качаніями головъ.

Эта неудача помирила немножко музыканта съ мыслью, что Сонинъ понравился графинѣ, и онъ съ улыбкою отвѣчалъ Вельскому.

— Сонинъ не такъ хорошо танцуетъ, а это необходимое условіе, что-бы понравиться свѣтской дамѣ.

— Вотъ въ этомъ-то вы и ошибаетесь, signor maestro, примолвилъ дружескимъ тономъ Вельскій. Женщинамъ нравится все то, что выходитъ изъ круга нашихъ ежедневныхъ понятій, все, что необыкновенно и странно: вотъ почему имъ иногда нравятся и уроды, — и умѣй я плясать на четвертой струнѣ такъ, какъ Паганини на ней играетъ, то я-бы смѣло признался въ любви любой графинѣ, не только что этой, которая ужасно любитъ, что бы ее воспѣвали въ стихахъ и прозѣ.

— Вы давно знакомы съ графиней? сказалъ съ задумчивостью Касовскій.

— Я былъ другомъ ея покойнаго мужа и знаю ее очень-хорошо. У нея горячая голова и твердый характеръ. Разъ полюбивши кого-нибудь, она разлюбитъ не скоро, и я, право, боюсь, чтобы вашъ другъ не побѣдилъ нашу гордую красавицу, которая такъ равнодушна ко всѣмъ ея свѣтскимъ обожателямъ. Посмотрите, какъ при разговорѣ съ Сонинымъ удовольствіе ясно рисуется на лицѣ ея. Какими друзьями усѣлись они въ тотъ уголъ — точно вѣкъ знакомы! А вѣдь она, кажется, видитъ его въ первый разъ?

Касовскій съ видимымъ неудовольствіемъ слушалъ слова Вельскаго. Графиня между-тѣмъ, сѣвши подлѣ Сонина, старалась своею любезностью заставить поэта позабыть объ его неловкости. Она говорила съ нимъ объ его стихахъ, о прекрасномъ дарѣ неба плѣнять сердца людей гармоническими звуками. Сонинъ слушалъ ее разсѣянно, думая о томъ, какой извергъ человѣчества выдумалъ соло. Вельскій и Касовскій продолжали разговаривать очень-дружескимъ образомъ. Свѣтскій человѣкъ старался поселить въ сердцѣ музыканта ревность и недовѣрчивость къ поэту. Онъ совершенно завладѣлъ имъ и не выпускалъ цѣлыя двѣ кадрили. Сонинъ не танцовалъ больше. Онъ угрюмо сидѣлъ въ углу. Графиня раза два подходила къ нему, дарила утѣшительными

фразами. и потомъ снова уносилась въ вихрѣ вальса Вельскій говорилъ музыканту:

— Графиня преумная женщина. Она такъ хитро умѣетъ завлекать и интересовать, что этому даже трудно повѣрить. Главное, ей ужасно хочется собрать вокругъ себя какъ можно побольше знаменитостей, чтобы и самой ярче засіять въ нхъ блескѣ. Посмотрите, сколько у нея замѣчательныхъ лицъ, не говоря уже объ артистахъ и художникахъ всякаго рода, которымъ здѣсь нѣсть числа. Взгляните на этого стараго генерала: у него не достаетъ одной ноги, двухъ рукъ, и одного глаза... Этотъ молодой человѣкъ въ усикахъ, съ дерзкимъ видомъ — то-же извѣстность въ своемъ родѣ. Объ немъ какъ-то весь Петербургъ говорилъ цѣлую недѣлю по поводу одной странной исторіи. Онъ черезъ нее прославился и началъ являться въ свѣтъ. Этотъ гладенькой и гаденькой старичокъ въ коричневомъ фракѣ замѣчателенъ тѣмъ, что играетъ въ вистъ по 1000 рублей поэнь. Но посмотрите на женщинъ: изъ нихъ каждая заключаетъ въ себѣ легіонъ замѣчательностей. Эта, напримѣръ, греческая статуя, въ которой Пигмаліонъ оживилъ все, кромѣ головы, типъ красоты пластической, древней, славящейся тѣмъ, что страсть ея къ округлостямъ формъ доходила до обожанія. — Она походитъ на урну древнихъ, которая снаружи была образцомъ совершенства, а внутри заключала одинъ пепелъ. Ее знаетъ весь Петербургъ. На балахъ, въ театрахъ, на гуляньяхъ, вездѣ вы можете увидѣть выставку этой красоты, которая сидитъ всегда неподвижно и холодно, и морозитъ своею улыбкою. Эта скучная дама въ модномъ тюрбанѣ, навернутомъ на голову въ видѣ эшарпа, прославилась своимъ кокетствомъ, какъ та своею неподвижностью. Это настоящая львица, которая катается съ англійскихъ горъ, стоя на колѣняхъ противъ мужчины, упираясь руками въ его плеча и ослѣпляя его густыми клубами дыма своей trabucos! И бѣдный кавалеръ по-неволѣ долженъ упасть и съ половины горы катиться вмѣстѣ съ этою амазонкой, при оглушительномъ пискѣ ея хохота. Но вотъ что удивительно въ нашей графинѣ: она съ каждымъ найдетъ время поговорить, каждому скажетъ что-нибудь любезное, и каждый увѣренъ, что только имъ однимъ она занимается на балу. Если она не будетъ танцовать съ вами мазурки, то будь я не Вельскій.

— Наконецъ я узналъ-таки вашу фамилію, съ натянутою улыбкою прервалъ Касовскій, пожимая ему руку.

— Она не заставляетъ всѣхъ оборачиваться, когда произнесутъ

ее, и не гремитъ, какъ ваша, отвѣчалъ Вельскій съ какой-то горькой улыбкой: — она даже и не знаменита, какъ фамилія всѣхъ этихъ господъ, которыхъ я вамъ сейчасъ назвалъ, но, по-крайней-мѣрѣ, я тѣмъ могу гордиться, что незапятнана никакою извѣстностью.

Касовскій ничего не отвѣчалъ, слѣдя за полетомъ графини, которая въ это время неслась въ галопадѣ полу-лежа на плечѣ какого-то кавалериста.

— Однако я вамъ, вѣрно, надоѣлъ своей болтовней, продолжалъ Вельскій: вы и такъ потеряли со мной сколько времени. Позвольте поблагодарить васъ за пріятную бесѣду и надѣяться, что она будетъ не послѣдняя.

— Ваше знакомство для меня очень-лестно, съ пріятной улыбкой отвѣчалъ музыкантъ, и они, крѣпко пожавъ другу другу руки, разошлись въ разныя стороны.

III.

Танцовали 9-ю кадриль. Свѣтало.

Сонина поймалъ какой-то звѣздоносецъ и началъ разсказывать ему предлинную исторію, какъ разъ у него было на рукахъ пять козырей и онъ остался безъ четырехъ въ червяхъ — и прямо. Генералъ съ особенною выразительностью говорилъ это *прямо!!!* Сонинъ слушалъ его съ удивленнымъ видомъ. Графиня отправлялась къ Касовскому, который съ насмурнымъ видомъ стоялъ у того-же самаго окна, гдѣ мы видѣли его въ началѣ разсказа. Вдругъ на полъ-дорогѣ ее остановилъ Вельскій.

— Графиня, на два слова, сказалъ онъ.

— М—г Вельскій, вы сегодня нестерпимо-несносны.

— Покорно васъ благодарю! И это за то, что я хлопочу объ васъ-же.

— Это какимъ-образомъ?

— Я цѣлый часъ расхваливалъ васъ Касовскому.

— По вашему обыкновенію, — осыпая насмѣшками?...

— Было и это! Нельзя-же хвалить безусловно.

— Позвольте узнать однако: какія это два слова, которыя вы мнѣ хотѣли сказать?

— Я стараюсь объ васъ, графиня, и немножко о самомъ-себѣ. Касовскій очаровалъ меня своимъ разговоромъ о музыкѣ.

— Пожалуста хоть меня не увѣряйте, что вамъ кто-нибудь понравился.

— Какъ вамъ угодно! Вѣрьте или нѣтъ, мнѣ все равно. Предупреждаю только васъ, что я безъ-ума отъ Касовскаго и желалъ-бы нетерпѣливо послушать что-нибудь изъ его произведеній. Мнѣ пришла въ голову пресчастливая мысль. Чтобы придать больше блеска вашему балу, чтобы заставить долго говорить объ немъ цѣлый Петербургъ, попросите Касовскаго сыграть что-нибудь. Онъ, говорятъ, написалъ недавно удивительную вещь, — «Чортовы слезки», отъ которой даже и люди въ состояніи заплакать. Говорятъ, что онъ никогда не играетъ въ обществѣ, но *вамъ*, графиня, развѣ можетъ кто-нибудь противиться?.. Сдѣлайте удовольствіе — я ужъ не говорю — *мнѣ*, но всѣмъ вашимъ гостямъ, которые завтра-же забарабанятъ по всему Петербургу объ игрѣ Касовскаго, объ вашей власти надъ скромнымъ музыкантомъ и о вашемъ прекрасномъ балѣ, гдѣ былъ такой пріятный и неожиданной сюрпризъ.

Графиня пристально посмотрѣла на Вельскаго.

— Вы ничего не дѣлаете безъ цѣли, это я знаю; но право не могу понять, что́ васъ теперь заставляетъ просить меня о томъ, чтобы я просила Касовскаго сыграть?

— Желаніе доставить удовольствіе всему обществу, и славу вамъ какъ, виновницѣ этого удовольствія.

— Послушайте! я воспользуюсь вашей мыслью, которая въ-самомъ-дѣлѣ не дурна. Но если вы дѣлаете это все для того, чтобы сыграть какую-нибудь шутку?....

— Помилуйте! я не музыкантъ и ничего не играю!...

— Въ такомъ-случаѣ помните, что я никогда не прощу вамъ этого.

И она удалилась, бросивъ на него взглядъ, которому хотѣла придать строгое выраженіе. Вельской низко поклонился, чтобы она не замѣтила иронической улыбки, противъ воли появившейся на лицѣ его.

— Графиня, думалъ онъ, горитъ желаніемъ снова надѣть на себя узы брака, и соединиться съ какою-нибудь знаменитостью. — Я ее знаю хорошо. Эти два героя заняли теперь ея воображеніе, живо принимающее всѣ новыя впечатлѣнія. Съ такою горячей головою, какъ у нея, она способна сдѣлать всякую глу-

пость. Увѣщевать ее нѣтъ возможнитости. Это еще болѣе раздражитъ ея самолюбіе. Изъ упрямства она рѣшится на все. Надобно дѣйствовать иначе. Самый лучшій способъ— выставить въ смѣшномъ видѣ ея знамености. Боязнь сдѣлаться смѣшнымъ больше дѣйствуетъ на людей, нежели убѣжденіе разсудка и сердца. Итакъ станемъ стремиться къ этой цѣли. Чтобы лучше узнать эти свѣтила, надобно съ ними познакомиться. Одинъ ужъ безъ-ума отъ моей любезности. Онъ глупъ и его не трудно было побѣдить, польстя его самолюбію. Другой, какъ мнѣ кажется, похитрѣе. Съ тѣмъ надо принять другую методу. Они друзья — надо ихъ поссорить. Первый шагъ сдѣланъ. Касовскій думаетъ, что графиня влюблена въ Сонина. Къ-счастію, поэтъ уже выказалъ свою смѣшную сторону. Его погубило Solo. Заставимъ теперь Касовскаго, который уже сердитъ на графиню, еще болѣе разсердиться на нее. Если онъ не будетъ играть; графиня никогда ему этого не проститъ: самолюбіе ея уже расшевелено. Если будетъ, тѣмъ лучше. Здѣсь не много охотниковъ слушать его ноктурны. Мужчины хотятъ лучше любезничать съ своими дамами, дамы сами считаютъ себя великими виртуозками. Мы подпимемъ такой шумъ, что музыкантъ обидится — и дѣло кончено.

Окончивъ это премудрое разсужденіе, Вельскій отправился прямо къ группѣ молодыхъ людей, образовавшихся въ одномъ углу залы, и жарко о чемъ-то разсуждавшей.

— Вельскій! Вельскій! поди сюда! закричалъ одинъ молодой человѣкъ изъ этой группы, увидя его.— Рѣши, пожалуйста, нашъ споръ. Всѣ поэты уроды — это рѣшено! Но отъ-чего? Вотъ это-то и камень преткновенія. Графъ З. говоритъ, отъ-того, что они дѣлаютъ всегда гримасы остальному человѣчеству. Лёвушка Мицкій: — отъ-того, что у нихъ каждый стихъ, высиженный съ трудомъ, выходитъ на лицо въ видѣ прыщика. Князь Ц., — что у нихъ жолчь разливается отъ благонамѣренныхъ критикъ. Красавчикъ юнкеръ Ф.,— отъ-того, что они не кавалеристы, а философы. Павелъ Ѳедорычъ — отъ-того, что такъ Богу угодно.

— Я думаю, господа, это происходитъ отъ-того, отвѣчалъ Вельскій прехладнокровно: что они сами думаютъ, что очень-хороши собою.

Всѣ расхохотались.

— Это, однако, неясно, прибавилъ философъ.

— Я поясню, также серьёзно отвѣчалъ Вельскій:— насъ всѣхъ, господа, надобно признаться, Киприда не цѣловала въ день нашего

рожденія — и потому-то мы всѣ ужасно какъ заботимся о своей красотѣ. Конечно, есть такіе, которые некрасивы именно потому, что ихъ Киприда уже очень-часто и крѣпко цѣловала, — но это будетъ исключеніе, по общему правилу, что крайности сходятся. Остальные претщательно сгоняютъ каждое пятнышко, которое, непрошенное, взбѣжало на лицо, приглаживаютъ каждый волосокъ, — и потому часто кажутся недурными. Но господа-поэты, вообразивъ себѣ, что лицо есть зеркало ихъ прекрасной, поэтической души, — никогда не моютъ этого зеркала, и думаютъ, что всему человѣчеству очень-пріятно въ него смотрѣться....

— Браво! браво! рѣшилъ! съ хохотомъ повторилъ цвѣтъ петербургской молодежи, сбираясь разойтись.

— Постойте, господа! Услуга за услугу, сказалъ Вельскій: — Вы должны мнѣ помочь въ одномъ важномъ дѣлѣ, которое, впрочемъ, и до васъ всѣхъ касается.

— Что такое? зашумѣла молодежь.

— Противъ насъ составляется самый безчеловѣчный, самый варварскій заговоръ. Вообразите! насъ хотятъ заставить, битые два часа, слушать, какъ чортъ будетъ плакать подъ музыку Касовскаго.

— Какъ? — Неужели? — Это невозможно! — Это вандальство! — Вѣрно, ты говоришь объ его *Les Larmes du Diable*. — Да мы ужъ сто разъ слышали, какъ онъ плачетъ. — Чортъ-бы его самого взялъ.—Играть-бы ему на 24-хъ барабанахъ, а не на фортепіяно. — Да у меня барабанъ въ ушахъ лопнетъ отъ его треска! — шумѣла раздосадованная толпа.

— Тише, тише, друзья. Мы этакъ обратимъ на себя общее вниманіе. Погодите шумѣть. Обдуманное мщеніе вѣрнѣе всякихъ криковъ, и если насъ ужъ въ-самомъ-дѣлѣ хотятъ заставить слушать его трескотню, такъ и мы съ своей стороны можемъ дать ему концертъ, котораго онъ долго не забудетъ.

— Да! да! — Именно! — Прекрасная мысль! опять заговорили всѣ вмѣстѣ. — Сыграемъ сами концертъ — Князь О. ты хоть на волторнѣ — у тебя такія толстыя губы; Левушка будетъ свистать: господа, онъ этому, я думаю, выучился. — Очень-весело слушать этого растройщика фортепьянъ; я приготовилъ для Анненки Глинской столько блестящихъ фразъ и каламбуровъ.— Ну, значитъ она будетъ рада, когда Касовскій заиграетъ!— Графиня не думаетъ-ли угостить насъ этимъ музыкальнымъ соусомъ изъ лучшихъ мѣстъ иностранныхъ композиторовъ. Мы его заставимъ плясать по нашей дудкѣ.

Вельскій прервалъ всѣ эти фразы.

— Господа, мы этакъ ничего не сдѣлаемъ и не обдумаемъ. Вниманія! Вотъ мой планъ.

Всѣ начали внимательно слушать Вельскаго, потому-что признавали хоть въ душѣ превосходство ума его и злость сатирическихъ насмѣшекъ.

— Мы разойдемся по всѣмъ угламъ гостиной, гдѣ стоитъ рояль, и каждый изъ насъ будетъ шумѣть сколько позволитъ приличіе, и какъ ему вздумается, съ тѣмъ условіемъ однако-же, чтобы не всѣ вдругъ начинали, а одинъ послѣ другаго; я буду стоять у самыхъ фортепьянъ и шикать, чтобы вы перестали, разумѣется, еще громче васъ. Потомъ соберу стариковъ и начну съ ними роптать, что музыканту мѣшаютъ, что невозможно ничего разслышать и т. п. Это еще болѣе увеличитъ шумъ. Ты, графъ З., начни пожалуста разсказывать анекдоты Лизѣ Рѣцкой, да посмѣшнѣе; она недавно изъ института и такъ пронзительно хохочетъ, что стекла дрожатъ. Ты, Мицкій, распрашивай глухаго В. объ его походахъ и постарайся, чтобы онъ разсказалъ, какъ подъ Бородинымъ начальствовалъ артиллерійской батареей. Ты, красавчикъ Ф., взбѣси пожалуста старуху Брыкину, насмѣшками надъ Екатерининскимъ временемъ: она тебя такъ начнетъ ругать, что у всѣхъ зазвенитъ въ ушахъ. Но однимъ словомъ, господа, къ чему мнѣ вамъ разсказывать, что каждый изъ васъ долженъ дѣлать? Выдумайте сами, призовите на помощь всю вашу изобрѣтательность, чтобы нашумѣть какъ можно болѣе; но постарайтесь въ то-же время, чтобы это было не такъ явно. Главное — не дѣйствуйте всѣ вдругъ, а поочередно, да старайтесь занять всѣ удобнѣйшія позиціи въ гостиной, и если мы не заставимъ Касовскаго кончить еще въ то время, когда его чортъ только что будетъ сбираться плакать — то мы недостойны названія петербургскихъ львовъ!..

И вся веселая толпа со смѣхомъ разсыпалась по залѣ, стала приготовляться къ начатію военныхъ дѣйствій.

Графиня въ это время уговаривала Касовскаго доставить ей *небесное* наслажденіе услышать его *восхитительные* звуки. Все, что она говорила, должно быть извѣстно всѣмъ читателямъ, которыхъ, вѣрно, не разъ упрашивали хорошенькіе дамы о чемъ-бы то ни было.

Касовскій согласился.

Графиня тотчасъ-же пустилась по всѣмъ своимъ знаменитостямъ, предъувѣдомлять ихъ, что le célèbre М-г Касовскій будетъ

играть свое новое произведеніе, что онъ никогда не играетъ въ большомъ обществѣ, и что она не знаетъ сама, какимъ чудомъ успѣла уговорить его.

Вельскій въ это время подошелъ къ Касовскому.

— Позвольте узнать, что вы будете играть, М-г Касовскій.

Музыкантъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Ему казалось страннымъ, что онъ такъ скоро узналъ о его согласіи. Графиня только что отошла отъ него.

— Фантазію на русскую пѣсню: «*Я вечоръ въ лугахъ гуляла*». Послѣднее, что я написалъ.

— Ахъ, нѣтъ! сдѣлайте одолженіе сыграйте ваши *Les larmes du diable:* я присланъ къ вамъ съ просьбою объ этомъ отъ всего общества. Хоть графиня и увѣрила всѣхъ, что вы будете играть свое послѣднее произведеніе, но ради Бога хоть въ этомъ докажите графинѣ, что музыкантъ покоряется только призыву своего вдохновенія.

— Но скажите пожалуста, какимъ образомъ всѣ могли узнать, что я буду играть, и даже что именно?

— Очень обыкновеннымъ: графинѣ сказала какая-то изъ ея знаменитостей, зѣвая: «Что ты не заставишь играть этого музыканта»? и графиня отвѣчала: «Если вамъ угодно, онъ сейчасъ заиграетъ свою послѣднюю фантазію» и пошла къ вамъ; по дорогѣ она шепнула нѣкоторымъ изъ здѣшнихъ дамъ, что вы сейчасъ будете играть, и онѣ, услышавъ это, послали меня просить васъ сыграть вашу прекрасную ноктурну! Я дождался, чтобы вы, послѣ извѣстныхъ отговорокъ, которыя всегда употребляются въ этомъ случаѣ, отвѣчали ей согласіемъ, и тотчасъ-же подошелъ къ вамъ.

Музыкантъ пахмурился еще болѣе. Самолюбіе его страдало жестоко.

— Итакъ я смѣю надѣяться, что графиня хоть въ одномъ ошибется, и мы услышимъ произведеніе, которое больше всего нравится петербургскимъ любителямъ музыки.

Касовскій, радуясь, что хоть чѣмъ-нибудь можетъ досадить графинѣ, которая явно считала его своей игрушкой, отвѣчалъ, что онъ сыграетъ *Les larmes du diable*. Вельскій торжествовалъ.

— Я давно не игралъ этой ноктурны и потому ноты для меня необходимы.

Вельскій отправился съ нимъ въ гостиную и отыскалъ на рѣзной этажеркѣ толстую тетрадь съ виньеткой, на которой былъ представленъ плачущій чортъ и огромными буквами было выгравировано заглавіе.

Съ ласковою улыбкою онъ подалъ ее музыканту, который открылъ огромный рояль и небрежно взялъ нѣсколько аккордовъ.

Эти аккорды произвели удивительное волненіе въ залѣ... Графиня еще не успѣла всѣхъ предувѣдомить о томъ, что̀ М-г Касовскій рѣшился по ея просьбѣ что-нибудь сыграть. Многіе смотрѣли съ удивленіемъ другъ на друга, не понимая, что̀ предвѣщаютъ эти звуки, раздавшіеся такъ неожиданно. Молодые люди столпились у дверей въ гостиную и шептали дамамъ, старавшимся поскорѣе пробраться и занять лучшіе мѣста:

«Пожалуйте! ужъ началось!.. Самое лучшее представленіе! Удивительныя штуки! За входъ не платятъ ничего, а дѣти моложе 10 лѣтъ половину. — Дамы зажимали рты платками; нѣкоторые изъ заговорщиковъ воспользовались этимъ случаемъ, сильно загрѣмели стульями, другіе начали роптать на это. Два преферанса, сидѣвшіе въ гостиной, съ негодованіемъ оглянулись. Одинъ старикъ спросилъ даже два раза: «Въ чемъ-съ»? И на грозный откликъ: «Въ червяхъ», громко прокричалъ: «Иду въ вистъ»! Въ дверяхъ гостиной раздавались поминутно крики: Entrez, excusez, pardon, mille pardons, mille fois pardon! Графиня опрометью вбѣжала въ гостиную и бросилась къ первому преферансу.

— Ваше высокопревосходительство! Извините, сдѣлайте одолженіе, я не успѣла еще васъ предувѣдомить: извѣстный музыкантъ нашъ г-нъ Касовскій будетъ играть свое новое произведеніе. Не угодно-ли будетъ послушать вашему высокопревосходительству?

Его высокопревосходительство надулся примѣтнымъ образомъ. Онъ сейчасъ остался безъ двухъ въ червяхъ, и отвѣчалъ, сдавая: «Позвольте кончить эту игру».

Графиня очень-мило улыбнулась и бросилась ко второму преферансу, но тотъ уже самъ разошелся. Одинъ партенёръ, которому одинъ изъ заговорщиковъ шепнулъ, что неучтиво заставлять дожидаться даму и великаго музыканта, смиренно сложилъ карты. Другой, милліонеръ изъ жидовъ, бросилъ ихъ на столъ, вскричавши довольно громко: «Нѣтъ возможности играть при этакомъ содомѣ». Третій заботливо сосчиталъ свой выигрышъ и подвелъ итоги. Графинѣ тутъ ничего болѣе не оставалось дѣлать. Она начала усаживать гостей.

Вельскій между-тѣмъ отыскалъ въ толпѣ мальчика лѣтъ 12-ти и подозвалъ его.

— Василій Савичъ, сказалъ онъ: вы такъ прекрасно играете

на фортепьяно и, вѣрно, не откажетесь перевертывать поты м-г Касовскому....

Мальчикъ выпучилъ глаза и пробормоталъ:

— Я... я... не такъ хорошо разбираю...

— Помилуйте! вы скромничаете. Вы хорошо знаете поты. Впрочемъ, если вы и просмотрите, то я буду стоять подлѣ и подамъ вамъ знакъ.

Успокоенный 12-ти лѣтній геній съ гордымъ видомъ сталъ къ ройялю.

Мальчикъ этотъ былъ сынъ его высокопревосходительства. Чадолюбивый отецъ таскалъ его съ собою на всѣ вечера и балы и расхваливалъ всѣмъ его музыкальныя способности. А мальчикъ очень-мило игралъ изъ Фенеллы: «Amis, la matinée est belle» и «Нешей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ». Этимъ и ограничивались его музыкальныя познанія.

Наконецъ всѣ усѣлись. Вельскій окинулъ взорами гостиную и увидѣлъ, что всѣ на своихъ мѣстахъ.

— Будетъ потѣха! подумалъ онъ, становясь за стуломъ Касовскаго. Музыкантъ ударилъ по клавишамъ. Лѣвая рука его забѣгала по басовымъ нотамъ, выражая, кажется, хаосъ, а правая нѣжно перебирала самыя высокія ноты, въ подражаніе ангельскому пѣнію.

Онъ игралъ не дурно; въ немъ былъ только одинъ недостатокъ, что въ пылу музыкальнаго восторга, онъ не щадилъ ни фортепіянъ, ни ушей своихъ слушателей.

Все собраніе замолкло и утихло. Сначала люди всегда слушаютъ съ большимъ усердіемъ, и, вѣроятно, отъ этого вниманіе такъ скоро утомляется.

Вдругъ изъ одного угла раздался самый-рѣзкій и пискливый хохотъ, сначала задушаемый, потомъ идущій все crescendo и crescendo. Ропотъ неудовольствія пробѣжалъ по комнатѣ. Больше всѣхъ шумѣлъ Вельскій за стуломъ Касовскаго. Веселая пара ушла въ залу. За нею послѣдовало еще человѣка два, которые только того и дожидались, какъ-бы уйти незамѣтнымъ образомъ. Потомъ послышался голосъ какой-то старухи, которая вскрикнула довольно громко пронзительнымъ и дребезжащимъ фальцетомъ: «Это ни на что не похоже, батюшка! Осуждать великую Екатерину»!

Вельскій забормоталъ: «Нѣтъ никакой возможности слушать. Это ужасно». — Графиня была какъ на иголкахъ. Касовскій хмурился.

Еще нѣсколько паръ отправилось въ залу.

На минуту, всё притихло. Вдругъ въ то-самое время, какъ музыка изображала появленіе чорта, кто-то очень-явственно сказалъ:

«Послушайте, это ни на что не похоже! Вы прислонились къ столу, гдѣ мы играемъ въ карты, и стерли вашею фалдою всѣ ремизы». Другой голосъ началъ извиняться. Ропотъ возрасталъ. Вельскій, видя, что спорящіе были мужчины, зашикалъ. Послѣдовало новое переселеніе въ залу.

Вдругъ музыкантъ остановился. 12-ти лѣтній геній перевернулъ ноты, по знаку Вельскаго, въ самомъ эффектномъ мѣстѣ. Всѣ оглянулись, начали перешептываться; разговоръ, удерживаемый музыкой, вспыхнулъ вдругъ въ разныхъ углахъ. Вельскій бросился поправлять ноты и еще болѣе перепуталъ расшитые листки ихъ. Какой-то дилеттантъ взялся замѣнить неловкаго мальчика. Снова началась ноктурна, но уже разговоры не прекращались.

Въ залѣ упалъ стулъ и раздался громкій хохотъ.

Ноктурна продолжалась.

Шумъ возрасталъ все болѣе и болѣе. Новыя толпы поминутно ускользали изъ гостиной. Какая-то дама, неумѣвшая отличить do отъ la, шептала: «Фальшитъ»! что-бы только показаться музыкантшей. Его высокопревосходительство гремѣлъ шпорами.

Ноктурна продолжалась...

Вдругъ глухой артиллерійскій генералъ началъ очень удачно подражать грому бородинскихъ пушекъ; хохотъ и разговоры возросли до какого-то неяснаго гула.

Ноктурна продолжалась.

— Пора ему кончить! подумалъ Вельскій, и началъ придумывать, чѣмъ-бы заключить ноктурну поэффектнѣе.

Но заговорщики уже безъ него приготовили окончаніе. Въ то время, когда чортъ начиналъ плакать, когда многіе начали прислушиваться къ весьма-недурнымъ аккордамъ, вдругъ грохотъ паденія раздался въ гостиной. Всѣ оглянулись — юнкеръ Лупинъ лежалъ на полу, растянувшись во весь ростъ. Всѣ бросились въ залу, чтобы тамъ, на просторѣ, разразиться самымъ неистовымъ хохотомъ. Смѣхъ, поддерживаемый толпою молодыхъ людей, перешелъ даже за границы приличія. И хоть-бы чортъ еще вдвое жалобнѣе плакалъ, то и тогда никто-бы не сталъ слушать его.

Касовскій однако кончилъ свою ноктурну. Хозяйка разсыпалась въ похвалахъ; нѣсколько дамскихъ голосковъ пропищало: Comme c'est charmant!» — Тѣмъ все и кончилось.

Музыкантъ былъ оскорбленъ до глубины души. Напрасно Вельскій шепталъ ему о ничтожности свѣта, о несправедливости людей, напрасно графиня сама приглашала его танцовать мазурку... Онъ вспомнилъ слова Вельскаго, сухо отказался отъ приглашенія графини, и тотчасъ-же уѣхалъ.

— Прекрасно! подумалъ Вельскій: тотъ, кто не умѣлъ танцовать, пустился, какъ нарочно. Тотъ, кто танцуетъ очень-порядочно, уѣхалъ не сдѣлавши ни одного соло.

Остальная часть бала прошла безъ особенныхъ приключеній.— Всѣ были необыкновенно веселы, кромѣ графини, которая однако-же по наружности была веселѣе всѣхъ. Она напрасно искала взорами Сонина: онъ также ускользнулъ еще до начатія знаменитой ноктурны. Пристыженный юнкеръ уѣхалъ тоже. Долго еще заговорщики встрѣчались, улыбались и перемигивались между собою. Вельскій видѣлъ, что графиня узнала о его проказахъ и бросала на него самые ужасные взгляды. Чтобъ больше не раздражать ее, онъ вскорѣ также уѣхалъ.

Надѣвая шубу, онъ увидидѣлъ князя Ц., также сбиравшагося домой и сказалъ ему:

— Послушай, князь, неужели дуракъ Луниnъ тоже нарочно хлопнулся объ-полъ?

— И, нѣтъ, mon cher, это я разсыпалъ по полу виноградныхъ зеренъ и сказалъ княжнѣ А., чтобы она подозвала его; я увѣренъ былъ, что нашъ герой побѣжитъ со всѣхъ ногъ по своей привычкѣ и непремѣнно упадетъ. Такъ и случилось. А вѣдь хорошо мы все обдѣлали?

— Прекрасно!

— Adieu, cher Velsky!

— Adieu, mon Prince.

И друзья разстались.

IV.

Грустна и задумчива сидѣла графиня въ диванной, на другой день послѣ своего знаменитаго бала. Ей было очень-досадно, что Вельскій не исполнилъ ея приказаній и нанесъ ей столько огорченій. Этотъ человѣкъ меня бѣситъ, думала она. И чего онъ отъ меня хочетъ? Онъ вѣчно меня преслѣдуетъ, выпскиваетъ

всевозможные случаи, чтобы только сдѣлать мнѣ какую-нибудь непріятность. Я увѣрена, что это все его выдумка. Уже не влюбленъ-ли онъ въ меня?... Попробовать развѣ пококетничать съ нимъ, заставить его сдѣлать любовное признаніе, и потомъ посмѣяться надъ нимъ. О! онъ того стóитъ, — это будетъ прекрасное мщеніе. Я сдѣлаю это непремѣнно.

И довольная такимъ рѣшеніемъ, она стала немножко повеселѣе.

— Бѣдный Касовскій! думала она, развертывая какой-то французскій романъ. Я понимаю, что онъ могъ обидѣться. И все этотъ несносный Вельскій. Но я отомщу ему, а съ Касовскимъ буду немножко поласковѣе, и онъ тотчасъ-же все позабудетъ. Да и Сонина мнѣ тоже жаль; конечно я сама пригласила его танцовать, ну да ужъ лучше-бы онъ отказался, чѣмъ такъ дурно сдѣлать solo. Сонинъ не хорошъ собою, Касовскій лучше, но Сонинъ поэтъ: онъ такъ прекрасно написалъ стихи *къ безъимянной*. Какъ должна быть довольна та, которой онъ писалъ это! Но Касовскій каждую минуту можетъ дѣйствовать на толпу своимъ прекраснымъ даромъ. Музыку можно всегда слушать: она понятнѣе, нежели стихи. Сонинъ нигдѣ не служитъ и у него на рукахъ большое семейство. Касовскій имѣетъ гдѣ-то хорошее мѣсто, и довольно богатъ. Я не испытала еще настоящей любви.... и мнѣ часто приходило въ голову, что было-бы очень-занимательно, если-бы въ меня кто-нибудь искренно влюбился. Какая однако это глупая книга!...

И графиня, окончивъ этою фразой свои размышленія, бросила на столъ книгу, которую читала въ то время, когда въ головѣ ея толпились *вышесказанныя* размышленія. Графинѣ отъ бездѣлья вдругъ сдѣлалось скучно. Она вышла въ гостиную и сѣла за рояль. На роялѣ лежали *Les larmes du diable*. Это опять ей напомнило вчерашній вечеръ и Касовскаго, отъ Касовскаго она перешла къ Сонину, и такимъ образомъ еще съ полчаса промечтала о поэзіи и музыкѣ, наклонившись головкою къ нюнитру рояля и правой ручкой перебирая клавиши.

Но вдругъ мечты ея были прерваны появленіемъ ливрейнаго лакея, который доложилъ ей объ Вельскомъ.... Прикажите принять! сказалъ онъ въ заключеніе.

Графиня только что встала и еще не отдавала никакихъ приказаній.

— Который часъ? спросила она.

— Второй въ началѣ, ваше сіятельство.

Мысль отказать Вельскому мелькнула въ головѣ ея, но тотчасъ-же, вспомнивъ о своихъ планахъ мщенія, она сказала:

«Проси!»

Лакей ушелъ. Она отошла отъ ройяля и усѣлась въ широкую causeuse, поправляя сборки своего пышнаго пегнеже.

Графиня была очень-мила въ этомъ легкомъ утреннемъ нарядѣ. Широкій муселиновый капотъ роскошно распахнулся на бѣлой тафтяной юбкѣ. Грудь ея, нестянутая корсетомъ, мѣрно колыхалась подъ полупрозрачною кисеею. Волосы, причесанные à la Hahen, спускались вдоль щекъ, какъ два вороновыя крыла, закрывая почти половину щеки. Въ глазахъ ея была видна какая-то томность, слѣдствіе вчерашняго бала. Вельскій невольно остановился при входѣ въ гостиную и нѣсколько секундъ молча смотрѣлъ на нее. Но наконецъ, какъ будто вспомнивъ о чемъ-то, улыбнулся и сказалъ ей, опускаясь подлѣ, въ эластическія кресла:

— Я зналъ, что вы примете меня.

Графиня посмотрѣла на него безъ досады и удивленія.

— Это нетрудно было угадать, сказала она.

— Разумѣется. Надобно-же вамъ было распросить меня о томъ, что значили всѣ мои вчерашніе поступки и потомъ попросить меня, избавить васъ отъ моихъ преслѣдованій, за то, что я поссорилъ васъ съ двумя знаменитостями.

— Нисколько. Во-первыхъ отъ меня зависитъ тотчасъ-же помириться съ ними, и вы слишкомъ самолюбивы, если думали, что безъ васъ я не съ умѣю сдѣлать этого. Во-вторыхъ знакомство съ этими людьми было только минутнымъ капризомъ и я никогда не предпочту его вашей испытанной дружбѣ.

Вельскій пристально посмотрѣлъ на нее.

— Какъ? И вы мнѣ прощаете всѣ мои насмѣшки надъ этими свѣтилами, и мой заговоръ, чтобы помѣшать поктурнѣ? Послѣ этого есть люди, которые увѣряютъ, что женщина не ангелъ!

— А такъ вы даже составляли заговоръ противъ Касовскаго?

Вельскій закусилъ губы, но отвѣчалъ:

— Я старался объ васъ-же графиня. Вы уже слишкомъ замѣтно отдавали преимущество этимъ людямъ и это могло возбудить пересуды.

Графиня вспыхнула, но вспомнивъ о своемъ планѣ, отвѣчала въ элегическомъ тонѣ:

— Вы жестоко поступаете со мной, М-г Вельскій. Виновата-ли я, если, встрѣтивъ въ нашемъ пустомъ свѣтѣ людей съ возвышен-

ными понятіями, талантомъ, и что̀ всего болѣе, съ душою; умѣющею любить и чувствовать, я невольно увлеклась къ нимъ сочувствіемъ. Вы говорите, что хорошо узнали меня; но неужели вы не видали до-сихъ-поръ и не видите, что мнѣ надоѣла мертвящая холодность этого ходячаго трупа, который мы всѣ называемъ большимъ свѣтомъ, что я ищу, прошу чувства, привязанности, взаимности, хотя-бы должна была заплатить за это спокойствіемъ моей остальной жизни. Меня душитъ, давитъ этотъ ледяной этикетъ, эта безжизненная учтивость. Мнѣ больно ничему и никому не вѣрить въ свѣтѣ. Я хочу узнать страсть сильную и возвышенную, хочу обмануть себя — а вы и въ этомъ мѣшаете мнѣ и безжалостно разбиваете кумиръ мой, которому я хотѣла покланяться въ ослѣпленіи....

И графиня, съ видомъ величайшей горести, закрыла свое очаровательное личико полными и бѣленькими ручками.

Вельскій смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ. Видя, что Графиня не отнимаетъ своихъ рукъ, онъ рѣшился наконецъ сказать:

— Послушайте, графиня,— что̀-бы это ни было — припадокъ-ли женскаго каприза, или, въ-самомъ-дѣлѣ, горесть обманутаго сердца, но все-таки вамъ не о чемъ печалиться. Вы молоды, хороши, богаты. Вамъ стоитъ захотѣть и оба геніи очутятся у ногъ вашихъ, и вы можете выбрать любаго изъ нихъ или даже пожалуй обѣихъ вмѣстѣ, чтобы вдругъ узнать прелесть музыки и поэзіи.

Графиня опять почувствовала сильное желаніе выцарапать ему глаза, но, скрѣпя сердце, продолжала въ прежнемъ тонѣ.

— Но не вы-ли сами разрушили очарованіе, показавъ мнѣ въ настоящемъ видѣ этихъ людей, которыхъ я считала геніями, существами высшими? Вы показали мнѣ въ самомъ яркомъ видѣ ничтожество этихъ лицъ, которые ни о чемъ не думаютъ, кромѣ самихъ себя. Нѣтъ, въ сердцѣ, занятомъ славою, не можетъ быть мѣста любви. Человѣкъ, который принадлежитъ всему свѣту, не можетъ вполнѣ принадлежать одной женщинѣ. Любви ея будетъ недостаточно тому, кто пріобрѣлъ любовь цѣлаго свѣта. Онъ и на груди ея будетъ думать о своихъ успѣхахъ; что̀-бы для него ни сдѣлала женщина, которая отдается ему, онъ всегда будетъ имѣть право сказать ей: я принесъ тебѣ въ жертву гораздо болѣе, чѣмъ ты мою золотую независимость и любовь тысячи женщинъ, готовыхъ, по первому слову моему, раздѣлять со мною мою блестящую славу.

Удивленіе Вельскаго возврастало все болѣе и болѣе. Въ сло-

вахъ графини было столько жару, чувства, истины, что онъ невольно повѣрилъ ей и вскричалъ.

— Графиня, неужели я до-сихъ-поръ не зналъ васъ? Неужели, въ-самомъ-дѣлѣ, вы не похожи на остальныхъ женщинъ? Неужели вы, въ-самомъ-дѣлѣ, чувствуете то, что говорите?

Вы въ-правѣ не вѣрить мнѣ, отвѣчала она: не я-ли сама хотѣла подавить въ себѣ чувство, которое невольно порывалось изъ груди моей. Напрасно стараясь сыскать отголосокъ въ чьемъ нибудь сердцѣ, напрасно-бы я стала высказывать свѣту это тайное стремленіе — онъ не понялъ-бы меня, онъ сталъ-бы смѣяться надо мною, какъ вы теперь. Не знаю, какое чувство заставляетъ меня открыть вамъ завѣтныя желанія моего сердца. Можетъ-быть, я и ошибаюсь, и вмѣсто участія и состраданія, встрѣчу одни колкія насмѣшки, но я дѣлаю это противъ воли. Какой-то тайный голосъ твердитъ мнѣ, что подъ вашею холодною наружностью скрывается душа пламенная и благородная, которая поймете меня, что сердце ваше приметъ во мнѣ участіе. Въ самыхъ насмѣшкахъ, которыми вы меня преслѣдуете, я вижу вашу дружбу ко-мнѣ. Вельскій! Неужели я ошиблась въ васъ? Неужели вы не спасете меня отъ самой себя, не подадите мнѣ совѣта, не научите, какъ мнѣ побѣдить свои чувства?

И она обратила на него съ умоляющимъ видомъ свои черные глазки, на рѣсницѣ которыхъ качалась прозрачная и свѣтлая слезка. И она съ такимъ чувствомъ пожала ему руку, что бѣдный Вельскій не выдержалъ. Онъ позабылъ и свою недовѣрчивость къ людямъ, и свои обѣщанія не вѣрить словамъ женщинъ, онъ разнѣжился, какъ 20-ти лѣтній ребенокъ, и цѣлуя эту пухленькую ручку, вскричалъ въ восторгѣ: «Графиня! вы не ошиблись во мнѣ. Я точно привязанъ къ вамъ всей душею. Я никогда не говорилъ вамъ пышныхъ фразъ о любви и дружбѣ: онѣ нынче сдѣлались смѣшны даже въ стихахъ. — Но я всегда желалъ, чтобы вдругъ случилось-какое нибудь обстоятельство, гдѣ-бы помощь моя была вамъ полезна. Вы-бы тогда увидѣли, графиня, на что я для васъ могу рѣшиться. Но теперь, въ эту минуту, когда вы просите, чтобы я помогъ вамъ погасить въ душѣ вашей прекрасное чувство, жажду любви — умоляю васъ напротивъ гордиться имъ, не заглушать его, но только обратить на того, кто понимаетъ васъ, кто достоинъ васъ, кто любитъ васъ, какъ дитя, какъ безумецъ...

И онъ осыпалъ горячими поцѣлуями ея руку, и рука эта, противъ воли, дрожала въ рукахъ его, и высоко подымалась грудь

графини, волнуемая сладкимъ чувствомъ. Она не знала, что любовь, какъ магнитъ, имѣетъ два полюса, что она оттолкнетъ отъ себя или притянетъ къ себѣ, и что между этими двумя чувствами — ненавистью и взаимностью, не можетъ быть середины. Сердце уже начинало притягивать ее къ Вельскому, но обиженное самолюбіе громко твердило ей: «Вспомни, что этотъ человѣкъ причиною всѣхъ твоихъ неудовольствій, что онъ одинъ до-сихъ-поръ смѣялся надъ твоею властью и не признавалъ ее». И она, не отнимая у него руки, начала обдумывать, какъ-бы лучше унизить его.

Но для Вельскаго этихъ немногихъ минутъ было достаточно, чтобы возвратиться къ своей прежней недовѣрчивости. Онъ быстро поднялъ голову и успѣлъ подмѣтить въ глазахъ графини какое-то странное выраженіе. Роковая мысль — надъ тобой смѣются, какъ молнія пробѣжала въ головѣ его, еще минута и онъ былъ-бы осмѣянъ, униженъ, но онъ пристально посмотрѣлъ на графиню, и сказалъ съ удивленнымъ видомъ: «Графиня! Ахъ Боже мой! отъ-чего это у васъ на щекѣ такое огромное синее пятно?...

И графиня съ крикомъ: «Гдѣ, гдѣ?» подобрала полы своего капота и почти бѣгомъ бросилась къ огромному трюмо.

Громкій, язвительный смѣхъ раздался у нея за плечами. Она тотчасъ-же остановилась, поняла, въ чемъ дѣло, и съ яркою краской досады и бѣшенства бросилась въ кресла, терзая безъ милосердія вышивную уборку своего пеглиже.

— Что-жъ, графиня! посмотритесь, посмотритесь въ зеркало. Вы увидите въ немъ, что маска разсерженной женщины къ вамъ идетъ гораздо-болѣе, чѣмъ пылкой и непонятой страдалицы.

— Графиня, молча, опустила голову, ожидая самыхъ язвительныхъ насмѣшекъ и упрековъ и приготовляясь въ свою очередь отвѣчать тѣмъ-же, но вдругъ, къ ея удивленію, Вельскій началъ самымъ холоднымъ тономъ, полнымъ какой-то грусти:

— Графиня! Женщина, которая хотѣла играть чувствомъ любви, не стоитъ насмѣшекъ, но на-противъ сожалѣнія. Да, мнѣ жаль васъ. Простите мнѣ первый порывъ моей злости — онъ былъ слѣдствіемъ минутной досады. Повѣрьте, что я искренно сожалѣю объ васъ. Какъ, въ васъ нѣтъ ни души, ни сердца? Вы не чувствуете необходимости жить другою жизнью, непохожею на нашу вздорное и холодное прозябаніе въ этомъ свѣтѣ? Вы ничего не чувствовали въ то время, когда я со всѣмъ жаромъ любви пылкой и истинной цѣловалъ ваши руки? Вы ничего не

чувствовали, когда говорили слова, полные тоски и страсти? Какъ-же послѣ этого мнѣ не пожалѣть объ васъ? Неужели я и васъ долженъ буду причислить къ этой толпѣ статуй, которыхъ я осужденъ встрѣчать каждый день. Но и у нихъ, хоть у нѣкоторыхъ, когда-нибудь да-текла-же кровь немного побыстрѣе обыкновеннаго, и они хоть разъ въ жизни чувствовали, что у нихъ подъ затянутымъ корсетомъ есть еще и сердце, и они когда-нибудь да проводили-же хоть одну безсонную ночь, мечтая о любви и счастьи, пылая лихорадочнымъ жаромъ. Я твердо увѣренъ въ этомъ. Вѣдь для чего-же-нибудь Богъ далъ имъ это сердце, которое не всегда бьется ровно и одинаково. Вѣдь не простойже это кусокъ мяса, вложенный въ человѣка только для увеличенія его вѣса. Повѣрьте мнѣ, сердце тотъ-же маятникъ: оно каждый мигъ твердитъ намъ стукомъ своимъ, торопись любить, какъ тотъ: — торопись жить. Но къ чему я все это говорю вамъ? Графиня! Я вижу ясно, что вы также принадлежите къ числу тѣхъ существъ, которыя носятъ корсеты, до того стягивающіе грудь, что имъ и самимъ не слышно, какъ бьется у нихъ сердце. Я ошибся и въ васъ. Что дѣлать! Виню самого себя. Я не долженъ былъ судить по наружности. Я думалъ, что въ человѣчествѣ, какъ въ ботаникѣ, прекрасное растеніе не можетъ цвѣсти безъ сердцевины. Видно, для женщинъ писаны природой другіе законы. Не желаю только одного, графиня — чтобы вы когда-нибудь почувствовали, что и у васъ есть сердце. Пробужденіе ваше будетъ ужасно. Вы можете полюбить до безумія, а подобныя страсти, если онѣ не награждены взаимностью, губятъ хуже всякаго яду. Я сказалъ все — даже больше, чѣмъ было нужно! Теперь вы позволите мнѣ откланяться.

— Надѣюсь для того, чтобы ужъ никогда болѣе не видаться? сказала графиня, едва не плача отъ досады и гнѣва, но въ душѣ своей сознавая справедливость словъ Вельскаго.

— На-противъ, мы будемъ съ вами видѣться какъ обыкновенно, пожалуй нѣсколько рѣже, но все-таки *должны* видѣться. Вы понимаете, что я дѣлаю это собственно для васъ. Ссора между мужчиною и женщиною въ свѣтѣ всегда подаетъ поводъ къ разнымъ толкамъ. Надобно, чтобъ вы могли ясно сказать причину, почему перестали принимать меня въ домъ свой. Безъ этого всегда выведутъ предположеніе: стало быть они прежде уже были очень-дружны между-собою. А, вѣрно, вы не захотите, чтобы это говорили про насъ. Если я и имѣлъ что-нибудь въ виду, преслѣдуя васъ все это время моими насмѣшками и услугами, то

теперь, разумѣется, оставлю всѣ исканія, слѣдовательно, вамъ нечего меня опасаться. Даю вамъ слово избѣгать даже всякихъ случаевъ говорить про васъ, не мѣшать вамъ ни въ чемъ, не вмѣшиваться ни въ какія дѣла ваши — если только вы этого сами не потребуете. Надѣюсь, что вы за это позволите мнѣ являться изрѣдка къ вамъ по четвергамъ, и поклониться вамъ, если гдѣ-нибудь встрѣчусь съ вами. Одного только не обѣщаю вамъ: молча смотрѣть на глупости вашихъ обожателей. Это сверхъ моихъ силъ. Позвольте мнѣ имѣть удовольствіе хоть смѣяться надъ людьми, если я не могу плакать объ нихъ!

И Вельскій почтительно откланялся графинѣ и вышелъ.

Слезы градомъ хлынули изъ глазъ ея. Она уже не могла и не хотѣла долѣе ихъ удерживать. Но въ ту-же минуту раздался опять знакомый голосъ.

— Вы плачете! Это добрый знакъ! Я забылъ здѣсь мою перчатку и вернулся очень-кстати, чтобы увидать, что вы можете плакать — хоть отъ досады.

И Вельскій снова скрылся за дверью.

Съ минуту сидѣла графиня, прислушиваясь къ шуму отпираемыхъ дверей и ожидая, не вернется-ли еще разъ ея мучитель, — но на этотъ разъ онъ скрылся совсѣмъ. Шумъ отъѣзжающей кареты увѣрилъ ее въ этомъ.

Тогда она отерла слезы и быстро вскочила съ дивана.

— Хорошо, мы увидимъ, кто изъ насъ побѣдитъ, вскричала она съ какимъ-то торжественнымъ видомъ. Онъ сказалъ, что у меня нѣтъ сердца... но завтра-же люди, о которыхъ теперь говоритъ весь Петербургъ, будутъ лежать у ногъ моихъ.

И она приказала подать карету.

V.

Графиня сдержала свое обѣщаніе.

Черезъ нѣсколько времени весь Петербургъ началъ говорить о томъ, что двое изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ талантовъ влюблены въ нее до безумія, но что въ то-же время она ведетъ себя удивительно, не подавая ни малѣйшаго повода къ сплетнямъ, не оказывая ни тому, ни другому никакого предпо-

чтенія. Имя и фамилія графини являлись печатные и литографированные на тысячи листкахъ, въ видѣ стиховъ и бемолей, поэмъ и варіацій, музыкальныхъ и поэтическихъ фантазій. Она прославилась во всей Россіи. Всѣ говорили объ ней, всѣ завидовали ея участи. Вельскій, къ-сожалѣнію, не видалъ ея тріумфа: вскорѣ послѣ сцены на балу и въ гостиной онъ уѣхалъ изъ Петербурга. Болѣе полугода не встрѣчали его въ блестящихъ свѣтскихъ гостиныхъ. И надобно признаться, что онъ уѣхалъ кстати.

Графиня начала уже было распускать про него кой-какіе невыгодные слухи, которые также скоро разносились, какъ ея слава, и могли очень повредить ему. Но отсутствіе его, на которое онъ не даромъ разсчитывалъ, произвело желаемый успѣхъ. Въ свѣтѣ иногда вспоминали объ немъ въ шумной и острой бесѣдѣ, и жалѣли, что его нѣтъ.

Графиня на-противъ почти забыла объ немъ, считая отъѣздъ его нѣмымъ признаніемъ ея превосходства и безсиліемъ вступить съ нею въ открытую войну. Впрочемъ и она иногда желала, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ ея побѣдъ. Ненависть ея къ Вельскому постепенно охладѣвала и торжество ея было мщеніе, которое она ему готовила. Такъ прошло все лѣто 1841 года, знаменитое своими морозами, наступила зима, славная дождями и оттепелями, зима, которую природа раза по три пригоняла въ Петербургъ, и которая раза по три упрямо спалзывала съ его деревянной мостовой. Карнавалъ этого года былъ довольно-великъ, постъ начался поздно. Балы и вечера въ Петербургѣ были блистательнѣе, чѣмъ когда-либо. Каждый четвергъ у графини, подъ чудную скрипку Лядова, плясалъ и прыгалъ весь петербургскій beau-monde, толкуя о «Матильдѣ» Еженя Сю, и о происшествіи въ домѣ княгини Т. два разговора, которые были тогда очень въ модѣ.

Въ одинъ изъ четверговъ, въ половинѣ бала, когда вниманіе всѣхъ было утомлено, когда ножки не съ такою рѣзвостью бѣгали по паркету, когда улыбки не такъ мило взбѣгали на весьма немпленькіе ротики петербургскихъ красавицъ, когда кавалеры въ сотый разъ повторили однѣ и тѣ-же фразы всѣмъ дамамъ по-очереди, графиня, не знаю по какой-то странной прихоти, вдругъ вспомнила о прошлогоднемъ вечерѣ, о торжествѣ Вельскаго, взглянула на Касовскаго, который въ роли пламеннаго обожателя, не выпускалъ ее изъ глазъ, и сказала ему томно-очаровательнымъ голосомъ:

— M-r Alexandre! У меня есть къ вамъ просьба?

— Отъ-чего-же не приказаніе, Графиня?

— Сыграйте намъ вашу фантазію: ***Le demon pardonné***!

Касовскій тотчасъ-же бросился къ роялю. Онъ позабылъ о томъ времени, когда это-же общество хохотало подъ плачевныя звуки «дьявольскихъ слезъ», какъ полгода тому назадъ онъ поклялся въ душѣ своей никогда не играть въ обществѣ, никогда не исполнять просьбы графини. Раздались аккорды полные и звучные — въ нихъ противъ воли вылилась душа музыканта, душа, обнадеженная женской любовью, согрѣтая женской улыбкой. Въ гостиной были тѣ-же люди, тѣ-же заговорщики, но не было души ихъ, не было Вельскаго. Они также почти не слушали Касовскаго и готовы были снова прервать его въ самомъ эффектномъ мѣстѣ; даже несчастный Лунинъ, все еще юнкеръ, также былъ тутъ — и между тѣмъ успѣхъ былъ огромный. Графиня сидѣла подлѣ рояля и первая стала аплодировать, когда онъ кончилъ. Оглушительныя рукоплесканія раздались со всѣхъ концовъ гостиной, дамы аплодировали своими маленькими ручками, мужчины кричали браво изъ угожденія дамамъ. Музыкантъ раскланивался на обѣ стороны. Графиню осыпали благодарностью за доставленіе такаго небеснаго удовольствія. Она была очень-довольна. Касовскій, раскраснѣвшись отъ восторга, обмахивался роскошнымъ фуляромъ, и вдругъ за его плечами раздался чей-то знакомый голосъ, котораго онъ впрочемъ давно не слыхалъ:

— Позвольте и мнѣ васъ поздравить, М-г Касовскій! Вашъ талантъ дѣлаетъ исполинскіе шаги. Больше всего мнѣ нравится то, что вашъ чортъ ужъ пересталъ плакать и на-противъ смѣется отъ радости.

Касовскій, еще подъ упоительнымъ вліяніемъ торжества, обернулся и крѣпко сжалъ руку Вельскаго, съ словами:

— Это вы, mon bon M-r Velsky, блалодарю васъ!...

И графиня услышала этотъ голосъ. Слегка покраснѣвши, она однако протянула неожиданному гостю свою бѣленькую ручку, обтянутую душистой перчаткой, и сказала самымъ ласковымъ голосомъ:

— М-г Вельскій! Какой неожиданный сюрпризъ. Давно-ли вы въ Петербургѣ?

— Сегодня утромъ вернулся я изъ моего маленькаго вояжа по южнымъ губерніямъ, и вспомнивъ о тѣхъ веселыхъ и незабвенныхъ четвергахъ, которые я проводилъ здѣсь въ про-

шломъ году, осмѣлился незванный явиться въ вашъ домъ послѣ полугодоваго отсутствія.

— Vous êtes toujours le bien-venu, отвѣчала графиня, но теперь вы принадлежите обществу, которое не забыло васъ, не-смотря но то́, что такъ давно васъ не видало. Я съ вами танцую слѣдующую кадриль, не эту, а вторую, которая будетъ. Мнѣ надо съ вами поговорить о многомъ.

И графиня, полная восторга и счастья, сѣла подлѣ торжествующаго музыканта и начала съ нимъ о чемъ-то разговаривать. Вельскій видѣлъ это и грустная улыбка пробѣжала по лицу его; но въ ту-же минуту почти все общество услышало о неожиданномъ появленіи его и явилось поздравлять съ пріѣздомъ и послушать его новыхъ колкостей. Не мудрено, что свѣтъ такъ ласково принялъ его: онъ былъ для него почти новостью. Дамы посылали ему премилыя улыбки, мужчины жали руки, вопросы сыпались на него градомъ: «Откуда? Давно-ли? Такъ неожиданно? Что́ дѣлалъ? Гдѣ былъ? За-чѣмъ уѣзжалъ?...» Вельскій точно также быстро отвѣчалъ: «Изъ Тавриды... Сегодня... Не хотѣлъ мѣшать Касовскому и вошелъ тихо... Ничего... Вездѣ... Отъ нечего дѣлать.

— Ты такъ давно не былъ здѣсь, что многаго не узнаешь, многое перемѣнилось, говорилъ князь Ц.

— Старый покрой на новую изнанку, отвѣчалъ Вельскій.

— Ты удивишься: баронъ Ж. по-умнѣлъ и не шутя! говорилъ Левушка Мицкій.

— Я-бы удивился, если-бы онъ поглупѣлъ. Это была-бы вещь невозможная. У него глупость доходила до nec plus ultra.

— Княжна Софи вышла замужъ.

— Для прилода дураковъ подъ княжеской короной!

— Піявкѣ Н — ну дали отставку.

— Выжили да не выжали.

— Даша Г. уѣхала на зиму, съ матерью, въ украинскую деревню.

— Съ бременемъ петербургскихъ воспоминаній?...

— Левушка Мицкій написалъ новый водевиль.

— Съ старымъ успѣхомъ?

— Старуха Е. умерла.

— Слава Богу, господа, хоть одна утѣшительная новость!...

И толпа молодежи, съ хохотомъ, отхлынула отъ него, потому-что въ это время раздались первые звуки кадрили.

— Надобно и мнѣ пуститься въ плясъ, подумалъ Вельскій: да

разспросить, что́ въ это время, безъ меня, напроказила графиня. Къ кому-бы только обратиться. Да! чего-же лучше! Старыя дѣвы знаютъ на-перечетъ всѣ чужія тайны.

И онъ, пройдя мимо многихъ хорошенькихъ дамъ, которыя привѣтливо ему улыбались, обратился къ дѣвицѣ Ястребцовой съ обыкновенной фразой ангажированія.

Дѣвица Ястребцова, если-бъ смѣла, бросилась-бы къ нему на шею и расцѣловала за это неожиданное приглашеніе. Танцовать съ ловкимъ, умнымъ, любезнымъ и острымъ свѣтскимъ человѣкомъ было для нея вѣ́рхомъ блаженства, котораго она давно не испытывала.

— Вы соскучитесь со мною, говорила она, подавая ему огромную руку, на которой, какъ-будто въ доказательство, что нѣтъ ничего невозможнаго въ мірѣ, натянута была маленькая дѣтская перчатка въ $6\frac{1}{4}$: — я не славлюсь своимъ остроуміемъ и не имѣю блестящаго дара: колоть своего ближняго подъ видомъ любезности, которымъ вы владѣете съ такимъ совершенствомъ.

При этихъ словахъ дѣвица Ястребова засмѣялась и съ удивительнымъ искусствомъ показала только верхній рядъ зубовъ, еще довольно-бѣлыхъ.

Вельскій отвѣчалъ ей какой-то пошлой фразой любезности и повелъ на середину залы, мимоходомъ шепнувъ Лупину: «Будьте моимъ vis-à-vis».

Кадриль началась. Графиня танцевала, вопреки ожиданіямъ, не съ Касовскимъ, а съ Сонинымъ, который на этотъ разъ solo сдѣлалъ довольно-порядочно.

— Ну, что́, говорилъ Вельскій своей дамѣ: много у васъ безъ меня случилось перемѣнъ?

И словоохотливая дѣвица начала ему пересказывать всѣ петербургскія сплетни, часть которыхъ онъ уже слышалъ отъ своихъ друзей. Видя, что двѣ фигуры уже окончены, а конца разсказа еще не видно, Вельскій вдругъ перебилъ ее и спросилъ самымъ обыкновеннымъ тономъ:

— А что́-же вы мнѣ ничего не разсказываете про хозяйку дома, графиню Вѣнцеславскую? Неужели въ это время съ ней ничего не случилось замѣчательнаго?

Старая дѣва рада была только поговорить съ кѣмъ-бы то ни было и о чемъ-бы ни было; о молодыхъ дамахъ она говорила, впрочемъ, охотнѣе; тутъ можно было болѣе дать пищи своей изобрѣтательности; потому-то она тотчасъ-же перемѣнила разговоръ и начала разсказывать о графинѣ:

— Графиня, М-г Вельскій, безъ васъ сдѣлала удивительные успѣхи въ кокетствѣ. Вообразите, что теперь во всемъ Петербургѣ и рѣчи что только про нее. Она до того умѣла завлечь двухъ первыхъ знаменитостей нашей столицы, что они отъ нея безъ ума. Но что всего замѣчательнѣе и что доказываетъ верхъ самаго утонченнаго кокетства, — никто не можетъ узнать, кому изъ нихъ она отдаетъ предпочтеніе. По-видимому, она обходится съ обоими одинаково, но вѣдь надобно-же, чтобы она кого-нибудь предпочитала. Не возможно-же любить обоихъ?

При этомъ наивномъ замѣчаніи 38-ми-лѣтней дѣвицы, Вельскій не могъ скрыть своей улыбки. По-счастію, въ жару разсказа, дѣвица этого не замѣтила, и продолжала:

— Повѣрите ли? они вѣчно съ нею. На балахъ, на гуляньяхъ они всегда ея кавалеры и провожатые.... и, должно-быть, что оба очень-глупы, если не ссорятся другъ съ другомъ и не понимаютъ, что они соперники. Есть у нея еще одинъ обожатель — юнкеръ Лунинъ.... но этотъ все молчитъ и вздыхаетъ. Глухой генералъ Р. тоже отсыпаетъ ей, подъ-часъ, армейскія нѣжности; каммеръ-юнкеръ А., прославившійся своими неблаговидными поступками, посылаетъ ей иногда страстно-косые взгляды. Князь О, тоже изъ-подтишка съ нею любезничаетъ. Однимъ словомъ, у нея теперь столько почитателей, что, я думаю, она и сама не знаетъ какъ, отъ нихъ отдѣлаться.

Бѣдная дѣвица, какъ вы изволите видѣть, была очень-неопытна: такъ какъ, за ней никогда не ухаживало слишкомъ много обожателей, то она и думала, въ простотѣ сердца, что съ ними бываетъ очень-много хлопотъ. Вельскій между-тѣмъ думалъ: «Слава Богу! По крайней-мѣрѣ про нее не говорятъ ничего особеннаго.»

И обратясь къ своей дамѣ, онъ снова сказалъ ей:

— Не знаете-ли вы чего-нибудь объ этихъ двухъ свѣтилахъ, которые теперь такъ ясно сіяютъ на горизонтѣ петербургскаго неба?

— Вы говорите о поэтѣ и музыкантѣ? О, малѣйшія подробности жизни ихъ извѣстны всему свѣту, хоть они и стараются скрывать ихъ.

— Почему-же?

— Потому, что они не совсѣмъ поэтическія. Касовскій живетъ гдѣ-то въ Гороховой и, какъ говорятъ, довольно-хорошо. У него нѣтъ здѣсь родныхъ; онъ, кажется, изъ Рязани. По несчастію, музыкантъ пишетъ свои превосходныя произведенія въ минуты, свободныя отъ должности. Онъ служитъ въ одномъ изъ депар-

таментовъ Военнаго Министерства и каждое утро ходитъ въ свое отдѣленіе въ трехъ-угольной шляпѣ, и въ сертукѣ съ краснымъ воротникомъ. Онъ ни за что не хочетъ оставить своего мѣста, гдѣ, говорятъ, получаетъ большое жалованье, не считая постороннихъ доходовъ. Я-бы очень хотѣла посмотрѣть на великаго музыканта, когда онъ сидитъ за своимъ столомъ, вмѣсто клавишей перебирая счеты.

— Что-же, если онъ и на нихъ фантазируетъ, это должно быть очень-выгодно. Ну, а поэтъ?

— Поэтъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Онъ нигдѣ не служитъ. Раза три, правда, онъ опредѣлялся въ разныя мѣста, но нигдѣ не могъ ужиться. Онъ слабаго здоровья и не могъ просиживать цѣлые дни, копя надъ перепискою бумагъ. Но это еще не главная причина того, что ему вездѣ давали отставку. У него превпыльчивый и преразсѣянный характеръ. То грубо отвѣтитъ начальнику, то подъ копіей съ дѣла подпишетъ: «Вѣрно съ подлиннымъ, Альцибіадъ». Онъ недавно окончилъ поэму подъ этимъ заглавіемъ. Однимъ словомъ, ему нигдѣ не посчастливилось и онъ живетъ теперь своими литературными трудами, работая въ 2-хъ или 3-хъ журналахъ на заказъ, и помѣщая свои повѣсти въ какомъ то періодическомъ изданіи, которое, кажется, называется: *Вздоръ за вздоромъ*, или что-то въ этомъ родѣ.

— Ну, и этотъ ведетъ не совсѣмъ поэтическую жизнь.

— Но за-то онъ прекрасный человѣкъ, съ доброю чувствительною душою. Въ немъ одинъ недостатокъ, что онъ очень интересничаетъ и корчитъ изъ себя Байрона. За то въ немъ много и хорошаго. Вообразите, что онъ своими трудами содержитъ мать, трехъ братьевъ и пятерыхъ сестеръ, изъ которыхъ самой старшей 12 лѣтъ. Отецъ его былъ какой-то бѣдный чиновникъ, который не далъ ему даже порядочнаго воспитанія. Онъ самъ учитъ своихъ маленькихъ сестеръ и братьевъ всему, что знаетъ. Не правда-ли, какая это прекрасная черта?

— Я согласенъ съ вами, но все таки мнѣ какъ-то странно представить себѣ поэзію съ указкой.

— Вотъ ужъ это и нехорошо. Надъ этимъ смѣяться грѣхъ. Чѣмъ виноватъ бѣдный молодой человѣкъ, что ему судьба не дала состоянія? Онъ и безъ того довольно жалокъ и смѣшонъ, являясь иногда на гуляньяхъ или въ театрѣ съ своей матерью, бывшей кухаркой его отца, и съ толпой ребятишекъ.

Вельскій поблагодарилъ ее за пріятную бесѣду и поклонился, потому, что кадриль въ это время кончилась и онъ, собравъ кой-

какія свѣдѣнія, не имѣлъ намѣренія продолжать разговоръ съ своей дамой. Она сдѣлала кислую гримасу и отправилась въ свой завѣтный уголъ.

VI.

Когда, при первыхъ звукахъ кадрили Вельскій, подошелъ къ графинѣ, она смѣшалась и сказала ему:

— Ахъ Боже мой, какъ я виновата передъ вами, М-г. Вельскій! Вообразите, я ангажировала васъ и позабыла, что дала слово М-г. Касовскому.

— Мнѣ странно, графиня, что вы такъ скоро забываете свои обѣщанія. Не можете-ли вы отправить музыканта въ слѣдующую кадриль. По вашему обыкновенію, у васъ ихъ, вѣрно, много въ запасѣ....

— Это правда, но Касовскій сейчасъ ѣдетъ по моей-же просьбѣ, прибавила она, улыбаясь, а я съ нимъ танцовала только одну кадриль. Пожалуста извините меня. Я вамъ за это подарю мазурку. Надѣюсь, что вы довольны?

— Не совсѣмъ, графиня! Мнѣ все таки досадно, что́ вы предпочли мнѣ этого casse-piano. Неужели онъ также искусно выдѣлываетъ ногами, какъ и руками? Впрочемъ для перваго нашего свиданія я не хочу съ вами ссориться и съ благодарностью принимаю мазурку. Позвольте однакоже, возмите хоть моего vis-à-vis. Вотъ ужъ онъ пробирается ко мнѣ, съ своей дамой...

Это былъ Лунинъ съ Ястребцовой, которую онъ взялъ изъ угожденія Вельскому, чтобы не отказать ему и за неимѣніемъ ничего лучшаго подъ рукою.

— Ахъ Боже мой! новое несчастіе! У Касовскаго ужъ есть vi's-à-vi's на цѣлый вечеръ.

— Ну такъ я откажу Лунину.

— Это будетъ неучтиво.

— Что́-жъ мнѣ дѣлать.

— Возмите другую даму.

— Развѣ старуху Брыкину? Я другой не вижу.

Лунинъ подошелъ къ нимъ въ это время.

— Извините! я не танцоу этой кадрили.

— Однако-же я ангажировалъ даму, провозгласилъ юнкеръ, обиженный сухимъ тономъ Вельскаго.

— Что-жъ дѣлать? Не танцовать-же мнѣ одному съ вами? еще суше отвѣчалъ онъ. Лунинъ подступилъ къ нему съ рѣшительнымъ видомъ:

— Милостивый государь!.. началъ онъ...

Но его прервала графиня. Она быстро подошла къ Лунину и сказала ему съ самой очаровательной улыбкой:

— Я во всемъ виновата, М-г Лунинъ. Я обѣщала М-г Вельскому танцовать съ нимъ эту кадриль, забывши, что ужъ меня ангажировалъ М-г Касовскій. Вы, вѣрно, извините меня.

Юнкеръ сдѣлалъ преглупую улыбку, которой хотѣлъ придать многозначительное выраженіе и отвелъ свою даму на прежнее мѣсто.

Дѣвица Ястребцова думая всю дорогу.

Конечно это было очень-незначительное обстоятельство, но Вельскій разомъ нажилъ себѣ двухъ враговъ: будущаго фельдмаршала Лунина и будущую супругу его Ястребцову. Одинъ обиженъ былъ его отвѣтами, а другая тѣмъ, что заставили ее въ глазахъ всего общества совершить обратное путешествіе къ своему углу.

— Что-же я буду дѣлать до мазурки? подумалъ Вельскій.

И пробѣгая взорами весь пышный кругъ дамъ и кавалеровъ, онъ вдругъ увидѣлъ Сонина въ томъ-же знакомомъ углу, гдѣ въ первый разъ увидѣлъ двухъ лицъ, которыя, по-волѣ судьбы, заняли довольно-значительныя роли въ исторіи его жизни.

— Чего-же лучше? подумалъ онъ. Я еще ни разу не имѣлъ чести говорить съ нашимъ вторымъ Пушкинымъ. Съ этимъ однако-же надобно дѣйствовать поосторожнѣе. Говорятъ онъ очень-не глупъ. И онъ подошелъ къ нему.

— М-г Сонинъ! вы видите во мнѣ одного изъ почитателей вашего таланта, который, видя, что вы не принимаете никакого участія въ нашихъ свѣтскихъ удовольствіяхъ, рѣшился, надѣясь на вашу доброту, попросить васъ разрѣшить кое-какія литературныя недоумѣнія.

— Я еще такъ мало сдѣлалъ для литературы и такъ мало изучалъ ее, что не рѣшусь произнести рѣшительнаго сужденія о чемъ-бы-то ни было, скромно отвѣчалъ Сонинъ.

— Во всякомъ случаѣ бесѣда съ вами не можетъ быть не поучительна. Я давно искалъ случая познакомиться съ человѣкомъ, котораго уважаю за его литературныя заслуги, и не имѣя

возможности быть вамъ представленнымъ, рѣшился самъ рекомендовать себя.

Сонинъ учтиво поклонился. Я, кажется, съ г-мъ Вельскимъ имѣю честь говорить? сказалъ онъ.

— Точно такъ. Удивляюсь, какимъ образомъ вы могли узнать мою фамилію, которая нисколько незнаменита. Я ничего не писалъ.

— За то описывали другихъ такъ, что они долго этого не забудутъ, отвѣчалъ съ какой-то насмѣшливой улыбкой Сонинъ, складывая руки на грудь.

— Ого, да онъ въ остроты пускается, подумалъ Вельскій. Съ нимъ надобно быть очень-осторожнымъ. — Значитъ, что вы меня знаете не съ хорошей стороны, прибавилъ онъ въ-слухъ.

— Хотите-ли, чтобы я отвѣчалъ вамъ правду?

— Хоть для рѣдкости. Ложью въ нашъ вѣкъ не удивишь!

— Въ свѣтѣ объ васъ не всѣ хорошаго мнѣнія.

— И вы вѣрите графинѣ? быстро спросилъ Вельскій. Сонинъ смутился; онъ не ожидалъ этого вопроса.

— Отъ-чего-же мнѣ не вѣрить ей? сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. — Вельскій ожидалъ этого вопроса, и отвѣчалъ очень-хладнокровно.

— Впрочемъ, это натурально. Можемъ-ли мы не повѣрить женщинѣ, которую любимъ.

Сонинъ вспыхнулъ.

— Милостивый государь, вскричалъ онъ, сжимая руку Вельскаго: — кто вамъ далъ право говорить это?

— Ахъ, Боже мой! весь свѣтъ! Въ свѣтѣ только объ этомъ и говорятъ.

Сонинъ опустилъ его руку и сказалъ мрачнымъ голосомъ:

— Я бы дорого далъ, чтобы узнать, кто первый распространилъ этотъ слухъ.

— Я и даромъ скажу вамъ: это сама графиня.

— Какъ? И она не сердится за это? спросилъ Сонинъ съ худо-скрываемой радостью

— Глупо, подумалъ Вельскій. Я покрайней мѣрѣ думалъ, что онъ скажетъ: »Какъ? и она сама смѣетъ говорить это.« Видно онъ влюбленъ не на-шутку.

Сонинъ между-тѣмъ, видя, что онъ ничего не отвѣчаетъ, снова началъ говорить:

— Вы сказали, что графиня знаетъ о любви моей. Стало-быть, она или молчаніемъ одобряетъ страсть мою, въ которой я

не хочу и не могу скрываться, или считаетъ меня слишкомъ ничтожнымъ существомъ, на котораго не стоитъ обращать вниманія. Вы знаете графиню, и даже, судя по ея разсказамъ, больше, нежели-бы она того хотѣла. Я васъ прошу теперь сказать мнѣ, чего я долженъ надѣяться?

И онъ пылающими взорами слѣдовалъ за малѣйшимъ измѣненіемъ въ физіономіи Вельскаго.

— Какъ вы мало знаете свѣтъ, М-г Сонинъ, отвѣчалъ тотъ, сохраняя прежнее хладнокровіе. Неужели вы думаете, что свѣтская женщина станетъ высказывать постороннему человѣку свои сердечныя тайны? Она часто самому предмету своей страсти не дастъ ничего замѣтить. Подобныя вещи узнаются вдругъ, нечаянно, въ-слѣдствіе какихъ-нибудь неожиданныхъ обстоятельствъ. Положимъ на-примѣръ, что вы-бы теперь вдругъ упали и умерли, —тогда-бы вы могли узнать, любитъ-ли васъ графиня, да и то еще, можетъ-быть, она не рѣшилась-бы броситься къ вамъ, изъ опасенія измять свое бальное платье.

— Это не правда, угрюмо произнесъ Сонинъ. Истинная любовь не знаетъ приличій свѣта. Она выражается противъ воли.—

— Да! въ романахъ, но нигдѣ болѣе. Повѣрьте мнѣ, что въ свѣтѣ наружность и соблюденіе приличій выше всего — особливо въ женщинѣ. Приличіе — кумиръ женщины, которому еще покланяется отъ колыбели. Не знаю, понимаете-ли вы, что́ я хочу выразить словомъ приличіе. Это французское: *convenance*. И въ этомъ значеніи оно не переводимо. Женщина большаго свѣта не позволитъ никогда своему любовнику обнять ее, если лифъ ея платья обшитъ сплоеннымъ рюшемъ. Она въ минуты самаго ужаснаго отчаянія не станетъ рвать свои волосы, гладко причесанные и напомаженные. На это способна только грубая, неблаговоспитанная горесть мужчины. У женщины есть мода на слезы, тоску и отчаяніе, какъ на прическу и покрой платья. Она, надѣвая трауръ по матери, заботливо осмотритъ каждую складочку, и никакъ не надѣнетъ его, если онъ сшитъ не къ лицу. Я самъ видѣлъ, какъ одна нѣжная дочь, идя за гробомъ отца въ дурную погоду, перескакивала очень ловко съ камушка на камушекъ, чтобы не замарать въ грязи своихъ французскихъ ботинокъ и потомъ презаботливо отчищала съ платья комочекъ мокрой глины, которой засыпали могилу ея отца. А она его очень любила, въ этомъ я увѣренъ. Мы смѣемся надъ этикетомъ двора Людовика XIV, надъ его раздушенными и раззолоченными маркизами, которые бѣгали отъ братскаго пожатія руки, опасаясь смять

свои кружевные манжеты, и закалывали другъ друга на поединкахъ тонкими шпагами, осыпанными жемчугомъ и алмазами. Но чѣмъ лучше нашъ вѣкъ? Не точно-ли также женщина заботится въ немъ больше о чистотѣ своихъ перчатокъ, чѣмъ тайныхъ желаній? И во всѣхъ вѣкахъ было тоже самое. И у древнихъ Поликсена, падая подъ жертвеннымъ ножомъ, поправляла свое платье, и Фрине носила сплошную тунику, закрывавшую грудь и плеча, неразрѣзанную съ боку до самаго бедра, какъ у другихъ Гетеръ. Послѣ этого намъ нечего жаловаться на упадокъ нравственности въ нашемъ вѣкѣ. Если ужъ человѣкъ долженъ необходимо поклоняться пороку, то пусть хоть по наружности сохранитъ неприступную добродѣтель. Все-же лучше тайныя оргіи Римлянъ, чѣмъ ихъ Луперкаліи, и жена Императора Нерона для меня выше Лауфеллы и Медулины. —

Сонинъ внимательно слушалъ монологъ Вельскаго и потомъ спросилъ его: Какое-же изъ этого я могу извлечь для себя нравоученіе?

— То, что женщины, для приличія, жертвуютъ всѣмъ и что знатная дама можетъ взять себѣ въ любовники водовоза, но никогда не выйдетъ за человѣка, который ниже ея по званію и рожденію. Извольте сами извлекать, какое угодно слѣдствіе изъ словъ моихъ. Рано или поздно вы убѣдитесь, что я говорилъ правду.

И Вельскій очень-учтиво поклонился Сонину и пошелъ бродить по залѣ.

А Сонинъ долго стоялъ, сложивъ руки на груди и припоминая въ головѣ своей слова этого страннаго человѣка.

Раздались веселые и оживленные звуки мазурки.

Лунинъ подлетѣлъ къ графинѣ:

Онъ уже сдѣлалъ большіе успѣхи въ свѣтскомъ образованіи и на этотъ разъ не началъ обыкновенными словами: «Permettez de vous»... Онъ сковалъ какую-то громкую фразу изъ надежды и счастія и залпомъ заставилъ графиню проглотить ее.

— Извините, я ужъ ангажирована, отвѣчала она.

И Вельскій, подойдя въ то-же время, подалъ ей руку.

Лунинъ поклялся въ душѣ своей питать вѣчную ненависть къ Вельскому и обернулся съ досадой и твердымъ намѣреніемъ схватить первую попавшуюся даму, чтобы показать графинѣ, что онъ нисколько не дорожитъ отказомъ и что для него совершенно все равно танцовать съ кѣмъ-бы то ни было.

Судьба въ насмѣшку подсунула ему дѣвицу Ястребцову.

Онъ однако съ рѣшимостью проглотилъ и эту пилюлю судьбы и подалъ руку старой дѣвицѣ.

Мазурка началась.

Графиня и Вельскій говорили безъ-умолку. Разговоръ ихъ часто прерывался фигурами мазурки, но мы передадимъ его безъ всякихъ промежутковъ. Онъ былъ очень-замѣчателенъ и даже необходимъ для продолженія нашей повѣсти. Безъ него она тутъ-бы и кончилась.

Графиня и Вельскій, какъ нынѣ водится, говорили, разумѣется, по-французски.

Тоже должно разумѣть и обо всѣхъ бывшихъ и будущихъ разговорахъ, и собственно говоря, я-бы долженъ былъ въ заглавіи моей повѣсти поставить: «переводъ съ французскаго», потому-что въ нашемъ свѣтѣ объясняются не иначе, какъ на этомъ языкѣ. Но я не сдѣлалъ этого по весьма-уважительной причинѣ: за оригинальную повѣсть платятъ дороже, хотя-бы она была въ десять разъ хуже переводной.

— Вотъ-мы и опять свидѣлись съ вами, графиня, говорилъ Вельскій. Позвольте только узнать, какъ вы приняли меня, какъ друга или какъ врага?

— Это вы должны сами рѣшить, М-г Вельскій.

— Я готовъ на то́ и на другое.

— Вѣрю! Но будемте откровенны. Вы меня жестоко обидѣли, назвавши женщиною безъ сердца, камнемъ, статуею. Другая-бы вамъ не простила этого во всю жизнь. Я тоже сильно была разсержена и еще долго спустя послѣ нашего разговора мстила вамъ, какъ могла...

— О! я знаю, что вы очень-изобрѣтательны, графиня.

— Оставьте ващи колкости. Я говорю серьёзно. Потомъ, когда вы уѣхали, я хорошенько перебрала въ умѣ всѣ подробности этой сцены, которая годилась-бы въ любую комедію, обдумала все, какъ слѣдуетъ, и открыла источникъ, откуда проистекали всѣ ваши оскорбленія и насмѣшки. Очень понятно, что самолюбіе ваше было оскорблено тѣмъ, что женщина чуть не провела васъ. Но и самыя насмѣшки ваши все таки были слѣдствіемъ вашей привязанности ко мнѣ. Будьте вы ко мнѣ равнодушны, вы-бы послѣ того какъ угадали мою хитрость, дошли-бы до бѣшенства, осыпали-бы меня сарказмами и никогда-бы болѣе не явились въ мою гостиную. Но вы не сдѣлали этого; вы хотѣли показаться хладнокровнымъ, хотѣли *жальть* обо мнѣ. Но неравнодушіе ваше, противъ воли, замѣтно было и въ этихъ холодныхъ словахъ, и въ этомъ сожа-

лѣніи, полномъ глубокой грусти. Разумѣется, что въ то время, я не могла всего этого обдумать. Но когда вы во второй разъ явились, чтобы взглянуть, запла́чу-ли я отъ вашихъ оскорбленій — о! въ этомъ поступкѣ было столько привязанности ко мнѣ, что если-бы обратились къ вамъ глаза мои съ умоляющимъ взоромъ, полные слёзъ, если-бы я сказала жалобнымъ голосомъ: «Вельскій! Простите меня«, то вы-бы тотчасъ-же упали къ ногамъ моимъ и снова осыпали-бы мои руки страстными поцалуями. Неправда-ли? А жаль, что я не вздумала тогда сдѣлать этого, прибавила она съ лукавой улыбкою. Тонкій знатокъ сердца женщинъ опять-бы попался въ просакъ.

Вельскій, чувствуя справедливость словъ ея, далъ себѣ обѣщаніе, быть, если можно, еще осторожнѣе съ этой женщиной, и наблюдать за каждымъ словомъ ея. Графиня, видя, что онъ ничего не отвѣчаетъ, продолжала:

— Вы обѣщались оставить меня въ покоѣ и не преслѣдовать:— новое доказательство вашей привязанности; я въ третій разъ употребляю это слово изъ учтивости. Человѣкъ равнодушный, послѣ моего поступка, почиталъ-бы себя въ-правѣ мстить мнѣ всѣми возможными способами. Вы уѣхали — еще доказательство, вы старались забыть меня. Могу-ли я послѣ этого питать къ вамъ ненависть?...

— Ужъ не любите-ли вы меня, графиня?

— Нисколько, но я не могу мстить вамъ!

— Итакъ, мы друзья.

— Опять таки повторю, что это будетъ зависѣть отъ васъ. Мы оба погорячились... Будемъ говорить откровенно... Это очень-ясно: Вы любили меня — я васъ не любила. Вина не моя. Богъ не судилъ намъ сойтись ни въ мысляхъ, ни въ чувствахъ. Неужели отъ этого мы должны быть врагами? Забудемте все прошедшее. Вообразите себѣ, что сцена между нами, которая, правду сказать, была очень-смѣшна, никогда не существовала — и будемъ жить по прежнему, — согласны-ли вы?

— Отъ-всей-души! Вражда въ нашъ просвѣщенный вѣкъ еще неумѣстнѣе привязанности. —

— Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ еще одинъ вопросъ, на который однакоже прошу отвѣчать, откровенно: вы, разумѣется, перестали любить меня?

— Да! рѣшительно отвѣчалъ Вельскій.

— Тѣмъ лучше, потому что въ противномъ случаѣ мнѣ-бы было васъ жаль.

— Это значитъ, графиня, что вы ужъ любите! Я былъ въ этомъ, увѣренъ и благодарю васъ за откровенность, но она не полна.

— Вотъ видите-ли, отвѣчала графиня, подумавъ нѣсколько времени: я хочу вполнѣ доказать вамъ, что не имѣю противъ васъ рѣшительно никакого враждебнаго чувства и потому признаюсь вамъ, что еще не знаю сама....

— То-есть вы колеблетесь между страстью къ музыкѣ и поэзіи.

— Именно! Я женщина—и потому сначала хочу, чтобы *меня* любили. Этого уже я достигла. Но повторяю вамъ еще разъ, хоть вы и увѣряете, что у меня нѣтъ сердца, мнѣ мало этой свѣтской любви. Я хочу пожертвованій, страсти, романтизма, а мнѣ кажется, что эти господа любятъ очень-положительно, и потому-то я не тороплюсь, а думаю, обсуживаю, выбираю, жду, чтобы сердце мое ясно высказало предпочтеніе въ пользу того или другаго, или чтобъ кто-нибудь изъ нихъ полюбилъ меня больше и сильнѣе. Видите-ли, какъ я съ вами откровенна!

— Еще разъ благодарю васъ, графиня, и прошу позволенія высказать то́, что́ я чувствую....

— Мнѣ всегда будетъ очень-пріятно знать ваше мнѣніе...

— Графиня, комплименты между нами смѣшны. Вамъ напротивъ будетъ очень-непріятно слушать меня, но я все-таки выскажу, удерживаясь, по возможности, отъ насмѣшекъ. Вы правы въ одномъ только случаѣ, графиня: между нами должна быть или вѣчная дружба, или вѣчная ненависть. Мы хорошо узнали другъ друга, такъ, что можемъ понимать тайную цѣль каждаго нашего слова и поступка; слѣдовательно, врагами мы не уживемся вмѣстѣ, потому что будемъ вредить другъ-другу, чѣмъ только можно, и борьба между противниками равной силы будетъ безконечна.

— Я не раздѣляю этого мнѣнія. Силы наши очень-неравны.

— Позвольте мнѣ окончить, графиня, и тогда вы можете опровергать меня, сколько вамъ угодно. — Я охотно вѣрю, что вамъ надоѣло однообразіе этой жизни—но чего вы ищите? Сильныхъ ощущеній? Я всегда былъ врагъ ихъ, и полагаю, что если они нужны для нашей натуры, то придутъ сами-собою. Но подумайте, что́ вы будете дѣлать въ свѣтѣ съ нашими сильными ощущеніями? Ихъ поминутно надо будетъ прятать подъ маску свѣтскихъ условій и приличій. Съ вашимъ пылкимъ характеромъ они васъ погубятъ. Романическая любовь могла родиться только въ минуты горячки, въ головѣ нашихъ писателей. И мы всѣ, прочитавши ея описаніе, именно отъ-того и плѣнились ею, что она

не существуетъ, и всѣ закричали въ голосъ: «Ахъ да! и въ самомъ, дѣлѣ! Какая возвышенная любовь! Что, если мы ее испытаемъ?» И начали испытывать. Воображеніе человѣка сильнѣе всего. Онъ можетъ, пожалуй, влюбиться въ кончикъ своего носа, если будетъ каждый день думать объ немъ и смотрѣть на него. Я считаю и сумашествіе—любовью къ одному предмету, дошедшей до крайности. И какъ вы уживетесь въ свѣтѣ съ этой сумасшедшей любовью?.. Вспомните, кто вы, и въ какомъ положеніи находитесь въ отношеніи къ обществу. Вы графиня и неужели захотите черезъ минутное ослѣпленіе лишиться всеобщаго уваженія? Вы легко можете сдѣлать какую-нибудь ошибку, которая на-всегда запятнаетъ въ глазахъ свѣта ваше имя, званіе, вашъ родъ. Я знаю, что вы непорочны въ глубинѣ души своей, но надобно-же сохранять и наружныя приличія. Замужъ вамъ за нихъ выдти нельзя. Не потому, чтобы этому мѣшали музыка или поэзія, но потому, что оба они не имѣютъ ни имени, ни званія, ни состоянія. Одинъ какой-то степнякъ изъ Рязани, другой породнитъ васъ съ своею матушкой, кухаркой, и заставитъ васъ няньчиться съ маленькими ребятишками. Конечно, въ свѣтѣ у насъ позволяется иногда выходить за великихъ людей, но, право, и тотъ и другой еще очень-далеки, чтобы быть великими... Къ тому-же вы меня извините, но я не думаю, чтобы эти господа могли истинно любить васъ. Вспомните, какъ вы сами, полгода тому назадъ, прекрасно доказывали, что человѣкъ, который ищетъ славы, не думаетъ о любви. Что заставляетъ ихъ ухаживать за вами? Ихъ собственное самолюбіе и предпочтеніе, которое вы имъ оказываете. А въ этомъ, значитъ, виноваты вы сами. Вѣдь не бѣгать-же имъ отъ васъ, когда такая умная, богатая, хорошенькая свѣтская дама сама призываетъ ихъ упасть къ ея ногамъ. Попробуйте обойтись съ ними немножко похолоднѣе, и вы увидите сами, какъ эти блестящіе мотыльки тотчасъ-же отпорхнутъ отъ васъ. Я увѣренъ впрочемъ, что они даже и не обратили-бы на васъ вниманія, если-бы вы были не графиней, а какой-нибудь мелкой чиновницей, имъ подъ-пару. Ихъ ослѣпило ваше имя и положеніе въ свѣтѣ. И любой изъ нихъ промѣняетъ васъ съ вашей любовью на существенныя блага міра сего.

И Вельскій остановился, чтобы немножко перевести духъ.

Графиня слушала со вниманіемъ, безъ гнѣва, но и не убѣждаясь въ истинѣ словъ его. Она только покачала головою, и отвѣчала ему:

— Во всемъ, что́ вы мнѣ говорили, есть частичка правды. Но главная тема, на которую вы насказали мнѣ столько варіацій, ложна въ своемъ основаніи. Вы все толкуете мнѣ о разности состояній. Но, во-первыхъ, такіе люди, какъ они, стоятъ еще гораздо-выше въ общемъ мнѣніи, нежели тѣ, которыя только тѣмъ и счастливы, что родились графинями и княгинями. Союзъ съ геніальнымъ человѣкомъ нисколько не унизитъ моего достоинства, а на-противъ возвыситъ его. Но не будь даже и этого, развѣ вы не знаете, что любовь уравниваетъ всѣ состоянія? Это старая истина.

— Выкраденная изъ романовъ мадамъ Жанлисъ.

— Хоть-бы и оттуда, — какая до этого надобность, если она хорошо знала сердце человѣческое? Что они истинно меня любятъ — я въ этомъ увѣрена. Конечно, если я на-чисто скажу имъ, что ихъ терпѣть не могу, то они перестанутъ доказывать мнѣ любовь свою, но и тогда въ глубинѣ души своей будутъ любить меня также пламенно. Только, разумѣется, ни вы, ни я объ этомъ не узнаемъ. Но сами они никогда не оставятъ меня, я въ этомъ увѣрена. Нѣтъ въ мірѣ власти, которая равнялась бы слову любимой женщины: она самый ужасный деспотъ, даже хуже персидскаго шаха или индѣйскаго раджи. Вооружите ихъ противъ меня, какъ хотите, опишите меня самыми чорными красками, предложите имъ всѣ блага міра, — мнѣ стóитъ сказать одно слово, и они будутъ снова лежать у ногъ моихъ.

— Вы черезъ-чуръ самонадѣянны, графиня. Что́ если я поймаю васъ на словахъ и приму ваше предложеніе?

Графиня нисколько не смѣшалась, глаза ея горѣли какимъ-то восторженнымъ огнемъ, щеки пылали румянцемъ. И вмѣсто того, чтобы отклонить какъ-нибудь Вельскаго отъ его намѣренія, она съ торжественнымъ видомъ протянула ему руку и сказала:

— Испытайте!

— И это не поссоритъ насъ?

— Нисколько! Я хочу доказать невѣрующему, что́ такое воля и власть женщины.

— Вы до того ослѣплены, графиня, вашими романическими идеями, что маленькій урокъ будетъ очень-полезенъ, и я постараюсь вамъ дать его. Позвольте узнать одно: эти господа не дѣлали вамъ еще предложеній?

— Нѣтъ еще! Но послушайте, М-г Вельскій. Такъ-какъ мы опять начинаемъ вести войну, то справедливость требуетъ, что-

бы и я могла употреблять всѣ оборонительныя, и даже, въ случаѣ нужды, наступательныя средства.

— Я и не думаю отнять ихъ у васъ, графиня. Побѣда надъ врагомъ безоружнымъ или спящимъ не приноситъ славы.

— Вы, однако-жъ, не будете требовать, чтобы я разсказывала вамъ всѣ мои планы.

— Къ-чему? я буду угадывать ихъ!

— Итакъ, война?

— Вѣчная и непримиримая!

— Которая началась при громѣ бальной музыки.

— А кончится при церковномъ пѣніи.

— Что́ вы хотите этимъ сказать?

— Война началась — угадывайте!

— Вы правы.... Но мазурка кончилась. Позвольте мнѣ откланяться вамъ.

Тѣмъ и кончился этотъ замѣчательный разговоръ.

Балъ вскорѣ послѣ этого разсѣялся при утренней зарѣ.

Тѣмъ, которые найдутъ страннымъ, что подобнаго рода разговоръ могъ продолжаться во-время мазурки, я разскажу когда-нибудь исторію одной любви, которая родилась, достигла до высшей степени и умерла во-время одного бала, въ-продолженіе вальса, кадрили и мазурки.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

ВИКТОРЪ НЕСКРОМНЫЙ.

ТАЙНЫ

РУССКИХЪ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Съ нѣкотораго времени начали являться въ печати статьи о нашихъ провинціальныхъ театрахъ. Всѣ онѣ извѣщаютъ, что въ такомъ-то городѣ есть *театръ*, т. е. труппа, собраніе людей въ жестокой зависимости одного человѣка *побогаче* — антрепренёра, избравшихъ театръ *ремесломъ* своимъ и вручившихъ судьбу своего *ремесла цьховому мастеру* — антрепренёру. Въ статьяхъ объ этихъ труппахъ мы видимъ имена *собственныя* съ принадлежащими имъ *прилагательными*, что́ они сдѣлали въ извѣстное время, видимъ, что дѣлалось болѣе *худаго*, нежели *хорошаго*, и потомъ забываемъ не только эти имена, но и дѣла ихъ. Это-ли театръ? Чувствуемъ-ли мы жизнь его? Театръ, каковъ-бы онъ ни былъ, какъ-бы ни былъ бѣденъ средствами, но если онъ получилъ начало свое, *имѣя цьлію искусство*, — носитъ въ себѣ зародышъ жизни, быстро-ли, медленно-ли, но развиваетъ ее, и жизнь эта ощутительна, сочувствуема. Отъ-чего-же мы болѣе нежели равнодушны къ нашимъ провинціальнымъ театрамъ? Отвѣтъ одинъ, отвѣтъ съ горькою правдою: до-сихъ-поръ немногіе изъ на

шихъ провинціальныхъ театровъ имѣли цѣлію своею — *искусство.* (*)

Антрепренёры избрали театръ средствомъ нажить деньгу на чорный день, и часто не наживаютъ ее, а проживаютъ послѣднюю. Актеры и актрисы — средствомъ просуществовать какънибудь. Антрепренёръ, приступая къ такому дѣлу, не ищетъ въ себѣ любви къ искусству, нѣтъ, онъ заглядываетъ сначала въ карманъ (что̀ и должно), а потомъ, анатомируя свои дарованія, доискивается въ себѣ таланта *ловкости*, какъ-бы проворнѣе вертѣть этотъ калейдоскопъ предъ глазами публики. А между-тѣмъ сколько являлось людей на провинціальныхъ театрахъ съ талантами, но кто ихъ пойметъ? Кто будетъ руководствовать развитіемъ ихъ? Публика ничего не сдѣлаетъ: она замѣтитъ талантъ, поощритъ его, но потомъ, видя, какъ эта блестка свѣтится все однимъ свѣтомъ, тускнетъ и наконецъ совсѣмъ гаснетъ, безжалостно обвиняетъ бѣднаго-же актера - труженика. Дѣло публики — награждать, награда ея даетъ новую жизнь, новыя силы актеру, но вся судьба талантовъ и искусства въ рукахъ управляющаго театромъ. Мнѣ скажутъ, можетъ-быть, что въ такомъ случаѣ антрепренёръ долженъ быть самъ всеобъемлющій талантъ. Нѣтъ, онъ долженъ имѣть любовь къ искусству, талантъ понимать его и вести, пожалуй, талантъ умѣть *находить и сортировать пищу для талантовъ артистовъ*, т. е. *вести репертуаръ.*

Гдѣ публикѣ знать всѣ тайныя пружины этого закулиснаго міра?

Она произноситъ судъ свой надъ тѣмъ, что̀ видитъ, не входя въ причины — и вотъ артистъ дѣлается ея подсудимымъ. Для не посвященныхъ въ эти театральныя тайны, — а такихъ число бо́льшее, я хочу раскрыть ихъ. Въ театрѣ все зависитъ отъ репертуара, то есть отъ человѣка, который назначаетъ піесы, раз-

(*) Съ радостью дѣлаемъ исключеніе. Въ послѣднее время открылся театръ, обязанный своимъ возрожденіемъ истиннымъ покровителямъ изящнаго. Я говорю о театрѣ Воронежскомъ. Подъ покровительствомъ г. Предводителя дворянства и г. Вешнякова, обладающаго глубокимъ знаніемъ дѣла и истиннымъ талантомъ, которымъ наслаждаются въ благородныхъ спектакляхъ, театръ этотъ можетъ смѣло идти къ своему назначенію. При постоянномъ вниманіи и совѣтахъ желательно было-бы, чтобъ составленіе репертуара вполнѣ зависѣло отъ нихъ, а не отъ вкуса одного содержателя театра. Другой театръ въ Харьковѣ, гдѣ, какъ мы слышали, покровительствуетъ ему Князь А. А. Шаховской.

даетъ роли и ставитъ піесы на сцену. Успѣхи искусства, развитіе талантовъ, направленіе вкуса, вліяніе театра на образованіе общества, удовольствіе публики и наконецъ, *деньги*, этотъ единственный движитель антрепренёровъ, — все въ рукахъ этого человѣка, а этотъ человѣкъ антрепренёръ. И на-оборотъ: презрѣніе искуства, гибель многихъ дарованій, скука публики, постепенный упадокъ всѣхъ средствъ — все падаетъ на того-же человѣка. Если управляющій труппою любитъ искусство — тутъ нѣтъ мѣста мелкимъ личностямъ, такъ много вреднвшимъ искуству. Любовь къ изящному истинная выше этихъ ничтожностей. Съ нею онъ первый слуга искусства, хранитель его чести, покровитель таланта, стражъ вкуса, невидимый ревнитель просвѣщенія. Если человѣкъ, которому отдается судьба провинціальнаго театра, и не имѣетъ этой любви, не имѣетъ даже нужнаго образованія, но будетъ дѣйствовать съ благородствомъ, котораго требуетъ дѣло искусства, и тогда конечное зло еще далеко. Если въ труппѣ его есть человѣкъ съ талантомъ, знающій свое дѣло, онъ смѣло довѣрится ему; можетъ найтиться и человѣкъ въ обществѣ, съ образованіемъ эстетическимъ, съ любовью къ изящному, и вотъ ему есть руководитель. Но часто случается, что съ отсутствіемъ всего нами сказаннаго, соединяются мелкія страсти, или рѣшительное *необразованіе* — и тогда гибель театру. Нужно-ли говорить, что всякій артистъ съ талантомъ имѣетъ самолюбіе, это самолюбіе благородно, и безъ него я не могу вообразить артиста. Но надо также знать, что ни одному самолюбію нѣтъ столькихъ средствъ наносить раны, какъ самолюбію артиста. И вотъ является еще качество необходимое антрепренёру; качество это — *умѣнье обращаться съ артистомъ* и его талантомъ. Перейду къ средствамъ, которыя избираетъ злоба или неудовольствіе содержателя на артиста. Онъ думаетъ отметить или обидѣть артиста, и мститъ искусству, публикѣ, обижаетъ ихъ. Артистъ — человѣкъ страстно-любящій искусство; онъ живетъ въ тѣ минуты, какъ служитъ ему, награда его любовь публики. И вотъ какой нибудь содержатель, озлобясь на него лично, или по тому, что на него имѣетъ неудовольствіе какая-нибудь водевильная героиня, обрекаетъ артиста на гоненіе.

Піесы, въ которыхъ онъ особенно нравится публикѣ, не назначаются; въ новыхъ, гдѣ-бы онъ могъ развертывать, совершенствовать свой талантъ, роли передаются другому; піесы не имѣютъ того успѣха, артистъ лишенъ пищи для его таланта; содержатель имѣлъ въ виду лишить его рукоплесканій, но талантъ

есть принадлежность общества, и публика терпитъ въ чужомъ пиру похмѣлье, а искусство оскорблено жестоко. Нравится-ли молодая артистка въ извѣстномъ амплуа, старая соперница интригуетъ, и съ ней поступаютъ также. Если и встрѣтится необходимость назначить піесу, въ которой она нравится публикѣ, которую играетъ съ особеннымъ удовольствіемъ, ее назначатъ для съѣзда, начнутъ тогда, когда театръ еще не полонъ, публика застаетъ ее въ срединѣ и не имѣетъ еще должнаго вниманія, чтобы оцѣнить игру артистки. — Затрудненія антрепренёру въ исполненіи своихъ личностей представляютъ только заслуженные артисты, безъ которыхъ ему нельзя обойтись. Это его деньги. Но противъ нихъ у него найдутся другія булавки, да и много-ли ихъ! А сколько гибнетъ отъ личностей молодыхъ дарованій. Рука актрепенёра можетъ творить любимцевъ и любимицъ публики: ибо нѣтъ сомнѣнія, что артистъ безъ ролей сдѣлать ничего не въ состояніи. Что-же можетъ сдѣлать такой антрепренёръ таланту признанному, и какъ онъ въ этомъ случаѣ вредитъ артисту? Подходитъ бенефисъ, артистъ выбираетъ піесу, достойную его таланта, піесу, которая можетъ обогатить репертуаръ, возвысить чувства, воодушевить зрителя ко всему благородному и прекрасному. Антрепренёръ обставляетъ ее такъ, что она ничего этого не сдѣластъ, не даетъ сцены для нужнаго числа репетицій, піеса идетъ не твердо, нити рвутся на каждомъ шагу, публика негодуетъ, піеса снята съ репертуара и поступила въ театральной архивъ. Сказавъ все это, я не думалъ трогать ничьей личности нашихъ антрепренёровъ, я хотѣлъ только показать публикѣ положеніе, въ которомъ находились многіе артисты, показать, кто долженъ быть отвѣтчикъ въ этомъ дѣлѣ. Не смѣю думать, чтобы на нашихъ провинціальныхъ сценахъ, въ наше время, въ управленіе входили такія цѣли, но смѣло говорю, что управленіе идетъ если не вездѣ *дурно*, то все-же не такъ, какъ слѣдуетъ, что весьма мало служатъ искусству, и что у всѣхъ въ перспективѣ деньги; онѣ и должны быть: можно-ли осуждать за то, безъ чего не можетъ идти даже и искусство, но перспектива ихъ съ оптическимъ обманомъ. Очень-хорошо знаю, что статья моя не можетъ вдохнуть любви къ искусству въ того, въ комъ ее не было; но я хочу предложить имъ *вѣрный способъ получить желаемое*, такъ что пожалуй для нихъ я назову статью мою:

Способъ дѣлать хорошіе сборы содержателямъ провинціальныхъ театровъ.

Долженъ однако предувѣдомить, что кто приметъ мой способъ получать отъ театра хорошія деньги, я съ нимъ сдѣлаю штуку не хуже г. *Родольфа*. Не думайте, что эти деньги обратятся въ камушки, нѣтъ, не то, а совсѣмъ другое: управленіе *по предлагаемому способу*, имѣя цѣлію угождать одному карману, будетъ непремѣнно, противъ воли г. г. антрепренёровъ, угождать всѣми силами искусству, и угождать такъ, что искусство, знакомое только съ безкорыстіемъ, чистотою, свѣтомъ, истиною, не повѣритъ, что они думали о деньгахъ и благодарно впишетъ имена ихъ на своихъ скрижаляхъ.

Вся бѣда нашихъ антрепренёровъ отъ ложнаго взгляда. Они думаютъ дѣлать сборы не *піесами*, а *афишами*, дѣйствовать чудесами «Русалки», (описанными только въ аффишѣ, а неисполненными какъ должно на сценѣ) ужасными заглавіями каждаго дѣйствія драмы, обезображенными «Волшебнымъ Стрѣлкомъ» и «Цыганою», не имѣя ни артистовъ для выполненія ролей и партицій, ни даже существенныхъ средствъ для штукъ «Русалки».

Согласенъ, что нельзя подъ часъ обойтиться и безъ «Русалки» или подобнаго ей, также, какъ нельзя быть безъ блиновъ на масляницѣ, но угостите ею по вашимъ средствамъ. Если піеса требуетъ 20-ть превращеній, сдѣлайте половину, но хорошо, дайте костюмы небогатые, но сообразные съ духомъ піесы.

Они не хотятъ убѣдиться, что небольшой водевиль, обставленный тщательно до мелочи, въ которомъ роли розданы по средствамъ каждаго артиста (и тогда только охотно разыгрываемый), согласно срепетованный, доставитъ удовольствія публикѣ больше всякой пятиактной драмы, кровавой на аффишѣ и смѣшной до пошлости на сценѣ. Репертуаръ изъ дюжины хорошо играемыхъ водевилей, нѣсколькихъ небольшихъ комедій и драмъ (если средства позволяютъ давать ихъ въ должномъ видѣ) дастъ сбору болѣе всего этого множества піесъ, даваемыхъ въ въ провинціяхъ. Образованное общество стыдится показаться въ нѣкоторыхъ театрахъ, и оно право: стыдно образованному человѣку тѣшиться безвкусіемъ, горько видѣть, какъ стараются поддерживать это безвкусіе въ томъ классѣ людей, на которой театръ можетъ имѣть благодѣтельное вліяніе, двигая чувства всѣми благородными, святыми порывами души человѣка, ужасая зрѣлищемъ порока, преслѣдуя насмѣшкой все низкое, недостой-

ное человѣка. Дурная обстановка, роли, розданныя на выворотъ,— да и тѣхъ никто не знаетъ, — желаніе дополнить незнаніе грубымъ фарсомъ, составъ репертуара безъ всякаго знанія дѣла, не говоря уже о музыкальномъ исполненіи оперъ оркестромъ и артистами, могутъ-ли привлекать публику? Я самъ видѣлъ, и очень-недавно, неизбѣжную «Русалку»: ни одна доморощенная машина не дѣйствовала; но когда, вмѣсто великолѣпнаго подводнаго царства русалокъ, представили два клока чего-то въ родѣ облаковъ, на нихъ, вмѣсто трона, плетеный соломенный стулъ, *ничѣмъ не замаскированный*, и четыре *счетомъ* русалки, составляющія группу — я не могъ себѣ дать отчета, для чего-же даютъ «Русалку»? Увѣряю, что въ такомъ видѣ она не можетъ тѣшить и райка, что̀ и доказалось пустотою въ театрѣ. Дѣло въ томъ, что никто и не думалъ *поставить на сцену* «Русалку», думали только *сочинить о ней аффишу*. Вотъ та *ловкость*, которой отыскиваютъ въ себѣ антрепренёры. На другомъ театрѣ, въ продолженіе недѣли, мнѣ случилось встрѣтить такой репертуаръ:

1-й. *Спектакль*: Филатка и Мирошка, и Имянины помѣщика (2 *интермедіи*).

2-й. *Спектакль:* Проходныя ворота и Покойная ночь *(2 фарса)*.

3-й. *Спектакль*: *Имянины секретаря и Купеческая дочка* (тоже).

т. е. все-что̀ ни есть ничтожнаго въ репертуарѣ. Это такъ поразило меня, что я полюбопытствовалъ спросить одного актера: неужели весь репертуаръ составленъ у нихъ изъ подобнаго дрязгу? И вдругъ слышу, что у нихъ играли по *одному* разу и *Дѣдушку русскаго флота*, и другія небольшія піески Н. А. Полеваго, и лучшіе водевили Ленскаго, но ихъ не назначаютъ.

Любимая піеса антрепренёра, грязный фарсъ, по содержанію, и безграмотно переданный по-русски, *Проходныя ворота*, играется раза четыре въ мѣсяцъ. Содержателю нравится сцена, въ которой дерутся на лопатахъ, и вотъ причина достаточная, чтобы фарсъ держался на репертуарѣ, и чтобы его вводить во вкусъ зрителей. Видите-ли, что весь талисманъ въ репертуарѣ? Мало составить на-обумъ годичный репертуаръ, надо его составить по *средствамъ артистовъ театра*, *разнообразить удовольствіе публики*, *очищать вкусъ*, *облагорожывать сцену*. Однажды опредѣленныя средства театра будутъ служить масштабомъ обновленія репертуара. Хорошо-разыгрываемый водевиль не можетъ служить доказательствомъ, что и всѣ водевили могутъ играться этою труппою. Каждая піеса имѣетъ свои условія: одна требуетъ хорошаго *музыкальнаго* выполненія; другая вдается въ драму и требуетъ

драматическихъ положеній, искусно переданныхъ, а потому и выборъ самыхъ водевилей долженъ соображаться съ дарованіями актеровъ и актрисъ.

Какъ часто встрѣчается въ піесѣ роль, требующая и хорошаго пѣнія и умной игры! Первая актриса не поетъ, но есть другая съ голосомъ, и безъ таланта: ей даютъ роль, она ее *пропоетъ* и піеса пала. Показавъ причины непроцвѣтанія провинціальныхъ театровъ, я хочу представить и полную картину моего *идеала* провинціальнаго театра и веденія его репертуара. Начну съ первой основы:

СОСТАВЪ ТЕАТРА.

Провинціальный театръ долженъ по-возможности составить труппу, которая была-бы въ состояніи давать хотя небольшую драму, комедію и водевиль. Опера рѣшительно не можетъ существовать на провинціальной сценѣ, и ни къ чему не поведетъ. Музыкальное образованіе, благодаря просвѣщенію, переходитъ въ общество конечно не съ *оперной сцены* провинціальнаго театра, а для штукъ Саміэля и огнедышущей горы въ «Цамнѣ» (единственныхъ цѣлей антрепренёровъ) надъ *труппу другаго рода* и открыть балаганъ. — Для предполагаемой нами труппы, нуженъ вовсе небольшой оркестръ, съ хорошимъ дирижеромъ, декораторъ, которой могъ-бы писать отчетливо больше-употребительныя декораціи, и знающій свое дѣло костюмёръ. Актеры и актрисы должны имѣть музыкальное образованіе, достаточное для того, чтобы владѣть хорошо куплетомъ. — Составивъ такимъ образомъ свою труппу, антрепренёръ долженъ хорошо узнать средства своихъ артистовъ, и по этимъ средствамъ составить свой репертуаръ, и вотъ вторая основа, въ которой заключается вся жизнь театра и судьба искусства. —

РЕПЕРТУАРЪ.

Обыкновенно на провинціальныхъ сценахъ играется все, что только показалось на столичныхъ театрахъ, или попало въ печать. Но благоразумно-ли мѣрять свои силы съ театрами столицъ? А ужъ если хотите, то соображайтесь съ *репертуаромъ*

столичныхъ театровъ, а не съ тѣмъ, что только тамъ *играно*. Тутъ есть большая разница.

Въ столицахъ часто даютъ нѣкоторыя піесы по *необходимости:* на-примѣръ, бенефисы свободны въ своихъ выборахъ; но тамъ есть *судъ публики*, голосъ, который оцѣниваетъ піэсы: онъ-то и даетъ мѣсто піесѣ въ репертуарѣ столичномъ. *Одобренная* піеса входитъ въ составъ репертуара и упрочиваетъ себѣ мѣсто; *осужденная* только повторяется еще одинъ разъ, а иногда и вовсе уничтожается, оканчивая недостойную жизнь свою въ первое представленіе. Такого суда публики въ провинціяхъ нѣтъ.

Нѣтъ и потому, что для антрепренёровъ онъ былъ-бы безполезенъ (они объ этомъ не думаютъ имъ нужна аффиша и новости) и *не долженъ* быть, ибо провинціяльная сцена обязана представлять публикѣ своей оцѣненное на сценѣ Императорскихъ театровъ: тогда только антрепренёръ не погрѣшитъ противъ вкуса и должнаго уваженія къ искусству. Если трудно ему сообразоваться съ столичнымъ репертуаромъ, теперь у насъ есть средство для этого благодѣтельное: это изданіе *Репертуара и Пантеона*. Неужли есть провинціальный театръ, который не получалъ-бы этого изданія? Быть не можетъ! При немъ нечего и думать управляющему репертуаромъ провинціальныхъ театровъ. Онъ смѣло можетъ ставить на сцену все, что напечатано въ этомъ изданіи, увѣренный, что онъ представитъ публикѣ только достойное ея вниманія, не будетъ отвѣчать за оскорбленіе искусства — не наша вина есть-ли у насъ нѣтъ лучшаго;— но *Репертуаръ* и *Пантеонъ* принимаетъ на свои страницы только тѣ піесы, которыя вошли въ репертуаръ столичныхъ сценъ, имѣютъ достоинство литературное, или по своей мысли, или уму, или веселости, достойны вниманія образованнаго удовольствія, не оскорбляютъ искусства. Стало быть антрепренёру остается дѣлать выборъ піэсъ изъ этого изданія, приноравливая его къ средствамъ своихъ артистовъ, нисколько не боясь сдѣлать *дурной* выборъ. Нѣсколько лѣтъ изданія «Репертуара и Пантеона» даетъ пищу на цѣлый театральной сезонъ, а новое является тотчасъ при появленіи на столичныхъ сценахъ. *Театральная лѣтопись* съ разборами піесъ и актеровъ, гдѣ часто описаны духъ піесы и характеры лицъ, и потомъ выполненіе ихъ столичными артистами, можетъ полезно руководить при обстановкѣ піесы.

Сдѣлавъ выборъ піесъ, онъ долженъ раздать роли, совершенно по дарованіямъ артистовъ, отстраня всѣ мелкія личности, и

приступить къ *частнымъ*, такъ сказать, репертуарамъ, которые составляются на недѣлю или на двѣ. Тутъ являются условіе *разнообразія* и *вкуса* въ каждомъ спектаклѣ. На-примѣръ сборный спектакль долженъ, по возможности, быть составленъ изъ небольшой *піески драматической*, хорошей *комедіи-водевиль* и легкаго *водевиля* или *шутки*. Или напр. *комедія*, *піеска нѣсколько музыкальная* и *водевиль*. Если встрѣтится необходимость дать три водевиля, чисто комическіе, то и тутъ надо разсортировать ихъ со вкусомъ. Піеску посерьёзнѣе дать въ началѣ, чтобы она не утомила зрителя послѣ двухъ веселыхъ водевилей; въ срединѣ дать водевиль, вдающійся въ комедію, то есть имѣющій занимательную завязку, характеры, а въ концѣ спектакля легкій, игривый, шутку, забавную одними положеніями или куплетами. Нельзя установить на это правилъ, ибо репертуаръ изъ опредѣленнаго даже количества піесъ можетъ быть безконечно разнообразенъ, а нѣтъ репертуара, который-бы не обновлялся новостями; репертуарнаго застоя быть не можетъ, слѣдовательно, публика въ-правѣ требовать хорошаго репертуара. Новостями, безъ которыхъ и нельзя обойтись, надо распоряжаться съ *экономіей*. Но, какъ я уже сказалъ, невозможно на это опредѣлить правилъ, и репертуаръ зависитъ отъ ума, знанія сцены и вкуса управляющаго имъ. — Все это, что́ сказалъ я, имѣетъ цѣлію *удовольствіе* публики, и публика, вѣрьте оцѣнитъ такое вниманіе къ ней. Да и можно-ли забывать ее, когда отъ нея также зависятъ успѣхи искусства и талантовъ? Театръ учитель публики, властелинъ ея, но онъ долженъ быть любимъ ею. Публика, отдавая себя во власть, не хочетъ однако замѣчать этой власти, и принимаетъ вліяніе подъ вліяніемъ удовольствія. Исполняя такую важную цѣль, антрепренёръ долженъ употребить все вниманіе, что-бы *составить репертуаръ умно и въ отношеніи артистовъ*.

Я говорилъ уже объ обращеніи съ самолюбіемъ артиста; это-то обращеніе и нужно при составленіи репертуара. Роли есть пища для талантовъ артистовъ. Мало отстранить отъ себя личности и дѣйствовать справедливо. — Если у васъ есть артисты, дѣлающіе честь театру, особенно нравящіеся публикѣ и въ извѣстныхъ роляхъ сдѣлавшіеся ее любимцами, сами любящіе особенно эти роли, то непремѣнно надо, собственно для этого, по-временамъ назначать такія піесы. Если-бы даже онѣ и препятствовали *новенькому* спектаклю, окружите такую піесу *двумя* новостями, но дайте случай артисту сыграть его любимыя роли. Да и можетъ-ли публика скучать, видя своего любимца въ его тор-

жествѣ? Піески, въ которой особенно нравятся актеръ или актриса, не давайте въ началѣ спектакля или въ концѣ, а непремѣнно въ срединѣ. Хорошій артистъ неохотно играетъ любимую роль для *съѣзда* или для *разъѣзда*. Часто случается лучшее положеніе роли въ концѣ піесы: актеръ готовится къ выполненію его съ любовью, и въ самую минуту, которой такъ ожидалъ, начинается шумъ выхода изъ театра. Еще замѣчаніе. Піесы, въ которыхъ особенно нравится и отлично играетъ кто-нибудь изъ артистовъ, обставляйте лучшими сюжетами. Такое вниманіе къ талантливому артисту питаетъ любовь его къ искусству, и онъ, вѣрно. не откажется для другаго своего товарища, занимающаго главную роль въ другой піесѣ, взять роль второстепенную для общаго хода піесы. Вниманіе, говорю, съ артистамъ и ихъ дарованіямъ при составленіи репертуара чрезвычайно развиваетъ любовь ихъ къ искусству, имѣетъ большую важность на развитіе талантовъ и живитъ театръ. На это опять нельзя установить правилъ; я могъ только указать на цѣли: достигать ихъ могутъ *любовь къ искусству*, *знаніе сцены*, *вкусъ*, *умъ*, *образованіе*. При этихъ качествахъ антрепренёръ, завѣдывающій самъ репертуаромъ, найдетъ неисчерпаемое удовольствіе въ составленіи своего репертуара, невидимо служа искусству болѣе всѣхъ. За оставленіемъ репертуара слѣдуетъ *постановка піесъ на сцену*.

Это дѣло рѣшительно знатока сцены. Если антрепренёръ самъ не можетъ быть режиссёромъ, то пусть онъ занимается одною матеріальною частію театра и довѣритъ это дѣло одному изъ своихъ артистовъ, который будетъ въ состояніи вести его.

Первое дѣло при постановкѣ піесы *считка* ее. Артисты сбираются съ своими ролями, и режиссёръ читаетъ имъ всю піесу. Свѣряя свои роли, они узнаютъ ходъ піесы. Если режиссёръ самъ съ талантомъ, онъ долженъ читать піесу, давая тонъ, обрисовывая каждый характеръ. Послѣ считки назначаются репетиціи; дѣло режиссёра назначить выходы, даже придумывать наружную, такъ сказать, форму сценъ, группировку положеній. Само собою разумѣется, что такая группировка не должна казаться зрителю *заученною*, а выходить свободно изъ дѣйствія. Нѣтъ ничего скучнѣе, какъ видѣть на провинціальной сценѣ одинаковое положеніе (*наружное*) всѣхъ явленій. Выйдутъ, постоятъ, гдѣ назначено авторомъ, поспдятъ, проговорятъ и уйдутъ. Талантливый актеръ самъ принимаетъ разнообразіе положеній; а безталантный проговоритъ всю роль безъ движенія. Не надо принимать словъ моихъ въ томъ смыслѣ, что режиссёръ долженъ

учить актера движеніямъ при извѣстныхъ словахъ: тогда выйдетъ бѣда еще хуже: зритель увидитъ говорящаго автомата; а я говорю про расположеніе и группировку главныхъ сценъ, требующихъ *граціозности* положеній. Опять нельзя дать и на это правилъ. — Правило — вкусъ. Матеріальная часть обстановки піесъ требуетъ также вниманія. Смѣшно видѣть дворцовый залъ съ простою мебелью; главное лицо одѣтое по характеру піесы, а остальныя какъ попало. Если нѣтъ средствъ обставить піесу какъ должно, лучше не давать ее совсѣмъ, а рѣшившись дать, поставьте ее такъ, чтобы всѣ части были въ стройномъ согласіи. —Вотъ тотъ способъ, который я развилъ сколько могъ.

СПОСОБЪ ДѢЛАТЬ ХОРОШІЕ СБОРЫ.

Ручаюсь за него. Вниманіе къ удовольствію публики *образованной* (сборы зависятъ только отъ этой публики), уваженіе и вниманіе къ талантамъ артистовъ, которое еще усилитъ любовь публики къ театру, при развитіи талантовъ; вниманіе къ *піесамъ*, а не къ *аффишамъ*; наконецъ, все въ одномъ словѣ: *репертуаръ*, даетъ *жизнь* театру, а все, въ чемъ только есть *жизнь* (не одно физическое, одушевленное существованіе), влечетъ къ себѣ и живитъ окружающее. (*)

P.S. Сейчасъ, получа *десятую книжку Репертуара* и *Пантеона*, прочелъ я статью почтеннаго рецензента о Казанскомъ театрѣ. Послѣ дѣльнаго, прекраснаго разбора, почтенный рецензентъ *оправдываетъ* нѣкоторымъ образомъ антрепренёровъ въ томъ именно, въ чемъ *обвиняетъ* ихъ моя статья: онъ замѣчаетъ, что публика, холодная къ искусству и предпочитающая *преферансъ*, не будетъ ни при какомъ *репертуарѣ* благотворно поощрять искусства. Что сказать противъ этого? — Надо испробовать, и если дѣйствительно репертуаръ театра, идущій по должному пути, не обратитъ на себя вниманія образованнаго круга публики, тогда скажу одно: для такой публики не нужно театра. Неужели-же театру жить для райка? Въ этомъ случаѣ подтверждается мое мнѣніе о цѣли нашихъ провинціальныхъ театровъ, цѣли постыдной для искусства. Пусть основывается театръ тамъ, гдѣ онъ

---

*) Статья эта получена нами въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, но не могла быть напечатана раньше по недостатку мѣста. *Ред.*

можетъ быть. Съ другимъ замѣчаніемъ почтеннаго рецензента, что для райка надо давать піесы *ему понятныя*, въ *его вкусѣ*, рѣшительно нельзя согласиться. Возможно-ли допуслить, что театръ долженъ питать грубый вкусъ, не возбуждать ничего болѣе, кромѣ безумнаго хохота? — Для райка давайте піесы народныя, которыя-бы бросали сѣмена прекрасныхъ народныхъ чувствъ, будили эти чувства и, пожалуй, мѣшайте эти піесы, и съ забавными, но и забавное, *для райка* даже, можетъ быть *не пошлое*. Піесы, въ которыя,— говоритъ почтенный рецензентъ— нельзя ѣздить *дѣвушкамъ образованнымъ*, должны быть постыдны *всякой дѣвушкѣ*, *всякой женщинѣ*, *всякому мужчинѣ*. Я былъ-бы очень-радъ, если-бы статья моя вызвала другія мнѣнія, завела сужденія объ этомъ предметѣ, и вѣроятно, *Редакція Репертуара и Пантеона* никогда не отвергнетъ ихъ, передастъ на своихъ страницахъ, увидя въ нихъ не *перебранки* мнѣній, не *антикритики*, а благородныя бесѣды объ искусствѣ, столкновеніе мнѣній — изъ котораго родится истина. (*)

НИКОЛАЙ КОРОВКИНЪ.

(*) Съ величайшимъ удовольствіемъ и благодарностію. Это желаніе Редакціи, это ея всегдашняя мысль. *Ред.*

ЮМОРИСТИКА.

ЗАМѢТКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЗѢВАКИ.

§ III.

О ТОМЪ, КАКЪ У НАСЪ СЛУШАЮТЪ ИТАЛЬЯНСКУЮ ОПЕРУ.

(сонъ.)

. . . . Въ какомъ-то полу-сумасшедшемъ, восторженномъ состоянiи вернулся я домой послѣ перваго представленiя *Луцiи*, или, какъ называютъ ее дилеттанты, *Лючiи*. Пульсъ мой бился вдвое чаще обыкновеннаго, сердце замирало непонятнымъ и сладостнымъ чувствомъ, кровь быстрѣе обращалась въ жилахъ и сообщала всему тѣлу пріятную теплоту; голова горѣла, въ ушахъ раздавались звуки неземнаго голоса Рубини, послѣдній стонъ бѣднаго Эдгарда, поразившаго себя кинжаломъ и взывавшаго къ его невѣстѣ, которая въ минуту смерти носилась передъ нимъ свѣтлою тѣнью: *O! bell'alma innamorata! Ne congiunga il Nume in ciel!* Взволнованный, истомленный, восхищенный этими чудными звуками, я бросился на диванъ и, черезъ нѣсколько времени, которое могло продолжаться и пять минутъ и десять лѣтъ, очутился снова въ Большомъ-театрѣ, на томъ-же самомъ креслѣ. Оркестръ игралъ финалъ втораго акта. На сценѣ были и Эдгардъ, и Луцiя, и гордый братъ ея, и женихъ, и приверженцы Ламмермуровъ и Равенсвудовъ. Я опять погрузился душою въ эту музыкальную поэму, и когда послѣдняя нота алле-

гро замерла въ воздухѣ и занавѣсъ упалъ при оглушительномъ рёвѣ и трескѣ, не могъ побѣдить своего восторга, и въ упоительномъ припадкѣ завопилъ во все горло что́-то дикое, нисколько не похожее ни на браво, ни на фора, ни на bis, ни на одно изъ тѣхъ восклицаній, которыя дозволяется произносить въ театрѣ въ знакъ изъявленія своего удовольствія.

Вдругъ рѣзкій, пискливый смѣхъ, раздавшійся подлѣ самыхъ ушей моихъ, заставилъ меня прервать мои восклицанія. Я съ досадою повернулся къ моему сосѣду, осмѣлившемуся такъ дерзко разсмѣяться, какъ говорится, прямо мнѣ въ лицо, — и остановился въ изумленіи. Очень-хорошо помня физіономію сосѣда моего въ-продолженіе двухъ первыхъ актовъ, я былъ пораженъ, увидя въ немъ неожиданную перемѣну. Костюмъ его былъ тотъ-же самый: полу-военный, застегнутый до верху фракъ, съ орденской ленточкой въ петлицѣ, желтыя лайковыя перчатки, съ необыкновенно-длинными пальцами, синія брюки съ сѣрыми лацканами и темно-зеленыя очки. Но лицо его, въ которомъ я сначала не замѣтилъ ничего особеннаго, приняло другое выраженіе и даже совершенно измѣнилось: носъ его выгнулся крючкомъ и съ любовью смотрѣлъ на подбородокъ, усиливавшійся съ нимъ соединиться; волосы, коротко остриженные, приняли совершенно-перпендикулярное положеніе; маленькая, рыжеватая бородка, прямые усы и сросшіяся брови придавали этому, и безъ того странному, лицу какое-то дико-насмѣшливое выраженіе. Я забылъ о его рѣзкомъ смѣхѣ и смотрѣлъ на него съ самымъ глупымъ видомъ. Сосѣдъ, казалось, не замѣчая этого, глядѣлъ на опустившійся занавѣсъ, смѣяся и барабаня пальцами по ручкѣ креселъ. Не понимаю самъ, какимъ образомъ я могъ позабыть всѣ приличія и быть такъ неучтивымъ, чтобы, безъ церемоніи, схватить его за руку и вскричать:

— Милостивый государь! Скажите пожалуста, отъ-чего это у васъ вдругъ вытянулся носъ и выросла такая непристойная борода?

Сосѣдъ нисколько не удивился подобному вопросу и, какъ-будто ожидая его, отвѣчалъ, сохраняя свое прежнее положеніе:

— Это потому, что я хотѣлъ вамъ открыться!

Судя по его подозрительной наружности, я не ожидалъ ничего хорошаго отъ этого открытія, и потому сказалъ:

— Мнѣ очень-странно, что вы выбрали именно меня быть вашимъ конфидентомъ. Я нисколько не интересуюсь знать ваши *тайны*, и даже, признаюсь вамъ, не могу имѣть ни малѣйшаго довѣрія къ человѣку, которому также легко перемѣнить свое лицо, какъ другому платье.

— Я открылся для того, чтобы быть вамъ полезнымъ, продолжалъ сосѣдъ. Вы юмористическій писатель и постоянно дѣлитесь съ публикой вашими замѣтками. По этому-то я хотѣлъ

вамъ показать еще одну юмористическую сторону въ человѣкѣ, которой вы еще до-сихъ-поръ и не замѣтили!

— Какая-же это сторона, спросилъ я, увлеченный любопытствомъ.

— Сторона восторга и экстаза при слушаніи итальянскихъ оперъ.

— Я не вижу въ ней ничего смѣшнаго!

— И не мудрено: вы *человѣкъ!* отвѣчалъ съ презрѣніемъ сосѣдъ.

Это обидное названіе чрезвычайно меня разсердило, и я вскричалъ въ досадѣ:

— Съ чего вы взяли, что я человѣкъ? Чѣмъ я похожъ на человѣка? Вы говорите непростительныя дерзости, государь мой!

Сосѣдъ отвѣчалъ съ тѣмъ-же тонкимъ, пронзительнымъ хохотомъ:

— Правда! правда! Безпрестанно идя впередъ на поприщѣ открытій и просвѣщенія, человѣкъ началъ наконецъ стыдиться своего названія и оставилъ его только тѣмъ, которые снимаютъ съ него сапоги и чистятъ ему платье. Это самая колкая и остроумная насмѣшка, которая когда-либо вышла изъ устъ человѣка.

Пораженный звукомъ голоса этого необыкновеннаго существа и неестественнымъ огнемъ, блестѣвшимъ въ глазахъ его, изъподъ зеленыхъ очковъ, я почти со страхомъ спросилъ его:

— Но позвольте, наконецъ, узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить!

— Я — чортъ! На землѣ у васъ меня называютъ *Асмодеемъ*, отвѣчалъ сосѣдъ также спокойно, какъ-будто сказалъ: я титулярный совѣтникъ, служу въ такомъ-то департаментѣ.

Я еще разъ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы, и хотя не нашелъ въ немъ ничего дьявольскаго, но и человѣческаго въ немъ было не много. Потому въ раздумьи я повторилъ съ разстановкою и почти про-себя: Асмодей!

— Развѣ вы меня не знаете? продолжалъ онъ. Я принадлежу, впрочемъ, къ числу тѣхъ немногихъ духовъ, которые сдѣлали честь человѣчеству, познакомившись съ нимъ. Лесажъ въ своемъ романѣ представилъ *нѣкоторыя черты* изъ моихъ земныхъ похожденій, и если не достигъ до такой славы, какъ Гёте, составившій себѣ извѣстность портретомъ моего собрата, Мефистофеля, то это потому-что взялся за предметъ не съ той стороны. Лучшія мѣста, которыя я диктовалъ Лесажу, выбросила тогдашняя французская ценсура, другія онъ выпустилъ самъ, говоря, что они очень-рѣзки, хоть я и увѣрялъ, что они-то именно и составятъ его славу. Покойникъ былъ упрямъ, ну, а согласитесь, что мнѣ отъ своего имени неловко было издавать свои записки. Люди многое могли счесть хвастовствомъ. Въ то

время не былъ еще изобрѣтенъ прекрасный способъ хвалить самого-себя безъ зазрѣнія совѣсти, влагая похвалы эти въ уста историческихъ знаменитостей. Мемуары съ этимъ остроумнымъ изобрѣтеніемъ явились въ наполеоновскія времена. Къ-тому-же, его мрачность недоволенъ, когда подчиненные его пускаются въ литературу, и не любитъ, когда черти-писатели разглашаютъ тайны управленія подземнымъ царствомъ.

— Неужели я такъ счастливъ, что вы избрали меня быть издателемъ новыхъ вашихъ *записокъ*? вскричалъ я въ восторгѣ, представляя себѣ заранѣе всѣ выгоды, которыя я могу получить отъ этого предпріятія.

— Нѣтъ! я не сбираюсь писать моихъ записокъ, отвѣчалъ Асмодей. Мой собратъ, подъ диктовку котораго Сулье писалъ знаменитыя *Записки дьявола*, очень-хорошо сдѣлалъ, что скрылъ свое имя. Французскій писатель между чертовскими разсказами помѣстилъ множество своего собственнаго издѣлія, въ которыхъ такъ наклепалъ на чорта, что самые скверные люди стали роптать на преувеличеніе. Да и кромѣ того, нынче въ Западной Европѣ слишкомъ большая мода на чорта. Самые плохіе писатели печатаютъ всякій вздоръ, украшая его нашимъ именемъ, возводя на насъ всевозможныя небылицы. Чрезвычайно-смѣшна также претензія господъ живописцевъ, которые рисуютъ какихъ-то жалкихъ уродовъ къ иллюстрированнымъ изданіямъ своихъ собратовъ и увѣряютъ, что это портреты чертей! Всего болѣе достается нашему брату на театрѣ. Тамъ анатомируютъ насъ самымъ безжалостнымъ образомъ, выводя на сцену такихъ чертей, на которыхъ не согласился-бы походить послѣдній парижскій ротозѣй. Сверхъ-того, я имѣю въ аду довольно-*теплое* мѣстечко и не соглашусь потерять его изъ одной авторской славы. Я явился на землю не такъ давно, посмотрѣть и повѣрить своими ушами разсказы одного изъ моихъ собратовъ, путешествовавшаго прошлый годъ по землѣ и разсказывавшаго, что люди нашли наконецъ источникъ чистаго, духовнаго восторга въ представленіяхъ итальянскихъ оперъ. Это странное извѣстіе подстрекнуло мое любопытство. Я нарочно прилетѣлъ на первое представленіе оперы, слѣдилъ очень-внимательно за чувствами и мыслями каждаго изъ зрителей....

— И нашли, что есть минуты, когда человѣкъ забываетъ всѣ разсчеты и заботы жизни, когда онъ увлекается чистымъ, безотчетнымъ восторгомъ!... вскричалъ я, съ самодовольной улыбкой.

— И нашелъ, что есть минуты, когда человѣкъ *показываетъ*, что онъ забываетъ всѣ разсчеты и заботы жизни, но что онъ никогда не увлекается чистымъ, безотчетнымъ восторгомъ! отвѣчалъ чортъ, съ презрительной улыбкой.

— Какъ! Такъ по вашему всѣ эти восторги, крики, аплодисементы, вызовы притворны?

— Бóльшею частью. Есть люди — я долженъ въ этомъ признаться — дѣйствующіе въ-слѣдствіе искренняго убѣжденія, но они составляютъ исключеніе въ этой разнохарактерной массѣ, которая хлопаетъ, увлеченная модою, примѣромъ, желаньемъ показаться энтузіастомъ и знатокомъ, человѣкомъ съ душою и сердцемъ, хлопаетъ часто только для того, чтобы хлопать, изъ страсти къ шуму, чаще всего, сама не зная почему и для чего, пропуская безъ вниманія лучшія мѣста adagio и pianissimo или не давая ихъ кончить, и считая непремѣнною обязанностью неистово зашумѣть при окончаніи аллегро, forte оркестра, или послѣдней нотѣ однообразной рулады.

— Все, что́ вы говорите, можетъ быть и справедливо, но относится къ весьма-немногимъ; большинство-же на-противъ составляютъ люди если не понимающіе, то́, по-крайней-мѣрѣ, чувствующіе музыку.

— Въ этомъ мы съ вами никогда не сойдемся, отвѣчалъ чортъ очень-хладнокровно. И не мудрено: вы глядите на предметы съ человѣческой точки зрѣнія. Гдѣ-же вашему ограниченному уму *постигнуть* то́, въ чемъ мы *убѣждены*? Вы, на-примѣръ, всегда увѣряли и увѣряете, что нормальное положеніе человѣка на землѣ — быть добрымъ, а что дурные люди составляютъ исключеніе! Мы-же напротивъ видимъ это исключеніе — въ добрыхъ. Конечно ваше человѣческое самолюбіе не позволитъ вамъ въ этомъ признаться. И не удивительно. Въ вашихъ легендахъ и преданіяхъ, вы представляете человѣка даже умнѣе чорта.

— Позвольте! позвольте! Это все посторонніе вопросы. Я не охотникъ до чертовской философіи, а вы отступаете отъ предмета нашего разговора. Смѣшонъ и я, что требую отъ чорта правды. Извольте продолжать вашъ парадоксъ, касательно итальянской оперы: мнѣ очень-любопытно знать, какъ вы его докажете.

— Самымъ обыкновеннымъ образомъ. Я дамъ вамъ средство услышать разговоры всѣхъ этихъ любителей и знатоковъ музыки, понять ихъ малѣйшія движенія, прочесть тайныя мысли всѣхъ зрителей, отъ перваго ряда креселъ до послѣдней скамейки райка.

— Вы сдѣлаете меня невидимымъ, перенесете поочередно во всѣ ложи?

— Къ чему это? Что́ за романическія идеи? На это есть средство гораздо-проще! —

И чортъ дотронулся безъимяннымъ пальцемъ лѣвой руки до моихъ ушей, глазъ и лба. Въ одно мгновеніе со мной сдѣлалось то́, что́ очень-трудно объяснить и еще труднѣе себѣ представить. Я сталъ вдругъ видѣть, слышать и понимать все, что́ дѣлается въ театрѣ. Я видѣлъ незамѣтную судорогу, пробѣжавшую по лицу красавицы, улыбавшейся въ тоже время дюжему офицеру, и происшедшую отъ неестественнаго сжатія груди корсетомъ. Я слышалъ тихое восклицаніе мужа, посылавшаго супругу свою къ

моему сосѣду и въ тоже время, съ нѣжною гримасою, подававшаго ей двойныя, трубки. Я понималъ, что два пріятеля, крѣпко сжимавшіе другъ-другу руки и обѣщавшіе что-то другъ-другу, завтра-же надуютъ другъ-друга. Однимъ словомъ, я видѣлъ, слышалъ и понималъ все, рѣшительно все, — самое ужасное положеніе, въ которомъ когда-нибудь можетъ находиться человѣкъ.

И тогда я увидѣлъ, услышалъ и понялъ такія странныя вещи, которымъ-бы самъ никогда не повѣрилъ. Правду говорятъ, что чужая истина нелѣпѣе своего собственнаго вздора.

Сначала меня поразили голоса всѣхъ рядовъ креселъ, заговорившія вокругъ меня такую чепуху, что я въ первую минуту зажалъ уши, позабывъ, что это рѣшительно ни къ-чему не послужитъ. Потомъ я началъ отличать въ этомъ хаосѣ словъ, бо́льшею частію выражавшихъ совершенно не то́, что́ заключала въ себѣ мысль, мнѣнія, сказанныя съ полнымъ убѣжденіемъ. Съ непривычки, обхваченный, облитый потокомъ этихъ звуковъ, настроенныхъ на всевозможные тоны человѣческаго голоса, я не вдругъ различалъ, какія именно лица произносили эти звуки, но я *понималъ*, что всѣ они безъ исключенія хлопали и восхищались оперою. Я слышалъ слѣдующія фразы: Кастелланъ чудо-совершенства! Въ тысячу разъ лучше Гарціи!—Разумѣется! какое сравненіе! — Да нѣтъ, что голосъ еще ничего, а каковы у нея глаза? — Прелесть!—Губки точно у Оттиліи!—Ручки какъ у моей Маши.— А ты, Мишель, куда послѣ театра?—Не знаю! Не качнуть-ли къ Леграну?—Дѣло! пройдемся по херѣсамъ, за здоровье Кастелланъ.— Ну что́ понравилось? Ты такъ хлопалъ, позабылъ все на свѣтѣ!— Съ горя братецъ: завтра надо платить каретнику... Управа прислала, а денегъ не гроша.—Каково пѣла Кастелланъ? Эхъ, братецъ, какое мнѣ дѣло? ты знаешь, что я бѣгаю въ театръ для того, чтобъ не сидѣть вечеромъ съ женою.— Однакожъ ты такъ хлопалъ?— Ну нельзя-же, — всѣ хлопаютъ. Что́-жъ я одинъ буду дуракомъ сидѣть! — Хорошо, очень-хорошо, а все-таки будетъ лучше, когда мы пойдемъ затянуться! — Какъ тебѣ кажется новая Луція? — Вотъ еще! развѣ мнѣ не все равно, кто-бы ни пѣлъ? Мнѣ лишь-бы быть въ театрѣ — вѣдь я театралъ! — Какъ, вы ужъ уѣзжаете? — Да-съ! Семенъ Иванычъ звалъ на преферансикъ. Нельзя-же отказать — человѣкъ нужный. Да и признаться, скучненько. Поютъ все одно и то-же. — Какова пѣвунья-то, почтеннѣйшій Маркъ Ильичъ? — Да что́, почтеннѣйшій, хлопалъ и я, какъ другіе, не скажутъ, что неучъ, а признательно сказать, ни одна въ мірѣ пѣвица, будь она хоть разъ-Итальянка, не хватала меня за душу такъ, какъ Любаша. — Истинно, истинно такъ! Никакого Рубини въ свѣтѣ не смѣняю на Ильюшу.— Оно-бы, вотъ видите, и хорошо, Петръ Петровичъ, да вѣдь канальски дорого́, ей Богу. Самое плохое кресло два рубля серебромъ. За что́-же это, скажите пожалуста? Абонировался и я въ семеромъ на сорокъ представленій, да и то раскаяваюсь. — Признаюсь

вамъ, былъ здѣсь нѣмецкій пѣвецъ Брейтингъ, для меня онъ гораздо-почище Рубини! — Ну конечно, моложе гораздо, и знаете, этакъ бывало, какъ хватитъ жидовку — прелесть, просто! — Впрочемъ и Рубини молодецъ, иногда закричитъ такъ, что весь оркестръ покроетъ. — Да, но знаете, другой разъ ужъ такъ тихо тянетъ ноту, что сзади ничего и не слыхать. Или вдругъ женскимъ голосомъ хватитъ. — Ну ужъ батюшка, похлопалъ я! Знай нашихъ, а кричалъ такъ, что оспинъ совершенно. Славно поетъ Рубини, разбойникъ — очень-хорошо. — По мнѣ Тамбурини гораздо-выше! — О! гораздо, и голосъ у него, знаете, такой.... вдвое лучше Рубини. — Знаете, что Тамбурини былъ-бы славный пѣвецъ, кабы у него былъ голосъ? — Помилуйте, да чѣмъ-же онъ теперь поетъ? — Какъ чѣмъ? Подбородкомъ! — Вотъ братецъ хороша-то! — Кто, Кастелланъ? — Какая Кастелланъ, я и не смотрѣлъ на нее; я, братецъ, глазъ не спускалъ съ этой брюнетки въ красныхъ лентахъ. Вотъ, братецъ, объяденье-то! — Что́ опера, Иванъ Иванычъ! Скука смертная. Несчастье все такое. Третій мѣсяцъ какъ не сяду въ преферансъ — всякой разъ проигрываю! — Смѣю-ли спросить, какова опера, ваше превосходительство? — Не дурна! — Да, конечно не дурна, ваше превосходительсво! — Даже можно сказать хороша. — Какъ-же-съ, очень-хороша, ваше превосходительство! — Какова Луціята, любезнѣйшій? — Богъ съ ней, съ этой Луціей, Василій Иванычъ. Скажите-ка лучше скоро-ли у васъ выживутъ изъ департамента этого философа? Директоръ ужъ съ полгода какъ обѣщалъ мнѣ его мѣсто! — Хорошо! очень-хорошо поетъ Рубини, только, отъ-чего у него такіе странные штаны?— Говорятъ, этотъ Галлинари получаетъ 12-ть тысячъ! А за-что́? Итальянецъ онъ— большая невидаль. Да тотъ Итальянецъ, что ко мнѣ съ статуями ходитъ, за двугривенный мнѣ фалды цалуетъ. — Двѣнадцать тысячъ за то, что поетъ! Ахъ Господи, поди служи послѣ этого!— Что́ это какой антрактъ! Цѣлую пульку можно было-бы сыграть.

Я пересталъ слушать. Чортъ былъ правъ. Всѣ эти господа, за минуту передъ тѣмъ ревѣвшіе и бѣсновавшіеся до упаду, тотчасъ-же занялись преспокойно своими мелкими страстишками и нуждишками. Никого не потрясла эта опера до глубины души, ни въ комъ не оставила она грустнаго, томительнаго впечатлѣнія, ни одна струна не отозвалась ни въ чьемъ сердцѣ, заплывшемъ жиромъ безстрастія, затвердѣвшимъ подъ корою эгоизма. Смѣялось, лгало, важничало, подличало и теперь, какъ и всегда, это странное человѣчество. Гордо сидѣли важныя персоны, боясь нарушить свое достоинство неприличнымъ и неумѣстнымъ жестомъ. Ирыгало и перегибалось образованное петербургское юношество, щеголяя скептицизмомъ мыслей и цинизмомъ выраженія. Дикія, необычайныя нелѣпости отмачивало христолюбивое россійское купечество. Страшныя, судорожныя гримасы дѣлали дамы, ста-

раясь придать ихъ мертво-болѣзненнымъ лицамъ какое-нибудь выраженіе. — Но и эти господа и госпожи были все-таки уважительнѣе тѣхъ лицъ, которыя кричали изо-всей силы, чтобы быть замѣченными, о томъ, что они сходятъ съ-ума отъ божественныхъ звуковъ, а въ самомъ-дѣлѣ сходили съ-ума отъ восторга тогда только, когда имъ удавалось всѣми неправдами и низостями добыть малую толику денегъ, хотя-бы для этого надобно было своею рукою задушить ближняго. Люди эти, ревѣвшіе безъ пощады объ упоеніи, въ которомъ они находятся, обращали впрочемъ на себя вниманіе только неприличіемъ своихъ возгласовъ, неумѣстностью дикихъ жестовъ. Многіе однако не стыдились публично пожимать руки этимъ людямъ, въ главѣ которыхъ стоялъ отвратительный очконосецъ, съ обезъяньей физіогноміею и пустой головою, заклеймленный постыднымъ прозваніемъ и всеобщимъ презрѣніемъ. Съ отчаяніемъ въ душѣ отвернулся я отъ этой жалкой толпы и сталъ всматриваться въ отдаленные ряды и отдаленныя лица. Чѣмъ дальше однако подвигался я къ оркестру, тѣмъ чувства становились холоднѣе и холоднѣе. Напрасно напрягалъ я мое, и безъ того сверхъ-естественное, зрѣніе — я не подмѣтилъ ни на одномъ лицѣ никакого теплаго выраженія, кромѣ имянинной улыбки, отъ которой ртуть въ термометрѣ упала-бы до точки замерзанія. Здѣсь сидѣлъ толстый баринъ, очень-апетитно улыбавшійся — но увы! отъ мысли, что его послѣ спектакля ожидаетъ индѣйка съ трюфелями; тамъ дама въ черной шляпкѣ отирала показавшіяся на глазахъ слезы отъ слишкомъ сильной призы Рапе; далѣе два сосѣда разговаривали, съ чрезвычайно-выразительными жестами, но о томъ, какъ и отъ-чего одинъ изъ нихъ вчера остался безъ двухъ при семи въ червяхъ. Вотъ два молодыхъ человѣка бесѣдуютъ также съ жаромъ о какой-то французской актрисѣ, отличающейся удивительными плечами. Тамъ еще одинъ господинъ, тяжело вздыхающій и думающій о томъ, какъ вредно сидѣть въ театрѣ, не хорошо выспавшись послѣ обѣда; здѣсь еще одинъ очень-пристально смотрящій на занавѣсъ и рѣшительно ни о чемъ не думающій. Видя, что въ креслахъ никто и не думаетъ объ оперѣ, я взглянулъ на первый ярусъ. Въ немъ дамы осматривали себя каждую минуту, вѣроятно, для того, чтобы удостовѣриться, всѣ-ли украшенія ихъ на своихъ мѣстахъ и производятъ-ли желанный эффектъ. Кавалеры отъѣхавши въ самый темный уголъ ложъ, дремали, барабаня лѣниво пальцами по барьеру. Немногіе изъ нихъ, заботливо поправляя галстуки, пропускали сквозь зубы два или три слова, черезъ каждые четверть часа. Молодые люди отпускали дамамъ избито-заученыя фразы, которыя дамы слушали весьма-небрежно, играя полъ-аршинными трубками или наводя ихъ граціозно на разныя петербургскія знаменитости. Я хотѣлъ прислушаться къ ихъ разговорамъ, какъ вдругъ оркестръ грянулъ и начался третій актъ Луціи. Всѣ стали усаживаться, продолжая

начатые разговоры или не охотно ихъ прерывая. Никто не слушалъ музыку. Затягивавшіеся воротились изъ буфета, чуть не въ половинѣ акта. Въ ушахъ моихъ снова раздался пискливый голосъ моего сосѣда.

— Ну что, увѣрились-ли вы, что человѣкъ всегда человѣкъ, что передъ самыми удивительными явленіями природы и искусства онъ не измѣнитъ своимъ привычкамъ и наклонностямъ? Это, впрочемъ, такъ и быть должно. Очень-хорошо зная, что онъ созданъ изъ души и тѣла, человѣкъ никакъ не хочетъ сознаться, что тѣло въ немъ — барынъ его души, и выдумалъ какія-то духовныя наслажденія. Ихъ никогда нѣтъ и не было. Всѣ такъ называемыя изящныя искусства льстятъ его матеріальной сторонѣ, всѣ выдуманы имъ для тѣла: поэзія распаляетъ его воображеніе сладострастными картинами, скульптура изяществомъ, живопись живостью роскошныхъ формъ. Одна только музыка, не представляя ему ничего осязательнаго, не давая никакой идеи, увѣряетъ, что дѣйствуетъ прямо на душу его, возбуждая въ ней какія-то созвучныя струны, никогда несуществовавшія. Отъ этого музыку меньше понимаютъ и любятъ здѣсь, отъ этого-то.....

Но тутъ я прервалъ чорта съ негодованіемъ.

— Я ужъ разъ просилъ васъ избавить меня отъ вашей философіи. Къ чему вы все это мнѣ тутъ разсказываете? За кого вы меня принимаете, чтобъ я повѣрилъ чорту? И съ какой стати вы дали мнѣ возможность узнать и услышать всѣ эти мерзости? Нечего сказать, большое удовольствіе доставили вы мнѣ этимъ!

— Я-бы удивился вашей неблагодарности, если-бы могъ чему-нибудь удивляться. Вы-же меня браните за одолженіе, которое я вамъ сдѣлалъ. Какъ это *человѣчно!* Впрочемъ, смѣшно-было-бы ждать отъ васъ другихъ чувствъ. Если вамъ угодно я сейчасъ-же лишу васъ даннаго мною дара!

— Позвольте, позвольте, вскричалъ я! Я хочу употребить это орудіе противъ васъ-же самихъ. Люди скоро забываютъ впечатлѣнія прекраснаго. Положимъ. Я даже согласенъ съ этимъ. Но въ эту минуту, когда они находятся подъ его вліяніемъ, они забываютъ все на свѣтѣ, они становятся велики и благородны. Вы не можете отрицать этого, но я самъ хочу убѣдиться еще сильнѣе въ вѣрѣ въ человѣчество!

И я сталъ внимательно смотрѣть на ложи бель-этажа, не замѣчая рѣзкаго смѣха моего сосѣда. Въ одной изъ ложъ сидѣли двѣ женщины — маменька и дочка, сзади нихъ генералъ и еще двое офицеровъ. Маменька говорила дочкѣ во-время аріи сумасшедшей Луціи:

— И больше онъ ничего не говорилъ тебѣ?

Дочка отвѣчала:

— Нѣтъ! Я старалась навести его на то, чтобъ онъ прямо открылся, но онъ все твердилъ о блаженствѣ неузнанной любви, о презрѣніи къ общественнымъ предразсудкамъ....

Мамепька думала въ тоже время:

— Дура этакая! Не умѣетъ ни одного поймать.... Я увѣрена, что упуститъ и пятаго.

Дочка также въ свою очередь думала.

— Успѣю еще! Можетъ-быть, мнѣ сдѣлаетъ предложеніе князь П. или графъ С. Ахъ!.. если-бы богачь обратилъ на меня вниманіе,

Офицеры въ тоже время разговаривали о производствѣ къ 6-му декабрю и о томъ, за что С-ну дали Владиміра.

Въ другой ложѣ впереди сидѣли также двѣ женщины, абонировавшіяся пополамъ. Обѣ онѣ качали головами и били тактъ трубками по барьеру, восклицая: «Delicieux! charmant! sublime»! и думая почти вмѣстѣ, первая: «Какъ-бы хорошо, если-бы эта старая дура захворала: я-бы пригласила на ея мѣсто княгиню С. Она обѣщала мѣсто моему Ваничкѣ», — и вторая: «Какъ-бы хорошо, если-бы эта старая дура захворала, я-бы пригласила въ ложу моего Альфреда». Мужья этихъ дамъ бесѣдовали о стерляди, бывшей на вчерашнемъ обѣдѣ у барона В.

Въ третьей ложѣ сидѣли какіе-то иностранцы съ бородами. Они закритиковали и оперу, и публику, и театръ.

Въ четвертой три дѣвушки, задыхаясь отъ туго-затянутыхъ корсетовъ, старались одна передъ другою выставиться изъ ложи, чтобы быть скорѣе замѣченными.

Во второмъ ярусѣ, во-время самаго оглушительнаго рукоплесканія и вызововъ Г-жи Кастелланъ, одинъ господинъ говорилъ другому, хлопая безъ милосердія: «Посмотри, какъ у этой дамы лѣвое плечо совсемъ вылѣзло изъ лифа!» Другой кричалъ «браво», нюхая табакъ; третій хлопалъ кончиками пальцевъ, чтобъ не замарать бѣлыхъ перчатокъ; дама, вся въ чорномъ, нюхала цѣлый вѣникъ цвѣтовъ, дѣлая видъ, что готова упасть въ обморокъ отъ волненія; другая въ забвеніи помимутно опиралась рукою въ колѣно сосѣда; третья, размахивая батистовымъ платкомъ и крича: «Parfait», думала: «гадкая С, какая у нее удивительная брошка»! Дальше чиновникъ, чтобы отличиться передъ своимъ начальникомъ, ревѣлъ bis, до половины выпяливаясь изъ ложи.

Когда я взглянулъ въ третій ярусъ, Рубини пѣлъ ужъ свою дивную арію. Въ третьемъ ярусѣ вообще сидѣвшіе на вторыхъ скамейкахъ готовы были проглотить со злости сидѣвшихъ на первыхъ. Тамъ были люди, дѣлавшіе очень странные вопросы, на-примѣръ: «А позвольте узнать, кто лучше поетъ Рубини или Гарція? А который это изъ нихъ Тамбурини? А что, это тотъ-же Рубини, который пѣлъ и въ первомъ дѣйствіи. А что эти прочіе актеры тоже изъ Италіи? А отчего-же Луція-то съ-ума сошла? А что́ж послѣ этого дѣйствія больше ничего не будетъ?» Въ четвертомъ ярусѣ вообще жаловались на чрезвычайную духоту и желали, чтобъ опера поскорѣе кончалась. Тамъ были люди, которые, противъ всеобщаго обыкновенія, не выставляли себя, а прятались для того, чтобы послѣ сказать, что они были

въ театрѣ въ креслахъ. Сидящіе на заднихъ скамейкахъ изъявили крайнее свое неудовольствіе за то, что театръ такъ несправедливо устроенъ, что не изо всѣхъ мѣстъ равно видно. Въ пятомъ ярусѣ была такая катавассія восклицаній, мыслей, словъ, чувствъ, жестовъ — что и самъ чортъ не могъ-бы рѣшительно ничего разобрать. Я грустно опустилъ голову. Мнѣ стало совѣстно за человѣчество предъ чортомъ. Что-же долженъ былъ я почувствовать, когда во-время послѣдняго удивительнаго адажіо Рубини, половина креселъ встала и пошла за шубами и калошами, не думая больше ни о чемъ, шумя безпощадно, заглушая чудныя ноты его нечеловѣческаго голоса?... Меня взволновало это непостижимое равнодушіе къ таланту такого великаго пѣвца: я готовъ былъ броситься и остановить этихъ неучтивыхъ господъ, какъ вдругъ надо мною раздался опять знакомый голосъ сосѣда.

— Напрасно вы конфузитесь за своихъ собратовъ: они поступаютъ такъ по законамъ ихъ натуры, не имѣя никакихъ причинъ уважать это высокое искусство. Они тѣмъ болѣе въ-правѣ дѣлать это, что и сами артисты не слишкомъ-церемонно обходятся съ талантомъ, ниспосланнымъ имъ свыше. Я показалъ вамъ юмористическую сторону публики, восхищающейся талантомъ, не хотите-ли взглянуть теперь на юмористическую сторону таланта, восхищающаго публику!

Но это было выше силъ моихъ. Такое униженіе всего, передъ чѣмъ я склонялся съ благоговѣніемъ, такая ѣдкая насмѣшка надъ всѣмъ, что я любилъ и чему я вѣрилъ, — привели меня въ отчаяніе. Въ ужасѣ, собравшись со всѣми силами, оттолкнулъ я отъ себя искусителя — и свалился съ дивана, на которомъ мнѣ приснилась вся эта дикая исторія. Долго ощупывалъ я себя, чтобы увѣриться, что все это видѣлъ во снѣ, и пришелъ въ неописанный восторгъ, когда убѣдился, что вся эта ужасная картина была плодомъ моего разгоряченнаго воображенія. Разумѣется, что только во снѣ и могли родиться такія сумасшедшія идеи. Можетъ-ли быть что-нибудь подобное этому въ дѣйствительности?

Не правда-ли, почтенные читатели, какой смѣшной, нелѣпый и неправдоподобный сонъ?...

СМѢСЬ.

КАМЕЛІЯ.

(*Разсказъ.*)

Въ одинъ изъ самыхъ холодныхъ январскихъ дней 1820 года, около полудня, прохожіе невольно останавливались передъ великолѣпнымъ цвѣточнымъ магазиномъ и заглядывались, не-смотря на мрачное небо, на прелестный товаръ, который какъ будто смѣялся надъ суровой зимой и предсказывалъ скорую весну.

Толпа останавливалась, уходила, смѣнялась другою; одинъ только мальчикъ стоялъ у двери постоянно, забывши холодъ, и смотрѣлъ съ такимъ вниманіемъ, что, казалось, срося съ тротуаромъ и прилипъ къ стекламъ магазина.

Ему было не больше десяти лѣтъ; одѣтъ онъ былъ довольно-бѣдно; блѣдное лицо выражало грусть; длинные бѣлокурые волоса, вились по плечамъ и чрезвычайно шли къ его смѣлому личику: бѣдняжка весь дрожалъ, и отъ холода и отъ внутренняго волненія. Онъ на все смотрѣлъ внимательно, но болѣе всего приводила его въ восторгъ, возбуждала зависть, прелестная камелія! Она была величиною въ три фута и на безчисленныхъ ея вѣткахъ красовались ярко-пунцовые цвѣты. Мальчикъ не отводилъ глазъ отъ этого куста, и по его улыбкѣ можно было видѣть, какъ сильна была его страсть къ этому чистому, прелестному дару Создателя.

Стеклянная дверь магазина отворилась, и вошла прекрасная молодая женщина, щегольски одѣтая, съ человѣкомъ въ ливреѣ.

Мальчикъ не обратилъ вниманія на пріѣздъ ея и продолжалъ по-прежнему любоваться цвѣтами.

— Ну что́-жъ, позаботились-ли вы обо мнѣ? сказала молодая дама, садясь въ кресла, которыя спѣшилъ подать ей хозяинъ магазина?

— Ка́къ-же, маркиза, вчера я получилъ все, что́ вамъ угодно было заказать, и я увѣренъ, что вамъ понравится.

— Вы держите свое слово, какъ я вижу, и потому-то я совсѣмъ разорюсь у васъ.

— Скорѣе дѣлая добрыя дѣла, маркиза: вы такъ милостивы...

— Безъ комплиментовъ, г-нъ Николи, ежели вы хотите, чтобъ я брала въ вашемъ магазинѣ.... А вотъ лучше скажите мнѣ, кто этотъ хорошенькой мальчикъ? Я его такъ часто встрѣчаю у вашихъ дверей?

— Это, вѣроятно, ребенокъ, также страстно-любящій цвѣты, какъ и вы, Маркиза; онъ здѣсь простаиваетъ цѣлые часы, и если мнѣ случится выбросить при немъ нѣсколько завялыхъ цвѣтовъ, онъ ихъ бережливо поднимаетъ, долго разсматриваетъ и наконецъ уноситъ съ собою.

— Бѣдный малютка!.. Ахъ, Боже мой! какая прелестная камелія! Ахъ, ка́къ она хороша! Давно-ли она у васъ? И вы мнѣ до сихъ поръ не сказали объ ней? Ка́къ она хороша!

И маркиза подбѣжала къ кусту, чтобъ лучше разсмотрѣть его. Она была такъ обворожительна, такъ мила, что́ сама казалась лучшимъ свѣжимъ цвѣткомъ. Голосъ ея былъ нѣженъ и ласковъ; очаровательная улыбка ея открывала два ряда жемчужинъ; вся она была граціозна, прелестна. Хозяинъ магазина взялъ вазу съ камеліей въ обѣ руки и поставилъ у ногъ ея.

Глаза мальчика заблистали и слѣдили съ грустью и безпокойствомъ за всѣми движеніями цвѣточника.

— Она чудесна, повторяла маркиза: чудесна! Но вы за нее потребуете безбожную цѣну?

— Угодно камъ взять ее?

— Ну, да, конечно: я день и ночь объ ней буду мечтать... Но лучше не говорите мнѣ ея цѣну, а то я могу раздумать; меня такъ часто бранятъ за васъ, и за дѣло! Мнѣ одной нужно больше цвѣтовъ, чѣмъ цѣлому улью пчелъ... Прощайте... Франсуа, возьми эту вазу... Прощайте, г-нъ Николи; пришлите мнѣ счетъ за прошлый мѣсяцъ; за свои глупости надобно расплачиваться.

— За вами небольше тысячи франковъ, Маркиза.

— Только?... Прощайте.

Выходя изъ магазина, она ласково посмотрѣла на мальчика, который быстро отвернулся, чтобъ скрыть двѣ крупныя слезы, повисшія на рѣсницахъ; а когда человѣкъ пронесъ подлѣ него камелію, онъ вздохнулъ тяжело и на лицѣ его выразилось совершенное отчаяніе. Но вдругъ онъ пустился бѣжать за маркизой,

остановился, поднялъ вышитой платокъ, который она выронила изъ муфты, догналъ ее и сказалъ растроганнымъ голосомъ.

— Сударыня, вы потеряли платокъ вашъ.

— Ахъ, мой дружокъ, это прекрасно, ты чудесный мальчикъ и вполнѣ заслуживаешь награду. Въ моемъ платкѣ завязано много денегъ, и если-бъ ты оставилъ его у себя...

— Мой отецъ всегда былъ честенъ сударыня, и я...

— Да, мой другъ, но тебѣ должно быть холодно въ этомъ платьѣ: вотъ, возьми два золотыхъ и смотри, употреби ихъ на дѣло.

Говоря это, маркиза развязала узелокъ въ платкѣ и подала мальчику два золотыхъ.

— Покорно васъ благодарю, сударыня, но мой отецъ запретилъ мнѣ брать деньги, которыя я не выработалъ.

— А чему ты учишься, мой другъ?

— Мой отецъ живописецъ, сударыня, но онъ почти ослѣпъ и не можетъ самъ работать, а только даетъ мнѣ уроки.

— Какимъ-же родомъ живописи ты занимаешься?

— Я рисую цвѣты ...

— А! такъ вотъ почему ты такъ постоянно бываешь у магазина г-на Николи... Бѣдное дитя, ты тамъ изучаешь ихъ?

— Да, сударыня, прошепталъ маленькой артистъ и снова посмотрѣлъ на камелію съ грустью и любовью.

— Такъ у тебя дома нѣтъ цвѣтовъ, мой дружокъ?

— Ахъ, сударыня, мой отецъ едва можетъ давать мнѣ карандаши, краски, полотно и бумагу... Мы такъ бѣдны! Цвѣты для насъ слишкомъ дороги, и потому я хожу каждый день въ цвѣточный магазинъ... Тамъ я смотрю, учусь и послѣ работаю на память! Ахъ, зима тяжелѣ для насъ!

— А какіе цвѣты ты лучше любишь?

— Я всѣ люблю... всѣ, отвѣчалъ мальчикъ съ восторгомъ: — но одинъ сводилъ меня совсѣмъ съ-ума!

— А развѣ теперь его нѣтъ тамъ?

Малютка посмотрѣлъ на камелію и прошепталъ:

— Нѣтъ.... вы его взяли... вы очень-счастливы!

Маркиза почувствовала одинъ изъ тѣхъ порывовъ великодушія, отъ которыхъ бываетъ такъ хорошо на сердцѣ... Лицо ее оживилось....Мысль о добромъ дѣлѣ отразилась на ея чертахъ.

— Мнѣ очень-жаль, мой другъ, сказала она послѣ нѣкотораго молчанія: — что я огорчила тебя, разлучивъ съ этой камеліей; возьми-же ее себѣ и береги на память нашей встрѣчи.

Человѣкъ отдалъ молодому артисту драгоцѣнную вазу, предметъ его желаній, и бѣдный малютка, придя наконецъ въ себя отъ изумленія, тщетно искалъ свою прекрасную благодѣтельницу.... Она изчезла.

31-го декабря 1835 года, пятнадцать лѣтъ спустя послѣ маленькаго происшествія разсказаннаго нами, въ магазинѣ, на Итал-

янскомъ-бульварѣ, была выставлена картина, привлекавшая толпу прогуливающихся. Картина представляла цвѣточный магазинъ, наполненный растеніями, кустами, цвѣтами — и все это было изображено съ удивительной вѣрностью. На вывѣскѣ было имя знаменитаго цвѣточника: *Николи.*

Всѣ восхищались легкой кистью живописца и справедливо замѣчали, что для достиженія такой вѣрности въ подражаніи природѣ, онъ долженъ былъ посвятить всѣ лучшіе годы молодости этому искусству.

Въ магазинѣ сидѣла молодая дама и любовалась камеліей; лицо ее было прелестно и, вѣроятно, стоило артисту много безсонныхъ ночей. Третья фигура привлекавшая вниманіе любопытныхъ, былъ дурно-одѣтый мальчикъ, который такъ близко, съ такимъ восторгомъ смотрѣлъ въ стеклянныя двери магазина, что отъ его дыханія оттаяло совершенно стекло.

Толпа по немногу разошлась... Было около шести часовъ вечера — время, въ которое улицы пустѣютъ: всѣ идутъ обѣдать, богатый будетъ наслаждаться, бѣдный подкрѣпитъ силы.

Блѣдное, усталое, измученное лицо показалось у дверей магазина выставки, и выразительные, хоть и томные глаза, вдругъ оживились, взглянувъ на картину.

Молодой человѣкъ, лѣтъ 25-ти, былъ тогда въ магазинѣ и въ пылу разговора съ хозяиномъ часто останавливался передъ картинами. Онъ былъ одѣтъ просто, но изящно; манеры его отзывались тономъ хорошаго общества, выраженіе лица было кротко и говорило въ его пользу.

— Посмотрите, вотъ дама, на которую ваша картина, кажется, сдѣлала большое впечатлѣніе, сказалъ хозяинъ заведенія.

Живописецъ равнодушно посмотрѣлъ на нее; но вдругъ сердце его сильно забилось... онъ подошелъ ближе, и замѣтя слезы на глазахъ незнакомки, быстро отворилъ дверь.

— Не угодно-ли вамъ будетъ войти, сударыня, сказалъ онъ: вы лучше разсмотрите эту картину.

Послѣ минутной нерѣшимости, дама вошла, взяла поданный ей стулъ, и сидя у полотна, невольно заплакала. Живописецъ стоялъ нѣсколько поодаль и съ восторгомъ смотрѣлъ на незнакомку.

— Вниманіе ваше къ этой картинѣ служитъ лучшей похвалой артисту, сказалъ онъ.

— О, тутъ къ искусству живописца присоединяются мои воспоминанія.... Я угадываю творца этого знаменитаго произведенія ... Увы! Какъ все перемѣнилось.... какъ сама я измѣнилась!

При этихъ словахъ бѣдная женщина глубоко вздохнула.... Живописецъ былъ тронутъ до глубины души.

— Я также знаю артиста, о которомъ вы отзываетесь такъ милостиво, сударыня, и если вамъ угодно его видѣть....

— Нѣтъ, о нѣтъ! когда я его знала, я была счастлива, бога-

та, хороша; теперь я бѣдна, стара!... Богъ не оставилъ своимъ покровительствомъ его, это благородное существо, этотъ великой талантъ! — Незнакомка встала и продолжала дрожащимъ голосомъ:

— Когда вы увидите великаго артиста, вспомнившаго объ магазинѣ *Николи*, не сказывайте ему, что бѣдная женщина часто останавливалась передъ его твореніемъ и вспоминала свои прошлые счастливые дни, дни, которые должно забывать... Я приду опять, я еще приду любоваться этими прелестными цвѣтами, этой камеліей...

— Увы, сударыня! Картина уже продана; завтра утромъ ее возьмутъ. Вы, вѣроятно, не увидите ее больше.

— Ахъ, если-бъ я была богата! За сколько она продана?

— За двадцать тысять франковъ.

— За двадцать тысячь франковъ!... Какъ я рада!... этими деньгами.... прощайте, прощайте.

— Вы такъ слабы, сударыня.... позвольте мнѣ предложить вамъ руку, позвольте проводить васъ.

— О, нѣтъ, это ничего, маленькая дурнота! это пройдетъ!

— Бога ради, позвольте, я теперь совершенно-свободенъ.

Живописецъ взялъ шляпу и спросилъ незнакомку:

— Гдѣ вы живете?

— Очень-далеко ... въ улицѣ Grenelle-Saint-Germain, No 88.

— Улица Grenelle-Saint-Germain, 88 No, повторилъ артистъ кучеру фіакра, сажая даму и затворяя дверцы.

— Вы испытали много горя, сударыня? сказалъ онъ, когда незнакомка немного оправилась.

— Я лишилась всѣхъ родныхъ и меня запутали въ процессъ, который поглотилъ все мое состояніе. Не имѣя болѣе денегъ, я должна прекратить мой искъ, и противники мои торжествуютъ.... Недостача двадцати тысячь франковъ обрекаетъ меня почти на бѣдность.... Я столько давала прежде, что должна-бы ожидать помощи отъ друзей.... но мой послѣдній другъ оставилъ меня съ моимъ послѣднимъ экю.

— Друзья всегда такъ поступаютъ, сударыня. Безъ неблагодарности нельзя проложить себѣ дороги въ свѣтѣ; порокъ этотъ сталъ добродѣтелью.

— Но я осталась горда по-прежнему, и маркиза С. платитъ за эгоизмъ сожалѣніемъ и презрѣніемъ.

— Мы пріѣхали.... Примите мое искреннее желаніе вамъ всего добраго; я-бы желалъ, право, быть вамъ чѣмъ-нибудь полезнымъ.

Маркиза вышла изъ кареты и напомнила живописцу его обѣщаніе не говорить о ихъ встрѣчѣ.

III.

На другой день, 1-го января, около двухъ часовъ по-полудни, тихій звонъ колокольчика вывелъ маркизу С. изъ задумчивости, въ которой она находилась, сидя у слабаго огонька. Щеголиха, богатая покупательница въ магазинѣ Николи, жила въ бѣдной, холодной комнаткѣ, безъ родныхъ, безъ друзей. Удивленная нечаяннымъ посѣщеніемъ, маркиза побѣжала къ двери, и отворивъ ее, еще болѣе изумилась, узнавъ въ посѣтителѣ вчерашняго молодаго сопутника своего. Онъ подалъ ей превосходную камелію, пунцовую съ бѣлымъ, говоря:

— Вы взяли съ меня слово, сударыня, не говорить о нашей встрѣчѣ счастливому артисту, заслужившему ваше воспоминаніе, и я увѣряю васъ, что ни говорилъ ни слова ему.

— Я вѣрю вамъ, отвѣчала маркиза, немного смутившись: потрудитесь войдти.... теперь такъ холодно....

Живописецъ вошелъ за маркизою, въ ея бѣдную, но чрезвычайно-опрятную комнатку; онъ все-еще держалъ въ рукѣ своей прекрасный цвѣтокъ, скромно завернутый въ бѣлую бумагу.

Маркиза подвинула ему кресла у камина и сѣла напротивъ. Женщина эта, не-смотря на бѣдность, сохранила все свое благородство въ обращеніи. Артистъ долго смотрѣлъ на нее съ почтительнымъ удивленіемъ, потомъ, подавая снова камелію, сказалъ:

— Вы пренебрегаете вашими старинными друзьями.... а я полагалъ....

— Я съ наслажденіемъ смотрю на этотъ прелестный цвѣтокъ, но не могу его принять; онъ мнѣ напоминаетъ въ теперешней грустной жизни слишкомъ счастливое прошлое.

— Если бы мальчикъ, получившій отъ васъ, пятнадцать лѣтъ назадъ, японскую камелію, не взялъ тогда ее, вы-бы лишились одного прекраснаго воспоминанія.

— Вы знаете это.... говорила маркиза, смотря на артиста съ изумленіемъ.

— Примите этотъ цвѣтокъ, маркиза, не отвергайте скромный подарокъ бѣднаго ребенка, которому вы помогли. Безъ васъ онъ не могъ-бы работать всю зиму. Вы изъ простаго ученика сдѣлали артиста: камелія 1820-го года произвела картину 1835-го... Примите-же этотъ цвѣтокъ и мое искреннее поздравленіе съ новымъ годомъ.

Маркиза протянула руку; блѣдныя щеки ея оживились. Не зная, что отвѣчать, она поднесла камелію къ губамъ и поцѣловала ее. Тутъ только замѣтила она завернутый въ бумагу, вмѣстѣ съ цвѣткомъ, свертокъ желтоватой бумаги; развернувши его, она сказала растроганнымъ голосомъ и съ слезами, полными глазъ:

— Нѣтъ, это ужъ слишкомъ.... я не прошу милостыни; возьмите эти банковые билеты, возьмите....

— Выслушайте меня, маркиза. Безъ васъ я никогда-бы не былъ тѣмъ, что я теперь. Картину мою я продалъ за двадцать тысячъ; онѣ мнѣ теперь не нужны; вы, маркиза, устроили мою будущность вашимъ цвѣткомъ: пусть-же цвѣтокъ поправитъ и ваше состояніе. Двадцать тысячъ эти помогутъ вамъ выиграть вашъ процессъ.

— Я принимаю, мой другъ, принимаю во имя Бога. Принимаю потому, что теперь увѣрена въ выигрышѣ моего процесса и въ возможности возвратить вамъ то, что вы съ такимъ великодушіемъ предложили мнѣ.

Четыре мѣсяца спустя послѣ этого посѣщенія, богатый экипажъ остановился у подъѣзда знаменитаго живописца Л. и дама, щегольски одѣтая и прекрасная собой, не-смотря на свои сорокъ лѣтъ, вошла на лѣстницу.

— Какъ прикажете доложить, сударыня? спросилъ человѣкъ.

— Маркиза С.

— Ну что, маркиза, чѣмъ все кончилось? вскричалъ артистъ, съ нетерпѣніемъ.

— Я выиграла, мой другъ.... и приношу вамъ ваши двадцать тысячъ франковъ; но вѣчнаго воспоминанія о вашемъ поступкѣ, я никогда вамъ не отдамъ.... Что напишете вы на этомъ огромномъ полотнѣ, мой милый благодѣтель?

— Что вамъ будетъ угодно, выбирайте предметъ сами.

— Аллегорію: Неблагодарность побѣжденная искусствомъ.

— Въ которомъ году совершается это чудо?

— 1-го января 1835-го года.

ОТКУДА ШЕКСПИРЪ ЗАИМСТВОВАЛЪ СЮЖЕТЪ ГАМЛЕТА.

«Сюжеты Шекспировскихъ пьесъ», говоритъ знаменитый критикъ Джонсонъ, въ своемъ предисловіи къ сочиненіямъ этого поэта, изданнымъ въ въ 1765 году, «всѣ вообще заимствованы изъ романовъ или повѣстей. Вѣроятно, онъ выбиралъ изъ сочиненій наиболѣе народныхъ, всѣми читаемыхъ и всѣмъ извѣстныхъ, потому-что многочисленные его слушатели не могли-бы слѣдить за слишкомъ сложною завязкою піесъ его, если-бы, такъ сказать, не имѣли передъ глазами тѣхъ разсказовъ, изъ которыхъ онъ почерпалъ ихъ. Повѣсти эти, теперь встрѣчаемыя только въ сочиненіяхъ старинныхъ писателей, въ его время были въ рукахъ всѣхъ. Старый *Сибберъ* (Cibber) припоминаетъ, что онъ читалъ

исторію Гамлета, писанную прозой, на англійскомъ языкѣ; теперь критики могутъ отыскать эту исторію у Саксона Грамматика».

Бельфоре, (Beleforest) французскій романистъ, первый заимствовалъ изъ датской исторіи Саксона-Грамматика эпизодъ *Амлета*, Amleth и помѣстилъ его въ собраніи романовъ, изданномъ въ 1566 году. Оттуда перепечатали его въ малую четвертую-долю, готическими буквами, и назвали The Hystorie of Hamblett. Изъ этой исторіи мы видимъ, что *Фенгонъ* (Fengon), братъ Горденвила (Hordenville) датскаго короля, влюбился въ Геруту (Geruth) жену роднаго брата, убилъ его и потомъ женился на женѣ своей жертвы. Для спасенія жизни своей Гамблетъ, сынъ Геруты и Горденвила, притворился безумнымъ; но хитрость его замѣтили. — «Чтобъ убѣдиться въ своемъ подозрѣніи, приближенные Фенгона не нашли лучшаго средства», говоритъ авторъ этой исторіи, «какъ спрятать въ уединенномъ мѣстѣ красавицу, которая старалась-бы нѣжными словами и всѣми уловками обворожить Гамблета. Придворные должны были привесть Гамблета туда, гдѣ была скрыта эта женщина. Разумѣется, бѣдный принцъ подвергся-бы большой опасности отъ этой встрѣчи, если-бъ одинъ дворянинъ, воспитывавшійся вмѣстѣ съ нимъ, при-жизни Горденвила, не пренебрегъ гнѣвомъ тирана и не остался вѣренъ Гамблету. Онъ далъ ему понять, посредствомъ знаковъ, всю опасность отъ обольщеній этой женщины». Когда надежды, основываемыя на этомъ искушеніи, разрушились, враги Гамблета придумали доставить ему свиданіе наединѣ съ матерью, полагая, что при этомъ онъ измѣнитъ себѣ. Его позвали къ ней, но прежде спрятали одного придворнаго за обоями въ ея комнатѣ. Гамблетъ вошелъ, показывая совершенное сумашествіе, подражая крику пѣтуха и размахивая руками по обоямъ, какъ птица крыльями. Замѣтивъ, что кто-то шевелится тамъ, онъ прокололъ шпіона шпагой, крича: «Мышь! мышь!» Потомъ изрѣзалъ тѣло его въ куски и бросилъ въ погребъ. Возвратясь въ комнату матери, онъ осыпалъ ее упреками за ея поведеніе и описалъ ужасными красками преступленіе женщины, предающейся убійцѣ своего мужа. Испуганный Фенгонъ рѣшился освободиться отъ Гамблета и послалъ его въ Англію съ письмомъ къ королю, въ которомъ просилъ умертвить его немедленно. «Но хитрый датскій принцъ, во-время путешествія на морѣ, воспользовался сномъ своихъ сопутниковъ и прочелъ письмо; видя измѣну дяди и вѣроломство придворныхъ, которые везли его на гибель, онъ разорвалъ письмо Фенгона и написалъ другое, въ которомъ отъ его имени просилъ повѣсить этихъ двухъ придворныхъ и требовалъ руки дочери англійскаго короля принцу Гамблету». Хитрость Гамблета удалась, и онъ, пробывъ годъ въ Англіи, возвратился опять въ Данію, созвалъ на пиръ придворныхъ, напоилъ ихъ, зажегъ залу, гдѣ они пировали, и вбѣжавъ въ по-

кои Фенгона «такъ ударилъ его саблей по затылку, что голова отлетѣла отъ туловища.» Потомъ открылъ свое притворство и объяснилъ причины его; дворъ, раздраженный жестокостью Фенгона, избралъ царемъ Гамблета. Остальная часть исторіи не имѣетъ никакого интереса и нисколько не относится къ трагедіи Шекспира.

Кромѣ этой маленькой книжки имя Гамлета или Гамблета, какъ его называетъ историкъ, нигдѣ не упоминается. Но кажется, прежде Шекспира была уже піеса этого содержанія. Ее давали прежде 1589-го года, начала театральнаго поприща Шекспира, и слѣдовательно, задолго до его *Гамлета*, котораго играли въ 1596-мъ или 1597-мъ году. Изъ этихъ-то слабыхъ источниковъ почерпнулъ Шекспиръ свое геніальное произведеніе.

НѢЧТО О РОМАНСѢ.

Въ сущности музыки каждаго народа есть какая-то характеристическая особенность, которая сопротивляется переворотамъ искусства и перемѣнѣ вкуса, необходимому послѣдствію успѣховъ просвѣщенія. Особенность эта обнаруживается преимущественно въ народныхъ пѣсняхъ. Собственно *романсъ* принадлежитъ Франціи, и хотя потерпѣлъ различныя измѣненія и невполнѣ народенъ, тѣмъ не менѣе однакожъ сохранилъ какой-то отпечатокъ настоящей французской музыки. Первоначальное происхожденіе піесъ этого рода опредѣлить трудно. Нѣкоторые приписывали ихъ Франціи, а другіе Маврамъ. Впрочемъ самое слово *romance*, кажется, заимствовано у испанскихъ поэтовъ, которые употребляли его за-долго прежде Французовъ. Трубадуры, труверы и менестрели чрезвычайно размножили и сочинили безчисленное множество романсовъ. Самыя формы піесъ этого рода начали совершенствоваться въ концѣ царствованія Людовика XII, особенно при Францискѣ I-мъ, который самъ былъ поэтомъ и музыкантомъ. Потомъ романсъ усовершенствовали при Генрихѣ IV и такъ далѣе до новѣйшихъ временъ. Въ оперную музыку романсъ введенъ первоначально во Франціи, гдѣ злоупотребленіе его дошло до высшей степени. Однако-жъ, нельзя отвергать, чтобы въ романсѣ не заключалось нѣкоторыхъ достоинствъ: главное его преимущество состоитъ въ томъ, что онъ не замедляетъ сценическаго хода, какъ это часто бываетъ съ какими-нибудь большими аріями, и что въ него можно вводить мелодіи, сколько пріятныя, столько-же и изящныя, почему сочиненіе романсовъ требуетъ отъ музыканта ума и вкуса. Въ недавнее время Италіянцы также ввели въ свою оперу романсъ.

Всѣмъ извѣстенъ превосходный романсъ Дездемоны въ 3-мъ актѣ *Отелло.*—Въ наше время романсы занимаютъ бо́льшую часть публики: кто ихъ не поетъ и кто не пишетъ? У продавцовъ нотъ піесы этого рода расходятся гораздо-скорѣе, чѣмъ какое-нибудь другое сочиненіе. А самое число сочинителей такъ велико, что и перечесть ихъ даже трудно. Всякій, кто только умѣетъ хоть нѣсколько бренчать на фортепіано, уже принимается за сочиненіе романсовъ и наполняетъ нотные магазины жалкими плодами своего воображенія....

Между огромнымъ скарбомъ романсовъ, выходящихъ безпрерывно изъ-подъ пера нашихъ русскихъ композиторовъ, мы не могли не обратить вниманія на недавно изданный романсъ: «Для береговъ отчизны дальной ты покидала край родной», соч. Г. Фитюлкина. Въ-самомъ-дѣлѣ, піеска эта выдается изъ ряда обыкновенности; она отличается пріятною, простою, элегическою мелодіею, которая чрезвычайно-удачно приноровлена къ смыслу словъ, равно и самою формою, которая не имѣетъ тождества съ формами прочихъ піесъ подобнаго рода. Сколько извѣстно намъ, это первый опытъ молодаго музыканта, подающаго надежду, что, со-временемъ, мы, можетъ-быть, услышимъ изъ его фантазій что́-нибудь посерьёзнѣе романса, тѣмъ болѣе, что уже и въ самой этой піесѣ видѣнъ талантъ неподдѣльный, которому не достаетъ еще только лучшаго развитія, дабы онъ могъ употребить свои способности на сочиненіе музыки въ другомъ, болѣе значительномъ родѣ, чѣмъ романсъ. Совѣтуемъ всѣмъ любительницамъ пѣнія обратить свое вниманіе на этотъ романсъ; надѣемся, что отзывъ нашъ не покажется несправедливымъ. Піеска продается во всѣхъ музыкальныхъ магазинахъ и по самой дешевой цѣнѣ.

ПИСЬМО ФЕТИСА СТАРШАГО О РУССКИХЪ КОМПОЗИТОРАХЪ.

Съ удовольствіемъ спѣшимъ передать нашимъ читателямъ мнѣніе о русскихъ композиторахъ знаменитаго музыкальнаго критика Фетиса, старшаго, изложенное имъ въ письмѣ къ редактору журнала *Révue et Gasette musicale.* Позвольте мнѣ обратить вниманіе вашихъ читателей, пишетъ Фетисъ, на событіе, заслуживающее ихъ участіе, а именно на перемѣну музыкальнаго положенія въ въ Россіи. Всѣмъ извѣстно, что несмотря на любовь къ этому искусству Двора и вообще высшаго круга, оно и въ Петербургѣ и въ Москвѣ составляетъ принадлежность какъ будто однихъ иностранцевъ; любимая музыка въ обѣихъ столицахъ итальянская, французская или нѣмецкая, и замѣчательные пѣвцы и му-

зыканты, почти всѣ пріѣзжіе. До-сихъ-поръ извѣстно намъ только имя одного Бортнянскаго, писавшаго прекрасную духовную музыку. А въ Петербургѣ однакожъ существуетъ опера на русскомъ языкѣ, и есть очень-хорошіе голоса, хотя и мало обработанные. Піесы, разыгрываемыя на этомъ театрѣ, всѣ вообще переведены или съ нѣмецкаго или съ французскаго; но какъ-бы ни были онѣ хорошо разыгрываемы. Высшій классъ публики не ѣздитъ въ русскую оперу и это равнодушіе есть одна изъ главныхъ причинъ, что въ Россіи до-сихъ-поръ мало національныхъ сочиненій по части музыки. Таже причина имѣла вредныя слѣдствія и въ Англіи.

Въ высшемъ русскомъ обществѣ однакожъ есть замѣчательные по своему таланту любители (des amateurs), которые съ ревностію покровительствуютъ искусству. Всѣ наши пѣвцы и музыканты, бывшіе въ Петербургѣ, знаютъ по опыту, съ какой благосклонностію принимаютъ артистовъ графъ Вьельгорскій и другіе вельможи, истинные музыканты и превосходные судьи. Съ нѣкотораго времени эти избранные любители предприняли устроить національную музыку въ Россіи, безо всѣхъ пособій иностранцевъ. Въ петербургѣ поговариваютъ о планѣ для музыкальной школы, подобной парижской и брюссельской консерваторіямъ. Въ числѣ этихъ любителей, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ генералъ Львовъ, извѣстный своей игрой на скрипкѣ и управляющій Придворной Пѣвческой Капеллой. Я не знаю его сочиненій, но, судя по отзывамъ журналовъ, онѣ должны имѣть много достоинства.

Но я болѣе имѣю свѣдѣній о М. А. Даргомыжскомъ, молодомъ сочинителѣ, сдѣлавшемъ мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ во-время его бытности въ Брюсселѣ; теперь онъ находится въ Парижѣ. Отличный піанистъ, онъ издалъ въ Петербургѣ нѣсколько вокальныхъ и иструментальныхъ сочиненій, имѣвшихъ большой успѣхъ; но болѣе всего меня заинтересовала и даже удивила своимъ достоинствомъ сочиненная имъ большая опера, на тему одной поэмы Виктора Гюго. Много оригинальности, чрезвычайная энергія, соединенныя съ пріятностью, съ мелодіей и наконецъ замѣчательное умѣнье согласовать голоса съ инструментами, вотъ что́ меня поразило въ партиціи о которой г-нъ Даргомыжскій желалъ знать мое мнѣніе. Ежели Россія въ будущемъ музыкальномъ образованіи своемъ будетъ управляема любителями съ такими-же истинными достоинствами, какъ этотъ молодой человѣкъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что тамъ скоро будетъ процвѣтать живое, дѣятельное искусство, независящее отъ иностранцевъ.»

Фетисъ, отецъ.

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ ВЪ 1844-МЪ ГОДУ.

Въ Académie Royale de musique дано было въ теченіе года 6 новыхъ піесъ.

На *Французскомъ-театрѣ* (Théâtre-français) — 9.

Въ *Комической оперѣ* — 9.

Въ *Одеонѣ* — 26.

На Театрѣ Vaudeville. — 26.

На Театрѣ Variétés — 27.

На Театрѣ Gymnase — 18.

На Театрѣ Palais-Royal — 22.

На Театрѣ Porte-Saint-Martin — 8.

На Театрѣ Gaïté — 10.

На Театрѣ Ambigu Comique — 7.

На Театрѣ Cirque Olympique — 2.

На Театрѣ Folies Dramatiques — 19.

На Театрѣ Délassemens-comiques — 29.

На Театрѣ Panthéon — 10.

На Театрѣ Beauumarchais — 24.

На Театрѣ Comte — 10.

Всего 262 новыхъ піесъ, изъ которыхъ 192 водевиля 209-ти авторовъ и 13 композиторовъ музыки.

Нашимъ читателямъ, вѣрно, любопытно будетъ пробѣжать полный списокъ всѣхъ поставщиковъ театральныхъ піесъ, работавшихъ въ теченіе 1844-го года:

Adrien (Louis) — (M.) — Ancelot (M.) — Ancelot (M-me) — Alboize — Albert — Anicet-Bourgeois — Anne (Theodore) — Antier (Benjamin) — Arnould — Arsène-Houssaye. — Arwers — Asselin — Augier (Emile) — Augier (Joanny) — Auvray.

Barrière (Théodore) — Bayard Bauchery — Banès (Jules-Renaud) — Beauplan (Amédée) — Bellevue — Bérardi — Bérat (Frédérie) — Belloy (le marquis) — Béraud — Bernand — Bernay (feu Camille) — Bonjour (Casimir) — Bonjour (Paul) — Bouché (Alexandre) — Bouchaurdy (Ioseph) — Boulé — Bourdois — Brizebarre (Edouard) — Brunswick — Buchère (Alphonse).

Carmouche — Chabot de Bouin — Chauffer (Edme) — Choquart — Clairville — Cogniard (frères) — Cocatrix (de Rouen) — Comberousse (Alexis) — Comte (Achille) — Commerson — Cordier (Jules) — Coralli — Couailhac (Louis) — Couailhac (Victor) — Cormon — Courcy (Frédéric).

Daldy — Damarin (Ed.) — Dartois (frères) — Daltenhein (M-me) — Davesne — Davrecourt — Dauvin — Dallart — Delabulaye — Delèris — Dennery — De Kock (Paul) — De Kock (Henri) — Deslandes — Desnoyers — (Charles) — Deligny — Deforges — Dinaux — Dumersan — Dutertre — Duport (Paul) — Duvert — Dumanoir

— Dupin (Henri) — Dupeuty (Ch.) — Durantin — Dupré — Dubois — Duguè — Duhomme (F.) — Duffaut — Dupperé (Moral) — Dugart (Louis).

Emile — Empis.

Ferdinand Laloua — Ferdinand de Villeneuve — Ferdinand Langlé — Fisquet — Follet-Nus — Touché (Paul) — Fontaine (Emile) — Fourquemont — Fournier.

Gabriel — Galoppe-d'Onquairre — Gombaux — Goubaud (Paul) — Grangé — Grimon (M-me Cornélie) Guillard (Léon) — Guénée (fils) — Guinot (Eugène).

Hachin (Edouard) — Herbaumont (Léon) — Henry — Honoré — Hostein — Hilbey (Constant).

Jaimo — Jautard — Jessé — Jouhaud — Jouslin de Lasalle.

Labiche — Labie — Labrousse — Lanthoine — Lardenois — Lavry (Charles) — Lauzanne — Laurent — Laurencin — Lajariette — Laya (Léon) — Léonard — Lemoine (Edouard) — Lefranc (Auguste) — Leroux (Hippolyte) — Lepeintre (jeune) — Lefèvre — Léonce — Lesguillon — Leuven (Ch.) — Léon D... — Leparmentier — Lépinay (M-me) — Lockroy — Lopez (Bernard) — Lozet — Longpré — Lucas (Hippolyte) — Lubize (Martin) — Lussigny.

Maillet — Marquaille — Marc-Michel — Maziller — Maurice — Mélesville — Menissier — Michel Masson — Michel Delaporte — Molèri — Monnais (Edouard) — Moreau.

Nyon (Eugène).

Pelletier (Maurice) — Perey (Charles) — Peupin (Alex.) — Philibert (Alfred) — Planard (de) — Poizard — Prémaray (Jules) — Pujol (père et fils).

Raimbault — Rauzet — Réné V... — Riquier-Adée — Rochefort — Rochemont (Isidore) — Royer (Alphonse).

Saint-Georges — Saint-Aguit (Maurice) — Saint-Amand — Saint-Hilaire (Vilam de) — Saint-Ernest — Saint-Laurent (feu) — Saintine Xavier) — Saint-Yves — Saint-Albin — Salvat — Santy — Sauvage (T.) — Sauvage (Elie) — Scio — Scribe — Séjour (Victor) — Simonin — Siraudin — Soulié Frédéric — Souvestre (Emile) — Soumet (Alexanre) — Sue (Eugène).

Thomas (F.).

Vacquerie — Vandeursen (M-lle) — Varin — Vernisy (de).

Wailly (Jules).

А вотъ и имена композиторовъ музыки:

Адамъ — Бульи — Бальфъ — Бургъ-Мюллеръ — Буланжо — Буске — Кадо (Cadaux Justin) — Дельдевезъ — Флоттовъ — Галеви — Монфоръ — Нидермейеръ и Тисъ.

Итого авторовъ и композиторовъ 209.

Въ теченіе 1844 года изъ авторовъ, композиторовъ, директеровъ театровъ и актеровъ умерли:

Авторы: Турнэ (Tournay) Пикаръ Графъ, де-Сельвъ (Selves) Гильберъ де-Пиксерикуръ Алиссанъ де-Шазе, Молльво.

Композиторы: Бертонъ.,
Актеры: Жюльенъ (Vaudeville), Деруверъ (то-же), Годà (Odéon) Компаньйоли (Opéra Italien).
Актрисы: Г-жа Пулье (Pouilley), Лемуанъ-Монтильи, Манжо (Menjaud), вдова Гонтье, Ганри, вдова Баройе, Ф. Валье, Поль-Мишю, Софи Дорсенъ, Лавриллеръ (Pauline), Марріетъ, Бельмонъ.
Директоры театровъ: Дюсисъ, бывшій директоръ театра: l'Opéra Comique. Серафинъ, директоръ дѣтскаго театра.

БЕРЛИНСКІЕ ТЕАТРЫ ВЪ 1844 ГОДУ.

Въ теченіе 1844 года на берлинской королевской сценѣ явились слѣдующія новости:

I. Три новыхъ нѣмецкихъ оперы: 1) *Der fliegende Holländer*, Вагнера; 2) *Мара* Нетцера и 3) *Силезскій лагерь* Мейербера.

II. Чужеземныхъ оперъ двѣ: 1. *Король Иветo* Адама 2. *Сирена* Обера.
Пріятно видѣть, что изъ пяти новыхъ оперъ большинство досталось на долю нѣмецкой музыки. Что́ касается до водевиля, то онъ въ этомъ году вовсе не являлся на сценѣ.

III. Балетъ то-же обогатился тремя новостями: 1. собственно балетъ: — *Островъ любви.* 2. Девертисементъ: *Влюбленный деревенскій портной*, и 3. Эпизодъ: *Путешествующая танцовщица.*

IV. Трагедій новыхъ дано было три. Двѣ изъ нихъ неоспоримо оригинальныя: *Sampiero* Гальма и *Moritz von Saxen*, Прутца. Третью-же, *Die letzte weisse Rose*, Куранды, нельзя назвать вполнѣ оригинальною, потому-что доказано уже, что она составлена вполнѣ по плану, оставшемуся въ бумагахъ Шиллера.

V. Отдѣлъ драмы въ этомъ году не пріобрѣлъ ничего оригинальнаго. Изъ семи вновь игранныхъ драмъ четыре были переводныя: *Christoph und Renata*, съ франц. Олуша, 2, *Пишелье* изъ Бульвера, пер. Браунфельса, 3. *Dornen und Lorbeer* съ франц. перев. Фридрихомъ и 4. *Doctor Robin*, съ франц. имъ-же.— А три остальныя передѣланы изъ романовъ: 1. *Die Bernsteinhexe* изъ Мейнхольда, перед. Лаубе; 2. *Mutter und Sohn* и 3, *Thomas Thyrnau* пере. Г-жою Бирхъ-Пфейферъ изъ романовъ Г-жи Бремеръ и Паальцовой.

VI. По особому поводу дана была драматическая сказка Людвига Тика: *Der gestiefelte Kater.*

VII. Въ числѣ комедій и шутокъ восемь новостей: изъ нихъ пять оригинальныхъ: *Der Steckbrief*, Бенедикса; *2 Alter schützt vor Thorheit nicht*, Ф. Веля; *3. Der verwunschene Prinz* Плетца; *4. Mein Herr Onkel*, Шмита, *5, Encyclopädist*, Фрюауфа. Три послѣднія съ французскаго: *1. Der verfogte Wittwer*, Вейдемана; *Balder und Sohn*, Эриха, и 3. *Er muss auf's Land* Фридриха.

VIII. Французская труппа была очень-прилежна: она дала 26 новостей.

IX. Вновь разучены и поставлены слѣдующія старыя піесы: Die Stricknadeln, Коцебу; 2. *Отелло* Шекспира; 3. *Синяя борода*, Гретри; 4. *Генрихъ IV-й* Шекспира; 5. Der zerbrochene Krug, Клейста; 6. *Тартюфъ* Мольера; 7. Die schelmiche Gräfin, Иммермана; 8. Der Schatzgräber, Тепфера; 9. Gebrüder Forster; Мегюля.

Вотъ вкратцѣ образъ дѣятельности берлинской королевской труппы, въ теченіе прошлаго года. Если взять притомъ въ соображеніе, что представленія ограничивались только королевскимъ драматическимъ театромъ и небольшою сценою Концертной-залы, то нельзя не сознаться, что дирекція прилежно и съ успѣхомъ заботилась о доставленіи удовольствія публикѣ.

X. Изъ замѣчательныхъ артистовъ-гостей являлись на берлинской сценѣ въ теченіе этого года слѣдующіе: I) Въ драмѣ: Г. Леве изъ Стутгарта; Г-жа Шарлота Бирхъ-Пфейферъ, изъ Цюриха; Г. Дерингъ изъ Ганновера, Г-да Бекманнъ и Эйхенвальдъ; оба съ Кенигштадтскаго театра. II) Въ оперѣ: Г-жа Шредеръ-Девріентъ, изъ Дрездена, Г. Пеллегрини, изъ Мюнхена; Г-жа *Марія Базино изъ Санктпетербурга.* (?) III) Въ балетѣ: Г-жа Луиза Вейссъ, воспитанница Academie royale de Paris и *Профессоръ* Рислей изъ Нью-йорка. IV) Чужеземные виртуозы: Жеромъ Гюломи, изъ С. Петербурга (?); братья Моральтъ, изъ Мюнхена и Ф. Прюмъ, изъ Брюсселя.

XI. Оставили здѣшнюю сцену слѣдующіе артисты: Изъ балетной труппы, Г-жа Вагонъ; изъ оперы, Г-жа Гринбаумъ и Г. Диттъ; трагикъ Г. Девріентъ.

XII. Дебютанты: въ драмѣ Г. Николисъ; въ оперѣ Г-жа Брексендорфъ.

XIII. Скончалась Г-жа Адольфина Нейманъ.

XIV. Вновъ ангажировано: въ оперу — Г-нъ Перистеръ, Г-жа Конрадъ, Г-нъ Краузе, Г-жа Пальмъ-Шпатцеръ, Г-жа Брексендорфъ, Г-жа Бургхардъ. — Въ драматическую труппу: Г. Хеннрихсъ, Г-жа Бирхъ-Пфейферъ, Г-нъ Гоппе.

XV. И въ заключеніе всего, 7-го декабря открытъ новый оперный театръ и новымъ произведеніемъ Мейербера, о которомъ упомянуто выше.

АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

А. Дюма, отдавая драму свою на театръ Variétés, условился съ директоромъ чтобы тотъ платилъ Дюма третью часть сбора, если этотъ сборъ будетъ простираться до 3000 франк. Разъ директоръ подходитъ на сценѣ къ Дюма и говоритъ съ лукаво-печальною миною: «Жаль, любезный другъ: только 30-ти су недостаетъ до полнаго сбора, а то вы получили-бы премію». Дюма не отвѣчая ни слова, ушелъ потихоньку со сцены, взялъ билетъ въ три франка, и возвратясь, сказалъ съ торжествомъ директору: «Теперь въ кассѣ 3001 франкъ, такъ потрудитесь-же завтра уплатить мнѣ 33 процента.

— Помѣщикъ N. оставилъ послѣ себя завѣщаніе, въ которомъ одинъ параграфъ гласилъ слѣдующее: «Двухъ пропавшихъ у меня быковъ завѣщаю, если они найдутся, сыну моему Петру, а если не найдутся, то моему управляющему».

— Разъ въ Прагскомъ театрѣ одна изъ зрительницъ сказала своей подругѣ: «Ну, право это несносно! сегодня я смотрю эту піесу ужъ въ пятый разъ и актеры все говорятъ одно и то-же!»

— Генрихъ Лаубе читалъ въ Лейпцигѣ прекрасную и чрезвычайно-интересную статью о Гёте и Шиллерѣ, въ которой между-прочимъ разсказываетъ: Я, вскорѣ послѣ смерти Гёте, слышалъ отъ его послѣдняго секретаря разсказъ, неоставившій во мнѣ малѣйшаго сомнѣнія о глубокомъ душевномъ сочувствіи Гёте съ Шиллеромъ. Я проѣзжалъ черезъ Веймаръ и секретарь этотъ показывалъ мнѣ всѣ мѣста, гдѣ жилъ и умеръ Гёте. Въ маленькой комнаткѣ и находящейся возлѣ нея каморкѣ все еще стояло и лежало такъ, какъ оставилъ Гёте. Горесть моего проводника была еще слишкомъ сильна и у него часто выступали на глазахъ слезы. Вдругъ я спросилъ его, правда-ли, что Гёте душевно любилъ Шиллера? — «Ахъ, отвѣчалъ онъ, глубоко тронутый: душою любилъ онъ его. Вотъ видите эту дверь въ

сильно? Это было въ послѣднія минуты его жизни — мы съ минуту на минуту ожидали его кончины — вдругъ онъ всталъ съ постели и явился на порогѣ этой комнаты. Онъ былъ въ горячкѣ и говорилъ: Зачѣмъ вы перерываете моего Шиллера, моего любимца! Зачѣмъ письма его валяются тамъ по полу! Итакъ его любезный Шиллеръ былъ съ нимъ и въ послѣднія его минуты.»

— Прелестная танцовщица M-lle Черито выходитъ за-мужъ за молодаго Артура Сенъ-Леона, также замѣчательнаго танцора и скрипача. По словамъ англійскихъ журналовъ, онъ крестился въ христіанскую вѣру (Сенъ-Леонъ Еврей). Отецъ его долгое время былъ придворнымъ танцмейстеромъ въ Стутгартѣ.

— Извѣстно, что Французскою Академіею назначена была премія въ 10,000 франковъ за лучшую трагедію или комедію въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, какая появится въ теченіе 10-ти лѣтъ, отъ 1834 до 1844 года. Оказывается, что въ это время не было написано ни одной 5-ти актной комедіи въ стихахъ и очень немного трагедій. Премія принадлежитъ Лукреціи Понсара.

— Тальбергъ пишетъ оперу: Die Burgruine. Либретто Лудвига Рельштаба. Опера эта поставлена будетъ въ Берлинѣ.

— При процессѣ, по поводу маленькой драмы Le mousquetaire, читано было публично письмо Скриба къ одной дамѣ, просившей у него либретто. Скрибъ говоритъ между-прочимъ: «Комическія оперы, а особенно тексты для большихъ оперъ, разстроили мнѣ совершенно грудь; я отказываюсь отъ этого рода навсегда; и если я буду работать, то только для Французскаго-театра или для Gymnase. Скрибу нѣтъ еще и пятидесяти лѣтъ; онъ чрезвычайно-богатъ и женился на молоденькой бѣдной дѣвушкѣ. Въ настоящее время онъ боленъ и едва можетъ говорить.

— Страстный меломанъ Ч., на представленіи Нормы, сидѣлъ въ галлереѣ, и, неистово аплодируя Віардо, нѣсколько разъ толкалъ своего сосѣда, купца съ осанистою бородою. Наконецъ, прелестная каватина «Senza nubi, esenza vel» увлекла его, и онъ, не помня ничего, схватилъ сосѣда своего за руку, и, сжавъ ее сильно, вскричалъ:

— Очаровательное мѣсто! чудное мѣсто!

— Ваша правда, отвѣчалъ простодушно купецъ, стараясь освободить свою руку отъ сильныхъ пожатій: мѣсто хорошо, но немножко безпокойно сосѣдствомъ.

Редакторъ *Межевичъ*.

РЕПЕРТУАРЪ

и

ПАНТЕОНЪ.

1845.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

Подписка принимается ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО:

Въ *С. Петербургѣ*, въ конторѣ *Репертуара и Пантеона*, состоящей при книжныхъ магазинахъ *М. Д. Ольхина*.

Въ *Москвѣ* въ книжныхъ магазинахъ *Свѣшникова* и *Базунова*.

Сверхъ-того въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта.

Цѣна за годовое изданіе »Репертуара и Пантеона«, состоящее изъ 12-ти книжекъ, 50-ти листовъ *Театральной Лѣтописи* и 12-ти приложеній —

ДЕСЯТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

За пересылку въ города и доставку на домъ прилагается

ПОЛТОРА РУБЛЯ СЕРЕБРОМЪ.

Печатать позволяется, 31-го января, 1845. Цензоръ А. Мехелинъ.